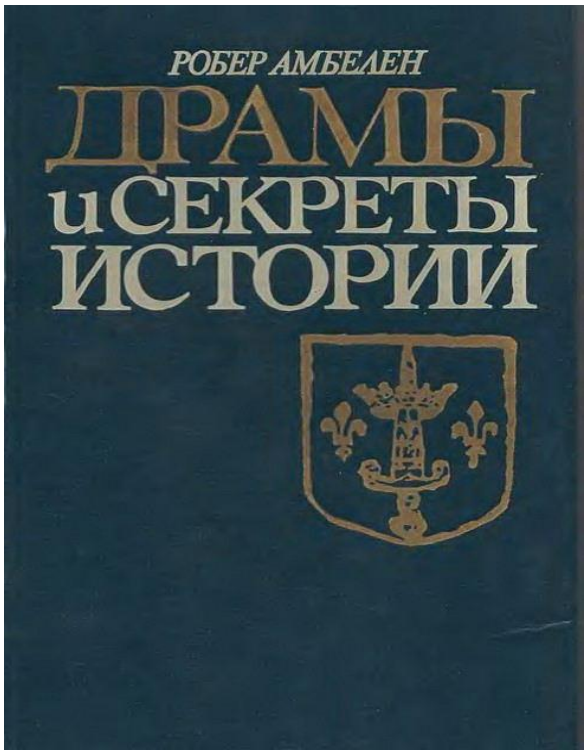
Робер Амбелен

Драмы и секреты истории, 1306-1643



Robert Ambelain, de l'Academie d'Histoire
DRAMES et SECRETS DE L'HISTOIRE
1306–1643

ÉDITIONS ROBERT LAFFONT

PARIS

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Впервые на русском языке публикуется одна из лучших работ Робера Амбелена, неутомимого исследователя и открывателя «черных и белых пятен» в истории Франции и других стран. Автор — член французской Академии истории. Его перу принадлежат и другие книги, не менее интересные, чем эта, и не менее популярные среди широкого круга читателей, например такие, как: *«Иисус, или Смертельный секрет тамплиеров»*[1], *«Тайная жизнь Святого Павла»*[2], *«Тяжкие секреты Голгофы»*[3], *«Вампиризм: от легенды к реальности»*[4], *«Церемонии и ритуалы в масонской символике»*[5] и, наконец, сразу же ставшая библиографической редкостью и получившая огромный резонанс монография — исторический детектив *«Преступления и секреты государства: 1785–1830»*[6].

Все книги Робера Амбелена выпущены парижским издательством «Робер Лаффон». У этого дуэта много страстных почитателей. Но есть и непримиримые враги: книги Р.Амбелена разоблачают фальсификаторов не только французской истории, выявляя тайные причины и далеко идущие цели тех, кто умышленно искажает историческую реальность Франции и других государств.

Несомненно, Р.Амбелен испытал благотворное влияние великого знатока человеческой души и человеческих поступков — Бальзака, который утверждал: «Существуют две истории: история официальная, которую преподают в школе, и *история секретная,* в которой скрыты истинные причины событий»[7]. Все книги Р.Амбелена, как видно даже из названий, преследуют главную цель: выявить подлинные причины, тайный механизм тех или иных событий и явлений во французской и всемирной истории. Не довольствуясь рассмотрением верхушки айсберга исторического прошлого, он страстно, неутомимо исследует его основу, скрытую в глубине темных вод Леты, а порой и в тайниках, где хранятся секретные документы, которые могут пролить свет на драмы и трагедии в истории народов мира.

Р.Амбелен по крупицам собирает эти документы и факты, с ювелирным искусством подвергает их тончайшему и глубочайшему анализу, будучи свободным от общепризнанных и на первый взгляд несокрушимых официальных версий, а также мифов, легенд, а то и просто лжи, касающихся тех или иных исторических событий или деятелей. Он не боится скандалов, он не боится шока, какими уже не раз сопровождалось появление его книг-расследований.

Предлагаемая вниманию читателей книга не является исключением. Опираясь на новые, ранее не публиковавшиеся документы, в том числе и архивные (например, из секретных фондов архивов Ватикана), автор дает свои, оригинальные версии многих весьма запутанных историй средневековой Франции.

Отголоски этих историй слышны и поныне, причем далеко за пределами этой страны.

Как пишется история

Жаку де Кабанн ла Полис, великому магистру Франции, товарищу по оружию Девственницы, моему далекому предку в память о его девизе: «Никому не уступай!», которым я руководствовался в написании этого труда.

История — это роман, который был; роман — это История, какой она могла бы быть…

Э. и Ж. Гонкуры. «Дневник»

Еженедельник «Минют» в № 954 от июля 1989 г. вновь вернулся к судебному делу, начатому в марте — мае 1979 г. Речь идет о расхищении национальных архивов, находящихся в Военном музее в Венсенне. Грабеж начался в декабре 1978 г., а возможно, и значительно раньше, примерно за 10 лет: один из обвиняемых говорил о документе, похищенном в 1972 г.

Дело, которое вел следователь Соре, касалось похищения 150 кг бесценных исторических документов, проданных затем по дешевке на парижском аукционе на ул. Друо.

Обвинения в краже были выдвинуты против одного из оценщиков. Три крупнейших парижских эксперта по документам наполеоновской эпохи и один хирург — мировое светило в области операций раковых опухолей — обвинялись в укрытии краденого. Один из экспертов, узнав о выдвинутых против него обвинениях, скончался. Еще один оценщик находится уже целый год под следствием по данному делу. И это еще не все. Создается впечатление, что правосудие метит куда выше…

Естественно, излишне добросовестный судья подвергся давлению. Сначала это были дружеские намеки, затем его попытались отстранить от следствия и, наконец, дали понять, что его награждение орденом Почетного Легиона может затянуться на весьма долгий срок. Дело в том, что национальные архивы в Венсенне находятся в невообразимом беспорядке: так, например, лишь треть документов имеет обязательный штамп «Архив Военного министерства». Процедура фотокопирования позволяет кому угодно украсть один или несколько документов. Один из похитителей имел даже собственный кабинет в святая святых этого архива.

Но сейчас, когда я пишу эти строки, круг расхитителей постоянно расширяется. Среди коллекционеров и в кулуарах зала на ул. Друо много говорят о неких экземплярах Кампоформийского мирного договора, подписанного 17 октября 1797 г. Бонапартом и представителем Австрии. Эти бумаги были якобы предложены для продажи одним государственным оценщиком. Однако они могли «исчезнуть» лишь из архива Министерства иностранных дел. В таком случае это не первая пропажа. Достаточно перечитать мою предыдущую книгу *«Преступления и секреты государства: 1785–1830»,* где на с. 267–274 рассказывается о постепенном исчезновении всех бумаг из знаменитого *«Красного досье»,* относящегося к делу Наундорфа, где упоминается, в частности, о перстне Людовика XVI, подаренном Наундорфом Жюлю Фавру[8], — и читатель сможет убедиться, что французские архивы расхищались и ранее.

Но есть архивные кражи, продиктованные не жаждой наживы или страстью коллекционера, а политическими или религиозными соображениями. И тогда воры виновны вдвойне, ибо они служат делу лжи.

Придя к власти в 1940 г., маршал Петен (о тайной роли которого в период, предшествовавший войне 1939–1945 гг., мы когда-нибудь напишем разоблачительную работу) уволил нескольких хранителей Национальной библиотеки и заменил их своими ставленниками. Речь идет о писателе Бернаре Фэе, специалисте по антисемитизму и антимасонству, и о воинствующем католике Рафаэле Лабержери, известном аналогичными настроениями.

Оба они были активными коллаборационистами, предавшими многих патриотов и награжденными *Орденом Франциски*[9].

Лабержери был казнен бойцами Сопротивления, а Фэй после освобождения был приговорен судом к пожизненной каторге.

Так вот, после ареста Фэя полицейскими у него на квартире в Париже, ул. Сен-Гийом, 21, туда прибыли бойцы ФФИ[10]. Они провели обыск и обнаружили личный архив Фэя, спрятанный среди книг его громадной библиотеки. В этих бумагах (они свидетельствуют о том, что Фэй интриговал против Абеля Боннара, собираясь занять его пост министра просвещения) оказались копии писем представителям нацистских властей и влиятельным лицам в правительстве Виши, где Фэй, чтобы склонить их на свою сторону, *предлагал в качестве подарков редкие документы из Национальной библиотеки, например рукописи.* «Хранитель» оказался обыкновенным вором…

При вручении подарков Фэй организовывал и концерты в большом зале Национальной библиотеки. Концерты, проходившие после закрытия библиотеки, давались в честь нацистских военных и гражданских властей. На них бывали руководители гестапо и

представители правительства Виши в оккупированной зоне, в частности Фернан де Брикон, расстрелянный в 1947 г.

Во время следствия, проходившего зимой 1944–1945 гг., члены Комитета освобождения Национальной библиотеки, руководимого одним из хранителей, рассказывали, что Фэй вывез к себе на квартиру, а также в монастырь в департаменте Валь де Луар огромное количество книг и документов из собрания библиотеки. Его заместитель Лабержери также похитил множество текстов, которые он считал опасными для «национальной революции» *и, главное, для католицизма.* По признанию «хранителя», было невозможно назвать точную цифру похищенных документов, так как составление такого списка требовало много времени.

Учитывая, что Лабержери руководил издательством, принадлежавшим *ордену св. Доминика*[11], находившимся тогда в верхней части предместья Сент-Оноре, там, где сейчас помещается резиденция местных отделений ордена доминиканцев, можно предположить, что похищенные им документы были переправлены в Ватикан, где они были изучены, частично уничтожены, а частично осели в знаменитых «подвалах» не менее знаменитой Ватиканской библиотеки.

В то же время другой помощник Фэя — Жан Маркес-Ривьер (которому удалось бежать в августе 1944 г. из Парижа при помощи подразделения вишистской милиции) занимался конфискацией архивов и специальных библиотек, принадлежащих различным масонским обществам, а также наиболее известным оккультистам.

Вся эта огромная масса исторических документов, относящихся к XVII–XX вв., была сначала сосредоточена в доме № 4 по бульвару Рапп в Париже, в здании, ранее принадлежавшем *Теософскому*[12] обществу и реквизированном Антимасонской службой режима Виши. После разграбления библиотеки и архивов Общества вишисты также наложили руку на его казну и авторские гонорары за книги, выходившие в *издательстве «Адьяр»,* принадлежавшем теософам. Из этого же здания поступили многочисленные приказы об аресте масонов, в частности опасного «президента капитула» по имени Луи-Клод де Сен-Мартэн. Впрочем, ему не грозил ни арест, ни ссылка: он умер 13 октября 1803 г.

Наиболее ценная часть архивов была вывезена нацистами в один замок в окрестностях Варшавы, находившийся в ведении Геринга. Когда туда пришли советские войска, архивы были вывезены в Россию. И все официальные просьбы французских властей о возвращении редких книг и манускриптов наталкивались на категорическое «нет». Делали вид, что о них ничего не известно.

Нелишне напомнить, что СССР придерживался такой же антимасонской и антисемитской ориентации, что и гитлеровская Германия или режим Виши. Известно, что начиная с 1929 г. целый ряд масонов, мартинистов и оккультистов окончили свою жизнь в советских лагерях.

Такая обстановка, способствующая уничтожению произведений человеческой мысли, существует и поныне. Конечно, масштабы изменились. Но, если этому помогут определенные политические перемены, будет нетрудно продолжить «чистку» национальных архивов. Так называемые студенты учебного Центра Жюсье, невежественные бездари, убедительно доказали это, когда сожгли библиотеку Центра. Однако есть и более тонкие методы сокрытия истины. Вскоре после выхода в свет моей книги «Преступления и секреты государства: 1785–1830» г-жа Брошерье, вдова генерального прокурора, скончавшегося в феврале 1980 г., рассказала мне, каких трудов стоило еесупругу познакомиться с документами по одному из судебных дел и сколько ему при этом умышленно чинили *препятствий* в архиве Министерства юстиции. Причина: *не следует более говорить* о гнусном убийстве невиновного человека на гильотине, убийстве, преследовавшем цель скрыть темные делишки Людовика XVIII и его верного сообщника Деказа.

Большинство моих читателей знает о существовании давнего спора (он тянется уже три четверти века, и к нему мы вернемся в одной из глав данной книги) между теми, кто считает,

что Жанна д'Арк была крестьянкой, которой являлся Господь и святые духи (что не соответствует истине), и сторонниками версии, по которой Жанна родилась от внебрачной связи Людовика, герцога Орлеанского и Изабеллы Баварской; что благодаря своему королевскому происхождению она избежала сожжения на костре и впоследствии стала бездетной супругой Робера дез Армуаза, рыцаря и сеньора Тишемона.

Естественно, для того чтобы вести этот спор объективно, надо использовать аргументы, основывающиеся на подлинных документах. Итак, мы увидим, как в течение приблизительно 100 лет постепенно исчезают, по мере их извлечения из средневековых архивов, некоторые документы, идущие слишком уж вразрез с официальной версией.

Так, например, исчезли некоторые тома *«Счетов Орлеанской крепости»;* некоторые документы, подтверждающие, что по приказу Карла Орлеанского город Блуа выплатил некую сумму Жанне в качестве приданого; исчез брачный контракт Жанны со своим супругом и т. д. Все эти документы видели достойные люди, вполне заслуживающие доверия, и все документы таинственным образом исчезли к великой радости защитников традиционной точки зрения.

В то же время для поддержки этой версии были сфабрикованы документы *совершенно апокрифические*[13] *в худшем смысле этого слова.* Мы продемонстрируем читателю последний образчик такого свойства. Речь идет о подделке, изготовленной Дамьеном Грегуаром, кюре Симье, озаглавленной «Последнее письмо епископа Пьера Кошона, судьи Жанны», опубликованной в 1977 г. и снабженной предисловием мадемуазель Режин Перну. При внимательном чтении предисловия можно обнаружить признание, что речь идет о подделке. Провинциальные католические газеты называют эту вещь «плодом архивных изысканий». Однако пресловутое письмо Пьера Кошона, воспроизведенное в моей книге, существует лишь в воображении Дамьена Грегуара, и напрасно стали бы его искать в Национальном архиве, Национальной библиотеке, библиотеке Ватикана или в Великобритании.

Подчас историки подвергаются также материальному или моральному давлению, которое вынуждает их подчиниться высокопоставленным и влиятельным чиновникам. Один из самых известных исследователей Андре Кастело имел смелость (и какую смелость, по тем временам!) издать в 1952 г. книгу Жана Гримо «Сожгли ли Жанну д'Арк?» (издательство «Амио-Дюмон» в Париже). Когда в 1970 г. Жерар Песм, сторонник версии Гримо, вернулся в разговоре с ним к этому вопросу, тот ответил: «Я полностью согласен с Вами, но мне запретили об этом говорить». Аналогичным образом и католический историк, почетный гражданин Ватикана и друг папы Пия XI Эдуард Шнайдер, нашедший в секретных архивах Ватикана документы из *Книги Пуатье,* подтверждающие королевское происхождение Жанны, был вынужден опровергнуть сообщения об этой находке, написанные *его собственной рукой.* Однако к посрамлению фальсификаторов истории его письма и свидетельства существуют, *и я их привожу в конце этой книги.*

В других случаях делается искаженный перевод произведений авторов, писавших на латыни. На этом специализируются отцы иезуиты. Как заявил один из них, О. Жювеней: «Интерпретация авторов должна делаться *таким образом,* чтобы все они, даже будучи невеждами, представали провозвестниками Христа». Можно, например, не упомянуть о каком-либо слишком красноречивом отрывке, то есть солгать простым «умолчанием», что является грехом простительным. Или иногда прибегнуть к прямым оскорблениям, как это делает упомянутая Режин Перну в своей книге «Жанна перед Кошонами»[14], когда характеристики, которые она дает историкам, не согласным с ее точкой зрения, весьма напоминают стиль неистового Леона Доде, исключая, увы, его талант!

Дело может зайти и дальше оскорблений. Наш прекрасный и мужественный коллега Жерар Песм имел неосторожность прибыть на семинар, посвященный Жанне д'Арк, состоявшийся в Орлеане в октябре 1979 г., и продемонстрировать монсеньору Пьеру Маро, почетному директору Национальной школы Хартий, члену Института и председателю (вместе

с Режин Перну) семинара фотокопию одного документа XV в., имевшего непосредственное отношение к дискуссии и *находящегося в Национальной библиотеке.* Его тотчас же окружила толпа разъяренных ортодоксов, которые пытались заткнуть рот *80-летнему старцу*, применяя выражения весьма резкие и недвусмысленные. Что касается монсеньора Маро, он лишь громогласно заявил, что документ поддельный и он категорически отказывается его рассматривать.

А по окончании «семинара» он же повернулся к Жерару Песму и смущенно прошептал: «Вы честный человек, господин Песм…»

Очень грустно приводить в этой книге подобные примеры нетерпимости, напоминающие мрачные дни, которые люди могли (и могут еще сегодня) переживать при тоталитарных режимах, какими бы они ни были «черными» или «красными». Но это должно быть сказано во имя тех, в чьем сердце жива еще любовь к правде, живо чувство достоинства свободного человека.

Президент США Франклин Д.Рузвельт однажды сказал, что книги — это путеводные огни цивилизации. Впрочем, нужно еще, чтобы их не пускали под нож…

Когда я читал корректуру этой книги, служба документации издательства «Робер Лаффон» сообщила о новой пропаже.

Исчезла плита, которая веками находилась в аббатстве Сен-Дени. На ней были изображены доспехи Жанны д'Арк и ее боевой топор, а также надпись: «Вот как выглядели доспехи Жанны, принесенные ею в дар Господину Святому Дени». На изображении можно было разглядеть букву «Ж» на лезвии топора, а над ней корону принцев крови…

Традиционные фальсификаторы истории и здесь приложили Руку.

Успокоим наших читателей. Мы воспроизводим это изображение в данной книге и даем увеличенное изображение инициала и короны, ибо к несчастью бессовестных ортодоксов существуют многочисленные снимки плиты. Она датируется временем Франциска I, правнука Людовика Орлеанского, то есть правнучатого племянника Девственницы. А он прекрасно знал, кем являлась Жанна, что и объясняет присутствие короны…

Р. Амбелен 22.10.1980 г.

1

Секрет Филиппа Красивого: овладеть троном «Священной Римской империи» и сделать его наследственным

Мы, всегда желая следовать разуму…

Филипп IV Красивый (Из письма королю Англии от 1 сентября 1286 г.)

В конце XII в. во Франции, и прежде всего в Париже, обосновалось большое количество торговцев — выходцев из Ломбардии, которые открыли здесь свои конторы. Поэтому в средние века все ростовщики и процентщики получили собирательное имя *«ломбардцы».* К ним присоединились дельцы французского происхождения и, как и первые, обосновались на одной из парижских улиц, которая вскоре и стала называться «Улицей ломбардцев».

Название за улицей сохранилось. Более того, на расположенной рядом с ней улице Кенкампуа в 1716 г. шотландец по имени Джон Лоу, сын богатого ювелира и будущий близкий друг регента Филиппа Орлеанского, открыл частный банк, который впоследствии стал причиной знаменитого скандала. Шотландец сделался маркизом де Лористоном и Генеральным контролером финансов. А закончил он свои дни в Венеции в крайней нищете. Как видно, существуют местности, несущие на себе какую-то печать рока[15].

К процентщикам-ломбардцам присоединились евреи, промышлявшие тем же ремеслом. Поскольку евреям запрещалось владеть землей, они не могли заниматься ни земледелием, ни

скотоводством. Различные же ремесла развивались в рамках так называемых *корпораций.* Для того чтобы стать мастером в одной из них, надо было быть в свою очередь сыном мастера-ремесленника, то есть эти профессии наследовались. Таким образом, большая часть ремесленных профессий была для евреев закрыта, так как цеховые организации, дублировавшие корпорации, не принимали их в свои члены. Евреям оставались профессии старьевщиков, перекупщиков, ювелиров и, конечно, процентщиков. Всеми другими ремеслами они могли заниматься лишь внутри гетто, в своей еврейской общине.

Поэтому, когда в 1306 г. Филипп Красивый решил обрушить санкции на ростовщическую деятельность ломбардцев, беззастенчиво конфискуя при этом их имущество, он распространил свои репрессии и на евреев и изгнал их из Франции.

Население, среди которого было много тех, кто являлся должником *ломбардцев* и ростовщиков-евреев, встретило эти драконовские методы с энтузиазмом.

15 мая 1307 г. Филипп Красивый встретился в Пуатье со своим ставленником папой римским Климентом V. На этой встрече король впервые выдвинул обвинения против ордена тамплиеров. Продолжение этого события известно всем. Разгромив орден, король конфисковал его огромные богатства. Во-первых, после захвата 13 октября 1307 г. старой крепости тамплиеров король повелел перенести в ее главную башню государственную казну и объединить ее с деньгами ордена, назвать общую сумму которых не представляется возможным. Известно, однако, что к этим средствам добавилось более 200 тыс. ливров, в том числе 60 тыс. ливров, поступивших в качестве судебных издержек по процессу тамплиеров.

Таким образом, к сокровищам, конфискованным у ломбардцев и ростовщиков-евреев, добавились деньги тамплиеров, захваченные в крепости Тампль в Париже и в провинциальных командорствах.

Сюда следует присовокупить и другие значительные денежные поступления. А именно:.

1) деньги, поступившие от распродажи запасов зерна, движимого имущества и сельскохозяйственного инвентаря, принадлежавшего командорствам и отделениям ордена;

2) деньги, поступившие от продажи драгоценной утвари тамплиеров, изделий из золота и серебра, украшенных драгоценными камнями и представлявших огромную ценность;

3) доходы за *5* лет от их недвижимого имущества, находившегося на территории Франции, включая арендную плату и ренту;

4) 200 тыс. ливров, принадлежавших ордену госпитальеров[16] св. Иоанна Иерусалимского и находившихся, как считается, в башне Тампля, которые госпитальеры так никогда и не получили;

5) уже упомянутые 60 тыс. ливров судебных издержек по процессу тамплиеров;

6) 500 тыс. франков, которые орден одолжил Филиппу на свадьбу его сестры Бланки;

7) 200 тыс. флоринов, одолженные Филиппу казначеем тамплиеров без ведома Великого магистра (казначей был за это изгнан из ордена);

8) 2500 ливров, полученные королем в 1297 г. под его гарантии на организацию крестового похода, который так и не состоялся. Естественно, суммы, перечисленные в пп. 6, 7 и 8, следует записать в приход непосредственно королю;

9) вся сумма платежей по многочисленным векселям ордену, которые были выплачены королю Филиппу;

10) супруга короля Жанна Наваррская, а также его дети Людовик, Филипп и Карл были должны ордену весьма значительные суммы. Они никогда не были возмещены, и их тоже следует включить в актив короля;

11) брат короля Карл Валуа получил из казны тамплиеров деньги, которые, по его утверждению, они были ему должны.

За этими ловкими операциями короля последовало дело бургундских принцесс, о котором речь впереди.

В 1307 г. Жанна Бургундская вышла замуж за Филиппа, будущего короля Филиппа V Длинного, сына Филиппа IV. Ее сестра Бланка в 1308 г. вышла замуж за принца Карла, будущего короля Карла IV Красивого. А их кузина Маргарита значительно раньше, в 1305 г., стала женой будущего Людовика X Сварливого, старшего сына короля. Однако в 1314 г. разразилось знаменитое «дело Нельской башни», которое мы детально рассмотрим в одной из последующих глав. Все три принцессы были обриты наголо и заточены в тюрьму после того, как их заставили присутствовать при казни их любовников. В том же 1314 г. на острове Ситэ были сожжены на костре Великий магистр тамплиеров и приор Нормандии. А 29 ноября того же года сам Филипп Красивый предстал перед судом Всевышнего. Папа Климент V, скончавшийся 9 апреля, ненадолго его опередил. Таким образом, проклятие[17] тамплиеров исполнилось.

Но «дело Нельской башни» имело и финансовую сторону, ибо, приговорив своих невесток к тюремному заключению за супружескую измену и прелюбодеяния, позорные по понятиям той эпохи, король тем самым освободил себя от обязанности возмещать как деньги, так и земли, полученные за них в приданое. Маргарита Бургундская принесла своему мужу Людовику Сварливому, тогда еще королю Наваррскому, 15 тыс. ливров приданого, а за ее сестрой Жанной граф Пуатье, будущий король Филипп V Длинный, получил графство Бургундское, или Франш-Конте. В случае повторной женитьбы своих сыновей Филипп Красивый мог бы пополнить свои сундуки приданым за трех принцесс. Великолепная операция для королевских финансов, которая удалась лишь наполовину, так как Филипп Длинный поверил в невиновность своей супруги и через год вернул ее к себе.

Однако встает вопрос: на какие цели предполагалось использовать эти громадные средства?

К тому же одновременно снижалось золотое содержание монеты, что в те времена рассматривалось как настоящее мошенничество. К этому в один прекрасный день добавилась конфискация церковных доходов, приравнивавшаяся к святотатству и послужившая причиной крупного конфликта между королем и папой, закончившегося переводом папского престола в Авиньон. При этом уже в течение 11 лет Франция поддерживала мир с соседями, и этот грабеж нельзя объяснить военной необходимостью. Однако причина должна быть, так как королевская казна остается «пустой, как и раньше», и, по выражению отца Манке, «подобно бочке данаид[18], сундуки короля постоянно опустошались, как бы их ни наполняли…»

Конечно, после смерти Филиппа были удовлетворены претензии ордена иоаннитов. Однако при его жизни финансовые дела обстояли так, как мы это описали.

Подобную страсть к накопительству любыми средствами можно объяснить лишь честолюбивыми проектами, которые одолевали короля. Речь идет о «Священной Римской империи» (ее полное название «Священная Римская империя германской нации»), к истории которой мы теперь и переходим.

Ее основал в 962 г. Оттон Великий (912–973 гг.). Он был коронован в Аахене (936 г.) как король Германии, ив Павии (951 г.) — как король Италии. А 2 февраля 962 г. папа Иоанн XII возложил на него в Риме императорский венец. В следующем году Оттон сместил папу за преступления, дебоши, симонию[19] и богохульство (однажды во время оргии Иоанн XII провозгласил тост за здоровье дьявола!). Через год Оттон сместил и Бенедикта V, преемника Иоанна XII.

У нас мало сведений относительно мотивов этой акции. В действительности папа по неизвестным причинам подстрекал жителей Рима восстать против императора, который в свою очередь стал бороться с папами.

«Священная Римская империя германской нации» прекратила свое существование с отречением в 1806 г. Франца II — императора австрийского (племянника королевы Марии-Антуанетты). В результате наполеоновских войн была создана Рейнская конфедерация (Парижский договор, 12 июля 1806 г.) из 39 германских княжеств, которые плясали под дудку Наполеона I.

Но во время своего существования «Священная Римская империя» обладала громадным влиянием. Не будем забывать, что вплоть до начала XIV в. современные пограничные провинции Франции — Фландрия, Шампань, Лотарингия, Эльзас, Бургундия, Дофине, Прованс — находились в сильной зависимости от «Священной Римской империи», так как имели вассальные обязательства по отношению к ней. Поэтому в империи существовало свое *наследственное* дворянство (титул передавался и по женской линии) и не действовало так называемое салическое право[20]. На протяжении всей своей истории империя была выборной монархией. Неограниченное вначале количество *электоров*[21] было сокращено в XIII в. до семи: архиепископы Майнцкий, Трирский и Кёльнский, король Богемии, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонский и маркграф Бранденбургский. Окончательно этот состав электоров был утвержден в 1356 г. в знаменитой *Золотой булле* Карла IV. А теперь вернемся к Филиппу IV Красивому.

Германский император Альбрехт I (1250–1308) добился короны в 1298 г. после того, как он разбил при Гельхейме и убил своего соперника Адольфа Нассауского. Но против него выступили князья Тюрингии и Богемии, а также Швейцарские кантоны, и он в свою очередь был убит своим племянником Иоганном Австрийским, князем Швабским.

Таким образом, в 1309 г. императорский трон оставался вакантным. И Филипп Красивый, овладев империей, легко воспользовался старым феодальным правом ленной зависимости, решив присоединить пограничные районы современной Франции, зависимые от империи, к королевским владениям.

Известна фраза, которую приписывают ему многие историки: «Мы, которые хотим *округлить* наши владения…»

Для этого Филипп решил попытаться возвести на императорский престол своего брата Карла Валуа (1270–1325).

Сын Филиппа III Смелого и Изабеллы Арагонской, младший брат Филиппа Красивого, Карл, которого вначале папа римский провозгласил королем Арагона, был вынужден отказаться от этого титула в 1295 г. Будучи графом Валуа и Алансона, он, посредством брака с Маргаритой Анжуйской, стал также графом Мэнским и Першским, а в 1301 г. в результате женитьбы на Катрин де Куртене получил еще и формальный «титул» императора Константинополя. Наконец, благодаря третьему браку с Маго де Шатийон-Сен-Поль, Карл получил от папы Бонифация VIII титул графа Романьи.

Проникнутый духом рыцарства, любитель длительных скачек и рукопашных схваток, но хороший полководец — Карл был создан скорее для битв и турниров, нежели для политики.

Это вполне устраивало Филиппа Красивого, который надеялся (учитывая, что его брат, кругозор которого не выходил за рамки непосредственных интересов его дома, не интересовался политическими тонкостями) стать хозяином «Священной Римской империи».

Во время переговоров, происходивших в 1304 и 1305 гг. в Бордо между Бертраном де Готон, будущим папой Климентом V и представителями Филиппа Красивого, был поднят вопрос о «Священной Римской империи», которой Филипп живо интересовался. В архивных документах, приводимых Лаббе, есть следующий текст на латыни: «Conradus vicerius regia spes ali dissimulante augerique…» («викарий Конрад тайно питает надежду на трон»), ясно говорящий о сокровенных честолюбивых планах Филиппа Красивого. В июне 1308 г. во время знаменитого свидания в Пуатье король пытался понять настроение папы, который, очевидно

под влиянием советов кардинала Николя де Прато, поддержал надежды Филиппа, *но лишь для виду.*

Письмо декана Священного колледжа, направленное в июле 1308 г. электору — архиепископу Кёльнскому, кажется, подтверждает, что Климент V собирался лишь для проформы поддерживать кандидатуру Карла Валуа.

Вот несколько выдержек из этого письма:

«Римская церковь и Святой отец надеются вновь отвоевать Святую землю. Никто, кроме знаменитого графа де Валуа и д'Анжу, не сможет довести до победного конца это предприятие. Сей честный, отважный и рассудительный принц, пользующийся поддержкой своего могучего и знаменитого брата, короля Франции, был избран королем римлян…»

Намек, очевидно, достаточно прозрачный. И вот продолжение:

«Мы представляем эти соображения на ваш суд и просим вас отдать свой голос этому графу» (письмо кардинала Раймонда электору — архиепискому Кёльнскому, писано в Пуатье в июле 1308 г. по поводу вакансии императорского трона «Священной Римской империи германской нации»).

Один из доверенных людей короля Филиппа IV, легист Пьер Дюбуа, представил королю на этот предмет конфиденциальную записку. Он рекомендует Филиппу короноваться императором «Священной Римской империи» при помощи Климента V в обход своего брата Карла Валуа, мысли которого слишком далеки от понимания тонкостей реальной политики. Управление такой империей (почти вся Западная Европа) требует другого человека, а не «завсегдатая турниров», проникнутого рыцарской романтикой.

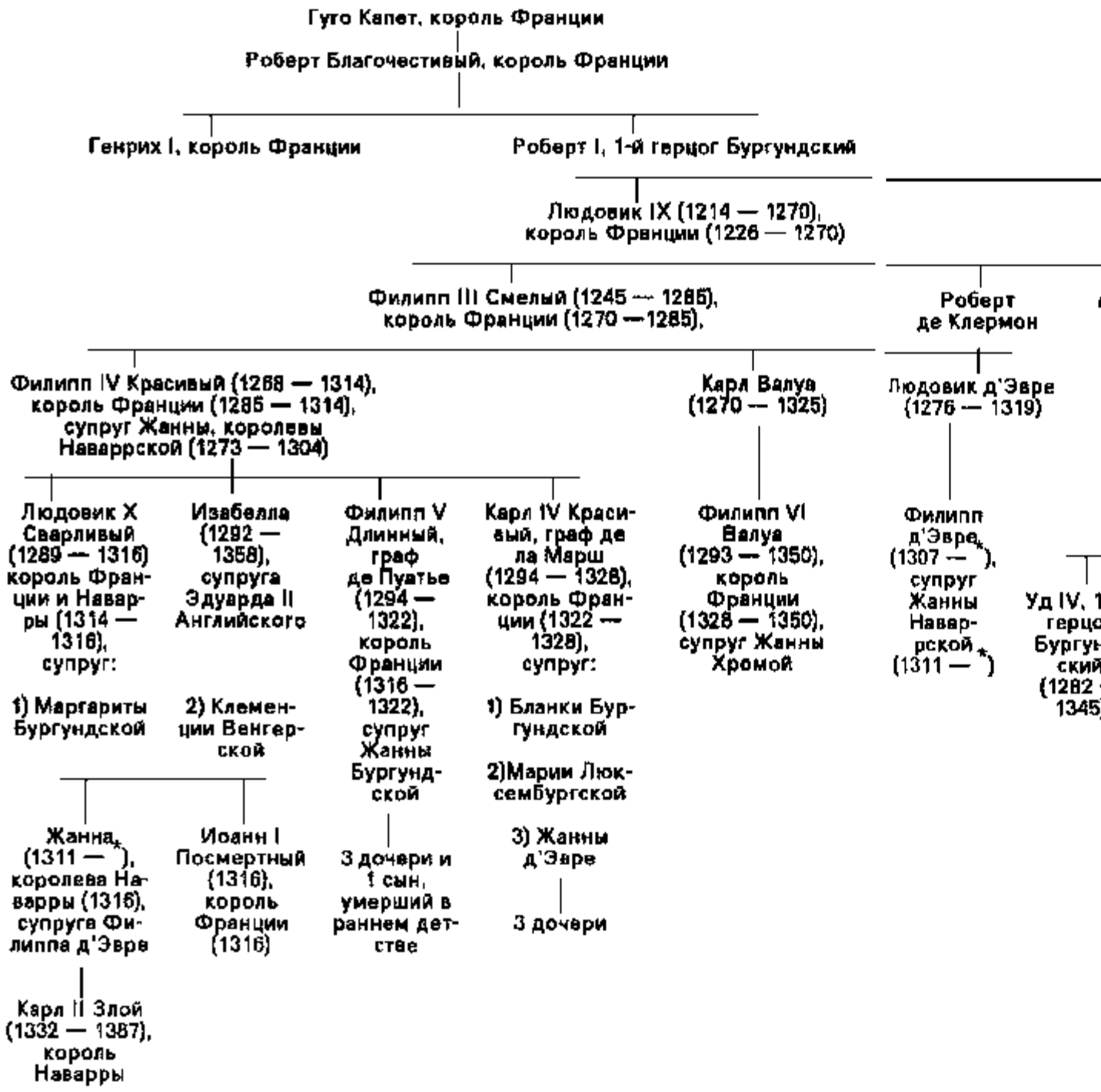
Хотя папу с этим документом не ознакомили, Климент V, располагая сетью осведомителей во дворце, несомненно, скоро узнал о новых намерениях короля Франции. В окружении папы прекрасно представляли истинный характер Филиппа Красивого, помнили и об Аньяни, и о пощечине Ногарэ папе Бонифацию VIII[22]. Честолюбивые мечты и стремления короля не составляли тайны, поскольку кардинал Николя де Прато знал его лучше, чем кто бы то ни было. Недаром упомянутый викарий Конрад назвал Филиппа «алчным принцем» (princeps cupidus).

Легист Дюбуа, набивший руку на подкупе, буржуа и дворян, был твердо уверен, что сможет подкупить электоров «Священной Римской империи». Но для этого требовались деньги, много денег.

Можно было бы без труда договориться с епископами Цельна, Майнца и Трира. У них были большие расходы, к тому же алчность и продажность церковнослужителей ни для кого не составляли секрета. Сложнее обстояло дело с королем Богемии. Он не был продажным и в деньгах в тот момент не нуждался. Еще большие трудности ждали в Саксонии, так как представители двух ветвей царствующего дома принцы Сакс-Лауенбург и Сакс-Виттенберг оспаривали друг у друга право быть выборщиками. Таким образом, необходимо было платить обоим. Что касается маркграфа Бранденбургского, подкупить его, наверное, было бы нетрудно. Действительно, принцы этого дома предпринимали вот уже в течение почти 200 лет попытки заполучить территории к востоку от Одера, Шпрее и Эльбы. Для того чтобы захватить и удержать эти земли, требовались войска, а наемники, как известно, надежны лишь тогда, когда им регулярно платят.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕВСКИХ ДИНАСТИЙ КАПЕТИНГОВ И ВАЛУА

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕВСКИ



*Звездочкой отмечены не указанные автором даты смерти представителей названных династий. — *Прим. ред.*

Другая памятная записка легиста Дюбуа подтверждает, что Филипп IV, подстрекаемый своими советниками, далеко продвинулся в разработке этого проекта: «При настоящем положении вещей кажется, что, если бы король имел на своей стороне добрую волю папы и кардиналов, он мог бы получить „Священную Римскую империю" *для себя и своих наследников.*

Если бы папа приостановил права электоров и пригласил их письмом, скрепленным печатью (дабы не задеть их честь), прибыть на Совет, где бы речь зашла о Святой земле, и сказал бы им: „Если мы возжелаем, мы можем отнять у вас право избрания, ибо вы слишком часто им злоупотребляли. Когда император Константинополя отказался защищать церковь, хотя его об этом неоднократно просили, греки передали Римскую державу в руки Карла Великого. Тогда же вы получили право избирать защитника церкви. Однако вы уже не раз делали достойный сожаления выбор, когда императоры не только не защищали церковь, но и сами на нее нападали. Вы виновны в том, что если и не содействовали сами такому выбору, то и не препятствовали ему. И это соперничество честолюбивых устремлений нанесло громадный ущерб церкви, „Священной Римской империи", Святой земле и христианству. Посему мы можем отнять у вас право избрания даже против вашей воли. Мы предпочитаем воззвать к вашему рассудку. Мы желаем, чтобы вы избрали *пожизненного наследственного императора,* который поведет вас в Святую землю"».

Как мы видим, этот презренный (с точки зрения рыцарей той эпохи) крючкотвор не только не постеснялся обнародовать тайные мысли своего господина, но и выстроил их в четкой логической последовательности. Таким образом, «Священная Римская империя» не только должна была стать собственностью короля Франции, но и передаваться им по наследству. Продолжим цитировать. Теперь речь пойдет о подкупе электоров: «Мы дадим каждому из вас графство, или даже два, если одного не хватит. Для вас и ваших наследников это будет выгоднее, чем обладание правом избрания. Каждому из вас мы также дадим примерно 100 или 200 тыс. ливров на ваши нужды и на оплату ваших войск, идущих в Святую землю. *Эти деньги будут взяты из доходов германских церквей.*

Король получит от папы все имущество церкви, за исключением дворцов и обителей. Взамен этого папа будет получать денежную ренту, равную сумме его годовых доходов от этих земель. Таким образом, король получает право сюзерена по отношению ко всем королям и принцам, которые до сих пор считались вассалами папы.

Весьма вероятно, что электоры примут это предложение. Тогда положение императора в Ломбардии, Генуе и Венеции окажется значительно прочнее, чем это было при королях германских. Тогда король примет присягу германских земель и с огромным войском двинется в Святую землю *посуху* (sicce pede), как проделали этот путь Карл Великий и Фридрих. И знатные рыцари с их могучей кавалерией прибудут на Восток, не испытав тягот морского пути. Те же из жителей приморских краев, лежащих между Грецией и Испанией, кто пожелает плыть морем, соберутся на острове Кипр. Кто-то может сказать, что королю будет не под силу управлять одновременно империей и собственным королевством из-за войн, которые постоянно вспыхивают в Германии. Но он ведь может скрепить мир между христианскими государями, обещая каждому защиту по его праву.

Так будет покончено с войнами и гордыней генуэзцев, венецианцев, ломбардцев, тосканцев и всех, наживающихся на торговле. Так император возьмет под свою опеку всех христиан, верных Римской церкви. Так Германия, страдающая от избытка населения, переместит его излишки в Грецию и в Святую землю. Следует еще сказать, что, если Святая земля будет завоевана, ее не удержать и не колонизировать без привлечения большого количества людей, которых невозможно перевезти морем. Поэтому они должны будут идти через Германию, Венгрию и Грецию по надежным, проторенным дорогам, где им легко будет

снабжаться. Продвигаясь этим путем без спешки, крестоносцы прибудут в Палестину сильные и здоровые, чего никогда не произошло бы, если бы им пришлось переносить тяготы морского пути».

Мы сократили этот документ, опустив различные географические подробности, чтобы не утомлять читателя.

Очевидно, что данный текст, в котором Пьер Дюбуа ограничивается изложением «возможных вариантов», рассматриваемых во время его бесед с Филиппом Красивым, отражает намерения и чаяния короля. Историку становится ясно, что Филипп планировал отвоевать Святую землю (не зря же он был внуком Людовика Святого и правнуком Бланки Кастильской). Один из трех его сыновей стал бы новым королем Иерусалимским и получил бы все огромные богатства, принадлежавшие тамплиерам в Палестине.

Таким образом, как только 11 июня 1308 г. весть об убийстве императора Альбрехта I достигла Парижа, король уполномочил своих легистов Жерара де Лендри, Пьера Баррьера и Гуго де ла Селя начать подкуп электоров. На первую операцию ассигновывалась сумма в 105 тыс. турских ливров. И спустя три дня, 13 июня, появилась расписка в ее получении, подписанная: Карл, сын короля Франции, граф Валуа, Аленсон, Шартр и Анжу (опубликована в Академии Надписей: «Заметки и выдержки из рукописей», т. XX, № XXXIII).

Как уже говорилось, Климент V очень скоро получил сведения о том, что ему подготовил Филипп IV. И вновь для переговоров с электорами назначается кардинал де Прато, который *предлагает им кандидатуру* Генриха Люксембургского. Все это производилось в обстановке большой секретности. Архиепископы Трирский и Майнцкий привлекли на сторону этого кандидата еще несколько электоров, и 27 ноября 1308 г. (по юлианскому календарю, а по григорианскому — 8 декабря) Генрих VII граф Люксембургский, «около сорока лет от роду, красноречивый и незаурядный, роста среднего, немного косящий, храбрый рыцарь, осторожный и верный», был избран во Франкфурте королем римлян. На следующий год он был коронован в Риме как император «Священной Римской империи». Он присоединил к империи Богемию и отдал ее своему сыну. Умер Генрих VII в Сиенне в 1313 г.

Таким образом, несмотря на изощренные маневры Филиппа IV и его легистов, несмотря на подкуп и запугивание, ему во второй раз не удалось завладеть империей. Третьей попытке помешала смерть Филиппа в 1314 г.

И естественно, возникает последний вопрос: а что же случилось с огромными богатствами, собранными для этой цели?

Помимо земельных владений, полученных способами, которые мы проанализировали, существовали еще огромные богатства в деньгах и драгоценностях. Эти сокровища «железного короля» хранились в большой башне крепости Тампль в Париже. И оставались там недолго.

Еще у смертного одра Филиппа Красивого стало ясно, что теперь королевскими финансами будет распоряжаться Карл Валуа. И Ангерран де Мариньи, суперинтендант Филиппа, принял свои меры предосторожности.

Прежде всего он привел в порядок всю отчетность, скрупулезно подшивая все векселя, которые пришлось оплатить, отмечая все задолженности, не поступившие в казну. В результате оставшаяся сумма оказалась не такой уж значительной.

Правильным ли был отчет? Этого с уверенностью сказать невозможно, так как мы не располагаем бухгалтерскими документами. Карл Валуа обвинил Мариньи во взяточничестве, хищениях и растрате государственных средств. Крупные сеньоры его поддержали, и Мариньи был приговорен к смерти. Его вздернули на виселице Монфокона 30 апреля 1315 г. (11 мая по григорианскому календарю) по приказу короля Людовика X Сварливого. Через два года Филипп V Длинный, сменивший брата на троне, посмертно реабилитировал Мариньи.

Был ли он действительно виновен? Ответить на этот вопрос весьма трудно, однако факт его реабилитации Филиппом V свидетельствует скорее об обратном. Людовик X был весьма малосимпатичным человеком, о чем говорит и его прозвище — Сварливый. Вечно испытывая, как и его отец Филипп Красивый, недостаток в деньгах, он задумал освободить крестьян королевского домена. А средства на выкуп они должны были, естественно, взять в долг у еврейских и ломбардских банкиров. Получив деньги, Людовик X изгнал евреев и ломбардцев из страны, конфисковав при этом остатки их имущества.

Для того чтобы жениться вторично, он приказал через несколько месяцев после вступления на престол тайно удавить свою жену, Маргариту Бургундскую, все еще томившуюся под стражей в Шато-Гайаре (30 ноября 1314 г.). Маленькая Жанна, графиня Д'Эвре, которая официально считалась его дочерью, была им лишена наследства и прав на престол в соответствии с пресловутым «салическим правом», введенным специально для данного случая. Людовик X вовсе не беспокоился, была ли она действительно дочерью другого. Что касается его незаконной дочери Эделины Младшей, родившейся в 1305 г. от дворцовой кастелянши Эделины, то, вместо того чтобы признать ее статус королевского бастарда, обеспечить приданым и достойно выдать замуж, как того требовал обычай, Людовик Сварливый заточил ее в монастырь Сен-Марсель и потом сделал аббатисой монастыря Кларисс.

Судьба, или Немезида, покарала его за все эти неблаговидные поступки: он так и не увидел сына, которого ему родила его вторая супруга, Клеменция Венгерская, ибо был отравлен за несколько месяцев до рождения ребенка, прозванного Иоанном Посмертным. С ним мы еще встретимся в другой главе.

2

Тайный внутренний круг тамплиеров

Некоторых из них вели одетые в белые плащи воины, с лицами, обожженными солнцем, с коротко подстриженными волосами на голове и бородами. Их называли — Рыцари Христа. В большинстве своем это были отлученные от церкви рыцари, которые охраняли в пути паломников…

Гарольд Ламб. «Крестовые походы»

Краткая история ордена

В этой главе мы не ставим своей задачей вновь рассказывать историю ордена Храма (или ордена тамплиеров), о которой уже столько писали на протяжении свыше 100 лет. Тем более мы не собираемся снимать с него обвинение в ереси — не только справедливое, но и заслуженное. Мылишь попытаемся в нашем рассказе показать, как историки католического толка всячески старались отмести доказательства подспудной ереси членов ордена, для того чтобы скрыть ее истинные мотивы. А мотивы эти были столь серьезны и опасны, что, открывая их широкой публике, мы рискуем вновь возродить эту ересь.

Придерживаясь другой ориентации, поклоняясь прежде всего культу истины и не стремясь ее замаскировать, мы без колебаний и дипломатических уловок будем говорить все как есть. Да, внутри ордена Храма, или, как его изначально называли, ордена бедных рыцарей Христа и Храма Соломона, были тамплиеры более просвещенные, чем прочие, которые не колеблясь отбросили первую часть названия ордена и сохранили лишь вторую.

Их смелый поступок был не напрасен. И сегодня еще находятся люди, готовые следовать ему.

Орден Храма был одновременно монашеским и военным. Он был основан в Иерусалиме (отвоеванном у мусульман в 1099 г.) рыцарем из Шампани Гуго де Пайеном. Видимо, эта фамилия оказалась пророческой[24].

Его сподвижником был рыцарь Годфруа де Сент-Омер. С 1118 по 1127 г., то есть в течение девяти лет, община состояла всего из девяти рыцарей. Болдуин II, король Иерусалима, отвел им дом, построенный на месте развалин Иерусалимского храма, возведенного царем Соломоном. Отсюда и происходит название *рыцари Храма* — усеченная форма официального названия ордена.

Св. Бернар, тогда еще простой аббат в Клерво, написал ордену *Устав.* Очень скоро орден разросся, и его первоначальный устав был видоизменен. Статья 57 первоначально написанного на латыни Устава запрещала тамплиерам какие бы то ни было контакты с отлученными от церкви, которых не разрешалось принимать в орден. Однако начиная с 1136 г. статья 12 *Устава, написанного по-французски* (отметим этот термин — «Французский Устав», так как он проливает свет на многие секреты тамплиеров), разрешила орденским братьям идти к рыцарям, отлученным от церкви, допускать их в свои ряды ради спасения души последних. Но прежде чем пройти посвящение, они должны были исповедаться у епископа своей провинции и получить отпущение грехов.

В одном из сочинений св. Бернара под названием «Tractatus de nova militia»[25], на которое троекратно ссылался великий магистр Гуго де Пайен, в пятой главе говорится о том, что рыцари, виновные в супружеской измене, святотатстве или убийстве, вступали в орден, дабы получить прощение за свои грехи и преступления. Этот документ появился до 1136 г., когда умер Гуго де Пайен. Отметим этот факт. Его значение станет ясно во второй части данной главы. Орден пока существует лишь 18 лет.

Вкратце история ордена выглядит следующим образом. Вначале орден тамплиеров представлял собой соблазнительную возможность объединить два самых благородных образа жизни, которые знал средневековый христианский мир: монашеского и рыцарского идеалов. Объединенные вначале на принципах братской общины тамплиеры принимали в орден рыцарей и монахов, происходивших из дворянских семей «потомков благородных рыцарей и дам», то есть служилого дворянства. Помимо них были братья послушники или сержанты (происходившие как из знатных, так и из обычных семей) и просто слуги.

Рыцари носили белый камзол и белый плащ, украшенный с левой стороны *восьмиконечным красным крестом.*

Братья-послушники, конюшие и сержанты носили черные камзол и плащ с таким же крестом. Поэтому когда эскадроны ордена бросались в атаку, их первую линию составляли всадники в белом, а вторую, где были сержанты и конюшие, — всадники в черном.

Отсюда и произошел знаменитый черно-белый штандарт ордена, так называемый «босан», в котором во время процесса усмотрели манихейскую[26] символику.

Вместе с рыцарями-госпитальерами св. Иоанна Иерусалимского, ставшими впоследствии Родосскими, а затем Мальтийскими, тамплиеры составляли постоянную армию христианских государств Востока. Именно тамплиеры построили мощные крепости: Шато-Пелерен, Сафед, Тортоз, Торан, Крак-де-Шевалье, руины которых до сих пор напоминают об их героическом прошлом. В этой работе они использовали прекрасных мастеров, плотников и каменщиков — членов ордена.

Устав требовал от рыцарей полного и безусловного героизма. Своим безукоризненным поведением в бою они быстро завоевали славу, за которой, впрочем, не замедлила последовать и ее спутница — зависть. Но в этом были и свои отрицательные стороны. Гордость от принадлежности к Храму, презрение к мелким восточным властителям, неприкрытая отчужденность в отношении простого люда (встречая караван паломников, который они должны были сопровождать и охранять, тамплиеры не произносили ни одного лишнего слова), а также их обет никогда не прикасаться к женщине, не свойственный духу средневекового рыцарства, — все это постепенно послужило их изоляции.

Когда в 1291 г. крестоносцы были окончательно изгнаны из Палестины и Святая земля оказалась безвозвратно потерянной для христианского мира, тамплиеры перебрались в Европу, где они быстро создали некое международное государство, для которого не существовало национальных границ. Подобно дороге в Иерусалим, куда еще отваживались идти одинокие паломники, их командорства выросли вдоль пути в Сен-Жак-де-Кампостель[27], где, как и раньше в Палестине, тамплиеры взяли на себя охрану путников. Благодаря привилегиям, полученным орденом в разное время от римских пап, никто не осмеливался оспаривать у него этот статус суверенного государства, и Великие магистры тамплиеров разговаривали на равных с королями. Благодаря всем известной и скрупулезной честности в денежных делах, прекрасно поставленной бухгалтерии, а также изобретенным ими *векселям,* значительно облегчившим движение капиталов при коммерческих и семейных сделках, тамплиеры вскоре превратились в мощную и надежную финансовую державу.

Будучи сильными и богатыми, обеспечивая как безопасность городов и дорог от банд бродячих разбойников, так и надежность вкладов и денежных сделок, тамплиеры вызывали тайную зависть некоторых монархов, и в частности короля Франции Филиппа IV Красивого. Во время восстания парижан он был вынужден искать убежища в крепости Тампль в Париже. Находясь там, король воочию убедился в гигантских размерах их имущества. Так называемая *усадьба Тампль* занимала целый квартал в Париже, ее обитатели были неподвластны королевскому суду и зависели только от «Господ Тамплиеров».

Восстание произошло в марте 1306 г. Когда опасность миновала, король перебрался в Лувр, но вскоре покинул его и поселился в Понтуазе, подальше от мятежных парижан. При этом тамплиеры одолжили ему крупную сумму. Так вот, в том же 1306 г. Филипп начал раскидывать сеть, в которую он намеревался поймать одним широким и неожиданным рывком весь орден. Воистину, этот Капетинг не страдал излишним чувством благодарности!

Существовала, наконец, одна деталь обряда посвящения, которая должна была подчеркнуть значение ордена как наднационального образования, стоящего выше обычных государств. Историки, как нам кажется, не обратили на нее должного внимания.

Известно, что обет тамплиеров запрещал им вступать в брак. Таким образом, существовала опасность, что число членов ордена сократится в один прекрасный день настолько, что это таинственное государство вынуждено будет исчезнуть из-за недостатка подданных. Однако этому препятствовала одна необычная деталь ритуала посвящения.

Во время церемонии посвящения неофита, то есть светского рыцаря-послушника, бывшего до этого момента конюшим ордена, он получал веревку и плащ и становился, таким образом, *рыцарем Храма.* Но руководивший обрядом командор сообщал ему одновременно, что вместе с ним в орден вступают его предки, его братья и их потомки, которые становятся *братьями Храма.* «Во имя Господа и Богородицы, во имя Святого Петра Римского и нашего апостольского отца, во имя всех братьев тамплиеров, приобщаем вас *и ваших отца и мать и всех ваших домочадцев* к благам нашего Дома, которые существуют от его начала и пребудут до его конца».

Этот обычай принимать в орден вместе с неофитом и его семью, родителей, братьев и их потомков, основывался на одном незыблемом постулате средневекового христианства.

Всем известно, что в ту эпоху *Книга Бытия* принималась полностью на веру, даже еретики-катары лишь интерпретировали ее по-своему, но и для них она оставалась «божественным откровением».

Так вот, *Книга Бытия* гласит, что первородный грех Адама и Евы имел *не сексуальную, а духовную природу* (что постоянно провозглашали с церковной кафедры католические священники). Этот грех распространялся на всех их потомков. Именно вследствие этого

церковь считала всех предков, родственников и потомков людей, заподозренных в колдовстве, ереси и т. д. также от природы склонными к подобного рода духовному изъяну.

Подражая церкви, светская власть тоже стала считать, что церемония венчания на престол сообщала монарху, благодаря самому акту помазания, особые достоинства, которые частично передавались и его потомству. Этим объясняется привилегия иммунитета, принадлежавшая каждому *коронованному* монарху, а также его братьям, так называемым *принцам крови.*

Тамплиеры пошли тем же путем. Они считали, что церемония посвящения в орден имеет такое психологическое и духовное значение, что источаемая им благодать нисходит также на родителей, посвященного, его братьев и их потомков.

Убийственная логика. Любой, кто осмелился бы критиковать ее, поставил бы тем самым под сомнение и постулаты, имеющие отношение к еретикам-монархам.

Создание таких *тамплиерских династий,* если воспользоваться прекрасным термином, употребленным архивистом-палеографом Норбером де Кастро-и-Този в его работе об ордене, представляло собой учреждение *особой знати,* отличающейся от знати обычной. Орден Храма по примеру Церкви создавал свои *светские братства.* И поскольку, как уже отмечалось, посвящение *в братья и сестры Храма* всех предков, братьев и сестер рыцаря-не-офита касалось также и их потомства (в соответствии с постулатом, о котором мы говорили в начале главы), то эта *тамплиерская знать* становилась наследственной.

Следует заметить, что в момент возрождения в XVII в. ордена тамплиеров *в исключительно масонской форме* все великие магистры, которые, как считалось, втайне сохранили орден, как и их преемники, принадлежали к семьям, насчитывавшим много членов ордена во время его официального существования с 1118 по 1314 г. Речь идет о таких фамилиях, как Браки, Клермоны, Арманьяки, Шабо, Монморанси, Дюрфор де Дюра и т. д. И все считали, что их происхождение обеспечивает им *по праву* место в возрожденном ордене.

Таким образом, начинает проливаться свет на очень важные мотивы этой своего рода *наследственности по боковой линии.* Если первые руководители тамплиеров ввели в *устав* создание подлинной *наследственной знати тамплиеров,* это означает, что в самом начале существования ордена его основатели лелеяли мечту о создании некоего сверхгосударства, выходящего за рамки обычных государств.

И в один прекрасный день Филипп Красивый это узнал. И понял, что его великая мечта увенчать свою голову короной «Священной Римской империи германской нации» может разбиться о *тайную Священную империю*, представленную военным и финансовым могуществом тамплиеров[28].

Таким образом, этот монарх, которого официальная историография называет гениальным и который был лишь бессовестным честолюбцем, явился главным препятствием на пути создания единой Европы. И то, что пытаются сделать сегодня, могло произойти более 600 лет назад.

Дальнейшее всем известно.

В начале XIV в. орден насчитывал около 15 тыс. рыцарей, из которых две тысячи были во Франции, а значительная часть остальных находилась в Провансе и во французской Каталонии. Не забудем, что средиземноморские провинции страдали в течение веков от варварских нападений пиратов, похищавших женщин и детей. Поэтому старые селенья на Лазурном берегу строились на вершинах приморских холмов и устраивались таким образом, чтобы в случае внезапного нападения сразу же превратиться в маленькие крепости.

Вспомним также, что изначально орден возник во Франции и значительное число его рыцарей происходило из Прованса. Так, например, лишь семейство Пелисье, владевшее с XII в. 11 сеньориями в Верхнем Провансе, поставило ордену в течение 200 лет одного командора и 18 рыцарей, которые все были между собой дядьями или племянниками. По

меньшей мере двое из них, как мы увидим из одного очень важного документа, были схвачены и погибли либо на костре, либо в темнице.

Итак, в пятницу 13 октября 1307 г. (по юлианскому календарю) Филипп Красивый произвел по всей Франции внезапный арест тамплиеров. Их обвинили в надругательстве над крестом, идолопоклонстве и содомии. День был выбран не случайно (по григорианскому календарю он соответствует 24 октября 1307 г.). Король выбрал пятницу, как день распятия Христа. Он выбрал 13-й день месяца — намек на несчастливое число. 13 считалось плохим числом у Гомера (Илиада, V) и Цицерона (Рго Сесша). В древнееврейской Каббале было 13 Духов Зла, и 13-м в Писании был упомянут Иуда, предавший Христа. К этому же на Тайной Вечере тот же Иуда был 13-м сотрапезником. День Страстей Господних пришелся на 13-е число по лунному календарю, 13-я глава Апокалипсиса говорит об Антихристе, а 13-я глава Евангелия от Иоанна — о предательстве Иуды.

Семь лет спустя, 19 марта 1314 г. Жак де Моле, последний великий магистр ордена, и Жофруа де Шарне, главный командор Нормандии, были сожжены заживо на острове Ситэ.

Теперь мы перейдем к анализу обвинений, выдвинутых против тамплиеров, и попытаемся выяснить, не существовало ли в действительности внутри ордена некоего *внутреннего круга*, абсолютно еретического, члены которого отреклись от христианства и не признавали божественную природу Христа.

Во-первых, напомним, что с 1136 г. орден имел право, по совету св. Бернара, принимать рыцарей, отлученных от церкви за святотатство, ересь, богохульство и убийство. Однако известно, что значительная часть окситанской знати — подданных графа Тулузского — примкнула для удобства к секте *катаров.* А ее члены не отказывали себе при случае в удовольствии пограбить церковное имущество, поиздеваться над священником, монахом, инквизитором или легатом, да и пристукнуть его. Более того, они насмехались над изображением распятия. Типичный пример того приведен в моей работе «Иисус, или Смертельный секрет тамплиеров». Там описывается, как рыцари и конюшие Раймона-Рожэ графа де Фокса сорвали с распятия фигуру Христа в натуральную величину, вогнали ей в зад пику и использовали вместо манекена в военной игре под названием кентен. Естественно, этот факт в комментариях не нуждается.

Напомним, что катаров не раз пытались и пытаются представить правоверными христианами, ревнителями традиций первых христиан. Это в корне неверно. В наши дни кое-кто намеренно приравнивает ритуал еретиков-вальденсов, живших в ту же эпоху и, несомненно, являвшихся христианами, к ритуалу катаров, которые открыто исповедовали *манихейство.* И когда инквизиторы ловко противопоставляли в целях пропаганды одних другим, они вовсе не были неправы.

Для катаров обычные слова приобретали другой смысл. Так, Св. Дух катаров не имел ничего общего со Св. Духом христиан; «Дева Мария» означала не непорочную галилеянку, родившую Христа, а их *церковь*, порождающую, будучи «девственницей», *Нового возрожденного Человека.*

Судите сами. Вот выдержки из *Учебника Инквизитора*, составленного доминиканцем Бернаром Ги (1261–1331) и озаглавленного *«Практика».* Этот трактат позволяет классифицировать допрашиваемого еретика, чтобы не путать *вальденскую ересь с катарами, а новоапостольскую с бегинами.* Бернар Ги, досконально изучивший катарскую ересь, не колеблясь относит ее к абсолютному манихейству. Он приводит исключительно ценные подробности, которые совпадают с тамплиерской концепцией Христа, выявленной во время их допросов. По учению катаров следует, что: «Крест Христа не должен служить предметом поклонения, так как никто не станет поклоняться виселице, на которой был повешен его отец, родственник или друг».

«Следовательно, они отрицают воплощение Господа нашего Иисуса Христа в чреве Марии, оставшейся девственницей, и утверждают, что он не принял ни подлинно человеческого тела, ни подлинно человеческой плоти, что он никогда не страдал и не умирал на кресте, что он никогда не воскресал из мертвых и не возносился на небо во плоти человеческой, но что все это произошло в переносном смысле».

«Они также отрицают, что блаженная Дева Мария была истинной матерью Господа нашего Иисуса Христа и что она была женщиной во плоти. Девой Марией называют они свою секту, считая, что именно она, девственная и непорочная, производит на свет сынов Божьих, как только они вступают в секту».

Мы вскоре увидим, что у тамплиеров, допущенных во внутренний круг, отрицание божественной природы Христа доходило до того, что они считали его лжепророком, тем самым подразумевая и все прочие отрицания, выявленные инквизиторами у катаров.

На другом полюсе религиозного отрицания находились последователи Шейха эль-Джебель, Старца Горы. Так именовался глава секты Асасинов, откуда произошло французское слово «убийца». Во главе этой параисламской секты исмаилитского толка стояла интеллектуальная элита, имевшая в своем распоряжении многочисленных приверженцев — воинственных фанатиков. Асасины отрицали истинность исторических преданий о пророке Мухаммеде и считали, что Коран надо понимать чисто иносказательно, что было откровеннейшим отрицанием ортодоксального ислама. Секта распространила свое влияние на Западную Персию, Северный Ирак, а также горные районы Сирии и Ливана, где у нее были многочисленные крепости. В главной из них, крепости Аламут, находилась огромная библиотека. Основанная в 1090 г. персом-огнепоклонником Хасаном ибн-эль-Саббахом, секта была разгромлена монгольскими завоевателями, а затем окончательно уничтожена мамлюками египетских Айюбидов.

Если рядовые катары вели достаточно свободный образ жизни, то «совершенные» отличались строжайшим аскетизмом. Именно их пример побудил Доминика де Гузмана, будущего св. Доминика и создателя инквизиции, попытаться внедрить такие же нравы в среду католических монахов. Задача по тем временам непосильная. Как не вспомнить горькие слова св. Бернара: «Ниспошлет ли мне Господь милость увидеть перед смертью такие времена, когда отец семейства не будет считать, что отдать дочь в монастырь — то же самое, что сдать ее в бордель?..»

Итак, учение катаров беспрепятственно распространялось с 1017 г. в Западной Европе, оно активно проникало в Италию, Францию и даже Испанию. Его приверженцами становились представители политических кругов и светской власти, ее защищала с оружием в руках местная знать от Южных Альп до Атлантического побережья.

Движение катаров развивалось параллельно с эволюцией ордена тамплиеров. И на юге Франции последние очаги катарской ереси угасли лишь через 20 лет после разгрома ордена.

Но в условиях наступления инквизиции, видя непостоянство и нерешительность графа Тулузского Раймона VI, переходящего из одного лагеря в другой в зависимости от изменения конъюнктуры, многие дворяне Прованса и Лангедока не желали больше хранить ему вассальную верность и вступали в орден, как сегодня вступают в Иностранный легион. Будучи фактически отлученными от церкви за их жестокость по отношению к священникам, грабеж церковной утвари, святотатственные высказывания о папе римском и презрительное отношение к евангельскому Христу, за отрицание основных христианских догм, все ли эти люди действительно исповедовались у епископа и получили отпущение грехов? Не было ли среди них таких, кто свободно вступил в орден, внутренне не отрекаясь от катарской ереси? Это куда более вероятно. И они могли спокойно отвечать «да» на вопросы Приора, ибо выражения *Святой Дух, Дева Мария* и *Церковь* имели для них совершенно особое значение. Так как есть еще одна удивительная деталь обряда посвящения у тамплиеров: там речь идет

о *Боге, Госпоже Святой Марии, Господе Нашем,* но ни разу не упоминается конкретно Иисус Христос.

Следует признать, что для рыцаря — приверженца катаров не составляло никакого труда утвердительно ответить на вопросы командора.

Всем известны основные обвинения, выдвинутые против тамплиеров. Это *ересь, богохульство, содомия*[29].

Вскоре мы приступим к анализу двух первых обвинений с целью показать главное: они отрицали божественную сущность Христа. Однако следует сначала остановиться на некоторых второстепенных моментах;

Во-первых, тамплиеров обвиняли в поклонении некоей таинственной *голове,* идолу, один вид которого наводил ужас. Почти все отрицали этот обряд. В нем признались лишь некоторые, да и то после долгих и изощренных пыток.

Весьма вероятно (и мы это увидим), что внутри самого *внутреннего круга тамплиеров* существовали еще одна или две степени посвящения. В этом случае далеко не все тамплиеры, отрекшиеся от божественной сущности Христа, могли знать о существовании некоторых обрядов. И знакомство с таинственной «головой» предназначалось не всем.

В протоколе допроса одного из монахов ордена говорится, что тамплиеры поклонялись *живой мандрагоре*[30] *в одном из своих палестинских замков*. Рукопись протокола хранится в Национальной библиотеке, фонд Балюза, свиток 5, конец XIV в.

Известно, что некоторые колдуны в Сирии, Ливане и Иудее при ворожбе использовали головы детей, оторванные от их тел, а затем высушенные и мумифицированные; их называли *голем.* В определенные фазы луны, в момент магической церемонии вызова духа, колдун прикреплял к языку такой головы золотую пластинку с эзотерическими надписями и изготавливал для головы тело из трав, забинтованное как мумия. Затем они возжигали негасимые лампады перед этим *терафимом,* идолом-уродцем, и суеверно вопрошали его в соответствии с ритуалом, который остался неизвестным.

Весьма вероятно, что некоторые такие головы попали в руки тамплиеров в Палестине. Солдаты, чаще всего неграмотные, передавали их капелланам, и, возможно, не все они были уничтожены. Не забудем, что во все времена самый утонченный и сознательный сатанизм встречался именно среди священников. Это подтверждают и знаменитые черные мессы, известные по Процессу о ядах[31]. Но не менее правдоподобно, что тамплиеры, вступившие в орден *в Европе* после изгнания его из Палестины, искренне отрицали, что они когда-либо видели подобные головы. В ту эпоху, когда орден господствовал в Палестине, было слишком опасно привозить такие ужасы на христианский Запад.

В 1807 г. Французская академия установила, что знаменитая фраза «пить как тамплиер» есть искаженное «пить как тамприер», что на старофранцузском означало «стеклодув». Стеклодувы, работавшие на выплавке стекла и, следовательно, в страшной жаре, были вынуждены постоянно и много пить, чтобы возместить потерю жидкости организмом.

Не исключено, однако, что это выражение уже давно стало применяться к тамплиерам, страдавшим от жажды в Палестине не меньше, чем европейские стеклодувы. В 1965 г. солдаты французского гарнизона в Джибути были вынуждены выпивать до семи литров жидкости в день, чтобы предотвратить обезвоживание организма. Многие из них вернулись во Францию, страдая серьезным растяжением желудка. Таким образом, весьма вероятно, что и вернувшиеся в Европу тамплиеры продолжали по привычке поглощать огромное количество воды или вина. Откуда и пошла их репутация…

Но, с другой стороны, другая пословица, смысл которой тоже нуждался в проверке, гласила «ругаться как папа римский». Ну, а это явно лишь образное выражение!

Затем идет обвинение в поклонении *черной кошке,* и что якобы многочисленные черные кошки участвовали в заседаниях капитулов. Все с негодованием его отвергли. Известно, что в Средние века многие суеверные невежды считали кошку, и прежде всего — черную, «воплощением» дьявола. Тонкий ум этого животного, его медиумические таланты и способность чувствовать некие вещи, недоступные человеку, укрепляли это подозрение среди людей грубых и диких. Тому же могли способствовать и рассказы вернувшихся в Европу крестоносцев о том, что древние египтяне обожествляли кошку.

Что касается обвинения в *содомии,* то почти все тамплиеры его отрицали. И если некоторые командоры и позволяли себе рекомендовать мужеложество молодым послушникам, то, возможно, делали это они лукаво, ибо устав категорически запрещал совокупление с женщиной и предусматривал для провинившегося исключительно суровое наказание.

Остается *поцелуй* во время церемонии посвящения.

Вспомним для начала, что во время церемонии принесения вассальной присяги феодалу, даже если речь шла о принце и короле, вассал становился на колени перед сюзереном, вкладывал в его руки свои и произносил присягу верности и преданности. Сюзерен в свою очередь обещал защищать вассала от любого врага. Потом он поднимал его с колен и целовал в губы.

Возможно, что поцелуй, которым обменивались командор с неофитом, был не что иное, как ритуальный поцелуй, скреплявший вассальную присягу ордену.

Остается поцелуй в плечо и в нижнюю часть позвоночника. Объяснение им еще не найдено. Следует ли видеть здесь аналогию с поцелуем в зад козла, олицетворяющего Люцифера, который практиковался во время шабаша? Если да, то речь идет об особом мистическом течении, существовавшем внутри Секретного круга, которое шло вразрез с его официальной эзотерической доктриной. Это остается загадкой.

Перейдем теперь к обвинению в гомосексуализме, выдвинутому инквизиторами против тамплиеров. На самом деле его трудно считать серьезным. Конечно, среди населения содомия официально считалась ужасным грехом, и существовали законы, за нее каравшие. Однако, когда мы видим, что монахи, уличенные в скотоложестве (грехе куда более тяжком и каравшемся тюремным заключением от двух до пяти лет), наказывались (к великому возмущению св. Бернара, который сообщает сей факт) лишь принудительным паломничеством в Рим и уплатой штрафа, мы не можем серьезно относиться к подобному обвинению против тамплиеров. Ведь дело происходило в ту же эпоху.

Здесь следует добавить, что, по-видимому, испорченность нравов была распространена в среде тамплиеров не более, чем в других рыцарских орденах, например *Тевтонском ордене* и *ордене св. Иоанна Иерусалимского,* действовавших на Святой земле, или чем это имеет место в современную эпоху в Иностранном легионе, колониальных войсках и т. д. К тому же, чтобы заниматься гомосексуализмом, надо этого хотеть! Из допросов явствует, что лишь очень редкие приоры рекомендовали его как крайнее средство, к тому же наказание за содомию было весьма суровым.

Заметим, что, хотя тамплиеров арестовывали во всех христианских странах Европы, они были приговорены к смерти лишь во Франции и в графстве Прованском, принадлежавших тоща королю Неаполитанскому и Сицилийскому. В других странах их оправдали, но орден распустили.

Устав, предписывавший тамплиерам избегать женщин и никогда не обнимать их даже в знак простой привязанности, несомненно преследовал цель уберечь их от опасности, весьма распространенной в Святой земле. Действительно, единственные, кто соглашался спать с этими воинами-монахами, были проститутки. Отсюда — опасность распространения

венерических заболеваний в общине, где практически все: посуда, ложки, кубки и т. д., — было общим. Не забудем, что мусульманских женщин держали взаперти, а еврейки не связывались с ними по религиозным соображениям. Следовательно, оставались лишь обыкновенные шлюхи.

К тому же, стоило ли строго судить этих мужей за сексуальные и гомосексуальные связи в эпоху, когда сами священники — их судьи — не лишали себя такого удовольствия? Стоит ли напоминать, как Петрарка возмущался, что Авиньон, став папской резиденцией, превратился из-за присутствия там всего этого клира в огромный лупанарий, то есть публичный дом?

Это эпоха, когда св. Петр Дамьен писал папе Льву IX (1048–1054): «Епископы открыто содержат любовниц, а священники развратничают с собственными незаконнорожденными детьми. Они все прелюбодеи, продажные твари и убийцы. Да примет наконец Ваше Священство меры!» Папа Лев IX ограничился следующим ответом: «Число виновных столь велико, что затрудняет проведение любых дисциплинарных мер и вынуждает меня сохранять на церковной службе даже преступников!»

В XIII в. св. Бонавентура (см.: Quare fratres minores prasedicent) заявляет, что «большая часть клириков — известные распутники. Они содержат любовниц у себя дома или в других местах. На глазах у всех они развратничают с несколькими женщинами». Папа Иннокентий III, вдохновитель крестового похода против альбигойцев, писал тогда в аббатство Сен-Дени: «В нашем городе[32] есть священники, которые, злоупотребляя своим саном, нарушают ночной покой обывателей, вламываясь силой в бордели, чтобы предаться там непотребству. Они пристают даже к дочерям горожан, что вызывает недовольство, а порой дело доходит до бунта».

Дурные нравы также процветали среди духовенства. Пьер Почтенный, бывший в XII в. аббатом Клюни, запретил монахам принимать послушниц у себя в кельях, ибо весь монастырь наполнен гнуснейшим развратом. А Парижский собор 1212 г. запретил монахам и монашенкам спать в одной постели «ввиду опасности проявления невоздержанности». Тьери де Ньем, секретарь папы Урбана IV, ставший в 1396 г. архиепископом Камбре, с возмущением писал: «Монашенки грешат с епископами, монахами и послушниками. Иногда они изгоняют плод, но некоторые, презрев родительскую любовь и страх Божий, даже убивают своих новорожденных детей».

Рыба тухнет с головы. Достаточно вспомнить нравы некоторых пап, правивших в ту эпоху, чтобы понять их снисходительность в отношении нравов духовенства.

Иоанн XXII (1249–1334), ставший папой римским в 1316 г., поставил отпущение грехов клирикам на финансовую основу:

«Священник, лишивший невинности девственницу, платит 2 ливра 8 су».

«Монашенка, которая отдалась нескольким мужчинам одновременно или по очереди в стенах монастыря или вне его и которая хочет стать аббатисой, платит 131 ливр 15 су».

«Священник, который хочет сожительствовать со своей родственницей, платит 76 ливров один су»[33].

Иоанн XXII прижил сына от кровосмесительной связи со своей сестрой. Родившийся в Савердене, графство Фуа, этот ребенок был объявлен официально сыном местного булочника по имени Фурнье. Именно в связи с этим дата и даже год его рождения тщательно скрывались. Под именем Бенедикта XII он наследовал папский престол у своего отца Иоанна XXII в 1334 г. Будучи сам строгих нравов, он преследовал распущенных священников. Однако воспылал любовью к сестре Петрарки, которой было 16 лет, и приказал похитить девушку. Когда Петрарка начал энергично протестовать, он попал в руки инквизиторов за оскорбление Его Святейшества. Дабы спасти жизнь, поэту пришлось бежать.

После чтения этих весьма поучительных текстов, написанных видными отцами церкви, складывается впечатление, что тамплиеры были куда меньшими грешниками, чем их судьи.

Отречение от Христа

С самого начала нашего исследования было показано, что некоторые поступающие в орден были в ряде случаев подвергнуты испытанию отречением от Христа. Рассмотрим подробнее эту проблему.

С 11 апреля 1309 г. по 26 мая 1311 г. следственная комиссия допросила 231 свидетеля, из которых 225 тамплиеров (рыцарей, приоров, священников, слуг) и шесть свидетелей, не принадлежавших к ордену.

И вот без всякой пытки 107 тамплиеров признали, что при вступлении в орден они, согласно обряду, отреклись от Иисуса Христа «устами, но не сердцем», и что они плевали, но не на крест, а в сторону креста, и что они целовали и их целовали в губы и в копчик. 16 человек утверждали, что обвинения ложны, и что ничего подобного не было во время их посвящения. Двое заявили, что они отказались отречься от Христа. 153 человека отрицали, что им разрешалось мужеложество, дабы не согрешить с женщиной. Двое из них даже заявили, что в момент посвящения их предупредили о строгой каре за содомский грех. Однако 72 обвиняемых признались, что такие рекомендации им давались, дабы они не имели сношений с женщинами. Однако они заявили, что не воспользовались этим.

Все отрицали поклонение черной кошке. 219 человек отрицали и поклонение идолу в виде головы, якобы происходившее в момент посвящения или на церемониях капитула.

И конечно, все они заявили, что верят в таинства Церкви и что капелланы ордена ни разу во время мессы не пропустили слов «Ecce enim corpus meum…» («Это есть мое тело»). Но что они могли знать доподлинно? Священник во время мессы мог пробормотать какие угодно слова, и никто из служек ничего бы не понял. Тем более если их не было рядом.

Наконец, они заявили, что Великий магистр, не будучи священнослужителем, никогда никого не исповедовал и не давал отпущения грехов без исповеди. Он мог простить дисциплинарные проступки, но это, естественно, входило в его административные функции.

Напомним, что Великий магистр получил от папы право посвящать братьев в рыцари без особого на то разрешения Святейшего престола. Так записано в ст. 677 *Устава* ордена. Лишь рыцари, ранее отлученные от церкви, должны были перед вступлением в орден получить отпущение грехов и епископское благословение.

Что же до знаменитых веревок (о которых пойдет речь дальше), они никогда не прикасались к таинственной голове. Каждый добывал их сам. Многие рыцари получали веревки перед обрядом посвящения из чистых и богобоязненных рук своих матерей, сестер или родственниц.

Вот, однако, признания нескольких тамплиеров в том, что их заставили отречься от Иисуса Христа.

В Париже в самом начале следствия 19 октября 1307 г. инквизитор Гийом Парижский допрашивал рыцаря ордена Ренье де л'Аршана. Он показал до пытки, что отрекся от Христа и плевал на крест.

24 октября 1307 г. перед тем же инквизитором предстал сам Жак де Моле, который впоследствии заявил, что его не пытали, но подвергли *жестокому заключению.* Великий магистр показал, что, когда он вступил в орден, он отрекся от Христа и плюнул, но не на крест, а на землю около него.

В тот же день и перед тем же следователем Пьер де Арблейо также признался, что отрекся от Христа и плюнул на крест. Все эти признания были подтверждены 19 марта 1310 г. перед Большой следственной комиссией.

Также 24 октября 1307 г. Жан де Элемозина признал, что плевал на землю (а не на крест) и отрицал божественную сущность Христа. На допросе 20 февраля 1310 г. он подтвердил это перед Большой следственной комиссией.

27 октября 1307 г. Гийом де Сэн-Эвюрс, заместитель Гийома Парижского, допрашивал брата Стефана де Домона, который признался, что он отрекся и плевал в сторону креста. 16 февраля 1310 г. перед лицом Большой комиссии он заявил, что не усматривает в этом греха, так как отрекался устами, а не сердцем.

7 ноября 1307 г. в присутствии доминиканца Николя де Анезьеко, сотрудника Гийома Парижского, капеллан ордена тамплиеров и его Генеральный прокурор при папском дворе Пьер де Бонна, выбранный тамплиерами, чтобы представлять их перед лицом Большой следственной комиссии, заявил, что во время обряда посвящения приор отвел его в сторону, поднес ему деревянное распятие и приказал отречься от божественной сущности Христа, что тот и исполнил.

9 ноября 1307 г. доминиканец Анезьеко по поручению Гийома Парижского допрашивает Генерального визитатора ордена во Франции Гуго де Пайрандо. Последний заявил, что отрекся от Христа устами, но не сердцем и отказался плевать на крест. Он признал, что эти действия были ему представлены как неотъемлемая часть Устава ордена, однако при этом заявил, что не знает, все ли братья были приняты на таких условиях. Затем Гуго де Пайрандо удалился. На вечернем допросе он заявил инквизитору, что на этих условиях принимались *все братья.*

В тот же день интендант ордена в Шампани Рудольф де Жизи признал, что все тамплиеры отрекались от Христа.

13 ноября 1307 г. храмовник Эжидиус Шеруто из приории Фер-те-Гоше показал, что ему велели плюнуть на крест. Он имитировал плевок и не осквернил крест. На церемонии присутствовали уже известный нам Рудольф де Жизи, священник ордена Жан Бургиньон, его брат Этьен Бургиньон, рыцари Жерар Винье и Одон Пикар. Вместе с ним обряд проходил Жак де Парво. Неофитам было приказано плюнуть на крест, но они отказались. Эти показания давались в два приема, и на первом допросе Шеруто не говорил о Жаке де Парво, хотя признал имитацию плевка.

В тот же период, 8 ноября 1307 г., допрашиваются 60 храмовников. Один из них — священник ордена. Он признал, что не произносил вслух при богослужении священные слова «это есть тело мое», но произносил их про себя. Некоторые тамплиеры заявили, что знали о том, что получали при причастии неосвященные облатки[34]. Эти признания были сделаны в присутствии комиссара инквизиции и подтверждены затем перед доминиканцами.

Невежественные капелланы ордена могли в этом случае воспроизводить обряд, позднее названный *пустой мессой* и который свершался на борту корабля у основания грот-мачты. В нем тоже отсутствовало освящение облаток и причастие. Делалось это из боязни, что под влиянием морской болезни человека может вырвать облаткой, что было бы осквернением ее. Отсюда ее тогдашнее название — *пустая месса.*

В то же время в Кане, в Нормандии, допрашивают приора Этьена де Шатонёфа и рыцарей Ришара Белленеля и Гийома Тана. Они признали, что, по их мнению, всех неофитов, вступающих в орден, обязывали отречься от Христа и наступить на крест.

В письме из Шинона, датированном 12 часами дня Успения года 1308-го, кардинал Беранже, Ландюльф де Сент-Анжели и Этьен сообщали Филиппу Красивому, что сразу после присяги говорить всю правду магистр Кипра признал, что отречение от Христа и плевок на крест были обычаем. В тот же день и перед той же комиссией это подтвердил прецептор Нормандии. В тот же вечер они допросили Жофруа де Гонвиля, прецептора Пуату и Аквитании. Он попросил время на размышление до следующего дня. Назавтра, в воскресенье, он сознался, что обещал человеку, принимавшему его в орден, что в случае прямого вопроса он признает свое отречение от Христа.

В письме кардиналы также сообщают, что они затем допросили тем же порядком Великого магистра ордена Жака де Моле и Великого визитатора ордена Гуго де Пайрандо.

Они попросили время для размышления до следующего дня. В понедельник Гуго де Пайрандо признал, что отрекался от Христа. А на следующий день Жак де Моле заявил, что отречение было *обычаем* храмовников, то есть тамплиеров. Он настойчиво попросил, чтобы следователи заслушали признания одного простого слуги из его свиты, сопровождавшего его в Шинон. Хотя у кардиналов был мандат лишь на допрос пятерых руководителей ордена, они на это согласились. Приняв присягу, этот человек заявил, что и он отрекся от Христа. Все это доказывает, что отречение было глубоко продуманной акцией, а не простым испытанием твердости веры рыцарей-неофитов. Таким образом, орден старался обеспечить для себя как можно меньше ренегатов.

Выслушав эти признания, три кардинала дали раскаявшимся братьям отпущение грехов и допустили их к причастию. Говоря об этом в своем письме к королю, они умоляют его подтвердить это отпущение и прощение «ныне, присно и во веки веков».

Читателю будет небезынтересно узнать, что в главной башне замка Кудре, одного из трех замков крепости Шинон, ставшей впоследствии резиденцией Жанны Девственницы, находится несколько *граффити*[35], которые специалисты приписывают тамплиерам (в частности, Жаку де Моле), содержавшимся под стражей в этой башне с октября 1307 до весны 1309 г. Следует отметить волнующую надпись: «Молю господа о прощении». Естественно, Жанна Девственница, содержавшаяся в замке с 8 марта по 20 апреля 1420 г. (19 марта — 1 мая 1420 г. по григорианскому календарю), сделать ее не могла, так как было бы невозможно выполнить эту работу за столь короткий срок. В качестве инструмента использовалась, очевидно, железная ложка. Тем более что Жанна проводила в башне только ночи. Несомненно, авторами граффити являются тамплиеры, просидевшие там полтора года, тем более что *карбункул,* изображенный на одном из рисунков, точно такой же, какой изображен ранее на кресте *(восьмиконечном красном*), украшавшем щиты двух всадников на одной лошади, изображенных на первой печати *ордена Храма.* Карбункул является в геральдике символом полного духовного совершенства его обладателя.

Пропустим ряд других признаний, искренность и спонтанность которых куда менее надежна. 11 апреля 1319 г. Рудольф де Прел-ли, легист Филиппа Красивого, сообщает, что некий тамплиер из приорства Лаон по имени Жервэ однажды сказал ему, что в жизни ордена существуют столь страшные вещи, что он предпочел бы погибнуть, нежели раскрыть их. И если бы сам король Франции узнал о них на заседании капитула, он был бы немедленно убит храмовниками. Теперь становится понятно, почему, зная исключительную религиозную твердость Филиппа, тамплиеры категорически отказывали ему в приеме в орден. Тот же Жервэ поведал однажды, рыдая, Николя Симони, в то время простому *дамуазо* (звание, предшествующее рыцарскому), что в ордене есть такие вещи, которые он никогда не осмелится рассказать. И когда, овдовев, Николя Симони пожелал вступить в орден и завещать по своей смерти все имущество тамплиерам, брат Жервэ ответил ему отказом: «Ах, это было бы слишком сложно…»

Другой свидетель, рыцарь Гишар де Марниашо, не принадлежавший к ордену, 13 апреля 1309 г. заявил, что его родственник, некий Гуго де Маршан, также пожелал стать тамплиером. После вступления в орден он впал в тоску и заказал себе новое кольцо с надписью: «Sigillum Hugonis perditi» («Кольцо Гуго Пропащего»). Впоследствии, умирая в Лионе, он призвал для причастия не капеллана ордена, а францисканского монаха. А нам известно, что 15 апреля 1309 г. брат Жан Англиси из лондонского диоцеза, признав, что он отрекся от Христа и плевал на крест, сообщил также следствию, что капелланы ордена категорически запрещали тамплиерам исповедаться у посторонних священников. Он заявил, что покинул орден семь лет назад из-за этих прегрешений и что многие братья последовали бы его примеру, если бы их не удерживал страх.

Очевидно, были тамплиеры, так и не понявшие глубинной сути отречения, которого от них требовали. Так, например, Бодуэн де Ардан, принимая на Кипре в орден брата Жерара

де Пазажио, подал ему деревянное распятие и спросил: «Веришь ли ты, что это — Бог?» Тот ответил, что видит перед собой образ Христа. На это Бодуэн ответил: «Не верь! Это лишь кусок дерева… Наш Господь — на небесах». Потом он заставил его плюнуть на этот крест. Впрочем, топтать его ногами Жерар отказался.

Следует Отметить, что избежать этого испытания было непросто. Ковда (как он это показал 12 мая 1310 г.) брат Жан Бертальди попытался было во время принятия в орден отказаться от святотатства, руководивший церемонией брат Менарди пригрозил ему заключением в подземную тюрьму.

Впрочем, капеллан ордена Жиль де Ротанжи заявил в своих показаниях 28 января 1310 г., что отречение от Христа не обязательно входило в обряд посвящения и что в некоторых случаях отречение не требовалось.

Среди самих тамплиеров существовало два объяснения отречению. Одни считали, что таким образом испытывают твердость веры неофита. Для других речь шла о проверке обета слепо подчиняться старшим.

В действительности оба объяснения были, по-видимому, справедливы, а сам обряд позволил руководителям ордена сразу же «классифицировать» неофита.

Как бы то ни было, все это пока мелочи. Ибо отречение, существовавшее лишь в устной традиции, причины которого и исходная формула с течением времени забылись, имело для тех, кто его ввел, весьма важный и глубокий смысл. К этому-то мы сейчас и перейдем.

Порою пытаются отрицать существование тайного отречения от Христа, аргументируя эту точку зрения тем, что, по новейшим данным, подавляющее большинство тамплиеров, попадавших в плен к сарацинам, предпочитали смерть в рабстве отказу от своей веры и богохульству, которые неверные ставили условием их освобождения. Это следовало из Устава, который запрещал выкупать пленных храмовников.

Здесь следует прежде всего заметить, что любой освободившийся из плена тамплиер давал тем самым доказательство своего вероотступничества и не мог вернуться в орден, где его ожидало тяжкое наказание. Вполне логично, что они предпочитали смерть или почетное рабство изгнанию из ордена и позорному заточению.

Еще раз напомним, что после 1291 г. тамплиеры покинули Палестину, так как там не осталось ни христианских княжеств, ни паломников. Так вот, именно с этого момента и появляются следы тайного отречения, дополняющего древний обряд посвящения в орден.

В этот период с 1184 по 1189 г. Великим магистром был выходец из Фландрии Жерар де Ридфор. Бездарный стратег и жалкий трус, он попадает в плен к Саладину, откуда, впрочем, освобождается в результате темной интриги и позорной сделки. Уж не ему ли обязан орден возникновением секретного правила, предписывающего отречение от Христа и, следовательно, богоотступничество? Сомнительно. Этот человек был столь же глуп и невежествен, сколь труслив.

Но был другой, куда более мудрый, который наверняка стал создателем внутреннего тайного ордена. Речь идет о провансальце по имени Ронселен де Фо. В то время семья его владела замком, развалины которого до сих пор высятся на берегу Средиземного моря у древнего селения Борм-ле-Мимоза. Его имя происходит, очевидно, от названия города Фо-сюр-Мер, где в древней романской церкви покоятся останки некоторых из его бывших сеньоров.

Выстроенный на бывшем рифе в трех лье на запад от Марти-га, маленький городок Фо и его сеньоры находились в древности в вассальной зависимости от виконтов Марсельских. В Фо до сих пор сохранились величественные руины средневековой крепостной стены и замка XIV в. с квадратными башнями, галереями, бойницами и маленькой грубой часовней в романском стиле, относящейся к XI в.

Встает вопрос, является его имя патронимом или топонимом (ср., например, Бушар де Монморанси, Бонифас де Кастелян, Гримальди де Монако)? Возможно и то и другое. Возможно также, что имя Ронселен является провансальским вариантом имени Россолен, часто упоминаемого в документах той же эпохи, возникшим благодаря привычке южан растягивать слова. В таком случае речь идет о мужском варианте имени Розалина, которое носила, например, св. Розалина де Вильнёв, родившаяся в 1263 г. в Арке.

Странное дело, в *официальных* документах, относящихся к ордену Храма, мы не находим никаких следов Ронселена де Фо. Однако именно на него указывают на процессе тамплиеров как на создателя обряда отречения и называют при этом одним из Великих магистров.

Действительно, Жофруа де Гонвиль, прецептор Пуату и Аквитании, на вопрос королевских комиссаров по поводу отречения и другой ереси заявил: «Некоторые утверждают, что это было одним из гнусных и растленных нововведений магистра Ронселена».

Его упоминает и Ги Дофин как «провансальского дворянина, принятого в орден Гийомом де Болье в 1281 г.».

В действительности даты вступления Ронселена де Фо в орден совпадают не всегда. Например, в «Словаре Знати» Шесне-Дебуа издания 1770 г., том XI, с. 258, где говорится о Доме Пелисье, весьма разветвленной провансальской семьи, известной с 1125 г., мы читаем следующее:

«Из этой семьи происходили два рыцаря Храма: Ростен и Жан де Пелисье. Последний был принят в орден в 1267 г. Россоленом де Фо из Марселя, Великим магистром оного ордена. Сей Жан де Пелисье был после падения ордена допрошен королевскими комиссарами в 1310 г. в тюрьме г. Нима».

Очевидно, что он был захвачен во время полицейской операции 13 октября 1307 г. Однако уже в следующем издании того же «Словаря Знати», значительно расширенного по сравнению с первым, этот пассаж исчезает со страниц, посвященных семейству Пелисье. Конечно, написание имени может варьироваться в разных документах. Это не имеет значения. Но этот отрывок, упоминающий о Ронселене де Фо, заменен другим, где говорится, что «восемнадцать Пелисье, дядьев и племянников», входили в орден за 200 лет его существования. И если Ростен упоминается по-прежнему как тамплиер, то имя Жана исчезло…

Мы говорим об издании XIX в., где содержатся новые подробности и уточнения относительно генеалогии семьи Пелисье. Не исключено, что этот поразительный Жан Пелисье исчез из-за религиозного и политического оппортунизма составителей. Так же, как исчез и Пьер Пелисье, командор приорства Пертуи в Провансе, погибший во время процесса тамплиеров.

Возвращаясь к Ронселену де Фо, который отсутствует в официальном списке Великих магистров ордена, мы приходим к предположению, что у тамплиеров существовала еще и параллельная иерархия, имевшая свой *секретный Устав.* Это мнение высказал Гуго Сиран, и, как мы увидим, оно основывается на целом ряде наблюдений.

Гишар де Марзиак, четвертый свидетель, тамплиер 50 лет, рассказывал, что в Тулузе он принял в орден некоего Гуго де Марша-на. После обряда посвящения неофита «забрали с собой *высшие братья* и долго продержали в тщательно запертом помещении». Маршан вышел от них бледный, с горящими глазами и совершенно вне себя. «На следующий день, — говорит Марзиак, — я отвел его в сторону и спросил, чем было вызвано его волнение». Маршан ответил, что рассказывать этого нельзя и что он никогда в жизни не будет знать радости. И с этого момента он всегда был грустен.

Этьен де Нерка, послушник, заявил, что, когда его сводный брат был принят *в высший орден Храма*, он впоследствии в этом весьма раскаивался.

Во время процесса английских тамплиеров трое из них дали следующие показания: «В действительности в ордене существуют два вида обряда посвящения. Первый происходит в момент принятия в орден и не содержит в себе ничего предосудительного. Второе же посвящение может состояться лишь по прошествии нескольких лет, *его удостаиваются лишь некоторые, и обряд этот держится в тайне»*[36].

В своей книге «Тамплиеры» Жиллет Сигле сообщает любопытный факт. Будучи в Англии, Великий магистр дал переписать рыцарю Вильгельму де Поклингтону некий манускрипт. При этом присутствовал капеллан Гаспар де Нофертон, принятый в орден лишь шесть месяцев тому назад. Когда он захотел заглянуть в текст, Великий магистр вырвал манускрипт из рук переписчика и унес его с собой.

В своих показаниях брат Гаспар де Кош свидетельствует, что, будучи в Палестине, он не раз слышал, как Великий магистр Тибо Годен просил братьев сдать ему все книги, имеющие касательство к Уставу ордена. Он добавляет при этом: «Я слышал, и я в это верю, что некоторые книги он сжег, другие — передал старейшинам ордена, а часть — оставил себе».

Кажется, что одна фраза из показаний тамплиера Госерана де Монпеза подтверждает существование такого секретного Устава: «У нас есть три статьи, которые никто не узнает, кроме Бога, Дьявола и магистров».

Мы не будем останавливаться на анализе текста якобы секретного Устава, «обнаруженного» в 1877 г. в архивах Великой Масонской Ложи в Гамбурге. Однако приведем одну выдержку: «Здесь начинается Книга Огненного Крещения, или Секретный Устав, составленный для Утешившихся Братьев магистром Ронселенусом». Утверждается, что этот документ подписан Робером де Самфором, прокурором ордена в Англии в 1240 г. Это — историческое лицо.

Конечно, здесь обращает на себя внимание термин «утешившийся», применяемый к братьям, получившим крещение по обряду магистра Ронселена. И было бы очень соблазнительно усмотреть в нем намек на обряд «утешения», существовавший у катаров, но тогда речь должна идти об искаженном варианте этого весьма своеобразного обряда, который мог принять лишь человек, способный по образу своей жизни воспользоваться его плодами. Естественно, к воинам-тамплиерам это не относится.

Продолжая эту мысль, рассмотрим намек на *пророка* или *лжепророка,* роль, приписываемую Иисусу.

Прецептор Нормандии Жофруа де Шарне был принят в орден Амори де Ла Рошем. Вот что он показал на допросе: «Приняв меня в орден и возложив на меня плащ, мне принесли распятие. Брат Амори приказал мне не верить в того, чье изображение я вижу, ибо это лжепророк, а не Бог».

А ведь это был Амори де Ла Рош, ближайший друг Людовика IX, будущего Людовика Святого! Другой рыцарь Храма сделал на допросе аналогичные признания. Командор, руководивший обрядом посвящения, сказал ему, когда он в ужасе отказывался плюнуть на крест: «Не бойся ничего, сын мой. Это не Господь, не Бог. Это лжепророк».

Не будем забывать, что Ронселен де Фо, которому на допросах приписывают роль распространителя ереси в ордене, был вассалом королей о. Майорка, подданных королей Арагона. *А они с оружием в руках защищали катарскую ересь в 1213 г. в битве при Мюре.* По соседству от его владений находился город Безье, зверски уничтоженный крестоносцами Симона де Монфора 22 июля 1209 г. во время Альбигойской войны (около 100 тыс. убитых). Во времена, когда Ронселен управлял орденом, это событие еще не изгладилось из памяти людей.

Таким образом, следует, очевидно, выделить два этапа в развитии тамплиерской ереси. Несомненно, в периоды перемирия с мусульманами тамплиеры имели с ними и дружеские контакты. Ислам же, как это прямо сказано в Коране, считает Иисуса одним из семи

пророков, последним перед Мухаммедом, открывшим высшую истину. Эта концепция, новая для тамплиеров, бывших в большинстве своем людьми малообразованными, существовала еще в первые века христианства и называлась *адопцианизмом.* Сторонниками адопцианистской ереси были Гермас, Теодот, Асклепиодот, Гермофил, Аполлонидес, Артемас и, наконец, Павел Самосатский. Они считали, что Иисус был только приемным сыном Бога, человеком, которого избрал Бог для конкретной миссии и которым руководил Святой Дух при ее выполнении. Такова доктрина первого периода.

Во втором периоде отношение тамплиеров к Иисусу ужесточается и он становится в их глазах лишь лжепророком. По их мнению, он лгал, когда обещал конец света еще при жизни тех, кто его слушал; он лгал, говоря о своем втором пришествии, знаменующем собой конец света и Страшный суд. Отныне для тамплиеров он — лжепророк. Возможно также, что храмовники общались с раввинами или с руководителями исмаилитской секты ассасинов, высказывавшими для них соображения, на которые тамплиерам было нечего возразить.

Возможно также, что они сталкивались с езидами, некогда многочисленным народом, остатки которого проживают в наши дни на горе Синджар в Ираке. Езиды поклонялись Малаки-таузу, богу-павлину, воплощению Люцифера. Подобно армянам, они отступили в горы, теснимые как мусульманами, так и христианами. Естественно, по религиозным мотивам. Религия езидов происходит от старинных арийских верований. Она несет на себе отпечаток зороастризма и, естественно, является дуалистической, бинарной. Все это могло соблазнить некоторых руководителей ордена и натолкнуть их на мысль создать *Тайный внутренний круг*, особую ступень посвящения. На первой же, подготовительной, от неофита требовали лишь отречься от божественной сущности Христа.

Подтверждением этой гипотезы может служить, как нам кажется, секретный ритуал второй ступени посвящения в орден, включавший в себя *поцелуй в предварительно обнаженное плечо;* «в плечо, в обнаженную плоть…», как свидетельствует брат Жофруа де Татан. А другой рыцарь, Жак де Труа, идет еще дальше: «в обнаженную плоть, в плечо и в зад…»

А Абу-эль-Кассем Мансур, прозванный Фирдоуси, персидский поэт X–XI вв., сообщает нам в своей поэме *«Шах-Наме, или Книга Царей»,* грандиозной историко-легендарной эпопее Ирана, странную легенду. Один арабский принц по имени Заххак заключил договор с Иблисом, дьяволом. Дьявол убил отца Заххака, возвел его на трон, помог ему завоевать громадную Персидскую империю и убить ее царя Джемшида. Однако он попросил разрешения поцеловать Заххака в лопатки. Тот согласился. И тут же из лопаток Заххака выросли две черные змеи, которых нужно было каждый день кормить мозгом молодых юношей. За эту плату змеи стали сторожами Заххака и позволили ему править Исфаганом в течение девяти веков. От него-то и произошло племя езидов.

Дьявол же Иблис явился Заххаку в образе павлина с распущенным хвостом. А христиане и мусульмане же обвиняли езидов, *поклонявшихся богу-павлину,* в том, что они обмениваются ритуальными поцелуями с некоторыми змеями, а также предаются содомии, гомосексуализму и кровосмесительству. Их царь, восходя на трон, убивал своего предшественника так же, как это сделал Заххак. *У них, так же как и у тамплиеров тайного круга, существовал ритуальный поцелуй в обнаженное плечо.* Очевидно, что этот обряд связан с символикой *кадуцея*, деревянного жезла, вокруг которого, так же как вокруг позвоночника Заххака, сплелись две змеи.

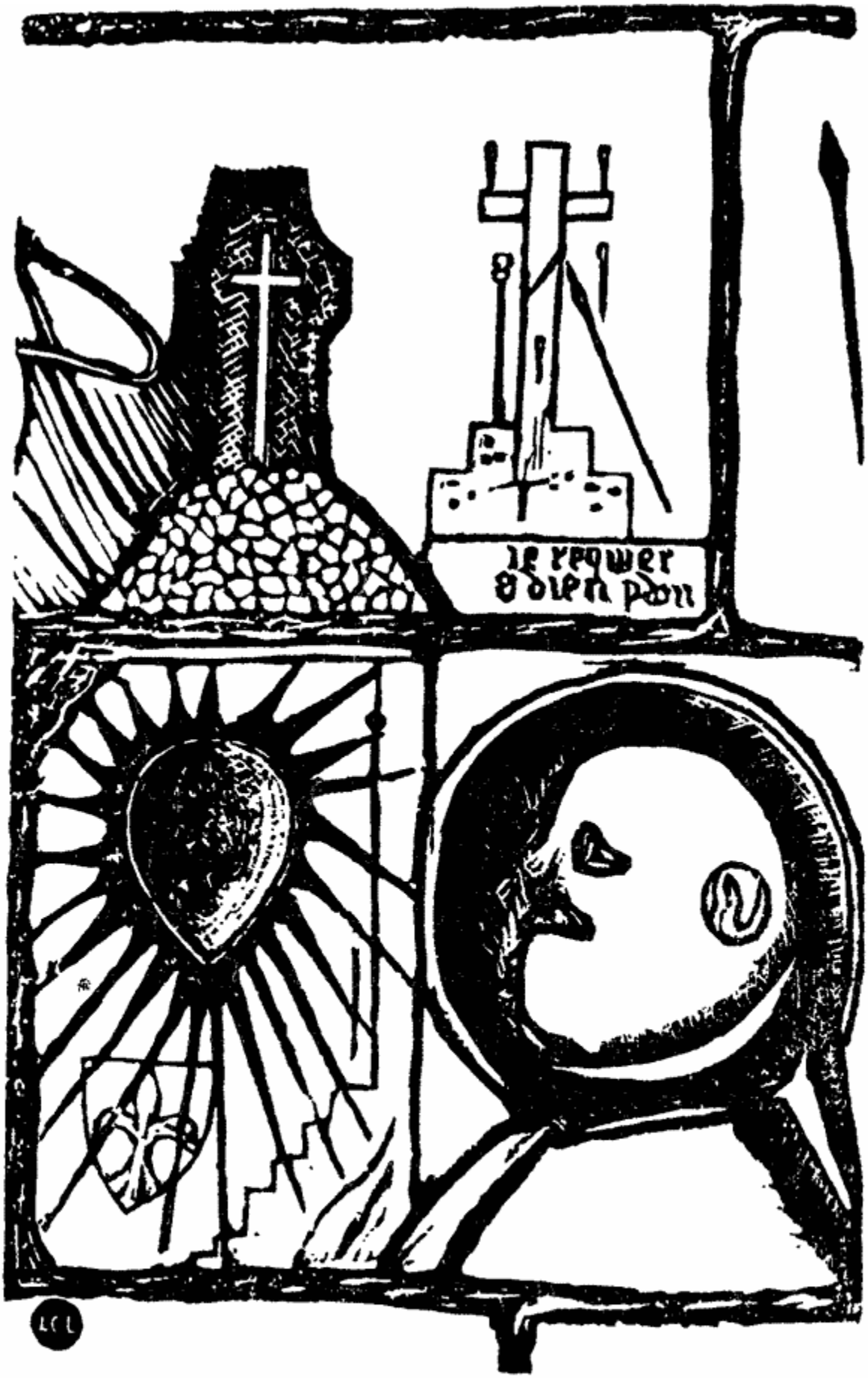
Однако напомним, что все тамплиеры, которые сообщили, что *прошли обряд тайного посвящения, и говорившие о нескольких высших ступенях в ордене,* всегда признавались лишь в отречении от Христа. Если они и были приверженцами другого религиозного учения, то в этом не признался никто.

Однако, если такое учение существовало, оно открывалось человеку постепенно, по мере прохождения им *высших ступеней.* А о них нам не известно ничего. Мы знаем лишь, что существовал ритуал отречения от Христа, введенный некогда одним из руководителей ордена. И знаем, что этот ритуал должен был иметь под собой серьезные основания, чтобы быть принятым в ту насквозь пронизанную христианской верой эпоху. Думается, что нам удалось открыть его истинное происхождение.

Incipit [illegible]
num [illegible] ¶ Qualiter
diuinum officium [illegible]
os qui sed xpi uoluptatibus ab
renunciantes atq; alij p anima
salute uobisci ad cenmiu cum eis
et armis summo regi militare
maturitas et omne seruitii in
tegrii scm canonica institutio
nem ac regularii doctorii sce ciuitatis consuetu
dine pro ac priu affectu audire uniu satiri studeat.
Ideo uobis uenerabiles fres maxime debetur qa p
sentes uite luce despecta. contepto q uiri cor poris
cruciatu sequente mundii. p dei amore uiliscere
phenit. p iniuriis diuino cibo refectiq; sacrati ac
omnicis porpris erudiri. et firmari post miste
rij diuini consumatione nullus paueat ad pugna.
sed paratus sit ad coronam. Quor oones dinicas si in
Ceterum si aliquis frater dire nequerit diere.
negocio ocupatus xpianitatis forte remotus.
quod sepius euenisse non dubitam. et pro tali ab
sencia dei seruicium ñ audierit. p matutinis xij.
oationes dinicas. ac p singulis horis septem. ¶ pro
uesperis nouem. dicere contendam. ac tubera uoce
unanimiter affirmam. Isti et enim in salutifero
labore ita directi non possunt occurrere hora co
petenti ad diuinii officium. ¶ si fieri poit horq;
constituire ñ pretreant ante institutii debitiq;

Выдержки из написанного на латыни Устава ордена тамплиеров. Это самый ранний текст, предшествовавший уставу, написанному по-французски. Первый разрешал принимать в орден рыцарей

Выдержки из написанного на латыни Устава ордена тамплиеров. Это самый ранний текст, предшествовавший уставу, написанному по-французски. Первый разрешал принимать в орден рыцарей, отлученных от церкви.



Центральная часть большой граффити из так называемой Башни

Центральная часть большой граффити из так называемой Башни Кудре в замке Шинон. В верхней части под изображением эшафота можно видеть надпись: «Я прошу прощения у Господа» и четыре группы по три точки, расположенные в форме экера (экер — портативный геодезический инструмент. — Прим. ред.) и находящиеся на каждой ступени эшафота. [Хотя рисунки Л.Шарбонно-Лассэ из книги «Горящее сердце из донжона (донжон — отдельно стоящая главная башня феодального замка. — Прим. ред.) замка Шинон»].

Официальная печать Великого магистра ордена тамплиеров.

Официальная печать ордена тамплиеров, существовавшая до 1146 г., когда папа Евгений III предоставил членам ордена исключительную привилегию носить красный крест на щите, камзоле и плаще.

Печать так называемого Секретного храма, где изображен гностический абраксас (абраксас — мифическое существо с человеческим лицом, петушиной головой и змеями вместо ног. — Прим. ред.) — символ Бога-творца.

В действительности весьма вероятно, что ассасины или иудеи могли показать магистрам ордена отрывок из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, известных и в наши дни.

К тому же надо отметить, что все манускрипты этого автора, хранящиеся в библиотеках, датируются IX или XI в. Они — произведения знаменитых монахов-переписчиков. Можно предположить, что тексты подвергались предварительной проверке и исправлению церковной цензурой. Но этот отрывок чудесным образом избежал ее, что делает его еще более ценным.

Однако, прежде чем начать его разбор, следует напомнить, как определяется понятие *силлогизм* в классической логике. В средневековой схоластической триаде логика считалась наукой о правильном рассуждении. Паскаль считал, что логика, очевидно, заимствовала свои законы из *геометрии.* Одним же из ключевых понятий логики является формула, называемая *силлогизмом.* Силлогизмом называется суждение, состоящее из трех предложений, последнее из которых, *следствие,* заключено в одном из двух первых предложений, тогда как другое подтверждает, что оно в нем содержится. Эти три предложения называются следующим образом:

— *большая посылка*, содержащая в себе предикат следствия;

— *меньшая посылка*, содержащая в себе его субъект;

— *следствие,* или *заключение,* содержащее сам вывод.

Для лучшего понимания силлогизма приведем небольшой пример:

Большая посылка: все индейцы краснокожие.

Меньшая посылка: Жеронимо, вождь апачей, — индеец.

Следствие: Жеронимо был краснокожим.

Логика учит, что, если силлогизм правильно составлен и если большая и меньшая посылки доказаны, мы обязаны признать доказанным и следствие.

Рассмотрим теперь отрывок из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, кн. XX, V, 2.

Куспию Фаду наследовал Тиберий Александр, сын Александра, бывшего алабарха Александрии, который превосходил всех своих современников богатством и знатностью происхождения. А своей верностью Господу он превзошел и сына, который изменил вере отцов. Во времена этого последнего случился великий голод, и царица Елена купила в Египте зерно за большую цену, чтобы раздать его жителям. В это же время были казнены сыновья Иуды Галилеянина, возбуждавшие народ к бунту против римлян, когда Квирин проводил перепись населения в Иудее. Их звали Иаков и Симон. Александр приказал распять их на кресте.

Заметим, что имя Иаков, или по-древнееврейски *Иакуб,* по-гречески произносилось Якобос, по-латыни — Якобус и по-французски — Жак.

Казнь на кресте двух сыновей Иуды Галилеянина, которого также называли Иудой из Гамалы (по имени его родного города) или Иудой Голонитом (по названию провинции, из которой он происходил) и который упоминается в «Деяниях святых Апостолов»[37], произошла в 47 г. н. э., так как Тиберий Александр наследовал Куспию в конце 46 г., а Вентидий Куманус сменил его в конце 47 г.

Возьмем теперь жизнь апостола Павла. Он выделяется как апостол в 45 г. Его первое миссионерское путешествие длится немногим более года. В 47 г. он находится в Иерусалиме. Естественно, не следует требовать от «Деяний Святых Апостолов» строгого хронологического изложения событий — они не являются подлинно историческим произведением. Тут то и дело появляются и исчезают ангелы, оковы спадают с узников сами по себе, так же как и отворяются двери застенков, а евнух царицы Эфиопской, окрещенный апостолом Филиппом на пути в Иерусалим, взмывает в воздух и приземляется лишь в городе Азоте, в сорока километрах оттуда! Все это, конечно, несерьезно. Остается факт, что в 47 г. апостол Павел находится в Иерусалиме. В его «Послании к Галатам» мы читаем следующее: «Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из Апостолов я не видел *никого,* кроме Иакова, брата Господня» *(Павел,* Послание к Галатам. 1,18 19).

Известно, что Петр (это греческое слово означает «камень») является прозвищем Симона, ставшего Симоном-Петром. Итак, в 47 г. в Иерусалиме Павел видится лишь с Петром и Иаковом (Симеоном и Иакобом по-древнееврейски). Но не являются ли эти Симон и Иаков-Иакоб теми двумя, о которых пишет Иосиф Флавий? На этот вопрос мы должны ответить утвердительно.

Действительно, Иуда из Гамалы, или Иуда Галилеянин, был вождем еврейских интегристов, создавших партию *зилотов.* Однако подтверждение тому мы находим в Евангелии: Симон-Петр тоже носит прозвище *Зилот.*

«Симона, прозываемого Зилотом, Иуду Иаковлева и Иуду Искариота, который потом сделался предателем» (Библия. Евангелие *от Луки,* VI, 15–16).

«…Петр и Иаков, Иоанн… Иаков Алфеев и Симон *Зилот* и Иуда, *брат* Иакова» (Библия, Деяния Святых Апостолов, I, 13).

Этот Симон имеет и другие прозвища: *бархонна,* что означает «находящийся вне закона» (а таковыми в глазах Рима были все зилоты); или *хананеянин,* от древнееврейского

слова *«хана»,* что означает «одержимый», «фанатик» и откуда произошло греческое слово «зилот».

Этот же Симон был отцом Иуды Искариота, выдавшего Христа:

«Это говорил Он об Иуде Симонове Искариоте» (Библия. Евангелие от *Иоанна*, VI, 71).

«Тогда один из учеников Его, *Иуда Симонов Искариот,* который хотел предать Его…» (Библия, Евангелие от *Иоанна,* XII, 4).

Следовательно, сомнений больше не остается. Симон Петр (по-гречески «камень») и Иаков, «брат Господа», и были теми, кого распял на кресте Тиберий Александр в 47 г. в Иерусалиме.

И они оба являются сыновьями Иуды Галилеянина, возглавившего восстание против переписи населения. А Иисус — их старший брат. Об этом можно судить по словам апостола Марка: «Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли между нами Его сестры?» (Библия, Евангелие от *Марка,* VI, 3). А то, что он старший из братьев, доказывается другим отрывком из Евангелия: «По прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать *Младенца,* дали Ему имя Иисус, нареченное Ангелом прежде зачатия Его во чреве.

А когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа, как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна[38], был посвящен Господу…» (Библия. Евангелие от *Луки,* II, 21–23).

Подтверждением того, что речь идет о братьях в прямом смысле этого слова, мы находим и в самых древних из известных нам списков Евангелия — *Синайтикусе* и *Ватикану се,* датируемых IV в. Здесь употреблен термин *«адельфос»*, означающий на греческом «брат» — но не двоюродный брат (греч. «анехнос»). У св. Жерома в его знаменитой латинской *Вульгате,* которую католическая церковь считает официально признанным текстом Евангелия, также употребляется слово *фратер* (брат) и никогда — *консорбинус* (двоюродный брат).

Первый вывод: братья Иисуса являются его родными братьями и ни в коем случае не двоюродными.

Второй вывод: они не являются его братьями от первого брака Иосифа, так как он, принося в иерусалимском храме искупительную жертву за *первенца,* продемонстрировал, что таковым является Иисус. Ведь подобную жертву человек приносил лишь один раз в жизни.

Итак, мы показали, что Иисус был старшим братом Симона Зилота и Иакова и таким образом приходится дядей Иуде Искариоту, сыну Симона.

Однако этот Симон Зилот и Иаков, братья Иисуса, были на самом деле сыновьями главы партии зилотов Иуды Галилеянина, как об этом сообщает Иосиф Флавий, которого невозможно заподозрить в задних мыслях.

Третий вывод: Иисус, таким образом, является старшим сыном того же Иуды Галилеянина, а именно поэтому в евангельских рассказах, впрочем и без того противоречивых и путаных, этот воинственный мятежник — отец — спрятан под именем вымышленного персонажа, смиренного Иосифа, того самого, которого католические, православные и протестантские толкователи Св. Писания называют «добрым старцем».

Вот и еще одно открытие.

Ибо старец не мог жениться на девственнице, так как предполагалось заранее, что он либо стерилен, либо импотент. В этом случае еврейский закон предписывал расторжение брака в двухнедельный срок.

И наконец, мы имеем право предположить, что прекрасная библиотека, хранившаяся в цитадели ассасинов — крепости Аламут, — могла иметь экземпляр *Евангелия от Варфоломея*

или что один из капелланов ордена мог наткнуться на него где-то в Палестине, у какого-нибудь раввина например. А это Евангелие в коптском манускрипте V в. содержит сообщение исключительной важности: *у Иисуса был, очевидно, брат-близнец!* Судите сами: «Он беседовал с ними на еврейском языке, говоря: „Здравствуй, мой уважаемый епископ, Петр, здравствуй, Фома, мой второй *Христос*"*».*

Этот отрывок взят из Коптских апокрифических Евангелий в переводе д-ра Е.Ревийу, вышедших в издательстве «Фирмен-Дидо». Следует отметить, что имя «Фома», которое носит один из апостолов, есть не что иное, как искаженное древнееврейское слово *«таома»,* обозначающее «брат-близнец». О том же говорят и отрывки из *Деяний Фомы* (V в.):«*Близнец Христа,* апостол Всевышнего, ты тоже посвящен в Его тайное учение, ты тоже облечен секретной миссией» (XXXIX); «Прииди, о святая сила Духа! Прииди, *священный Голубь, зачинающий близнецов!* Прииди, о сокровенная Мать» (I).

(Читатель, интересующийся подробностями этой загадки, может прочитать о них в моей книге «Иисус, или Смертельный секрет тамплиеров».)

Можно представить, какую революцию произвели в душах рыцарей Храма, многие из которых были ранее по различным причинам отлучены от церкви, эти сведения, которые им потихоньку открывали такие же, как и они, невежественные капелланы: «Иисус — сын партизанского вождя, у него был брат-близнец…»

Итак, весьма вероятно, что именно такого рода аргументы, почерпнутые у ассасинов или образованных евреев, привели постепенно руководителей ордена к мысли отвергнуть учение, которое отныне становится в их глазах ложным.

Возможно, на возникновение тамплиерской ереси оказал влияние н Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250). Король Сицилии, император «Священной Римской империи», он имел среди современников репутацию человека незаурядного. Сегодня мы считаем его первым представителем Возрождения. Знаток французского, немецкого, латинского, греческого, арабского и древнееврейского языков, интересовавшийся всем на свете, покровитель наук и искусств, он создал у себя в Палермо по-восточному пышный двор, где собрались христианские, еврейские и арабские мудрецы. Он же написал знаменитый памфлет «Три лжеца», где утверждается, что Моисей, Христос и Магомет принесли миру больше горя, чем счастья.

Именно он, а не его тезка, живший в XVII в. и друживший с Вольтером, является «Фридрихом II» некоторых высших степеней масонов.

Присутствие в ордене многих рыцарей, вышедших из катаров или отлученных ранее от церкви за ересь, богохульство и святотатство, также способствовало быстрому распространению практики *отречения,* обусловленной всем, что говорилось выше.

Но встает вопрос: являлось ли оно *посвящением* в полном смысле слова? Да, являлось.

Подлинное тантрическое[39] посвящение, которое происходит в первое полнолуние после дня зимнего солнцестояния и возобновляется в каждое новолуние, включает в себя нарушение трех табу: пищевого, сексуального и религиозного. Именно этот тантризм смыкается с так называемым «буддизмом малых шагов», который, по словам индусов, был создан самим «атеистом Буддой». Речь идет о подлинном *освобождении,* необходимом, чтобы выйти «за пределы» рабской зависимости от обычаев, религиозных предрассудков и деспотической армии священнослужителей. Так как человек соединяется с Богом лишь через свое сознание. Сердце его сжимается от страха, и лишь сознание принимает решение.

Естественно, простые катары не заходили в своем стремлении к Абсолюту так далеко, как «совершенные». И весьма вероятно, что даже те тамплиеры, которые получили более или менее полное представление о манихействе, не шли дальше весьма примитивного и неуклюжего его понимания.

Да простит нас читатель за то, что мы приведем в этой книге, которую считаем серьезной, выдержку из великолепной эпопеи «Проклятые короли» Мориса Дрюона. Хотя это и исторический роман, но в книге «Лилия и лев» мы находим великолепный образчик того примитивного манихейства, которым вдохновлялись восставшие крестьяне и забитые крепостные, когда собирались на свои шабаши.

«Встав на колени на кровати, положив руки на бедра, так что тень падала на ее лоно, Беатрис д'Ирсон говорила, широко открыв глаза:

— Пойми, Монсеньор, священники и папы в Риме и Авиньоне не учат истине. Бог не один. Есть два бога: бог света и бог тьмы, князь добра и князь зла. Еще до сотворения мира народ тьмы восстал против народа света. И для того, чтобы иметь возможность жить, ибо зло — это смерть и небытие, вассалы князя зла поглотили часть принципов добра. И поскольку они несли в себе оба начала, как добро, так и зло, они смогли сотворить мир и создать человека, в котором добро и зло переплелись в вечной борьбе. Но ведущая роль принадлежит злу, потому что оно — элемент народа-творца. Нетрудно убедиться, что существует два принципа, потому что существует мужчина и существует женщина, созданные разными, как ты и я, — продолжала она со сладострастной улыбкой. — И именно зло щекочет наши животы, побуждает их соединиться… А люди, в чьей природе зло сильнее, чем добро, должны поклоняться Сатане и заключить с ним союз, дабы быть счастливыми и преуспевать в делах. И они не должны ничего делать для князя добра — он их враг.

— У тебя больше мозгов, чем я мог подумать. Кто же тебя научил всему этому?

— Бывшие тамплиеры, — ответила она».

(Морис Дрюон. Проклятые короли, т. VI.)

Итак, оставим Беатрис д'Ирсон посвящать Робера д'Артуа в тайны «манихейства левой руки» и сделаем вывод. Исходя из документов, рассмотренных в этой главе, представляется абсолютно невозможным, чтобы внутри ордена Храма не существовало бы *Тайного внутреннего круга,* имевшего свои еще более тайные ступени посвящения, где исповедовали куда более метафизическое манихейство, чем то, которое проповедовала Беатрис д'Ирсон в постели Робера д'Артуа.

Преемники ордена

В конце этой главы читатель неизбежно поставит вопрос о преемниках тамплиеров. Это более чем логично. Скажем сразу же, что в архивах «Воспоминаний о тамплиерах», организации, ставящей своей задачей находить и разоблачать всякого рода фальшивки и измышления на этот счет, имеется немало документов, относящихся к нашему вопросу.

В действительности *с точки зрения исторической науки* лишь немногие из них являются подлинными. Мы ограничимся лишь самыми надежными данными:

а) *Орден Калатравы,* основанный в 1164 г. королем Александром Кастильским по образу цистерцианцев. В него, после роспуска ордена Храма, официально провозглашенного в булле папы Климента V «Воке кламентис», обнародованной 5 апреля 1312 г. на Венском соборе, влились испанские тамплиеры, признанные невиновными.

б) *Орден Христа,* основанный в 1318 г. королем Португалии Дени I. Он включил в себя португальских тамплиеров, также оправданных.

в) *Орден св. Андрея и Шотландского Чертополоха,* основанный королем Шотландии Робертом Брюсом 24 июня 1314 г. в день победы при Баннокбурне, когда шотландские тамплиеры помогли ему разгромить войско Эдуарда II Английского, зятя Филиппа IV Красивого. Как и предыдущие, этот орден существует до сих пор. Он присоединен к английской короне. В XVIII в. через посредничество некоторых своих членов эта ветвь тамплиеров соединилась с масонами, в результате чего возникли ритуалы ряда высших степеней: шотландского старого принятого, шотландского исправленного, шведского,

мемфисского и мисраимского рядов. А колыбелью масонского движения той эпохи была знаменитая система *строгого тамплиерского послушания* барона Хунда.

3

Правда о «деле Нельской башни» и его последствия для истории Франции и Европы

Демон и женщина всегда сообщники! Он — мастер лукавства, она неистощима на выдумки…

«Стиль куртизанок». Неизвестный французский автор, 1618 г.

В своей книге «Любовные истории истории Франции» Ги Бретон совершенно справедливо отмечает лицемерие историков — претенциозных моралистов, по вине которых наша история написана так скучно. По их мнению, события, потрясавшие Францию на протяжении столетий, имели под собой лишь серьезные основания — забота о благе государства, о чести и процветании народа. Ни у одного из них не хватило смелости сказать, что Генрих IV, которому было под 60, готовил некую войну главным образом для того, чтобы заполучить к себе в постель весьма юную (ей было 15 лет) супругу принца Конде, Шарлотту де Монморанси, в которую он был страстно влюблен. И сколько же потребовалось мужества, чтобы признать, что Наполеон III начал Итальянскую кампанию 1859 г. прежде всего под влиянием своей любовницы Кастильоне, секретного агента Кавура и будущего короля Италии Виктора-Эммануила II Савойского? И если Франция сталкивается сегодня с политическими проблемами на Корсике, то происходит это потому, что Людовик XV хотел угодить маркизе де Помпадур (которая, впрочем, была прекрасным политиком) и послал наконец экспедиционный корпус, чтобы завоевать Остров Красоты.

То же самое произошло и с пикантной историей, называемой «делом Нельской башни». В этой главе мы увидим, какие последствия оно имело для истории Франции. Можно было бы предложить в качестве эпиграфа знаменитую фразу из фильма «Проклятые короли», которую произнес Жан Пиа, игравший роль Робера д’Артуа: «Хорошая штука — женская задница! С ее помощью можно заполучить целое графство!» «С ее помощью» можно даже изменить исторические пути великой нации. В 1832 г. Александр Дюма и один из его помощников поставили знаменитую пьесу «Нельская башня». Эта мелодрама пестрит несуразицами и историческими ошибками. Маргарита Бургундская, родившаяся в 1293 г. и умершая в 1315 г. *в возрасте 22 лет,* становится, благодаря дьявольской случайности, любовницей своих братьев-близнецов, Филиппа и Пьера Готье д’Онэ, выросших без нее и достигших уже зрелого возраста!

И это лишь часть дани, которую бедняжке Истории приходится платить невежественным и бессовестным авторам. Но есть и более серьезные вещи.

Эта темная история, косвенно связанная с делом тамплиеров, как это было показано выше, имеет некоторые аспекты, на которые наброшена вуаль стыдливости, а некоторые просто-напросто замалчиваются. Короли — рогоносцы! Такого во Франции не было. Если Жак Бэнвиль в своей «Истории Франции», как и все историки-конформисты, уделяет лишь несколько строк процессу тамплиеров, то о «деле Нельской башни» он не упоминает вовсе. И однако, именно благодаря ему появляется в 1316 г. так называемый салический закон, лишающий женщин права наследовать не только французский престол, но и вообще наследовать феодальные владения.

Именно с этой даты — 1316 г., — одного из ключевых моментов истории Франции, берет свое начало смена нескольких династий: Капетинги, Капетинги-Валуа, Валуа, Бурбоны. Возникнут новые проблемы престолонаследия и завяжутся новые конфликты, прежде всего ужасная Столетняя война.

А сколько других, менее значительных событий не произошло бы без истории Нельской башни? Всего один пример: будь у Маргариты Бургундской поменьше темперамента, не

возникла бы загадка Людовика XVII и герцог Берри также не был бы убит, поскольку не существовало бы пресловутого салического закона.

И что же можно сказать по поводу официальных историков, которые, не будучи способными обнаружить некоторые детали дела, восполняют пробелы игрой своего воображения, забывая при этом, однако, договориться сначала между собой!

Анри Мартен, один из немногих авторов, упоминающих об этом событии, в своей «Истории Франции» пишет, что любовники Маргариты и Бланки Бургундской были казнены в Париже, на площади в квартале Сен-Жан. Хотя хорошо известно, что их казнили в Понтуазе в 1314 г.

По мнению историков, консультировавших Мориса Дрюона при написании книги «Проклятые короли», они были якобы «обезглавлены, после того как с них живых содрали кожу, кастрировали и колесовали».

Однако казнь через колесование появилась во Франции лишь в 1534 г. в царствование Франциска I. Первыми ей подверглись протестанты, которых затем сжигали на кострах. А впервые колесование появилось в Германии в 1309 г., когда был казнен Родольф де Варт, один из убийц императора Альбрехта I, подкупленный племянником императора Иоганном Швабским. А с любовников бургундских принцесс живьем содрали кожу, затем их кастрировали, обезглавили и повесили тела на эшафоте.

По мнению герцога Леви-Мирпуа, Маргарита Бургундская умерла в заточении в Шато-Гайаре от лишений и болезней. Хотя из хроник того времени мы знаем, что ее удавили, и сделано это было весьма кстати, так как ее супруг Людовик X Сварливый решил просто-напросто жениться во второй раз. Но, по мнению герцога Леви-Мирпуа, следует оправдать короля Франции. Известно также, что кузина Маргариты Бланка Бургундская заявила посетившему ее епископу Парижскому Этьену, что ее хорошо содержали в Шато-Гайаре и ей не хотелось бы менять место заключения. Наверняка так же обстояли дела и у Маргариты.

Прежде чем углубиться в рассмотрение особых деталей этого дела, следует проанализировать политический и династический аспекты проблемы. Мы приложим к нему краткую характеристику каждого из участников дела, с тем чтобы познакомить читателя с ними поближе.

Во-первых, каково было семейное происхождение каждой из трех главных героинь? В ту эпоху существовало два Бургундских Дома.

а) Герцогский Бургундский Дом, зависевший от французской короны. Герцогство было учреждено в XI в. королем Робертом Благочестивым для своего младшего сына Роберта, первого герцога Бургундского. В начале XIV в. им правил Роберт II, девятый герцог Бургундский, муж Агнессы Французской, дочери Людовика Святого.

У него был сын Уд IV, ставший впоследствии десятым герцогом Бургундским, и две дочери: наша героиня Маргарита и Жанна, прозванная Хромоножкой, с которой мы вскоре встретимся.

б) Графский Бургундский Дом. Графство Бургундское, более известное сегодня под именем Франш-Конте, находилось в формальной, хотя и чисто теоретической зависимости от императора Священной империи. После смерти Оттона IV, пфальцграфа Бургундского, оно перешло в соответствии с древним феодальным обычаем (так как салический закон еще не ввели) к его вдове Маго д'Артуа. Таким образом, благодаря своему вдовству, Маго стала графиней д'Артуа и Бургундской и пэром Франции. От их брака родились две дочери: Жанна и Бланка, которые разделят со своей кузиной Маргаритой все последствия этого знаменитого дела.

Познакомимся теперь с персонажами, которые появятся перед нами на исторической сцене. Начнем с трех главных героинь.

Маргарита Бургундская, родившаяся около 1290 г. и умершая в 1315 г. в возрасте 22 лет. Дочь Роберта II герцога Бургундского и Агнессы Французской, дочери Людовика Святого. В 1304 г. она вышла замуж за Людовика Сварливого, старшего сына Филиппа IV Красивого, будущего короля Людовика X, а тогда еще лишь короля Наварры, унаследованной им от его матери Жанны, графини де Шампань. Обручение Маргариты и Людовика Сварливого состоялось в воскресенье 1 февраля 1304 г. Филипп IV Красивый и Жанна Наваррская обещали родителям Маргариты сыграть свадьбу на праздник св. Дениса, то есть 9 октября 1304 г. Признанная виновной в супружеской измене с Филиппом Готье д'Онэ, она была заключена в Шато-Гайар в 1314 г., где ее и удавили в 1315 г.

Мы приблизительно знаем дату ее смерти, потому что похороны состоялись в апреле 1315 г. в церкви Кордольеров в Верноне.

Бланка Бургундская, родилась около 1296 г., скончалась в 1326 г. в возрасте 30 лет. Дочь Оттона IV, пфальцграфа Бургундского, и Маго, графини д'Артуа. Ей еще не исполнилось двенадцати лет, когда в 1307 г. ее выдали замуж за Карла Французского, графа де ла Марш[40], третьего сына Филиппа IV Красивого, которому самому тогда едва исполнилось 14 лет. От их брака родились двое детей: Филипп и Жанна, умершие в раннем детстве. Признанная виновной в супружеской измене с Пьером Готье д'Онэ, Бланка была заключена вместе со своей кузиной Маргаритой в Шато-Гайар в 1314 г. Согласно сообщениям хронистов, Жана ле Беля и Жана Фруассара, она была «одной из самых красивых женщин своего времени».

Создается впечатление, что она довольно легко переносила неволю. Хронисты Гийом де Нанжи и Жирар де Фраше пишут, что она даже забеременела в заключении. (Однако ничто не позволяет предполагать, как это сделал Мишле, что ее специально изнасиловали, чтобы обесчестить.) Когда Этьен де Бонне, епископ Парижский, прибыл в Шато-Гайар для переговоров с Бланкой относительно расторжения ее брака с Карлом Красивым по причине его недействительности, он нашел веселую, смеющуюся женщину, которая не стала чинить никаких препятствий его миссии. В порядке компенсации епископ предложил ей перевод в другое, менее суровое место заключения, на что она очень спокойно заявила, что чувствует себя прекрасно в Шато-Гайаре.

Жители деревни Андели тайно поговаривали, что Жан д'Омон и Жан де Гравилье — сторожа Бланки — скрашивали ее заключение, а любовь иногда позволяет легко переносить очень многое. Возможно, здесь и кроется причина ее беременности, о которой было тогда многим известно. Что же случилось с ребенком? Наверное, он умер в младенчестве, или был отдан на воспитание в монастырь, или был отдан чужой кормилице, или же предполагаемый отец ребенка забрал его и спрятал в своей семье.

В *«Журнале казны»,* относящемся ко времени царствования Карла IV Красивого, есть несколько записей о расходах на содержание Бланки и *лиц из ее свиты.* Идет ли речь о Жане д'Омоне и Жане де Гравилье? Известно, что комендантом крепости Шато-Гайар был сначала, в 1314 г., Робер Берсюме. В 1316 г., после смерти Маргариты, его сменил Жан де Круасси, затем Андре Тиар. Не исключено, что после них комендантами стали д'Омон и де Гравилье, каждый сроком на два года.

В 1314 г. папский престол отказал в расторжении брака. Разрешение на развод было дано 19 мая 1322 г. уже папой Иоанном XXII. Причем о супружеской измене Бланки не упоминалось вовсе. Брак признавался недействительным лишь по причине известной степени родства между супругами.

В тот же год *Карл Красивый* граф де ла Марш унаследовал престол Франции от своего брата Филиппа V Длинного, не оставившего после себя потомства мужского пола. В том же 1322 г. Карл женился во второй раз — на Марии Люксембургской, которая вскоре умерла. Его

третьей женой стала Жанна д'Эвре, родившая ему трех дочерей, но ни одного сына. Карл умер в 1328 г. в Венсенне. Он был последним представителем прямой ветви Капетингов.

Что же касается Бланки, то в 1325 г., через три года после развода, она, уже не будучи королевой Франции, но все еще оставаясь в заключении, была переведена в замок Горей около Кутанса. Это случилось в тот же год, когда Карл IV Красивый женился на Жанне д'Эвре. Неизвестно, было ли это облегчением условий заключения или же наоборот. Как бы то ни было, она провела там год и в 1326 г. была пострижена в монахини в монастыре Мобюиссон, где и умерла в возрасте 30 лет.

Есть предположение, что могила «неизвестной принцессы», находящаяся в правом приделе базилики Сен-Дени, принадлежит Бланке. Она соседствует с могилами Людовика Французского графа д'Эвре (ум. в 1319 г.), его супруги Маргариты д'Артуа (ум. в 1311 г.) и Клеменции Венгерской (ум. в 1328 г.). Могильные плиты были возвращены в аббатство Сен-Дени в 1816 г. из монастыря Малых Августинцев, где их с риском для жизни спрятал от разрушительной ярости санкюлотов Александр Ленуар. Так что не следует видеть в их соседстве никакого исторического смысла.

Жанна Бургундская дополняет трио так называемых «бургундских сестер», хотя лишь две из них являются таковыми в прямом смысле слова. Она родилась около 1292 г. и умерла 21 января 1329 г. Старшая дочь Оттона IV, пфальцграфа Бургундского и Маго, графини д'Артуа, она в 1307 г., в год свадьбы своей сестры Бланки с Карлом Красивым, вышла замуж за его брата Филиппа, графа де Пуатье и будущего короля Филиппа V Длинного.

Осужденная за сообщничество в супружеской измене своей сестры Бланки и своей кузины и невестки Маргариты, очевидно, на основании показаний лиц, «допрошенных» с пристрастием одновременно с братьями Готье д'Онэ, она была заключена в башню Дурданского замка, бывшего в то время центром «местности» Юрпуа. В этой крепости, построенной в 1222 г. Филиппом Августом, она находилась до 1315 г., когда король Людовик X Сварливый освободил ее по ходатайству своего брата Филиппа, мужа Жанны.

От этого брака родились три дочери: Жанна, вышедшая замуж за герцога Бургундского, Маргарита, вышедшая замуж за графа Фландрского, и Изабелла, будущая супруга дофина Венского. Затем, уже после ее освобождения, в 1316 г. у нее родился сын, названный Филиппом. Сообщение об этом мы находим в бухгалтерских книгах Жофруа де Флери, придворного ювелира Филиппа Красивого. Однако специалисты по генеалогии упоминают еще об одном сыне, который родился в 1315 г. (год освобождения Жанны) или же годом раньше. Таким образом, он был зачат во время заключения ее в Дурдане. Ребенок якобы был наречен Людовиком, что позволяет сделать вывод, что его отцом был Филипп де Пуатье, а крестным — Людовик X Сварливый. Любое другое объяснение было бы неправдоподобным, ибо в противном случае примирение между супругами перед лицом такого скандала было бы невозможным, и Жанна оставалась бы в Дурдане до конца своих дней. Напротив, следует допустить, что именно беременность, последовавшая после посещения ее супругом, послужила причиной освобождения Жанны Бургундской. Невозможно представить себе крещение ребенка в Дурданской тюрьме. Ведь речь идет о «Сыне Франции», которому нужны крестные того же ранга и церемонии, подобающие рождению *первенца* Филиппа де Пуатье, возможного претендента на престол. К этому следует добавить радость, вызванную рождением ребенка. Все это обусловливало освобождение матери из-под стражи.

Следует также сообщить некоторые подробности об ее муже. Филипп V Длинный, родившийся в 1294 г., король Франции с 1316 г., умер в 1322 г. От своего отца Филиппа Красивого получил титул графа де Пуатье. Благодаря женитьбе в 1307 г. на Жанне Бургундской он становится пфальцграфом Бургундским и сеньором Салена. Пэр Франции с 1315 г., когда в Шато-Гайа-ре умирает Маргарита Бургундская. После смерти Людовика X Сварливого в июне 1316 г. он становится регентом королевства, а после кончины Иоанна I, посмертного сына Людовика (15 ноября 1316 г. — 19 ноября 1316 г.), — королем Франции.

Он умер, не имея наследников мужского пола, так как оба его сына от Жанны Бургундской — Людовик (1315) и Филипп (1316), о которых говорилось выше, — умерли в раннем детстве.

Теперь настает черед Маленькой Жанны, графини д'Эвре, дочери Маргариты Бургундской и Людовика X Сварливого, подозреваемой в том, что она — незаконная дочь Филиппа Готье д'Онэ. По этой причине ее устраняют от престолонаследия, а легисты, тайные ненавистники знати, получают задание подыскать этому акту какое-либо законное обоснование. Они его находят. Это закон, получивший название *салического.*

Исходно существовал сборник обычаев франков, называвшийся «Салической Правдой». Древний текст, наверняка подвергшийся изменениям в эпоху царствования Хлодвига, перерабатывался потом еще несколько раз. Последняя редакция («Lex salica emendata») датируется временем Карла Великого. Примерно на две трети «Салическая Правда» состоит из текстов, регламентирующих торговые сделки. Она включает в себя также процессуальные статьи и несколько разделов, посвященных частному праву. Именно там и находится знаменитый отрывок, так называемый *Алодис,* в котором женщины исключаются из числа наследников земельных угодий, доставшихся от предков, так как, выходя замуж, они покидают семью и живут во владениях мужа. Вследствие чего им запрещается получать в качестве приданого их долю земельного наследства.

Как мы видим, салический закон преследует лишь одну цель: воспрепятствовать тому, чтобы наследственные земельные владения (фьеф) попали в руки другой семьи в результате брака. Однако дело обстояло иначе, если дочь являлась законной наследницей своего отца и становилась владелицей его земель. В этом случае ее муж становился в известном смысле «сеньором-соправителем», она же оставалась законной хозяйкой отцовского наследства и передавала его затем своему сыну. Мы вскоре увидим, что именно так произошло с Жанной, графиней де Шампань и королевой Наваррской. Выйдя замуж за Филиппа IV Красивого, она оставалась хозяйкой в своих землях и передала их потом своему старшему сыну Людовику Сварливому.

Точно так же и Анна де Монфор, герцогиня Бретани, выйдя замуж сначала за Карла VIII, а затем за Людовика XII, была королевой Франции, но ее мужья никогда при этом не становились герцогами Бретонскими. И действительно, если Маленькая Жанна, графиня д'Эвре (которой, впрочем, оставили королевство Наваррское, доставшееся ей от отца), и была лишена прав на французский трон, то это произошло лишь *по подозрению,* что она *незаконнорожденная.* Основная масса феодалов еще долго сопротивлялась салическому закону, по которому имение должно было достаться какому-то племяннику, а не родной дочери, как это было на протяжении веков.

Заметим в этой связи, что псевдосалический закон ни разу не упоминался ни при воцарении Филиппа V Длинного, ни при коронации Филиппа VI Валуа. И лишь в 1358 г. в памятной записке *Жана* Леско, посланной на имя короля Иоанна Доброго и его сына регента Карла (будущего Карла V Мудрого) мы встречаем упоминание об этом акте.

Мы увидели всех главных действующих лиц «дела Нельской башни», ибо именно под таким названием оно известно широкой публике. Теперь следует познакомиться с их прародителями.

Людовик X Сварливый, Карл IV Красивый и *Филипп V Длинный* были сыновьями *Филиппа IV Красивого* (1268–1314). Он же родился от брака короля *Филиппа III Смелого* и *королевы Изабеллы Арагонской.*

В 1284 г. он женился на *Жанне, королеве Наваррской и графине де Шампань.* От этого брака он имел трех сыновей, названных выше. Королева Жанна родилась в Баре-на-Сене в 1273 г. и скончалась в Венсенне 2 апреля 1304 г. Дочь Генриха I Толстого, короля Наваррского и графа де Шампань, она, в соответствии с бытовавшим тогда феодальным обычаем, без проблем унаследовала владения отца. *По тем же причинам она сохранила за*

собой управление этими территориями, и, женившись на ней, Филипп Красивый вовсе не стал королем Наварры или же графом де Шампань. Наваррскую корону Жанна передала своему старшему сыну Людовику, прозванному Сварливым, мужу Маргариты Бургундской.

Будучи женщиной свободолюбивой и решительной, Жанна изгнала из пределов своей Наварры арагонцев и кастильцев, захвативших королевство после смерти ее отца Генриха I. Затем она разбила войска графа Барского, оккупировавшего ее графство Шампань в 1297 г. Следует предположить, что в этом ей помог муж — Филипп IV Красивый.

Филипп IV, человек молчаливый, но очень красивый, «подобный статуе, изваянной из камня», по выражению хронистов той же эпохи, человек, много размышлявший, но очень мало говоривший, родился в Фонтенбло в 1268 г. и умер там же в 1314 г. Помимо трех сыновей от брака с Жанной Наваррской, он имел дочь Изабеллу, которая вышла замуж за короля Англии Эдуарда II Плантагенета, происходившего из графского дома Анжу, то есть «французского короля», как величают его британские учебники истории. Этот Эдуард II был, к сожалению, гомосексуалистом. Лишенный престола своей супругой Изабеллой, он был убит в 1327 г. в тюрьме в Беркли, посаженный, по приказу любовника королевы Роджера Мортимера, на раскаленный докрасна железный прут.

Чтобы проникнуться той атмосферой трагизма, в которой жили последние Капетинги еще задолго до знаменитого проклятья Жака де Моле, следует познакомиться также и с родителями Филиппа Красивого.

Филипп III Смелый в первом браке был женат на Изабелле Арагонской, которая родила ему трех сыновей: Людовика, Филиппа Красивого и Карла Валуа. Сын Людовика Святого и Маргариты Прованской, Филипп III родился в 1245 г., взошел на престол в 1270-м и скончался в 1285 г. Во второй раз он женился на Марии Брабантской, графине Фландрской, королеве Сицилии и Иерусалима. Мария родилась в 1254 г. Она была дочь Генриха III, герцога Брабантского и Аделаиды Бургундской. В 1274 г. она, в результате брака с Филиппом III, стала королевой Франции. Она много покровительствовала поэтам и родила своему мужу лишь одного сына — Людовика графа д'Эвре.

К несчастью, в 1276 г. некий Пьер де ла Бросс, бывший брадобрей и придворный хирург Людовика Святого и фаворит Филиппа III, обвинил Марию Брабантскую в том, что она якобы отравила Людовика, старшего сына короля от брака с Изабеллой Арагонской. Поскольку легисты ненавидели ла Бросса, обвинение обернулось против него самого и при дворе победила партия *«брабантцев».* Его быстро и тайно осудили и повесили на Монфоконе. Встает вопрос: кто же отравил юного Людовика? Сомнительно, чтобы это сделал ла Бросс с целью дискредитации королевы — слишком велик был риск. Да и если бы судьи были действительно в этом уверены, он понес бы куда более тяжкое наказание. Напротив, не исключено, что Мария Брабантская предпочла бы видеть на троне своего сына, а не несчастного принца Людовика, который напоминал ей первую супругу мужа. На это можно возразить, что гибель Людовика вовсе не зависела от прав на престол других его братьев, и тем самым это убийство становилось бессмысленным.

Как бы там ни было, загадка не разгадана. А теперь приступим наконец к «делу Нельской башни».

Чем была вначале знаменитая Нельская башня? Обыкновенной башней (так в средние века называли маленькие укрепленные замки), построенной на левом берегу Сены и входившей в систему старых укреплений Парижа. К ней была пристроена небольшая башенка, снабженная винтовой лестницей. Ее упоминают еще в 1210 г. под названием Tornella Philippi Hamelini super Senacam, то есть «башня Гамелена на Сене», по имени парижского прево, который ее строил.

Один из сеньоров Нельских пристроил в XIII в. к башне дом, и весь ансамбль стал называться «Дворец башни». Сегодня на его месте находится здание Французского

института. На западной стороне территория усадьбы заканчивалась валом Филиппа-Августа и рвом, носившим название «Йельского рва». Сейчас тут проходит улица Мазарини. Затем усадьба распалась на *Большой Нелье, Малый Нелье* и *Сежур де Нелье.* Впоследствии на ее месте были построены «Отель Невер», «Отель Генего», особняки Конти и Монне. Нельскую башню и Нельский дворец снесли лишь в 1663 г., когда на их месте был построен Коллеж Мазарини, или Коллеж четырех наций, присоединенный в 1805 г. к Французскому институту.

Но вернемся назад.

Филипп V Длинный подарил в 1319 г. Нельский дворец своей супруге Жанне Бургундской, будущей Жанне Вдовствующей (узнице Дурданского замка). Она же перед смертью в 1325 г. завещала его Бургундскому коллежу, основанному ею при Парижском университете для студентов-бургундцев. Наверняка Жанна Бургундская, овдовевшая в 1322 г., сама жила в Йельском дворце. Однако нет никаких оснований подозревать ее в ночных развлечениях со студентами университета. Народная молва, которая часто воспроизводит, хотя, естественно, и в деформированном виде, те же факты, что и хронисты, не выдвигает против Жанны обвинений подобного рода. Мы не можем быть столь же категоричными по поводу Клеменции Венгерской, вдовы Людовика *X* Сварливого. Но если что-то у нее и было, то, во всяком случае, не в Нельской башне.

Итак, благодаря великодушному завещанию Жанны Бургундской, в Нельском дворце обосновался *«Дом студента».* В действительности она продала усадьбу Филиппу VI Валуа за тысячу ливров наличными. Эти деньги, а также 200 ливров ренты и пошли на содержание «Дома студента», превратившегося впоследствии в знаменитый Бургундский коллеж.

Через семь лет после ее смерти, в 1332 г., Филипп VI Валуа передал Нельский дворец своей супруге Жанне Бургундской, прозванной Хромоножкой, — сестре Маргариты, которая умерла в 1348 г. от чумы.

И здесь наконец появляются первые проблески света о «деле Нельской башни». Вполне вероятно, что именно ее имела в виду народная молва, говоря *О бургундской принцессе, именуемой Жанной,* которая иногда приглашала к себе в покои *молодого студента,* проводила с ним ночь, а утром надежные слуги убивали его и сбрасывали в Сену, зашив в мешок.

Жанна Хромая (Хромоножка), королева Франции с 1328 по 1348 г., действительно славилась распущенностью и злобным нравом, за что, бывало, ее поколачивал супруг Филипп VI. Целью этой женщины было сеять зло, и лишь ее положение принцессы королевской крови, а затем и королевы Франции позволяло ей избежать заслуженной кары за совершенные преступления.

Действительно, по материнской линии через Агнессу Французскую она приходилась внучкой Людовику Святому, а по отцовской линии, через Роберта II, герцога Бургундского, она восходила к Роберту Благочестивому и дальше по прямой линии к Гуго Капету — основателю династии Капетингов. Будучи не слишком разборчивым в средствах, Гуго Капет в 991 г. благодаря предательству архиепископа Реймского Адальбероиа взял в плен Карла I, герцога Лотарингского, прямого наследника Карла Великого и последнего из Каролингов. Герцог Карл был посажен в каменный мешок в Орлеане, где и умер год спустя. Таким образом, у Капета не осталось конкурентов.

Возможно, природное злонравие Жанны развилось вследствие ее физических недостатков — она была уродлива и хромала. Как бы там ни было, в моральном отношении она была столь же распущенна, как какой-нибудь Жиль де Ре или Эржбет Батори, печально известная «кровавая графиня». Не она ли однажды ночью украла у своего мужа печать, чтобы скрепить ею приказ о казни Робера де Бертрама, барона де Брикбека, виконта де Роншевиля и де Фогернона, прозванного «рыцарем зеленого льва»[41], и личного друга Карла VI, ее мужа. Лишь осторожность должностных лиц, попросивших устного подтверждения

приговора от короля, спасла Робера де Бертрама от смерти. В другой раз она попыталась убить в ванне с ядом одного епископа, который, как и Робер де Бертрам, ей чем-то не угодил.

Однако народная молва ошибочно приписывает ночные преступления в Нельской башне не ей, а совсем другой королеве — Жанне, супруге Филиппа IV Красивого, королеве Наваррской и графине де Шампань, о которой мы упоминали выше.

Женившись на ней, Филипп Красивый вовсе не стал королем Наварры и графом де Шампань. По феодальному обычаю, действовавшему в те времена, она сама продолжала вместе с матерью управлять своими землями. Потом она передала Наварру своему сыну Людовику Сварливому. Что же касается графства Шампанского, то оно попало в зависимость от французской короны лишь в 1361 г. при Иоанне II Добром. Красивая, образованная, гордая женщина с независимым характером, за что современники считали ее надменной, победительница кастильцев и арагонцев, Жанна Наваррская, конечно же, не стала бы прибегать для удовлетворения своих сексуальных потребностей к услугам школяров или перевозчиков, хотя и была замужем за Филиппом Красивым, человеком холодным и не интересовавшимся женщинами. Возможно, у нее и было несколько галантных приключений, ведь при дворе было сколько угодно красивых сеньоров. Но жила ли она иногда в Нельской башне? Нет.

На самом деле Жанна Наваррская, родившаяся в 1273 г. в Баре-на-Сене, умерла в Венсенне в 1304 г. за четыре года до того, как в 1308 г. ее супруг купил у Аморн Нельского «Дворец Башни». Таким образом, оказывается, что виновницей преступлений, о которых говорит народная традиция, может быть только Жанна Бургундская, прозванная *Хромоножкой.*

А уж она-то была более чем способна на такие вещи. Некрасивая, хромая, злобная и порочная, могла ли она рассчитывать на благосклонное внимание какого-нибудь знатного сеньора? Напротив, при помощи хитроумных помощников ей ничего не стоило заманить в свои покои из находившегося тут же «Дома студента» какого-нибудь отчаянного школяра или крепкого лодочника, ничего не имеющего против знакомства с таинственной знатной дамой, тоскующей по любовным утехам. Подогреть честолюбие и любопытство увесистым кошельком: дело сделано — и концы в воду… да простит мне читатель столь мрачную игру слов.

Это не могло продолжаться долго. В Париже, который тогда по площади равнялся едва ли четырем нынешним округам, новости распространялись очень быстро. И скоро поползли слухи, что лодочники стали вылавливать из Сены раздутые мешки, где находили трупы молодых людей, зарезанных и брошенных в воду.

Поэт Франсуа Вийон отразил этот факт в своей «Балладе о Дамах былых времен»:

Где королева, чьим веленьем

Злосчастный Буридан казнен,

Зашит в мешок, утоплен в Сене?..

Но где снега былых времен?

(Перев. Ф.Мендельсона)

А Франсуа де Монкорбье, прозванный Вийоном по имени его покровителя Гийома де Вийона, капеллан из Сен-Бенуа-ле-Бетурне, тоже в свое время был школяром. Он получил степень бакалавра в 1449 г., а степень лиценциата — в 1452 г. Наверное, неутомимый бродяга Вийон почерпнул этот факт в студенческой среде. Буридан, родившийся незадолго до 1300 г. и умерший после 1366 г., был в 1327 г. ректором Парижского университета. В этом качестве он неоднократно посещал «Дом студента» в Нельском дворце.

В 1332 г., когда там жила Жанна Хромоножка, ему было около 32 лет. Он вполне мог попасться в ее ловушку и каким-то чудом вырваться из нее или же, наоборот, вообще избежать этой западни благодаря помощи студентов.

А теперь перенесемся не в Нельскую башню, а в Понтуаз и Мобюиссон. Эта область была в действительности излюбленным местом пребывания Филиппа IV Красивого, а также его сыновей и преемников. Это можно легко проследить по некоторым событиям.

28 апреля 1301 г. Филипп Красивый пребывал в Асньере-сюр-Уаз. 8 октября 1308 г. он находился в том же городке, недалеко от аббатства Руайомон, основанного его предком Людовиком Святым.

16 мая 1311 г. он жил в аббатстве Мобюиссон, где написал 17 мая свое первое завещание. 5 июня того же года он собрал свой «парламент» в Понтуазе, городе, находившемся по соседству с Мо-бюиссоном. Комиссары, которым поручили расследовать дело тамплиеров, были собраны королем также в Мобюиссоне.

1 июня 1312 г. был подписан Понтуазский договор, по которому Роберт III граф Фландрский уступил Филиппу Красивому г. Лилль. 10 июля 1315 г. Филипп V Длинный, супруг Жанны Бургундской (Жанны Вдовствующей), находился в Понтуазе, где подписал указ об управлении своим «домом» и назначил мажордома Франции. 28 июля 1318 г. он был там же.

18 мая 1320 г. Жанна, дочь Карла IV Красивого, тогда еще графа де ла Марш, была похоронена в аббатстве Мобюиссон.

13 июня 1320 г. Филипп V Длинный находился в аббатстве Мобюиссон.

19 мая 1335 г. Филипп VI Валуа обосновался в свою очередь в аббатстве.

Чем же это место так привлекало последних прямых наследников Капетингов?

Мобюиссон находился на территории нынешней коммуны Сент-Уэн-л'Омон, в непосредственной близости от Понтуаза. Знаменитое цистерианское аббатство было основано Бланкой Кастильской в 1236 г. Сначала оно помещалось в Онэ, но потом было переведено в 1243 г. в Мобюиссон и стало излюбленным местопребыванием потомков королевы. Указ об его основании датируется 12 марта 1241 г. В нем Бланка Кастильская объявляет об основании и строительстве на ее собственные деньги аббатства «в местности, именуемой Онэ». Однако в действительности строительные работы начались на пять лет раньше.

Именно в Мобюиссоне Бланка постриглась в монахини, а ее сын Людовик Святой подписал декрет о запрещении судебных поединков и о замене их заслушиванием свидетельских показаний. Впрочем, практика судебного поединка еще долго существовала в других районах Франции. В Мобюиссоне же 25 сентября 1307 г. состоялся королевский совет, на котором Филипп Красивый принял решение об аресте тамплиеров.

Не следует удивляться тому, что короли и принцы жили в аббатствах и монастырях. Во время своих переездов они помещались там со своей свитой.

Если в близлежащем городе не было укрепленного замка с сильным гарнизоном, именно в монастыре они чувствовали себя в безопасности. Тем более, что монастыри и аббатства всегда имели оборудованные *гостевые палаты,* предназначенные для приема паломников. И поскольку они считались святым местом, любое нападение на монастырь приравнивалось к святотатству.

В начале XVII в. Генрих IV заставил аббатство Мобюиссон, имевшее тогда статус *коменда* (то есть обязанное выплачивать треть доходов своей настоятельнице), принять в качестве аббатисы Анжелику д'Эстре, сестру его фаворитки Габриэли д'Эстре. Но вышеназванная Анжелика имела 12 незаконнорожденных детей от разных отцов. Она повела себя так, что при Людовике XIII Цистерианский орден, к которому относился Мобюиссон, вынужден был направить в аббатство следственную комиссию. Когда следователи прибыли,

Анжелика д'Эстре приказала арестовать их, выпороть и посадить в монастырскую тюрьму. Для того чтобы их вызволить и изгнать из монастыря гневную настоятельницу, пришлось применить вооруженную силу. Заметим попутно — и чтобы вы лучше поняли атмосферу аббатства того времени, — что, вплоть до начала XVIII в., содержательницы публичных домов прозывались *аббатисами.*

Перед лицом этих обстоятельств орден цистерианцев направил в 1618 г. в Мобюиссон мать Анжелику де ла Мот Арно, сестру Робера Арно Д'Андили, принявшую в монашестве имя Анжелики де Сен-Мадлен. Она стала аббатисой в 11 лет, благодаря подлогу, так как в Риме ее объявили на 6 лет старше. Поскольку она обучалась в Мобюиссоне, руководство ордена решило поручить ей навести хоть какой-то порядок и восстановить достоинство монастыря. К сожалению, Анжелика д'Эстре прибегла к помощи наемных солдат и силой выставила из аббатства новую настоятельницу, прежде чем окончательно удалиться из этих мест.

Мы рассказываем об этих событиях, случившихся значительно позже нашей истории, лишь для того, чтобы дать представление читателю о нравах, царивших в монастырях на протяжении столетий. Выше мы уже приводили ряд примеров. Вот еще два свидетельства, которых будет вполне достаточно для данной главы.

Вот что сообщает нам Николя Клеменжи, ректор университета и архидиакон г. Байо, в своей книге «О развращении монашеского сословия» и что, как нам кажется, вполне характеризует XIV в.: «Сколь много печального можно сказать о женских монастырях. Они более похожи не на общины девственниц, посвятивших себя Богу, но на дома проституции, где женщины предаются дебошу, блуду, кровосмесительству, любому разврату, бытующему у публичных девок! И являются ли наши монастыри чем-либо иным, как не гнусными вертепами Венеры, куда стекаются сладострастные и бесстыдные юноши, дабы утолить свою похоть? И разве не общепризнано сегодня, что отдать девушку в монастырь — это все равно, что продать ее в вертеп разврата?» (глава «О бесстыдной жизни монахинь»).

В свою очередь Жан Жерсон, кюре церкви Сен-Жан-ан-Грев, каноник собора Парижской Богоматери, канцлер университета и Парижской церкви и выдающийся богослов (1363–1429), также мечет громы и молнии:

«Отверзните же ваши очи, и вы увидите, что монастыри и обители походят на вертепы разврата…» (Заявление об испорченных нравах монахов).

Итак, если мы вернемся к трем принцессам Бургундским, не следует удивляться нашему утверждению, *что они встречались со своими любовниками не в Нельской башне в Париже, но делали это в Понтуазе, причем в двух конкретных местах:*

а) *в Нельском отеле в Понтуазе,* принадлежавшем семейству Нель, которые были сеньорами городка Нель-ла-Валле, расположенного неподалеку;

б) в аббатстве *Мобюиссон* в Понтуазе.

Если Филипп Красивый находился в Мобюиссоне, любовные свидания его невесток проходили в Нельском дворце в Понтуазе, если же он и его свита пребывали в городском замке (разрушенном в 1739 г.), то свидания назначались в Мобюиссоне.

Надо сказать, что фамилия Нель вообще отмечена печатью трагизма. На месте, где стоял фамильный замок Нель, сейчас находится частное владение с большим садом. В саду есть (или был) источник, дающий начало ручейку, впадающему в р. Визону. Это одно из изумительных мест, украшающее довольно однообразный пейзаж. Во времена, к которым относится трагедия бургундских принцесс, Алисия, дочь сеньора де Неля, полюбила конюшего своего отца по имени Беранже. Слуги сеньора по его приказу убили юношу. Алисию насильно постригли в аббатство Мобюиссон, а источник, около которого встречались возлюбленные, стал называться *«источником любви».*

Теперь следует сделать ряд наблюдений. Во-первых, маленькая Жанна, официально считающаяся дочерью Людовика Сварливого и Маргариты Бургундской, родилась 28 января

1311 г. Следовательно, она была зачата около 28 апреля 1310 г. А к этому времени, согласно показаниям братьев Готье д'Онэ, Филипп уже состоял в связи с Маргаритой. Отсюда возникли сомнения относительно законного происхождения Жанны.

Во-вторых, мы только что увидели атмосферу сексуальной распущенности, царившую в женских монастырях. Известно, что с 1308 г. аббатисой Мобюиссона стала Изабелла де Монморанси. А кто она такая? Не более не менее, как невестка Пьера Готье д'Онэ, женатого на ее сестре Агнессе… Когда завязалась любовная интрига между ее свояком Филиппом и Маргаритой, не стала ли она покровительствовать любовникам? А почему бы и нет?

Мы прекрасно знаем, что около 1385 г. Изабо Баварская, супруга Карла VI, и Валентина Висконти, герцогиня Миланская и жена Людовика Орлеанского, брата Карла, договорились предоставить друг другу своих мужей в качестве любовников. Эта сделка произошла после небезызвестных оргий в Боте-сюр-Марн и Лувре, где вполне обнаружились личные пристрастия обеих дам.

Очевидно, ошибка всех историков, занимавшихся этим делом, происходит из-за совпадения названий *Нельского замка в Париже* и *Нельского замка в Понтуазе.*

В чем же состоит ошибка? Скажем прямо: не существует никаких данных о коллективных оргиях, групповом сексе или обмене любовниками относительно этих трех дам. Тем более не может идти речь о тайном умерщвлении случайных любовников.

Определенно известно, что две из них: Маргарита Бургундская, супруга Людовика Сварливого, и Бланка Бургундская, жена Карла Красивого, — были уличены в супружеской измене. Что касается Жанны Бургундской, сестры Бланки и жены Филиппа Длинного, то она была осуждена за соучастие и покровительство любовникам.

Однако следует признать, что в деле остается много таинственного. Конечно, *придворные конюшие* Маргариты и Бланки по имени Филипп и Пьер Готье д'Онэ подверглись ужасной казни. Младший, Филипп, был любовником Маргариты, а старший, Пьер, — Бланки. Их отец Готье д'Онэ (имя неизвестно), сир де Монси-ле-Нёф дю Мениль де Гран-Мулен, был вассалом Филиппа де Пуатье (Длинного). Пьер был женат на Агнессе де Монморанси, что говорит о знатности рода (женат на Монморанси!), а младший брат Филипп был еще холост.

Увы, победа над дамами из высшей знати не принесла им счастья. В пятницу 19 апреля 1314 г. их раздели донага, привязали к хвостам лошадей и проволокли по свежевыкошенному лугу, переворачивая то на спину, то на живот, чтобы предварительно содрать живьем кожу. Затем палач отсек им сначала половые органы и потом — головы. Тела их были подвешены на крюки на виселице в Понтуазе и были оставлены так на поживу хищным птицам.

Наверняка они под пытками на допросах признались во всем, в чем их обвиняли. Наверняка же они признались и в колдовстве, ибо после крестовых походов и контактов с Востоком к традиционно европейским бесовским методам добавились и такие элементы арабской магии, как всевозможные любовные эликсиры. Ибо весьма маловероятно, что два простых конюших (они не были даже рыцарями) были бы единственными любовниками Маргариты и Бланки.

Не подверглись ли эти, к тому же не слишком красивые молодые люди (один из них был немного горбат) своего рода «примерной казни» за неимением возможности наказать других виновных, которых защищало их высокое происхождение? А сами бургундские принцессы, не они ли щеголяли при дворе в платьях с разрезами до бедра? Напомним, что в те времена никакого нижнего белья, кроме рубашки, не носили. И не их ли скандальное поведение возмущало придворных?

И кто, как не мать одной и тетка другой, Маго д'Артуа, была лесбиянкой и нимфоманкой, не брезговавшей ни конюхом, ни кучером, ни девчонкой-служанкой, ни развратной

фрейлиной. И не от этой ли безудержной развратницы унаследовали Жанна и Бланка свой горячий темперамент?

И кто поверит, что Жанна была лишь простой свидетельницей неприкрытых любовных шалостей своей сестры и кузины? А разве Маргарита Бургундская не была внучкой Маргариты

Провансальской, жены Людовика IX, хранившей, конечно, верность своему супругу, но наделенной весьма незаурядным темпераментом, как об этом сообщают хронисты, и в частности сир де Жонвиль, автор *Истории Людовика Святого?* Да и сам король не уступал в чувственности супруге. Да, это установленный факт. Так каков же вывод?

На протяжении столетий при французском дворе содержались шуты-карлики и уродцы, которым порою стоило большого труда удовлетворять «любопытство» некоторых придворных дам.

Мода на шутов существовала очень давно. Известно, что шут был уже при дворе Людовика Благочестивого в 814 г. При дворе Карла V их было трое, а в свите его жены Жанны Бурбонской (Безумной) и того больше. Все они считались состоящими на официальной должности. Имя одного из шутов дошло до нас, как благодаря его беспримерному остроумию и дерзости, так и в результате его громких успехов в постелях некоторых высокопоставленных особ. Его звали Тевенен де Сен-Лежье, и многие дамы мечтали познакомиться с изысканными развлечениями, коими он услаждал всю ночь напролет их подруг.

Поэтому более или менее заметный горб одного из братьев д'Онэ вовсе не служил помехой.

Заметим походя, что если официальная версия обвиняет братьев в использовании магии для соблазнения принцесс, то, по слухам, именно дамы прибегли к колдовству того же рода.

Будучи молодыми и красивыми, они в этом, конечно же, не нуждались. Но их положение отпугивало любого мало-мальски осторожного и разумного человека. Это было слишком опасно — ведь совращение жены сюзерена неминуемо каралось смертью.

Известно только, что во время следствия, проведенного по настоянию Филиппа Красивого и в результате которого погибло немало людей, замешанных в эту историю, был найден некий монах, весьма сведущий в вопросах колдовства.

Будучи лицом духовным, он находился в привилегированном положении — его дело разбирал церковный суд, который приговорил его лишь к пожизненному заключению в одиночной камере на хлебе и воде.

Что говорить о том, что в деле явно не обошлось без колдовства.

Теперь перед нами предстанет последний персонаж, на котором и закончится эта глава.

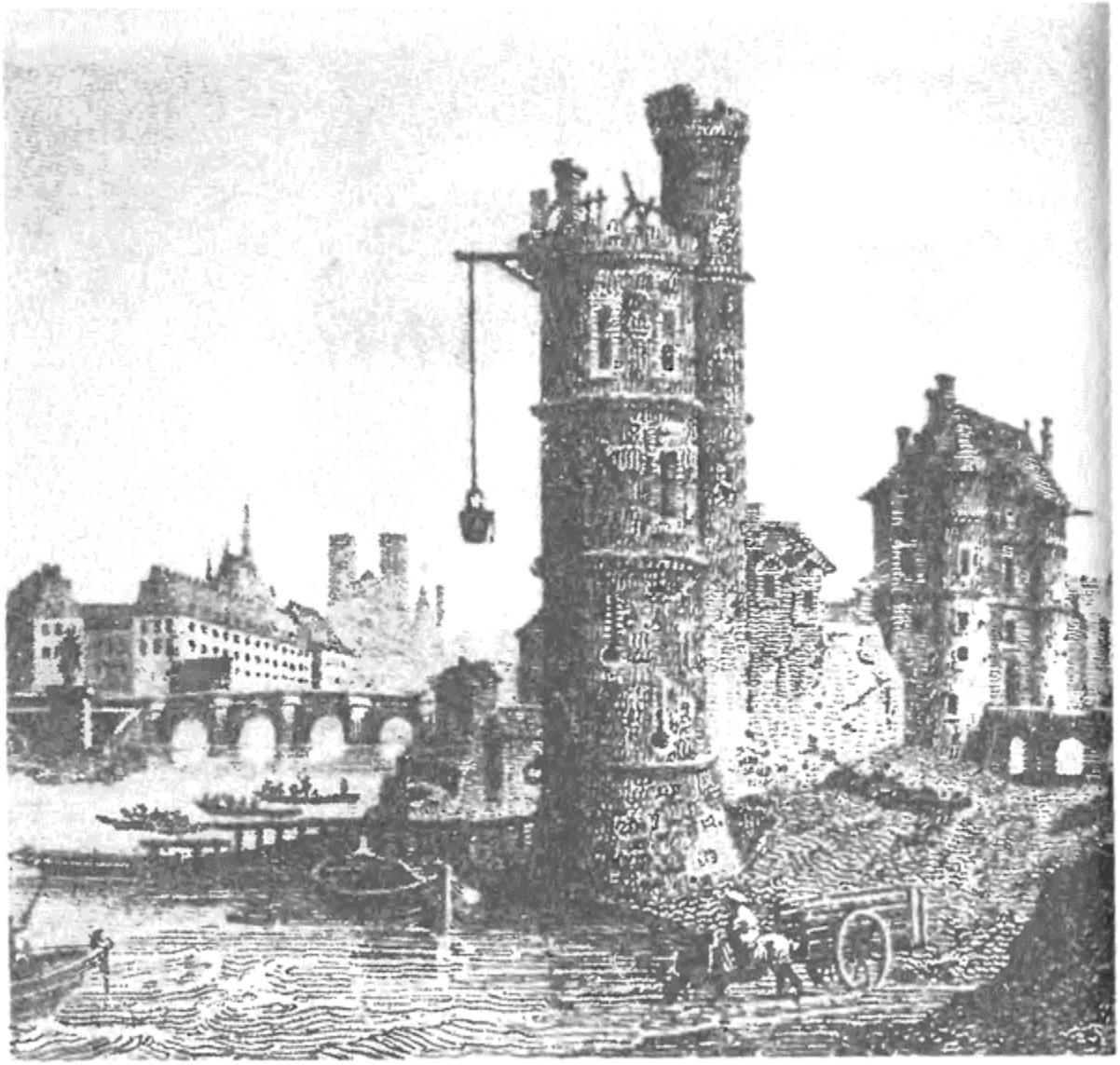
Изабелла Французская, дочь Филиппа Красивого и Жанны Наваррской, сестра королей Людовика X Сварливого, Филиппа V Длинного и Карла IV Красивого, родилась в 1292 г. В 1308 г. ее выдали замуж за короля Англии Эдуарда II Плантагенета, происходившего из рода графов Анжуйских. В 1358 г. она умерла.

Считается, что именно Изабелла выдвинула обвинение против своих невесток, увидев подаренные ею богато украшенные кошельки на поясах братьев д'Онэ. Получив исчерпывающую информацию на сей предмет от Робера д'Артуа, графа Бомон-ле-Роже и смертельного врага своей тетки Маго д'Артуа, она якобы поделилась своими подозрениями с отцом, Филиппом Красивым. Остальное всем известно.

Конец Изабеллы трагичен. Она подняла восстание баронов против супруга, короля Эдуарда II, известного своими противоестественными сексуальными наклонностями. С помощью своего любовника Роджера Мортемера[42] она захватила короля в плен и заставила отречься от престола. Заключенный в замок Беркли, Эдуард был в 1327 г. убит: ему вонзили

в задний проход раскаленный докрасна железный прут. Став королем, ее сын Эдуард III, супруг Филиппы де Геннегау, повесил Роджера Мортемера в Лондоне и отправил в 1330 г. свою мать Изабеллу в изгнание в замок Хертворд.

На этом кончается «дело Нельской башни», *которое изменило ход истории Франции…*



Нельский дворец и знаменитая башня (копия фотоснимка, сделанного Роже-Виолле).

Нельский дворец и знаменитая башня (копия фотоснимка, сделанного Роже-Виолле).

4

Загадка Иоанна I Посмертного

Подобно добродетелям, одно преступление всегда или часто порождает другое…

Жан Ротру (1609–1650) Венцеслас

Проклятие

Как мы уже убедились, на определенном историческом этапе, точные даты которого архивные документы установить не позволяют, орден Храма, ранее называвшийся орденом бедных рыцарей Христа и Храма Соломона, стал переживать глубокие духовные перемены.

Под влиянием своих тайных магистров, в связи с открытиями, касающимися Иисуса Христа как реальной исторической личности, тамплиеры, как и император Германии и король двух Сицилий Фридрих Гогенштауффен, возвращаются к идее единого Бога и отвергают догму о божественности Христа.

Те члены ордена, которые, будучи наивными неофитами, отказывались во время церемоний посвящения осквернить крест, считая, что этим требованием просто подвергается очередному испытанию их вера, отправлялись затем на заморские поля сражений укреплять своими доблестными подвигами доброе имя ордена.

Тех же, которые, напротив, не моргнув глазом подчинялись беспрекословно приказу командоров и принимались топтать ногами деревянный крест или изображение креста на брошенном на пол старом орденском плаще, оставляли в Европе в качестве резерва, предполагая использовать их для достижения далеких и таинственных целей державы тамплиеров.

В один прекрасный день дело получило огласку из уст озлобленных, ущемленных в своем достоинстве перебежчиков. Почуяв удачу, король Франции Поспешил сделать своим сообщником папу, который и так уже был предан ему до глубины души со времен их ночного сговора в лесу Сен-Жан д'Анжели. Союз королевской казны с римской догмой обеспечил им победу.

И вот уже слуги правосудия смазывают маслом дыбу, а палачи-присяжные раскаляют добела щипцы для пыток. И как только было изъято золото Тампля и конфискованы его владения и командории, запылали костры.

От их черного вязкого дыма все погрузилось во тьму, заслонившую собой восходы и закаты и похоронившую на ближайшие 600 лет всякую надежду на европейское единство и мировую религию.

Однако победителям пришлось дорого заплатить за этот временный успех. Казалось бы, перед Филиппом IV и его потомством открывался новый путь, но как не похож он оказался на тот путь, который они себе вообразили.

Давайте совершим путешествие во времени на шесть с половиной веков назад, к роковым Мартовским идам, на берега острова Ситэ, так как все началось именно оттуда.

«Сего дня, 18 марта года 1313, в час вечери, Моле и его соратник были преданы огню в присутствии короля на Еврейском острове, напротив королевского дворца…» (Анонимные хроники, в книге «Историки Франции», том XXI, с. 140–143).

Прибавив к этой дате — 18 марта — одиннадцать дней, мы получим точную дату смерти по григорианскому календарю Жака де Моле, Великого магистра, и Жофруа де Шарне, приора Нормандии ордена тамплиеров. Дата их смерти — 29 марта 1313 г.

Приписываемое наиболее квалифицированными историками Жаку де Моле знаменитое пророчество, предрекающее королю и папе божью кару за содеянное злодеяние, другие историографы Тампля вкладывают в уста неизвестного тамплиера, доставленного из Неаполя в Авиньон и представшего перед Климентом V. Впрочем, не так важно, кому принадлежит это пророчество, — важно, что, сбывшись, оно подтвердило масонскую заповедь, данную новому подмастерью в момент сожжения его философского завещания: «Время искажает и стирает слово, сказанное человеком, но, преданное огню, оно живет вечно…»

Из глубины разгорающегося пламени, которое через несколько мгновений превратится в жарко пылающий костер, доносится человеческий голос, Он стоит всех философских завещаний мира, так как он возвещает последние мысли человека, готовящегося принять

смерть. Он предрекает Клименту V и Филиппу IV Красивому, что они предстанут перед Высшим Судией, один — через сорок дней, а другой — через двенадцать месяцев. Остальное довершит огненная стихия. В скором времени она разгорится вновь, так как проклятие, исторгнутое устами Великого магистра тамплиеров, останется в силе на долгие времена и, подобно Ангелу Гнева, занесшему меч, по предсказанию пророка Неемии, над грешным Иерусалимом, пророчество Жака де Моле эхом отзовется в веках, неся гибель телам и душам потомков Филиппа Красивого и Климента V.

Вначале от дизентерии и приступов рвоты умер папа. Это произошло в Рок-Море, расположенном в долине Роны, 20 апреля 1314 г., на девятый год его понтификата, или, по григорианскому календарю, 1 мая, в день св. Филиппа. Прошло ровно тридцать три дня с момента мученической гибели де Моле.

Филипп Красивый умер в пятницу 29 ноября 1314 г. в Фонтенбло, куда он приказал перевезти себя в начале того же месяца. По григорианскому календарю эта дата соответствует 10 декабря 1314 г. Любопытно, что «Фебический календарь» астрологов дает этому дню символическое название: «Дом, объятый пламенем». Ровно 255 дней разделяет аутодафе на Еврейском острове и агонию Филиппа. Оба они, папа и король, скончались в срок, обозначенный в последнем проклятии де Моле.

Ферретус Вицентинус, летописец тех времен, которого цитирует Мюратори (том IX, с. 1018), подтверждает, что предсказание сбылось: «Удивительно же и поразительно, что он высказал пророчество, силой своей веры предвестия чудо и проник трудами своими в помысел Божий, ибо, прежде чем завершился круг года, оба они, и Филипп и Климент, испустили жизненный дух».

Однако глас возмездия, прозвучавший из пламени костра, поразил не только папу и короля. Проклятие наложило многовековую печать на все потомство Филиппа IV Красивого. Женщины его рода, в силу своего распутства, щедро одарили мир незаконнорожденными детьми, впоследствии называемыми не без юмора детьми «божьей волей».

Маргарита Бургундская, супруга Людовика X Сварливого, старшего сына Филиппа Красивого, Бланка Бургундская, сестра Жанны и кузина Маргариты, супруга Карла IV Красивого, третьего сына Филиппа, и их, сама по себе невинная, сообщница Жанна Бургундская, супруга Филиппа V Длинного. Всем трем им предстоит отведать холода и сырости застенков башен Шато-Гайара и Дур-дана, в знак наказания за вышеупомянутое распутство.

Анна Австрийская подарила Людовику XIII, страдавшему половым бессилием, сыновей. Кем они были зачаты, останется неизвестным. Официальная история указывает либо на одного из принцев Конде, либо на Джулио Мазарини, итальянца с темным прошлым, как на возможного отца Людовика XIV[43]. Мы никогда не узнаем, был ли Людовик XVII действительно сыном Людовика XVI или, что более вероятно, Акселя Ферзена, а Ее Высочество — дочерью герцога де Куани.

Что касается Филиппа Орлеанского, будущего Филиппа Эгалите, то его мать, Луиза-Генриетта де Бурбон-Конти, любительница посещать сады Пале-Рояля, где каждый вечер изыскивала себе любовника на одну ночь, дала такой знаменитый ответ на вопрос хитрецов, спрашивавших, кто, по ее мнению, был отцом ее сына: «Если падаешь на кучу колючего хвороста, разве можно сказать, которая из колючек уколола тебя сильнее всего?..»

Филипп же удовлетворялся более простым ответом, утверждая, что он сын некоего Лефранка, первого кучера своей матери.

И что же сказать об Изабо Баварской, официально сообщавшей в Парижском Договоре, что ее сын Карл VII является внебрачным ребенком и что она не знает, кто его отец?

С королевскими потомками мужского пола дело обстоит не лучше. Не будем заострять внимание на том факте, что у большинства королей Франции умирали старшие сыновья: у

Людовика *X* Сварливого, Филиппа V Длинного, Карла IV Красивого, Карла VIII, Людовика XII, Людовика XIV, Людовика XV, Людовика XVI, либо они оставались бездетными, как Людовик XVIII. Ограничимся лишь простой констатацией того, что каждая из трех ветвей так долго царствовавшей во Франции династии заканчивалась смертью троих сыновей, не оставивших потомков мужского пола, либо эти потомки не приходили к власти:

а) Прямая ветвь Капетингов: закончилась смертью трех сыновей — Людовика X Сварливого (умершего в 27 лет); Филиппа V Длинного (умершего в 28 лет); Карла IV Красивого (умершего в 34 года). Все они умерли, не оставив потомства мужского пола.

б) Ветвь Капетингов-Валуа: закончилась смертью трех сыновей, не оставивших потомков мужского пола, — Франциска II (умершего в 16 лет); Карла IX (умершего в 24 года); Генриха III (умершего в 38 лет).

в) Ветвь Капетингов-Бурбонов: закончилась смертью трех сыновей, не оставивших потомков мужского пола либо оставивших таковых, но они не смогли прийти к власти, — Людовика XVI (умершего в 39 лет); Людовика XVIII (умершего в 69 лет без потомства); Карла X (умершего в 80 лет). Первый умер трагической смертью, двое других трижды подвергались изгнанию и познали нищету.

Трижды три — девять! Таков пагубный итог возмездия, девять раз девять языков жизненного огня погасли из-за оскорбления, нанесенного высокомерным и безжалостным королем. Что же до последней, младшей ветви Бурбонов Орлеанских, то она завершилась финансовой аферой в отношении Мэзон де Пентьевр и балаганным фарсом, достойным подмостков Нового моста. Перечитайте историю о деле Кьяппини (оно говорит само за себя) в моей книге «Преступления и секреты государства».

Конец прямой ветви Капетингов

Когда в пятницу, 29 ноября 1314 г. в Фонтенбло скончался Филипп IV Красивый, казалось, что преемственность его потомства на французском троне была прочно обеспечена, так как он оставил после себя трех сыновей: Людовика, будущего короля Людовика X Сварливого, Филиппа, будущего короля Филиппа V Длинного, и Карла, будущего короля Карла IV Красивого. Его дочь Изабелла была замужем за королем Англии Эдуардом II. Кстати, этот союз и породил печально известную страшную Столетнюю войну, в ходе которой в течение одного века все французские провинции и английское побережье были опустошены, крестьяне — ограблены, лишены куска хлеба, а их жены и дочери — обесчещены, и все это лишь затем, чтобы окончательно выяснить, кто был более угоден Господу на французском троне — прямой потомок Изабеллы или племянник Филиппа, ее отца!

Однако надежды и гордость Филиппа IV Красивого подверглись тяжким испытаниям. Как уже говорилось, у супруги его старшего сына Людовика Сварливого Маргариты Бургундской в 1311 г. родилась девочка, которую нарекли Жанной. В 1316 г. она станет королевой Наваррской (королевой пяти лет от роду!), а позже выйдет замуж за своего кузена Филиппа, графа д'Эвре. Законность ее рождения будет поставлена под сомнение, учитывая распутный образ жизни Маргариты, ее матери. Не оттого ли, став после смерти Филиппа IV Красивого в свою очередь королем, Людовик X Сварливый так и остался «королем без королевы»?

И видно, жестоко ошибается Маргарита Бургундская, томящаяся в своей тюрьме Шато-Гайар, надеясь на прощение своего законного супруга. Потому что живет при Неаполитанском дворе некая принцесса Клеменция Венгерская, двадцати двух лет, очаровательнее которой не сыскать, о ней говорят все королевские дворы Европы. Она происходит из Анжу-Сицилийской ветви, а король Венгрии приходится ей братом. Принципиальное согласие о браке Людовика X с Клеменцией достигнуто между обоими заинтересованными в этом дворами — Французским и Венгерско-Неаполитанским.

Бракосочетание может состояться сразу же после расторжения брака Людовика X с Маргаритой. Досадно только, что нет папы, дабы аннулировать этот союз!

Действительно, со дня смерти Климента V 1 мая 1313 г. кардиналы, собравшиеся на конклав, все еще не могут назвать, запутавшись в лабиринте интриг и компромиссов и взывав к Святому Духу, как к первой кардинальской шапочке, имя того, кому будет доверено новое кольцо св. Петра. Между тем по тайным каналам информации доходят слухи, что король Венгрии вполне может распорядиться судьбой своей сестры несколько иначе, нежели представляет себе это Людовик *X* Сварливый. Следовательно, необходимо устранить главное препятствие. И вот как-то на рассвете одного апрельского дня 1315 г., войдя в комнату Маргариты, тюремщик обнаружил, что ночью она была задушена. По крайней мере такова официальная версия. Королева с чересчур пылким сердцем умерла в двадцать два года. Она заслуживает прощения, так как выдали ее замуж за существо посредственное, столь же глупое, сколь и тщеславное, агрессивное и вздорное. Супруг открыто изменял ей с первой попавшейся горничной, предавался грязному дебошу и одновременно устраивал ей сцены ревности по всякому поводу.

Как бы то ни было, теперь он был свободен. Сразу же, в июле 1315 г., он сочетается браком с Клеменцией Венгерской. Но недолго доведется ему наслаждаться короной и своей прелестной второй супругой. Королем он пробудет лишь полтора года, а молодым супругом — без малого десять месяцев. Он умрет пятого или, по григорианскому календарю, шестнадцатого июня 1316 г.

Официально считается, что причиной смерти «послужила простуда вследствие потребления ледяной воды после партии игры в мяч, когда государь был в сильно вспотевшем состоянии». Однако у лежащего на смертном одре короля наблюдалось кровотечение через задний проход, а когда, уже во время бальзамирования трупа, собака полизала на свое горе белье, на котором были выложены внутренности, она тут же свалилась замертво. Исходя из этого, некоторые, и отнюдь не малочисленные, историки не колеблясь делают заключение, что Людовик X Сварливый был отравлен. Но кто же мог принять решение об устранении Людовика X и осуществить его в столь короткий срок? На язык просится лишь одно имя: Маго д’Артуа.

Предками Маго д’Артуа в третьем колене были Людовик VIII Лев и Бланка Кастильская, родители Людовика Святого. Она родилась в 1269 г., а умерла в 1328-м. От своего отца, графа д’Артуа, Робера II, убитого в 1302 г. в битве при Гренинге, она унаследовала, по незыблемым феодальным обычаям, титул графини д’Артуа, так как знаменитое салическое право, как уже указывалось выше, в ту пору еще не было изобретено. По этой же причине она стала и пэром Франции.

Будучи супругой Оттона IV, пфальцграфа Бургундского, после его смерти она станет пфальцграфиней Бургундской. Что же касается устранения Людовика X Сварливого, на это у Маго д’Артуа были три важные причины.

Первая причина касается родового наследства. После смерти ее отца, Робера д’Артуа, приверженцы наследования по мужской линии стали настаивать на том, что графство Артуа должно отойти его внуку Роберу, старшему сыну его собственного сына Филиппа д’Артуа, умершего в 1298 г. Филипп IV Красивый рассудил иначе и присудил графство Маго, младшей сестре Филиппа д’Артуа и тетке Робера. Последний должен был довольствоваться небольшим графством Бомон-ле-Роже. С этим он так и не смог примириться, вплоть до того, что впоследствии предложил свои услуги англичанам, дабы стать обладателем графства Артуа, и погиб в 1343 г. под стенами Ванна. Однако после кончины Филиппа IV Красивого Людовик X Сварливый, следуя советам своего дяди Карла де Валуа, взял в свои руки управление графством Артуа. Пришедшая в ярость Маго заключила из этого, что король намеревается передать графство Роберу д’Артуа, графу де Бомон-ле-Роже. Такова первая причина, по которой Маго была заинтересована в устранении Людовика X Сварливого.

Вторая причина династического характера. В связи с тем, что Жанна Бургундская, вторая дочь Маго д'Артуа, не была изобличена в адюльтере, она была попросту заключена в Дурданский замок и там дожидалась прощения, даровать которое должен был ей король. Ее супруг Филипп, брат Людовика Сварливого, страстно желал ее вызволения. И вот, в честь второго бракосочетания — с Клеменцией Венгерской — и по просьбе своего младшего брата Филиппа, Людовик X Сварливый подписывает указ об освобождении Жанны Бургундской. Так восстанавливается брачный союз будущего короля Филиппа V Длинного с Жанной Бургундской, что заставляет Маго д'Артуа задуматься, а потом начать плести сети.

Ведь в случае смерти Людовика X на трон взойдет ее зять Филипп и ее дочь Жанна Бургундская станет королевой Франции. Семья возьмет тогда большой реванш! Да, но на пути к нему еще остается двойное препятствие. Во Франции пока в силе феодальный обычай наследования власти, и прямой наследницей Людовика X Сварливого является прежде всего его дочь Жанна, графиня д'Эвре. Следовательно, тем или иным способом ее необходимо устранить. Эту задачу выполнят легисты покойного короля Филиппа IV Красивого, люди хулимые и презираемые, однако нужные. С ними мы вскоре встретимся.

Другим препятствием служит ребенок, которого носит в своем чреве Клеменция Венгерская, вторая супруга Людовика Сварливого. С ним тоже придется в свое время разобраться, будь то мальчик или девочка.

Третья причина личная: Маго — женщина «мужеподобная», неистовая и обладает безудержной страстностью (будучи бисексуальной) во всех областях жизни. Она ненавидит Людовика X с тех пор, как он приказал задушить свою супругу Маргариту, внучатую племянницу Маго, и опозорил ее дочерей Жанну и Бланку. Бессознательно переносит она свою ненависть на дочь короля Жанну д'Эвре, а также на его ребенка, которого еще носит в своем чреве его вторая супруга Клеменция Венгерская и пол которого пока неизвестен. По всем трем причинам, в силу амбициозности, алчности, злопамятности, Маго д'Артуа и станет бессознательным исполнителем воли духа, о котором она не подозревает, но который движет ею, вырвавшись на склоне дня 29 марта 1313 г. из языков пламени костра, разгорающегося с каждой минутой все жарче, в котором корчатся тела Жака де Моле и Жофруа де Шарне.

5 июня 1316 г. Филипп, граф де Пуатье, находится в Карпантре, где он «трудится» над проблемой выбора преемника умершего папы Климента V. С момента его кончины минуло три года, а христианский мир все еще продолжает существовать без наместника Христова. Но ведь и нового папу французские короли должны держать в руках так же крепко, как и предыдущего, и Святой Дух должен проявить понимание в этом вопросе. Осознать это Святому Духу помогает Филипп де Пуатье, будущий король Филипп V Длинный, и старается он изо всех сил.

Но вот во весь опор, не щадя лошадей, несутся к нему гонцы, спеша сообщить весть о внезапной смерти его старшего брата Людовика X Сварливого. Филипп незамедлительно оставляет разрешение духовных дел и галопом несется в Париж, где ждут своего разрешения дела земные. Сразу же по прибытии в столицу он созывает городской парламент, вносит смятение в придворные козни и интриги, ловко обводит вокруг пальца своего дядю Карла де Валуа и добивается своего назначения регентом Французского королевства в ожидании выяснения пола будущего ребенка королевы Клеменции. Если родится мальчик, Филипп останется регентом королевства до совершеннолетия маленького короля. Если же это будет девочка, в нужный момент будут созваны Генеральные штаты, которым и надлежит решить судьбу короны Франции. Разумеется, за спиной Филиппа действует его теща Маго д'Артуа, которая держит в руках все ниточки интриги и продолжает плести свою сеть.

Итак, в ночь с понедельника 15-го на вторник 16 ноября, или, по григорианскому стилю, 26 ноября, 1316 г. королева Клеменция разрешается от бремени ребенком мужского пола, которому первому в династии дается имя Иоанн, что, однако, никак не устраивает Маго д'Артуа и ее зятя Филиппа де Пуатье.

Впрочем, первая цель достигнута: дочь Маго стала регентшей королевства, так как зять ее назначен регентом. А с остальными препятствиями она справится сама.

В самом деле, она — пэр Франции, так как пресловутое салическое право, проклинаемое всей провинциальной аристократией, не внедрилось пока в обычаи королевства. И поэтому именно ей, Маго, предстоит представлять на торжественной церемонии юного принца Иоанна всем важным сеньорам королевства, она же будет держать его над купелью в качестве крестной матери.

В тот день, 21 ноября (или 1 декабря по григорианскому стилю) 1316 г., когда маленький Иоанн был представлен в полном здравии собравшимся по этому случаю французским «баронам», в тот самый день, несколькими мгновениями позже, маленький Иоанн умрет «от конвульсий».

Все историки, поддерживающие тезис об убийстве ребенка, обвиняют в нем Маго д'Артуа. Высказываются различные предположения о способе убийства с учетом принятого в те времена ритуала:

— Маго так сильно затянула ребенка в корсет или в пеленку, что он постепенно задохнулся. Это мало вероятно, так как одевать ребенка должна была не она.

— После церемонии Маго воткнула ребенку в самую мягкую часть черепа, в области родничка, иглу, достаточно длинную, чтобы умертвить его. Это еще менее вероятно.

— Она незаметно провела по губам ребенка тряпочкой, пропитанной тем же ядом, которым был отравлен его отец Людовик X и который также послужил причиной смерти собаки, лизнувшей ткань, на которую выкладывали внутренности. В таком случае в качестве яда был, по-видимому, использован мышьяк с сублиматом, смесь, хорошо известная средневековым колдунам, ворожеям и хиромантам, которые все понемногу занимались химией и алхимией. Эта версия неизмеримо более правдоподобна.

Мы никогда не узнаем, какой из трех рассмотренных способов убийства младенца был применен. Но, повторяем, третье предположение — самое правдоподобное. Точно известно одно: ребенок умер.

Здесь начинается новая загадка истории: какой ребенок был таким образом убит?

Исходя из исторических данных, которыми сейчас располагаем, мы не можем поручиться за абсолютную достоверность излагаемых фактов. Поразительные открытия, сделанные в Италии около сорока лет спустя, казалось бы, подтверждают версию ряда серьезных историков, из которой следует, что после церемонии представления короля приближенной ко двору знати убит был вовсе не ребенок королевы Клеменции Венгерской.

Маго же была одурачена вследствие стечения обстоятельств при невольном содействии одного из приближенных королевы — Гуго де Бувилля. Приступим же к всестороннему исследованию этой загадки. Но сразу скажем, что мы придерживаемся противоположной точки зрения и попытаемся ее обоснованно доказать.

А вот каковы факты.

Над короной сгущаются тучи

В 1354 г., то есть через 38 лет после смерти ребенка, представленного придворной знати, в Париже некий Кола де Риенцо, сенатор города Рима, призвал к себе одного итальянца по имени Джаннино Бальони и сообщил ему следующее.

Новорожденному Иоанну Посмертному, первому Иоанну в династии, избрали в кормилицы супругу человека по имени Гуччо Бальони, француженку по имени Мари де Крессэ, так как эта женщина сама родила мальчика за один или два дня до появления на свет Иоанна I.

Иоанн I был рожден в больших муках, причинив немало страданий королеве Клеменции Венгерской, вдове Людовика X Сварливого. Ребенок был хрупкого телосложения, а

конвульсии у таких детей — не редкость, тем более что его наследственность по отцовской линии была особенно тяжелой. И вот перед церемонией представления ребенка знатным баронам Франции Гуго де Бувилль, выполнявший миссию «попечителя чрева» королевы Клеменции, желая показать вышеупомянутым баронам ребенка крепкого телосложения (что сразу положило бы конец проискам, интригам и вероломным замыслам), решил подменить юного короля Иоанна I маленьким Джаннино, сыном Мари де Крессэ и Гуччо Бальони. Он-то и был убит Маго д'Артуа.

В ужасе от таких непредвиденных последствий своей вполне невинной затеи, Гуго де Бувилль сделал все, чтобы добиться от несчастных родителей убитого ребенка обещания хранить полное молчание, пригрозив им самой страшной карой, если дело получит огласку. Француженка Мари де Крессэ и итальянец Гуччо Бальони жили в такие времена, когда и во Франции и в Италии пытки, убийства или тайное заточение в каком-нибудь подземном каземате были в порядке вещей и не представляли ни малейшей сложности для сильных мира сего. Супруги подчинились требованию хранить тайну и, подавив скорбь, для надежности поспешили покинуть Францию.

Мари де Крессэ была верна данной ею клятве вплоть до смертного часа, так как расстояние между Парижем и Римом отнюдь не явилось бы препятствием для наемного исполнителя воли одного из сменившихся на троне после убийства ее сына королей Франции. Но, умирая, Мари де Крессэ сочла своим христианским долгом освободиться от данной клятвы в предсмертной исповеди, более того, она письменно изложила драматические события прошлого и вручила написанное тому самому проезжему священнику, который ее исповедовал. Все эти сведения римский сенатор Кола де Риенцо и сообщил Джаннино Бальони, узнавшему, таким образом, в свои 40 лет, что он является законным королем Франции.

Конечно же, Джаннино Бальони не смог держать язык за зубами, и через несколько дней Кола де Риенцо был таинственным образом убит во время мятежа.

Слишком много времени ушло бы на описание всех терзаний Джаннино Бальони, пытавшегося добиться признания своих прав на французскую корону. Он обращался ко всем королевским дворам Европы, но ни один из них не счел нужным отреагировать. Внутреннее положение Франции было бедственным, в 1357 г. была проиграна битва при Пуатье, и король Иоанн II, прозванный Добрым за храбрость, проявленную в боях, оказался в плену.

В том же 1357 г. были созваны Генеральные штаты под руководством Этьена Марселя, прево Парижа, а также Этьена Ле Кока, епископа Лаонского. Дофин Карл, будущий король Карл V, выслушал, не говоря ни слова, все упреки и нарекания. Затем 28 мая (или 8 июня по григорианскому стилю) 1358 г., на рассвете этого дня, дня «тела Господня», в Иль-де-Франс, в Артуа, в Пикардии, в Шампани запылал огонь мести Жакерии. Война затянулась, и Франция, раздираемая распрями этой гражданской войны, из которой несчастный народ не извлек бы для себя никакой пользы, кто бы ни победил, Бургиньон или Арманьяк, Франция была не слишком обеспокоена проблемой подмены королевского наследника в 1316 г. С тех пор прошло 40 лет, и в те времена не было ни бульварных газет, ни прочих публикаций, ни радио, чтобы сообщить огромной массе французов о текущих событиях, лишь скудная анонимная или частная хроника, эти хрупкие странички летописей, уцелевшие в пожарах или грабежах, доносят до нас суть минувших событий.

Итак, один лишь король Венгрии, убежденный в том, что речь идет действительно о его кузене, подлинном сыне его тетки королевы Клеменции, оказал ему некоторую, впрочем недолговременную, помощь.

И больше о Джаннино Бальони ничего не было слышно. Что же произошло с ним дальше?

Некоторые историки в своих сочинениях погребли несчастного в тюрьме Неаполя, «родного города его матери», в 1361 г. Но, возможно, речь шла о его однофамильце? Ведь Мари де Крессэ была француженкой, родившейся в Нофле, и, соответственно, никак не могла быть уроженкой Неаполя[44].

Другие историки утверждают, что Иоанн I действительно воспитывался в Италии под именем Джаннино де Гуччо, или Джованни де Гуччо, который потом и появился в Провансе примерно в 1356 г., заявляя, что он — Иоанн I. Король Иоанн II Добрый заключил его в тюрьму, и, естественно, никто о нем больше ничего не слышал. В королевских тюрьмах существовали тысячи способов умерщвления людей. Стоит лишь вспомнить, как позднее расправился Людовик XI с двумя детьми (12 и 14 лет) графа д'Арманьяка.

Каждого из них он поместил в имеющийся в Бастилии карцер в форме конуса, так называемый «рожок», находясь в котором невозможно было не только лежать, но даже сидеть, можно было лишь примоститься на корточках над собственными экскрементами. Раз в неделю этих несчастных детей поднимали наверх из «рожков» с помощью цепи, которая их обоих связывала, и избивали до крови, после чего опускали обратно в темный конус. А раз в три месяца избиение сопровождалось вырыванием одного зуба, разумеется, с помощью инструментов, присущих тому времени. Старший сошел с ума, младшему же удалось вырваться из этого ада (и можно себе представить, в каком состоянии) после смерти Людовика XI.

Как бы там ни было, оставим проблему законности так называемого салического права, не будем углубляться в вопросы законности прав на французское королевство Жанны д'Эвре, дочери Людовика X Сварливого и Маргариты Бургундской, не будем даже рассуждать о законности ее рождения. Трясина истории королевской династии и так полна нечистот, чтобы еще рыться в этой грязи более чем 600-летней давности, после всех известных скандалов и преступлений.

Поэтому ограничимся лишь попыткой разгадать загадку 21 ноября 1316 г., так как цель данного исследования состоит в том, чтобы выяснить, был ли ребенок, внезапно умерший на руках Маго д'Артуа после представления сеньорами Франции, Иоанном I Посмертным или сыном Мари де Крессэ и Гуччо Бальони.

Мы считаем себя вправе заключить, что речь действительно шла о сыне Людовика X Сварливого и Клеменции Венгерской, что именно он умер 21 ноября 1316 г., едва сойдя с рук своей «доброй» крестной Маго д'Артуа.

Вот последняя группа аргументов, опровергающая версию о подлоге. Утверждают, что роды французских королев совершались публично. Это так, но только в отношении Бурбонов. В эпоху Капетингов королевы рожали лишь в присутствии максимум двух или трех пэров королевства. Почти наверняка при рождении Иоанна I Посмертного присутствовала Маго д'Артуа. Слишком уж она была в этом заинтересована, и к тому же она имела на это все права, будучи «пэром королевства». В этом качестве она будет впоследствии присутствовать на коронации своего зятя в Реймсе. Очевидно, что она не преминула тщательно осмотреть новорожденного. Могла ли она спутать его на следующий день с сыном Мари де Крессэ? Нет, так как последнего и не было подле его матери в Лувре или в Венсенне.

Действительно, кормилица, избранная для вскармливания ребенка короля Франции, должна была отдать ему полностью все свое молоко[45]. Это правило было введено, дабы не ограничивать изо дня в день количество молока, предназначенного для королевского младенца, ради ребенка простого подданного. Кроме того, недопустимо было оскорблять будущего сюзерена наличием так называемого молочного брата. Таким образом, кормилица новорожденного принца должна была поручить собственного ребенка другой кормилице. И только в среде мелкого дворянства сын простолюдина мог стать «молочным братом» сына

сеньора. Исходя из этого, Мари де Крессэ была кормилицей лишь одного ребенка, сына Клеменции Венгерской, с 16 по 21 ноября 1316 г. (по юлианскому календарю).

Помимо этого, вероятно, что Маго, имея на то особые причины, установила тщательное наблюдение за новорожденным, так как речь шла о деле первостепенной для нее важности. Самое робкое поползновение совершить подлог было бы приравнено к похищению и стоило бы совершившему его жизни после жесточайших пыток.

Нужно сказать, что в средние века в Париже существовали специальные пристанища, своего рода гостиницы для кормилиц, приехавших из своих деревень, где им предоставлялись стол и крыша над головой. Если они заболевали, к их услугам была бесплатная больница св. Катерины, содержавшаяся монахинями, звавшимися в народе катеринетками.

Параллельно создавались и платные заведения под управлением рекомендательниц, предназначенные для заказных кормилиц. Их держали про запас, на смену единственной исполняющей свои обязанности кормилице, если у той вдруг иссякало молоко.

Было принято, чтобы в спальне новорожденного принца, в особенности если речь шла о старшем сыне короля, спали три или четыре женщины, наделенные различными функциями:

а) гувернантка, выбираемая всегда среди дам высшей знати, ответственная за все обслуживание в целом;

б) кормилица, функции которой уже были отмечены. Если она не являлась наследственной дворянкой, дворянство ей тут же жаловалось;

в) нянька, функции которой ясны: туалет, одевание, раздевание, купание, баюканье;

г) горничная, ведающая пеленками, одеждой и т. п. Она не обязательно спала в комнате ребенка, дело обстояло по-разному в зависимости от той или иной эпохи, того или иного царствования и т. д.

Все эти женщины предварительно давали клятву в том, что будут верно нести свою службу и не будут принимать никаких подарков, вознаграждений и пенсий ни от кого, кроме короля. Эта клятва, подобно клятве на вассальную верность, приносилась на коленях, при этом руки подданного король держал в своих руках.

Поэтому трудно вообразить, чтобы граф Гуго де Бувилль, бывший камергер Филиппа IV Красивого, мог осмелиться подменить сына короля сыном королевской кормилицы, то есть ребенком, который не мог находиться в одной комнате с ребенком суверена, на глазах у всех принцев крови, вельмож высшего света, собравшихся для участия в церемонии представления королевского наследника.

Что же касается того, чтобы отправиться за ребенком кормилицы маленького принца в другой конец замка, а то и в город ко второй кормилице и оставить ей взамен другого ребенка, то есть королевского сына, — такого рода авантюра полностью исключается.

Наконец, за четыре года до того, как впервые возникла версия о подлоге (в Риме, и исходила она от Кола де Риенцо), король Франции Иоанн II Добрый издал ордонанс, датированный 13 января 1350 г. Этот ордонанс фактически узаконил на территории всего королевства бывший в ходу обычай, описанный выше.

Королевский ордонанс учреждал официальный институт «рекомендательниц», ведающих кормилицами. В случае если они определяли одну и ту же кормилицу к более чем одному ребенку, их ставили к позорному столбу. Много лет спустя, в 1611 г., вышел указ, запрещавший под угрозой штрафа или телесных наказаний в случае повторного нарушения искать место кормилицы иными путями, нежели чем в заведении традиционных «рекомендательниц». К тому же акушеркам и владельцам таверн запрещалось нанимать или брать на постой кормилиц. А полицейским распоряжением от 17 января 1757 г. кормилицам в

состоянии беременности запрещалось вскармливать доверенных им младенцев. За нарушение полагалось наказание кнутом или штраф в 50 ливров.

Таким образом, Иоанн Добрый, издавая свой запрет от 13 января 1350 г., лишь узаконил уже ставший общепринятым в средневековом обществе обычай и сделал это вовсе не в связи с Джаннино де Гуччо, назвавшимся Иоанном I Посмертным, поскольку он появился вместе со своей легендой лишь четыре года спустя.

Все это убедительно доказывает, что Мари де Крессэ никогда не вскармливала одновременно двух младенцев (собственного ребенка и сына Клеменции Венгерской, вдовы Людовика X Сварливого), а также и то, что Джаннино де Гуччо не был Иоанном I Посмертным.

Теперь остается показать это в свете Истории, разгадав загадку человека, предъявившего 40 лет спустя свои претензии на французский трон.

Как мы уже отмечали, весьма вероятно, что смерть Иоанна Посмертного вскоре после рождения произошла насильственным путем, а не вследствие конвульсий.

Разумеется, смерть ребенка в младенческом возрасте была в то время, к сожалению, явлением обычным. Достаточно было перенести грудного ребенка из сильно натопленной комнаты в более прохладное помещение по холодному коридору, чтобы подвергнуть его смертельному риску. Опасность представляли и те условия, в которых происходил обряд крещения: ребенка полностью погружали в холодную воду — и практиковалось это вплоть до начала XIV в. Лишь в 1313 г. собравшийся в Равенне синод разрешил крещение посредством окропления в случае недостатка святой воды или из опасений простудить ребенка. И лишь в XV в. окончательно исчез этот опасный обычай погружать при крещении ребенка в воду целиком. Тем более, что лекарства давали не ребенку, а как раз его кормилице!

Во всяком случае, Маго д'Артуа ничем не рисковала. В ее жилах текла королевская кровь Капетингов, она была правнучкой короля Людовика VIII Льва и Бланки Кастильской по прямой отцовской линии — все это делало ее, принцессу крови, неприкосновенной; самое большое, что ей угрожало, — это ссылка с конфискацией имущества. Ведь дело об отравлении ее зятя Людовика X Сварливого через два дня после ужасной ссоры, произошедшей между ними по поводу милого ее сердцу графства Артуа, отравлении, вызвавшем подозрения у всего двора, — это дело тем не менее так и не смогло всплыть наружу. Никакого следствия не велось также и по делу удушения королевы Маргариты, и не случайно! Слишком уж высоко нужно было подняться, чтобы найти преступников, до самого королевского трона. А это было немыслимо. Стоящая в одном ряду с предыдущими убийствами внезапная смерть Иоанна Посмертного создала еще меньше проблем, так как регентами королевства стали зять и дочь Маго. Для того чтобы открыть путь к трону детям Маго, теперь необходимо было только отстранить маленькую Жанну д'Эвре, что было сделать нетрудно. Эта цель была достигнута без осложнений благодаря провидчески «открытому» так называемому салическому праву. 9 января (или 20 января по григорианскому стилю), то есть через восемь недель, в Реймсе регент Филипп де Пуатье стал королем Франции Филиппом V.

А теперь вернемся к Джаннино де Гуччо. Для того чтобы он узнал о своем подлинном происхождении, нужно было, чтобы брат Бартелеми, исповедовавший Мари де Крессэ, рассказал о подлоге другому монаху, брату Антуану, а тот в свою очередь поведал об этом Кола де Риенцо, римскому сенатору, наместнику Святого Престола в Риме: он-то, будучи третьим лицом, посвященным в тайну, и открыл ее Джаннино де Гуччо.

Но через несколько дней, 8 октября 1354 г., Кола де Риенцо был убит в Риме во время мятежа.

Тогда Джаннино уехал в Венецию, там вошел в контакт с неким евреем-выкрестом по имени Даниэль, представив ему одну грамоту от епископа Сиены, а другую — от Совета

Республики этого же города, который выделил ему охрану, содержание, назначил «Совет Короны» и, наконец, знаменитую Хартию, так называемую Хартию Никола де Риенцо. Сразу скажем, что подлинность этой Хартии отнюдь не подтверждена специалистами.

Обращенный в христианство еврей Даниэль, убежденный в королевском происхождении Джаннино, свел его с группой еврейских финансистов Венеции. Переговоры завершились соглашением. В обмен на некоторые обещания (отметим эту подробность) Иоанн I, он же Джаннино де Гуччо, получал в свое распоряжение изрядную сумму, достаточную для того, чтобы собрать армию и отвоевать принадлежащее ему Французское королевство.

Затем Иоанн I предстал перед королем Людовиком Г Венгерским, племянником его матери Клеменции Венгерской. Этот «кузен» Джаннино де Гуччо был братом Андрэ, который был убит по приказу королевы Неаполя и Прованса Жанны для того, чтобы она смогла выйти замуж за своего любовника и сообщника Людовика Тарентского. Людовик I Венгерский, принадлежавший к анжуйской ветви, родился в 1326 г., взошел на венгерский престол в 1342 г. и затем успешно воевал с трансильванцами, хорватами, валахами и венецианцами.

Захватив Далмацию, Людовик I отомстил за смерть своего брата Андрэ, убитого в 1345 г., как было уже сказано, Жанной Неаполитанской и Людовиком Тарентским. Людовик I был избран королем Польши в 1370 г. и умер в 1382 г.

После длительных бесед и крупных демаршей Людовик I Венгерский признал Джаннино королем Иоанном I Французским и вручил ему рекомендательное письмо для предъявления другим европейским монархам.

У тех же, к несчастью, голова была занята совсем другими заботами, повсеместно шли военные действия, и ни один из них не дал себе труда помочь Джаннино, новому королю Франции. Тем более, что на французском троне уже сидел один Иоанн, в то время находившийся в плену у англичан. Тогда Джаннино-Иоанн I, не долго думая, начал поход за свержение Иоанна II по прозвищу Добрый.

Между тем с 1354 г., когда Джаннино узнал от Кола де Риенцо секрет, раскрывавший тайну его рождения, до 1361 г., когда мы застаем его на пути к завоеванию своего королевства, прошло семь лет, и нам неизвестно, что делал Джаннино в течение этого времени. Так как именно в 1361 г., на девятом году своего понтификата, папа Иннокентий VI был предупрежден письмом о том, что король Франции Иоанн I Посмертный направляется в Авиньон с тем, чтобы поставить перед папой вопрос о возврате ему его королевства. Можно допустить, что Джаннино семь лет из осторожности выжидал, и вот почему.

В 1343 г. королева Неаполитанская Жанна I унаследовала трон от своего деда короля Неаполя и Прованса Робера Анжуйского. Тогда же она вышла замуж за своего кузена, Андрэ Венгерского, убийство которого подстроила двумя годами позже, в 1346 г., для того, чтобы выйти замуж за своего любовника и сообщника в этом убийстве Людовика Тарентского.

Спасаясь в 1347 г. от войск Людовика I Венгерского, брата Андрэ, она укрылась в принадлежавшем ей королевстве Проваис и смогла вернуться в свои итальянские владения лишь после вынесения решения папой Климентом VI, который, отлучив ее от церкви За убийство супруга, отпустил ей затем этот грех в обмен на 80 тыс. золотых флоринов и передачу ему прав на область Комта-Венессен со столицей в Авиньоне.

Вот так Климент VI наилучшим образом уладил дела с Жанной Неаполитанской и Людовиком Тарентским, превратившимся из ее любовника в ее мужа.

Для Джаннино немедленно ехать в Прованс, вотчину этой женщины, являвшейся смертельным врагом его покровителя Людовика I Венгерского, означало бы лезть прямо в пасть к зверю! Поэтому ой и выжидал в течение семи лет и лишь потом пустился в путь. В Авиньоне уже правил Иннокентий VI. К нему-то и обратился Джаннино с письмом, в котором раскрывал свое подлинное происхождение и сообщал о своем прибытии. Иннокентий VI тут же Предупредил Жанну Неаполитанскую и Людовика Тарентского о том, что в Провансе

появился некий авантюрист, который выступает во главе небольшой армии и стремится снискать у главы христианского мира моральную поддержку, уже заручившись таковой у короля Венгерского, у ломбардских банкиров, у власти города Сиена и у еврейских финансистов в Венеции.

По поднятой папой тревоге войска Жанны Неаполитанской и, говорят, также наемные французские войска короля Иоанна II Доброго, возвратившегося во Францию, выступили в полном согласии против армии Джаннино. Иоанн Добрый опасался за свою корону, а Жанна подозревала Джаннино в том, что он замыслил захватить ее и выдать Людовику I, королю Венгрии.

Войска Джаннино были разбиты. Сам он был взят в плен, смог бежать, опять был пойман, препровожден в Неаполь и, как говорят, умер там в тюрьме в 1363 г. или два года спустя. По другим источникам, он был заключен в тюрьму во Франции и умер там много позже.

Однако, как мы убедились, ничтожно мала вероятность того, что вышеназванный Джаннино был Иоанном I Посмертным, оставшимся в живых столь таинственным и чудодейственным образом.

Почему же в таком случае и, главное, с какой целью мог быть дан ход этому делу? Кажется, мы нашли ответ на этот вопрос.

В XIII и XIV вв. коммерческие финансовые ресурсы Европы находились в руках трех могущественных групп, часто контактировавших между собой.

Прежде всего это были тамплиеры. Помимо военной охраны, которую они обеспечивали торговым караванам, следовавшим из одной командории в другую, на всех дорогах старой Франции они содержали еще и торговые конторы. Так, подлежащие оплате по предъявлению господ тамплиеров письмо или вексель устраняли всякий риск лишиться состояния, путешествуя по весьма небезопасным дорогам, или быть убитым при нападении бесчисленных банд дорожных грабителей или разбойников. Во Франции финансовый центр ордена находился в Кагоре.

Вторую группу составляли банкиры-ломбардцы. Эти не занимались охраной торговых караванов. Они давали деньги в рост под залог либо просто под проценты, но зато какие проценты! В одном лишь Париже насчитывалось 215 банкиров. Термин «ломбардец» стал синонимом понятия «ростовщик».

Во главе их «компании» стоял «капитан». Их финансовый центр также был расположен в Кагоре, отсюда идет и их прозвище «ка-горцы».

Наконец, были евреи. Определенная часть представителей этой национальности занималась тем же самым, что и ломбардцы, то есть ссужали деньги в рост под залог или под проценты.

Мы уже видели, как Филипп IV Красивый ограбил ломбардцев, евреев и тамплиеров, пополнив затем это состояние деньгами своих заточенных в тюрьму невесток.

Его сын Людовик X Сварливый, хитрая бестия, по совету легистов разрешил евреям и ломбардцам вернуться в королевство, но только на 12 лет и при условии выплаты огромной пошлины. Они возвратились, не испытывая большого доверия. Тогда король разрешил им покупать земли, естественно уплатив новую пошлину, а евреи при этом должны были принять христианство. Многие из них, стремясь как-то обосноваться, покончить с бродячей жизнью и обрести наконец родину, уплатили пошлину, поменяли веру и приобрели либо дом в городе, либо ферму с угодьями в деревне. Как только все успешно завершилось, Людовик X Сварливый, сочтя, что такое расширение прав евреев лишает сеньоров его королевства крестьян, снова подвергает имущество евреев конфискации и во второй раз изгоняет их из Франции.

На смену Людовику X Сварливому приходит его брат Филипп V Длинный. Он поступает с евреями точно так же, разрешая им вернуться во Францию и обрести права на свое имущество, разумеется, с уплатой очередной пошлины. Несчастные, доверившись королевскому обещанию и закону, возвратились и устроились на старых местах. Наступило короткое затишье. Затем издается новый указ, и евреи снова лишились своего добра и были изгнаны из Франции. Но на этот раз Филипп V Длинный, опять же по совету легистов, одновременно конфисковал и имущество лепрозориев, так как больные проказой существовали на милостыню, подаяния и средства, получаемые по завещанию. Теперь им пришлось бы умирать с голоду. Но что до этого королю Капетингу?

Его брат, Карл IV Красивый, унаследовавший трон, поступил с евреями таким же образом. Иоанн II Добрый — тоже. Так, в период с 1306 г., с момента первого изгнания евреев Филиппом IV Красивым, до 1360 г. (Бретиньинский договор) короли Франции совершили по крайней мере семь раз такого рода мошенничество в отношении евреев, а также ломбардцев, к чему следует добавить грабеж имущества тамплиеров.

Но вернемся к Джаннино.

Кто был человек, сообщивший ему, что он является якобы Иоанном Посмертным? Его имя — Кола де Риенцо или, как оно дается в словарях, Никола Риенци. Он выдал себя за внебрачного сына императора Генриха VII, что вселяет радость в сердца гибеллинов, но отчуждает от него гвельфов, приверженцев папы. В 1347 г. он пришел к власти в Риме и погиб 8 октября 1354 г. от рук взбунтовавшейся черни.

На самом же деле исторически достоверно, что он был сыном кабатчика, а вовсе не внебрачным сыном императора Генриха VII, как он сам утверждал. Он состоял в тесных связях с итальянскими банкирами-ломбардцами, а супруг Мари де Крессэ, отец Джаннино, был племянником одного из них. К тому времени он вместе со своей супругой Мари де Крессэ и их сыном вернулся в Италию после смерти Иоанна I Посмертного на руках Маго д'Артуа. И можно отнюдь не без оснований предположить, что весь сценарий с тайным воспитанием Иоанна I Посмертного в Италии под именем Джаннино де Гуччо был выдуман Кола де Риенцо после того, как он узнал обо всех перипетиях этого парижского дела 1316 г. из разговоров в ломбардских кругах.

Последующие события лишь подтверждают эту гипотезу.

Сиенская республика выступила в поддержку Джаннино и придала ему некоторым образом (дав охрану, учредив совет) атрибуты подлинного короля Иоанна I. Однако сиенская фракция, поддержавшая Джаннино, была вскоре оттеснена новой, купеческой фракцией, так как купцы, имевшие широкий товарооборот с Францией, не желали подвергаться риску потерять такую выгодную клиентуру. И эта фракция аннулировала меры, принятые в поддержку Джаннино. Как мы видим, все это было не слишком серьезно.

Прибыв в Венецию, Джаннино, стремясь изыскать средства для создания и содержания армии, вошел, как уже отмечалось, при посредничестве выкреста Даниэля в финансовые еврейские круги и получил от них необходимую ссуду взамен «некоторых обещаний».

Легко можно представить себе, о каких обещаниях шла речь. Сиенские банкиры-ломбардцы и венецианские еврейские финансисты согласились поддержать преображение Джаннино де Гуччо в Иоанна I, чтобы получить возможность вместе с ним навсегда вернуться во Францию, получить назад свое добро и никогда более уже не опасаться грабежа, расхищения имущества, доходящего до резни, что было обычным делом у королей династии Капетингов. Весьма вероятно, что в подписанном соглашении отмечалось, что, если Джаннино не выполнит это обещание, другая сторона будет вправе открыть всю правду, обрекая, таким образом, на гибель Джаннино, этого узурпатора, захватившего силою оружия власть во Французском королевстве, виновного в оскорблении величества и прочая и прочая, что обычно кончалось очень плохо в те жестокие времена.

Искренне считая, что Джаннино вознамерился захватить в плен лично ее, королева Жанна выступила против этого претендента на трон. Предупрежденный папой, Иоанн II Добрый приказал своим войскам из соседних провинций выступить в качестве подкрепления силам королевы Неаполя и Прованса. Что же касается папы Иннокентия VI, он был заинтересован в победе королевы Жанны, дабы не пришлось ему покинуть Комта-Венессен в случае ее поражения, ведь это маленькое государство со столицей в Авиньоне и 80 тыс. золотых экю в придачу составляло компенсацию за реабилитацию Жанны, ранее обвиненной в убийстве своего первого мужа и отлученной за это от церкви. Это подтверждает, что и папа думал о совсем иных вещах, нежели формальная версия Джаннино, мотивирующая его вторжение в Прованс.

Тем не менее всякая история имеет свое начало. И если наши выводы точны, нам следует обратиться теперь к тому, у кого возникла эта потрясающая мысль возродить подлинного Иоанна I Посмертного, якобы чудом оставшегося в живых. Все вышесказанное говорит за то, что этим человеком был Никола Риенци, он же Кола де Риенцо, подлинное имя которого было Никола Габрино.

Он родился в Риме в начале XIV в., будучи плодом любви кабатчика и прачки. Очень скоро неизвестно кем была пущена в ход гипотеза, по которой он представлялся внебрачным сыном императора Генриха VII, и это сделало его одним из поборников партии гибеллинов. С ранней юности он углубился в изучение гуманитарных наук, влекомый пылкостью своего ума и стремлением к независимости. Благодаря своему красноречию, он стал считаться одним из самых блестящих ораторов той бурной эпохи, и его дебюты в ораторском искусстве вызывали восторженные отклики Петрарки, который, исполненный неразумных надежд, действительно писал ему: «Я не раз был свидетелем того, как люди теряются и не знают, чем больше восхищаться — вашими словами или вашими поступками, потому что вы действуете, как Брут, а пишете, как Цицерон! Продолжайте же писать так, как если бы это было предназначено для всего мира…» Подобные похвалы не могли не вскружить ему голову!

В те времена Рим находился во власти внутренних распрей и чудовищной нищеты, порожденных соперничеством между семействами Колонна и Орсини.

Климент VI бросил эту столицу на произвол судьбы, а сам укрылся в Авиньоне. Риенци входил в состав депутации, направленной к папе просить его о возвращении в Рим. Климент VI обещал, но не вернулся. Тогда Риенци собрал жителей Рима, добился провозглашения себя римским трибуном и восстановил все нормы правления прежней республики в ожидании лучших времен. А мечтал он о восстановлении для себя древнеримского царского сана. Впоследствии и Наполеон I, став новым императором Запада, подчинив своей власти все западноевропейские государства и сделав своего сына «королем Рима», лишь восстановил традицию древних веков.

Действительно, «цари римлян» правили с 754 по 509 г. до н. э. от Ромула до Тарквиния Гордого, еще до республики и задолго до империи, то есть в течение двух с половиной веков.

Риенци правил Римом семь месяцев, а затем вынужден был покинуть этот город и искать прибежища у короля Богемского, который подло выдал его Клименту VI. На протяжении нескольких лет ему пришлось выносить все тяготы плена в застенках папского замка в Авиньоне. На свободу он смог выйти лишь благодаря вмешательству Петрарки и уже в период понтификата Иннокентия VI, пришедшего на смену Клименту VI. Иннокентий VI отправил его после освобождения в Рим с целью противоборства там новому трибуну Барончелли.

Нужно сказать, что уже в свою бытность римским трибуном Риенци допускал всякого рода экстравагантности. Как-то раз он выкупался в купели храма Сен-Жан-де-Латран, а потом вышел к народу и возвестил, что, дескать, таким образом, посредством его и в его лице Рим был отмыт от всех своих грехов. Потом, надев сразу семь корон,

символизировавших семь даров Святого Духа, и указав острием своей шпаги на четыре стороны света, торжественно провозгласил: «Все это принадлежит мне…» Узнав об этих выходках, Климент VI поспешил направить в Рим в качестве легата кардинала Бертрана де Дрё с целью призвать Риенци к порядку. Трибун встретил его неприветливо, и легат уехал в Монтефиасконе, где и состоялось неизбежное отлучение Риенци от церкви. 15 декабря Риенци был изгнан из Рима, а Бертран де Дрё восстановил там власть сената. Несколько месяцев спустя в Рим вернулась аристократия, а с ней — новые волнения и восстания. В 1351 г. в результате мятежа в Капитолий пришел новый трибун Барончелли, и все началось сначала. Но тут умер Климент VI, и на смену ему явился Иннокентий VI. Тогда наступили перемены.

Для начала Иннокентий VI назначил легатом Италии испанского кардинала Жиля Альвареса д'Альборноса, которому удалось созвать в Монтефиасконе с 30 сентября 1354 г. многочисленную ассамблею сеньоров и представителей коммун и побудить их дать присягу церкви. Кроме того, договорившись заранее с властями Флоренции и Сиены, он заручился помощью Жана Висконти, правителя Милана и Болоньи, и, одержав трудную победу над Жаном де Вико, отвоевал все папские владения, то есть Рим с прилегающими к нему северными и южными провинциями. Его военная слава расчищала ему путь и помогала побеждать.

Несколькими днями позже Никола де Риенци был растерзан римской толпой, а его бренные останки были сожжены на могиле императора Августа.

Итак, мы начинаем постигать тайну этих двух исторических лиц — папы Иннокентия VI и трибуна Кола де Риенцо.

По происхождению Иннокентий VI был французом. Его настоящее имя — Этьен Обер. Он родился в провинции Лимузен, служил епископом Клермонским. На папском престоле он пробыл 10 лет, с 1352 по 1362 г. Как уже говорилось, он был уроженцем Лимузена и многим в своей карьере был обязан дому Шабаннов, одному из семи французских семейств, имевших право носить титул «кузенов короля». Род Шабаннов всегда хранил верность королям Франции. Позднее его представители вошли в партию Арманьяков. Кроме того, Иннокентий VI очень подозрительно относился к вооруженным отрядам, появлявшимся то здесь, то там и часто пытавшимся пересечь Прованс. Уже в 1358 г. эти банды захватили Комта, окружили Авиньон, и папа вынужден был вступить с ними в переговоры. В 1360 г. их ряды пополнились солдатней, отпущенной на волю после подписания Бретиньинского договора. Они заняли мост Святого Духа и отрезали Авиньон от всего внешнего мира. Для того чтобы они убрались восвояси, им пришлось заплатить 11 500 золотых флоринов. Видимо, появление Джаннино во главе маленькой армии насторожило Иннокентия VI по двум причинам: в силу его преданности королю Франции и вследствие недоверчивости, которую он испытывал в отношении кондотьеров, пришельцев из-за гор, особенно тех, которые, как они утверждали, действовали с благословения Кола де Риенцо. На самом деле так оно и было.

Что касается вышеупомянутого Кола де Риенцо, разумеется, это он придумал всю историю с Иоанном I Посмертным, которого якобы подменили сыном Мари де Крессэ и того самого Гуччо, племянника ломбардского банкира. Так как, если бы в эту удивительную историю поверили политические власти того времени (а она была принята как Сиенской Республикой, так и королем Людовиком I Венгерским), она отодвинула бы на второй план претензии самого Риенци на то, что он был родным сыном императора Генриха VII. Его утверждение обрело бы достоверность рядом со столь невероятной историей, признанной за правду. А признание его собственных претензий облегчило бы ему доступ к королевской власти в Риме при содействии партии гиббелинов.

Наконец, если бы военная авантюра Джаннино увенчалась успехом, ломбардские банкиры и еврейские финансисты получили бы назад свое добро, которое было у них в свое время так нагло отобрано последними королями Капетингами. В случае успеха они обязались

отблагодарить Кола де Риенцо, что, учитывая его потребность иметь преданную, регулярно оплачиваемую армию, представляло в те времена неоспоримые преимущества.

Но судьба поступила с Джаннино иначе. Можно ли заподозрить в этом деле какое-то тайное воздействие со стороны тамплиеров? Такое предположение было бы действительно очень заманчиво для того, кто в ходе развития всей истории стремится узреть действие тайных сил, исходящих от рыцарей, подвергшихся неправедным гонениям. Однако мы придерживаемся иного мнения.

Вероятно (как отмечает Морис Дрюон), Жан де Лонгви, племянник Жака де Моле, и собрал воедино вскоре после смерти его дяди тех тамплиеров, которым удалось избежать виселицы или костра. Действительно, он поклялся отомстить за его смерть, совершив набеги на земли графа Бургундского Филиппа де Пуатье, будущего Филиппа V Длинного, милосердного супруга Жанны Бургундской, сестры Маргариты.

Но ничего подобного сделано не было. Оставшиеся в живых тамплиеры перешли к светскому образу жизни, женились, обзавелись семейными очагами, увековечивая знаменитые уже упоминавшиеся тамплиерские династии. Месть, за которую ратовал Жан де Лонгви, совершил, сам не зная того, Антуан де Шабанн, граф Даммартенский, младший брат Жака де Шабан-на ла Паллиса и соратник Жанны д'Арк.

В 1437 г. во главе небольшой армии он опустошил земли герцога Бургундского Филиппа Доброго — Шампань, Лотарингию и Бургундию, после чего и получил прозвище, данное ему королем Карлом VII: «А вот мессир де Шабанн, капитан живодеров…», на что последовал знаменитый дерзкий ответ: «Сир, их шкуры обогатили Вас больше, чем меня, ведь платил за них я…»

Термин «живодер» сохранился и применялся в те времена в отношении того, кто обирал противника до нитки. Однако не следовало путать эту «тотальную войну», которую Антуан де Шабанн вел на землях, которые тогда принадлежали врагам Франции и союзникам англичан, с издержками печально знаменитых великих походов, опустошивших французские провинции.

Наверное, истинное потомство Филиппа IV Красивого должно было и впредь продолжать царствовать во Франции для того, чтобы, испытывая на себе из поколения в поколение таинственные удары судьбы, предрешенные проклятием Жака де Моле, последнего Великого магистра Тампля, окончательно искупить свою вину в 1793 г. в огромной башне командории Тампля в Париже по приказу якобинцев…

5

Подлинная личность Жанны, так называемой д'Арк

Было ли сие делом рук божеских или человеческих? Затруднительно было бы для меня решить это… Иные мыслят, будто некто, более мудрый, нежели прочие, замыслил внушить им, что Господь ниспослал некую девственницу и заставил их вручить ей бразды правления, коих она домогалась.

Пий II (папа римский в 1458 году). Мемуары

Как эта глава, так и следующие могут вызвать недовольство тех людей, которые яростно твердят о правдивости одной легенды, подкрепляющей их религиозные и политические побуждения. Легенда о Жанне д'Арк[46] *(имя, которое при жизни она никогда не носила)* — это одна из величайших фальсификаций во французской истории, возможно — самая крупная ложь такого рода. Вот почему мы считаем своим долгом особенно тщательно воспроизвести все версии. И прежде всего попытаемся обрисовать обстановку, в которой эта ложь возникла. Эти подробности имеют очень большое значение для всего того, что касается жизни этой Жанны.

Средневековое общество

Средневековое общество было иерархичным и состояло из сословий, связи между которыми были чрезвычайно затруднены. Для официального перехода из одного в другое требовались заслуги и оправдания.

Основу общества составляли *крепостные крестьяне.* Им принадлежали их жалкие жилища, а также кое-какие домашние животные и орудия труда. Но сами они привязаны к лену, в котором они родились и проживали. Их зависимость от своих господ определялась многочисленными повинностями. При Людовике X Сварливом крепостные обоего пола, входившие в королевский домен, получали освобождение в обмен на выплату определенной, раз навсегда установленной суммы. Зато в остальной части Франции, включая земли, зависимые от монастырей и аббатств, крестьянам пришлось дожидаться революции 1789 г.[47]

Над крепостными на социальной лестнице находились *вилланы* — освобожденные крепостные, а также ремесленники, рабочие-строители, подмастерья, мелкие торговцы. К той же части населения относились мелкие земельные собственники в деревнях, именовавшиеся «алё». Их называли *разночинцами* (что применялось к любому свободнорожденному человеку, который мог менять место проживания и никоим образом не был привязан к какому-либо лену).

Над *вилланами* возвышалось третье сословие, объединявшее мастеров-ремесленников (это звание передавалось по наследству внутри корпораций-гильдий), крупных торговцев, адвокатов, врачей, аптекарей, наследственных арендаторов, дворян, утративших свои дворянские права, а также потомство этих последних. Это сословие — *буржуа* (бюргеры). Их тоже называют «разночинцами».

Четвертое сословие составляла *знать (дворянство):* та, корни знатного происхождения которой теряются в глубине веков; дворянство родовое и служилое (полученное в результате принадлежности к рыцарству, придворной должности или занимаемого положения). Для обладания наследственным титулом-именем знатная семья должна была доказать наличие многочисленных рыцарей в своей родословной, а также участие в крестовых походах[48]. Знать также подвергалась иерархической дифференциаций в зависимости от занимаемых ею земель: простой лен принадлежит оруженосцам и простым рыцарям. Далее идут барония, виконтство, графство, маркизат, герцогство, княжество, королевство, империя. Ордонанс Филиппа IV Красивого о «боевых залогах» дает нам представление об административных правилах этой феодальной иерархии, восходящей к Карлу Великому, и уточняет, какими подчиненными ленами должен располагать любой главный лен:

— королевство: по крайней мере четыре прилегающих герцогства, или 16 графств, или 64 баронии;

— герцогство: по крайней мере четыре графства или 16 бароний;

— маркизат: по крайней мере пять-шесть бароний, каждая из которых включает в себя 10 дворян;

— графство: по крайней мере четыре баронии такого же значения;

— виконтство: по меньшей мере две-три баронии такого же рода;

— барония: по меньшей мере шесть дворянских земель, каждая из которых принадлежала одному рыцарю.

Рыцарь, владевший маленьким леном, должен был иметь возможность сформировать *«копье»,* то есть боевой отряд в составе пяти человек, куда входили бы: рыцарь, оруженосец и трое или четверо вооруженных всадников-слуг. Для перехода из оруженосцев в рыцари и для допущения к церемонии посвящения необходимо было предварительно принять участие по крайней мере в одном сражении. Если «холопа» (manant) уличали в краже золотых шпор рыцаря или других ценных предметов, освященных в боевых операциях, ему отрубали кисть правой руки, ибо речь шла о краже предметов, являвшихся объектом священной церемонии. Сеньор, у которого было вдоволь вассалов для формирования многочисленного отряда

дворян более низкого ранга, назывался *знаменосцем,* ибо он имел право носить знамя, а уже не флажок на острие копья.

В средневековом обществе выделялись и некоторые другие социальные категории: например, подкидыши — дети, брошенные на произвол судьбы, которых взял под свое покровительство сеньор данного лена. В этом случае они были крепостными *(сервами).* Незаконнорожденные отпрыски знати, рожденные от матерей, числящихся по разряду разночинцев и не признанные своими отцами, хотя на деле ни для кого не было тайной их происхождение, пользовались в лене определенными привилегиями и занимали несколько особое положение. *Бастарды,* официально признанные как таковые, считались дворянами и просто должны были иметь на гербах своих родителей особый геральдический символ, так называемую черную полосу (знак незаконнорожденности), в то время как их потомство, рожденное в законном браке, эту полосу в некоторых провинциях (например, в Дофине) не ставило.

В средневековье, и даже позже, лучше было оказаться бастардом знатного семейства, чем законнорожденным отпрыском разночинца. Людовик Орлеанский, большой любитель хорошеньких женщин, стал отцом множества незаконнорожденных детей, одному из которых было суждено прославиться. Речь идет о Жане Дю-нуа, бастарде Орлеанском. Бургундский герцог Филипп Добрый, у которого было три законных супруги и 24 любовницы, произвел на свет при помощи этих последних 16 незаконных детей. У некоего графа Клевского таковых насчитывалось 63. У епископа Камбре Жана Бургундского был хор в составе 36 человек. Все они были его детьми. Этот хор своим пением сопровождал церковные службы своего отца-епископа. В Португалии в XIV в. новую династию Авизов также основал бастард Иоанн I, а другой незаконнорожденный — Энрико де Транстамаре, побочный сын Альфонса XI Кастильского, стал там же королем под именем Энрико II.

С такими же случаями мы еще встретимся в ходе данного исследования. Таинство брака явно не стояло на первом месте в глазах знати!

Для управления делами знати, для контроля и надзора за ней, для ее защиты создавались так называемые гербовые советы, возглавлявшиеся на уровне королевства «гербовыми королями», опиравшимися на гербовых судей, гербовых герольдов и гербовых исполнителей. В них также принимали участие конюшенные объездчики: это были гонцы, облаченные, подобно гербовым герольдам, в короткую накидку с рукавами поверх доспехов; наносить им телесные повреждения запрещалось под страхом самых ужасных кар.

Будучи подлинной эмблемой-тотемом семьи, символом, наделенным священным характером, герб подчинялся правилам изощренной науки — геральдики, порожденной герметической традицией. Наряду с символами, фигурировавшими на основной, главной части герба, менялись и окружавшие ее символы. Это зависело от ранга, знатности, древности рода, от его разветвленности и т. д. Гербовники и книги дворянства находились в ведении и под неусыпным наблюдением гербовых судей. Именно они составляли гербы лиц, получивших дворянское звание, и представляли их на утверждение государя. В Англии разночинцам было запрещено носить гербы. Во Франции такого запрета не существовало. Но гербы разночинцев не должны были сопровождаться внешними символами, составлявшими так называемый тэмбр, то есть коронами, шлемами и т. п., которые указывали на степень знатности их носителя.

Эта информация должна в дальнейшем помочь понять многие подробности из жизни Жанны. Читателю будет легко убедиться в этом.

Официальная ложь

Мишле, директор Национального архива в 1831 г., был автором первой легенды, продиктованной одновременно политическими и демократическими соображениями. В своей шеститомной *«Истории Франции»,* из которой тщательно изгнаны все цвета, кроме черного и

белого, он нарисовал такой женский образ, который был должен полностью соответствовать его идеалам. И более чем сомнительно, чтобы Мишле потрудился справиться с источниками, то есть с доступными ему документами. Этому примеру последовали все прочие. Заглянем для примера в *«Полный курс истории Франции»,* предназначавшийся для высших начальных школ и для кандидатов на свидетельство о способностях. Его авторы — Дезире Бланше и Жюль Пинар, оба — кандидаты исторических наук. 31-е издание этого труда появилось в 1890 г. Легко вообразить себе армию читателей и учащихся, которых сей труд сбил с толку по данному вопросу. Оба автора рассказывают о Жанне следующее:

«Тогда появилась Жанна*. „Дочь народа*" увлекла народ за собой, решивши выдворить англичан из Франции. То была *дочь пахаря,* Жака д'Арка, и супруги его, Изабеллы Роме. Она родилась в деревушке Домреми, в Лотарингии, неподалеку от границ Шампани. Жители Домреми принадлежали к лагерю Арманьяков и *оказывали непрестанную поддержку борьбе,* которая велась против их сосе-дей-бургундцев. Немцы, воспользовавшись смутой, совершали грабительские набеги на этот край, и часто Жанне случалось видеть *окровавленными* своих братьев и друзей по возвращении домой. Она скорбела по поводу положения, в котором оказалось королевство Франция, и мало-помалу ею овладело желание спасти его. То была набожная, *трудолюбивая* девушка, *простодушная* и наделенная благородным сердцем. В 13 лет она услыхала голоса, велевшие ей спасти королевство. Повсюду распространилось верование, согласно которому Франция, которую погубила женщина — Изабелла Баварская, будет вновь отвоевана женщиной же. Эти видения перепугали Жанну, ей показалось, что сие намерение превосходит ее силы, и она не стала ни о чем говорить своим родителям, пока не прошло пять лет, в течение которых, побуждаемая…» и пр.

Мы подчеркнули бессмыслицы этого текста. В ходе процесса, подвергшего ее осуждению, «дочь народа» с высокомерным презрением отвергла утверждение, будто она пасла домашний скот или работала по хозяйству. В ходе оправдательного процесса Ален Шартье, секретарь королей Карла VI и Карла VII, заявил по поводу допросов, проводившихся на протяжении предыдущего судилища, следующее: «Создавалось впечатление, что эта девушка воспитана была не в полях, а в школах, в тесном общении с науками». В Шиноне она изумила Карла VII и молодого герцога Алансонского своим мастерством в верховой езде, своим безупречным знанием игр, распространенных среди знати: кентен, игра в кольца, — требовавших совершенного владения оружием. Что до «грабителей»-немцев, припомним, что в те времена Домреми принадлежал герцогству Барскому (Барруа) и что это местечко было расположено на стыке теперешних департаментов Мёз, Мёрт-э-Мозель и От-Марн (Верхняя Марна), на окраине департамента Вогезы. До немцев далеко, поскольку от них герцогство Бар отделялось герцогством Лотарингия, чьи герцоги были союзниками Франции во время Столетней войны! Но ведь это писалось вскоре после франко-прусской войны 1870–1871 гг., с тем чтобы подогреть реваншистский дух французов!

Сама фамилия, которой эти истории наделяют нашу героиню, не имеет ничего общего с действительностью. В ее времена никогда и никто не называл ее Жанной д'Арк. В ходе осудившего ее процесса она заявила, что ей неведома ее собственная фамилия.

Своим судьям она просто-напросто сказала: «Зовут меня Жанна Девственница», уточнив при этом, что в детстве ее называли Жаннетой. В течение всей этой истории неизменно мы сталкиваемся с этим поименованием: *Жанна, Девственница Франции,* или *Жанна — Орлеанская дева,* что подтверждается и документами того времени. В течение того же процесса она тем не менее сообщила имена своих родителей: Жак д'Арк и Изабелла д'Арк. Уже это показывает, что сама она эту фамилию носить отнюдь не собиралась. На процессе по ее оправданию Жан де Новелонпон, ходивший в гости в ее семейство, *дал отрицательный ответ* на вопрос судей о том, был ли он знаком с матерью Жанны. Так, Жанна и этот свидетель дают понять, что супруги д'Арк не были ее подлинными родителями. Что до

«бедного землепашца», которым якобы был Жак д'Арк, нам еще предстоит увидеть, как обстояло дело в действительности.

О семействе д'Арк и о его знатности

У этого семейства еще до XV в. был герб: *«На лазоревом поле золотой лук и три скрещенные стрелы с наконечниками, две из которых окованы золотом и снабжены серебряным опереньем, а третья — из серебра и с золотым опереньем, с серебряной главой, увенчанной червленым львом».*

Жакмен д'Арк, мнимый брат Девственницы, а также все его потомство носили только этот герб, и лишь в 1612 г. некий Жан д'Арк по прозвищу «из Лиса» добился от гербовых судей королевы Марии Медичи, регентши королевства (в котором на деле правил Кончини), права считать свой герб отличным от того, которым располагала сама Девственница. В результате стали говорить о мнимом потомстве самой героини…

Подобные гербы в распоряжении «землепашцев» — явно большая редкость в средневековой Франции.

И в самом деле в «Христианской Галлии» приводится в качестве примера епископ по имени Жан д'Арк (1331). В 1357 г. Мари д'Арк вышла замуж за Жана, герцога Бургундского главной ветви, которая происходила еще от Капетингов XI в. Из этого же Бургундского дома происходила и Маргарита Бургундская, умершая в Шато-Гайаре. Лестное родство, не так ли?

Интересующее нас семейство было родом из Арк-ан-Барруа (Арк в Барском герцогстве), *откуда и происходит его фамилия.* Еще в 1380 г. в этом районе оно обладало несколькими небольшими ленами, о чем сообщает каноник де Лонгвилль. «Бедный землепашец» Жак д'Арк родился в 1375 г. в Сеффоне, в графстве Шампань, в старинном рыцарском семействе, которому благодаря прекрасным связям по линии свойства удалось сблизиться с окружением различных государей, правивших в этих краях. К сожалению, ветвь, к которой принадлежал Жак д'Арк, разорилась в результате Столетней войны и моровой язвы 1348 г. и *временно утратила дворянское звание.* Еще до 1400 г. он женился и стал жить в Домреми, где за счет доходов от прежних маленьких ленов он брал в аренду обрабатываемые земельные участки. Это к вопросу о том, как он жил в условиях утраты дворянского звания.

Женился он на Изабелле де Вутон по прозвищу Римлянка. Это прозвище (связанное с паломничеством ее матери в Пюи, которое считалось равноценным паломничеству в Рим) всегда лицемерно подставляли вместо фамилии де Вутон, которая не могла не служить помехой: ведь она свидетельствовала о знатности Изабеллы, супруги «бедного землепашца»… Изабелла де Вутон не обладала богатством по тем же причинам, что и ее супруг; земля Вутон соседствовала с Домреми. Но эта семья была тоже аристократической и гордилась своими брачными связями с семействами Бово, Неттанкур, Людр, Армуаз. С последним из них мы вскоре еще встретимся.

В 1419 г. Жак д'Арк был дуайеном (то есть старостой. — *Прим. перев.)* Домреми[49], где он командовал лучниками местного ополчения, и генеральным откупщиком в этих местах. В то время он управлял сеньорией Домреми, взяв ее, таким образом, в аренду в административном отношении, взимал феодальные подати, командовал небольшой крепостью на острове. Он собирал суммы, вносимые в качестве налогов, руководил операциями полиции; в суде он выступал в качестве обвинителя по поручению Робера де Бодрику-ра, наместника и владельца замка в городе Вокулёр. Наконец, в Грё у него была небольшая усадьба. А Грё находилось менее чем в километре от Домреми. Его ежегодный доход составлял тогда пять тысяч золотых франков.

Как же можно в этих условиях утверждать, будто Жак д'Арк был представителем крестьянской бедноты? А ведь к этому стремятся любой ценой французские историки, будь то гугеноты или католики. И не забудем, что и вся его семья находилась на том же социальном уровне: у Жака д'Арка был брат Николя д'Арк, вторым браком женатый на вдове рыцаря Эда

де Ресе, Жанне, которая потом снова овдовела. Эта Жанна д'Арк стала крестной матерью Пьера д'Арка, третьего из сыновей Жака д'Арка. Дело в том, что у него от брака с Изабеллой де Вутон было несколько детей:

1) Жакмен д'Арк;

2) Жан д'Арк, умерший без потомства, он был бальи в Верман-дуа, наместник и владелец замка в Шартре, затем исполнял те же обязанности после Робера де Бодрикура в Вокулёре;

3) Катрин д'Арк;

4) Пьер д'Арк, уже упоминавшийся как крестный сын вышеупомянутой Жанны д'Арк. Позже он женился на Мари де Везин, от которой у него был сын, Жан д'Арк. Получив рыцарское звание, Пьер д'Арк добился от короля Карла VII права взимать дорожно-мостовую пошлину в Шомон-ан-Бассиньи. В 1436 г. герцог Карл Орлеанский, поэт, присвоил ему звание рыцаря Дикобраза: этим орденом награждались те, кто служил Орлеанской династии. Для его получения требовалось быть *дворянином в течение четырех поколений.*

Одновременно с этой ветвью семьи, проживавшей в Домреми, в Париже уже с января 1408 г. при дворе короля Карла VI в разном качестве служили другие члены этого семейства:

— Гийом д'Арк, сеньор в Корнийон-сюр-Триеве (департамент Изер). Кроме того, он был советником короля Карла VI и гувернером при дофине Луи, герцоге Гюйени и дофине Вьеннуа, скончавшемся в 1415 г.;

— Ивон д'Арк, бальи Грезиводана, был советником того же дофина Луи.

Таким образом, оба получили лены в Дофине и представляли собой прямых вассалов наследника французского престола, имея поместья в его уделе.

Наконец, последний из них, Рауль д'Арк, бывший камергер короля Карла VI, был сенешалем области вокруг Ретеля в Арденнах (Рютенансис).

В то же время Жан д'Арк, другой брат Жака д'Арка, мнимого отца Девственницы, был «королевским землемером лесов Французского края» (то есть лесных массивов Валуа, вокруг Санлиса).

Итак, как мы вскоре в этом убедимся, Жанна Девственница, как ранее и ее сводный брат — наследник престола Луи, была вверена попечению семейства д'Арк. Гувернером Луи был Гийом д'Арк, а советником — Ивон д'Арк.

И 12 июня 1407 г. (25 июня по григорианскому стилю) в Париже находилась, накануне ночи Ивана Купалы, Жанна д'Арк, вдова Николя и свояченица Жака д'Арка.

Согласно счетам дворца Сен-Поль, где проживал король Карл VI, с которого как раз в это время на какой-то момент сошло его помрачение ума, к нему с дарами в виде венков, что соответствовало обычаям тех времен, приуроченным к этому празднику, явилась Жанна д'Арк. Король приказал вручить ей небольшую сумму денег. Вот текст счета: «Воскресенье 21 день июня 1407 г.: Король — за деньги, врученные бедной женщине[50] по имени Жанна д'Арк, одарившей его цветочными венками. По сему, вышесказанный государь, в сем месте, денег: 18 солей».

Каким чудом король удостоил приема эту женщину из Домреми? Благодаря посредничеству ее родных, Гийома и Ивона д'Ар-ков, соответственно гувернера и советника наследника престола Луи, который вместе со своей матерью Изабо Баварской в следующем, 1408 году взял в свои руки бразды правления королевством (он умер в возрасте 19 лет).

Но именно тогда королева Изабо была на пятом месяце беременности. Ребенок — от неизвестного отца — родился 21 ноября. Не подлежит сомнению, что на деле Жанна д'Арк втайне прибыла за указаниями относительно помещения будущего младенца к кормилице. И заботы о нем должны были осуществлять ее свояк Жак д'Арк с супругой Изабеллой де Вутон, прозванной *Роме* — Римлянкой.

Карл VI не был отцом этого ребенка. Давно уже он не выносит даже вида Изабо Баварской, которая в ту пору являлась любовницей его родича, герцога Луи Орлеанского, которому суждено было затем пасть от рук наемных убийц — вооруженных слуг герцога Бургундского, Иоанна Бесстрашного, вскоре после рождения таинственного ребенка.

Отметим кстати, что явно не случайно для его воспитания была избрана ветвь д'Арков, поселившихся в Домреми. Ведь это местечко находилось поблизости (расстояние, которое можно было проехать, не меняя лошадей) от Жуанвиля в нынешнем департаменте Верхняя Марна: *это графство принадлежало герцогу Орлеанскому Луи.*

В самом деле, этот герцог, строивший честолюбивые планы по поводу присоединения восточных частей королевства к своему дому, получил 21 июля 1401 г. от своего брата короля Карла VI поручение охранять город Туль. Миссию эту он возложил на бальи Шомон-ан-Бассиньи, которому административно подчинялась деревня Домреми. С церковной точки зрения она принадлежала к Тульской епархии.

Из всего вышеизложенного становится очевидным, что официальные историки лгали и лгут, изображая Жанну Девственницу дочерью бедных крестьян. Иные из них в тогдашних документах вместо «д'Арк» пытались читать «Дар», «Дэй», что устраняло какую бы то ни было связь между вышеназванными высокими чинами и семейством из Домреми. К сожалению, в официальных документах, касающихся Жанны, имена и в самом деле принимают различную форму, искажаются в скорописи тогдашних писцов. Да и сама Жанна выговаривала «Тарк» вместо «д'Арк».

Рождение таинственного ребенка

Прежде всего нашим долгом является обратить внимание читателя на значительную трудность в том, что касается хронологии: во времена, которым посвящено данное исследование, гражданский год начинался на Пасху, а не 1 января. Это приводит к удивительным противоречиям. Так, 1 января 1407 г. следует *за* 1 ноября 1407 г.! Кроме того, даты указываются по юлианскому календарю, а не по григорианскому. Таким образом, если мы хотим получить хронологию в соответствии с этим последним, необходимо прибавлять одиннадцать днёй, чтобы получить нужное число, причем название дня недели не изменяется. Например, воскресенье 23 ноября 1407 г. по юлианскому календарю соответствует воскресенью 4 декабря 1407 г. по григорианскому.

Вот почему, если мы приводим даты по юлианскому стилю, мы даем двойное указание года в тех случаях, когда эта дата относится к периоду до Пасхи, с которой в то время начинался гражданский год. Так, 6 января 1408 г. будет изображаться как 6 января 1407/1408 г.

Начиная с 1392 г. короля Карла VI периодически поражало безумие, приступы помрачения рассудка чередовались с периодами ясного сознания. Отсюда циничная фраза его супруги, королевы Изабо Баварской: «Король сильно стесняет меня, когда он безумен, и еще больше, когда он таким не является…» И действительно, безумный или в ясном сознании, король давно уже не выносит вида королевы. Он жил во дворце Сен-Поль, между улицей Св. Антония и набережной Сены, но с тех пор, как его рассудок помрачился, королева уступила место молодой женщине по имени Одетта де Шандивер, дочери так называемого нормандского барышника[51], — и это было сделано с полного согласия королевы, которую такое положение дел вполне устраивало. Одетта де Шандивер, прозванная в народе «маленькой королевой», стала одновременно и преданной сиделкой, и нежной любовницей бедного короля.

Она к тому же родила ему дочь, которую он признал под именем Маргариты Валуа. Эта последняя впоследствии вышла замуж за Жана де Ардепенна, и их род угас только в XVI в. Своей дочери Карл VI дал герб, подтверждающий ее королевскую кровь: «Усеяно лилиями, пересеченными золотым стеблем». В данном случае стебель означал, в соответствии с

геральдическим правилом, незаконнорожденность ребенка. Одетта умерла в 1425 г. в бедности. Добро, которым наделил ее покойный король, было у нее отнято по приказу королевы Изабо Баварской. Один только герцог Бургундский выплачивал ей небольшую пенсию.

Королева жила во дворце Барбетт[52], где она больше не боялась быть избитой до полусмерти Карлом VI. И каждый день она принимала там своего деверя, ставшего ее любовником, — Луи герцога Орлеанского (бывшего герцога Туренского), с которым она не стеснялась показываться на людях и в Париже, и в Мелене, и в Сен-Жермен-ан-Лэ, вызывая возмущение населения. Их связь началась в 1397 г. Говорили, что новый герцог Туренский, Жан, родившийся 31 августа 1398 г. и умерший от отравления в Компьене в 1416 г., являлся просто-напросто отпрыском этой незаконной связи, равно как и его младший брат Карл (будущий Карл VII).

Так вот, в среду 10 ноября 1407 г., «в два часа пополуночи», королева Изабо родила ребенка, «умершего в тот же день и отвезенного вечером в Сен-Дени». Так сообщает аббат Клод де Вилларе в своей *«Всеобщей истории Французского королевского дома».* Сложность состоит в том, что в первом издании этого труда, в 1764 г., этого ребенка зовут Филипп. Шестью годами позже, в издании 1770 г., его заменила девочка по имени Жанна. В третьем издании, в 1783 г., это утверждение повторяется без попыток объяснить странную опечатку: «Жанна, прожившая всего лишь один день» заменила «Филиппа, прожившего всего лишь один день». С чего бы это?

Аббат де Вилларе на этот вопрос не отвечает. Но для этого исправления явно были серьезные причины. И действительно, задолго до появления этого труда отец Ансельм де Сент-Мари с 1726 по 1732 г. выпускал *«Генеалогическую и хронологическую историю Французского королевского дома».* И этот автор назвал ребенка *Филиппом.* В первом издании аббат де Вилларе послушался его, но затем внес странную поправку, дав ребенку имя *Жанна.* Вероятно, это исправление было вызвано вмешательством самых высокопоставленных лиц. Ведь нельзя же забывать, что аббат де Вилларе был секретарем и специалистом по родословным при «Их светлостях Пэрах Французской Короны», каковой пост, как нетрудно догадаться, давал немаловажные возможности знакомиться с источниками.

На этом, однако, дело не закончилось. Через четыре года после смерти де Вилларе его сотрудники осуществили очередное издание, в ином формате и с иной пагинацией, возвратившись к первоначальной версии 1763 г., так что таинственный ребенок вновь стал именоваться *Филиппом.*

Как видим, точная половая характеристика ребенка оставалась под сомнением. Может быть, его назвали *Жанна-Филиппа,* если допустить, что это была девочка. Оправданием в данном случае мог бы послужить тот факт, что Филиппа де Эно, супруга короля Англии Эдуарда III, скончавшаяся в 1369 г., праправнучка короля Франции Филиппа Смелого, была также кузиной Карла VI и королевы Изабо. Граждане Кале обязаны ей жизнью.

Но прежде чем вернуться к временам, когда на свет появился этот таинственный ребенок, небесполезным представляется изучить обстоятельства, при которых родились и умерли его старшие братья; не станем задерживаться на датах рождения и смерти дочерей, ибо в них не содержится ничего таинственного, и никаких проблем не возникает по поводу места их погребения, поскольку ни одна из них не нашла вечного успокоения в базилике аббатства Сен-Дени, где лежат короли Франции и их сыновья.

Вот список сыновей Карла VI в порядке их появления на свет:

1. *Карл* — родился в замке Венсенн 25 сентября 1386 г. (6 октября по григорианскому календарю), умер накануне дня Невинных Младенцев, то есть 27 декабря 1386 г., в возрасте двух месяцев и трех недель. «Престолонаследник прожил недолго. Он преставился накануне дня Невинных Младенцев и вместе с этими приснoблаженными душами разделяет отныне

вечное царствие младенцев. В *ту же ночь* тело его, при свете факелов, в сопровождении знатных господ и в торжественной обстановке, достойной королевского величия, было перенесено в склеп королей в базилике Сен-Дени и погребено в часовне его деда у подножия алтаря» (см.: «Хроника монаха из Сен-Дени», книга VI, гл. VIII, с. 456–457).

2. *Карл* — родился во дворце Сен-Поль 6 февраля 1391 г. (по юлианскому стилю), умер 11 января 1400 г. в возрасте 9 лет. Был помолвлен с Маргаритой, дочерью Иоанна Бургундского, графа Неверского. Был также погребен в базилике Сен-Дени. «Церемонии по случаю этого шествия были жалкими и недостойными королевского величия. Монахи из Сен-Дени ожидали тело при входе в церковь. Их процессия отнесла его на своих плечах вплоть до хоров. Затем отслужили заупокойную службу. *На другой день после службы* королевские служители отнесли тело в королевскую часовню и положили его с левой стороны у ступенек алтаря в присутствии названных герцогов (Бургундского, Орлеанского и Бурбонского), коннетабля Франции, архиепископов Безансонского и Эксского, а также восьми епископов, присутствовавших на мессе» («Хроника монаха из Сен-Дени»).

Отметим, что, по мнению официального летописца базилики, церемония была «жалкая». Нам еще предстоит убедиться в важности этого замечания.

3. *Людовик* — родился 22 января 1396 г. во дворце Сен-Поль в Париже, умер 18 декабря 1415 г. в возрасте девятнадцати лет. Был погребен 23 декабря 1415 г. в церкви Богородицы в Париже (в соборе Парижской Богоматери. — *Прим. перев.),* также, по замечанию летописца, «с великим торжеством». Но отчего же не в базилике Сен-Дени? Вероятно, оттого, что за два месяца до этого, 25 октября 1415 г., при Азенкуре, в нынешнем департаменте Па-де-Кале, было истреблено французское рыцарство. Битва была страшной: с обеих сторон в ней погибли: 11 принцев, 80 баннеретов (рыцарей, имевших право воевать и шествовать под стягом-хоругвью), 1200 рыцарей и более 20 тыс. солдат. В Англию отправились многочисленные пленники высокого ранга. Среди них — поэт Карл Орлеанский, пробывший там в плену 25 лет, пока не сумел выплатить огромный выкуп. Понятно, что «великие торжества» по случаю похорон Людовика Французского пришлось подсократить.

4. *Иоанн* — родился 31 августа 1398 г. во дворце Сен-Поль в Париже и умер в Компьене 5 апреля 1416 г. в возрасте 18 лет, *от яда.* Погребен в аббатстве святого Корнелия, через неф которого в 1806 г. пройдет нынешняя улица Сен-Корней. Все, что от него осталось, — это галерея XIV в. Отчего же тело юного принца не было доставлено к его братьям, в базилику Сен-Дени? Когда станет известна тайна этого отравления, будет наверняка получен ответ и на этот вопрос. Всем историкам известно, насколько трудно приподнять завесу, покрывающую эту эпоху, и ее летописцы, начиная с *монаха Сен-Дени*, вынуждены умерять свое красноречие, умалчивать о кое-каких делах, а то и представлять их в ложном свете, боясь, как бы это не отразилось на них самих самым неблагоприятным образом. Принцы крови и их кузены обладали «иммунитетом», для поддержания которого у них были большие возможности…

5. *Карл* — будущий Карл VII. Нам незачем заниматься им здесь. Укажем лишь, что он родился также во дворце Сен-Поль 22 февраля 1402 г. в два часа пополуночи, что умер он в Мелен-сюр-Йевр, в нынешнем департаменте Шер, и был погребен в аббатстве Сен-Дени.

6. *Филипп (или Жанна)* — родился 10 ноября 1407 г. (по юлианскому стилю, то есть 21 ноября по григорианскому). Вот что гласила *«Хроника монаха Сен-Дени»:*

«В канун дня святого Мартына, около двух часов пополуночи, августейшая королева Франции разрешилась от бремени сыном, в своем Парижском Дворце, что подле заставы Барбетт. Дитя сие прожило недолго, и близкие короля едва успели наименовать его Филиппом и окрестить его малым крещением во имя Святой и Неделимой Троицы. Вечером следующего дня придворные господа отвезли тело в аббатство Сен-Дени, в котором,

сообразно обычаю, были зажжены все светильники, и погребли его рядом с братьями в часовне короля — деда его (Карла V), повелевшего служить там две обедни в день.

Преждевременная кончина сего дитяти погрузила королеву в глубокую скорбь, и все время после родов она провела в слезах. Светлейший герцог Орлеанский, брат короля, часто навещал ее и пытался смягчить ее страдания словами утешения. Но в канун дня Св. Климентия, *после того как он весело поужинал с королевой,* против его особы было совершено ужасное, неслыханное и беспримерное преступление» (цит. соч., книга XXVIII, гл. XXX).

Теперь необходимо сделать несколько замечаний.

Огромный дворец Сен-Поль, построенный королем Карлом V и занимавший в тогдашнем Париже целый квартал, в наши дни стал кварталом Сен-Поль. Там был расположен королевский двор, там проживал со своей сиделкой и нежной возлюбленной Одинеттой де Шандивер король Карл VI. После убийства Луи Орлеанского король приобрел дворец де Турнель и поселился в нем. Луи был младшим братом короля.

А пока в этом дворце родились все его сыновья, кроме первого, родившегося в Венсеннском замке. И королева Изабо, из почтения к королевскому званию, вынуждаемая к этому и придворным этикетом, неизменно разрешалась от бремени *там, где проживал ее супруг,* даже тогда, когда она знала, что эти дети рождены в результате прелюбодеяния.

И теперь возникает первый вопрос: почему в этот день 10 ноября 1407 г. роды ее происходили *не* во дворце Сен-Поль, *не* в присутствии главных членов короны, и где в то время должны были бы находиться в ожидании те дамы, которым надлежит принять на свое попечение нового маленького принца или новую маленькую принцессу, а именно: *гувернантка,* дама из знатного рода; *лейб-кормилица; пеленальщица; горничная; запасные кормилицы* и *церковный прелат высокого ранга* (или, во всяком случае, *капеллан)*, коему надлежит окрестить малым крещением это новое «дитя Франции» в ожидании большого торжественного крещения в соборе Парижской Богоматери?.. Ведь никого из этих особ при родах не было, ни даже капеллана, ибо малое крещение в этом дворце Барбетт совершили вышеуказанные «близкие короля»… Кто же эти люди? Ведь главные служители короля, уже в силу своей службы, не покидали его ни на шаг. И отчего же отсутствуют те будущие *служительницы,* присутствие которых необходимо в связи с появлением новорожденного?

Вероятно, оттого, что независимо от пола ребенка, который, естественно, пока еще не известен, все знали, что ребенок будет перевезен в другое место, в деревню под Парижем. Мы вскоре разгадаем ее название. Ведь не случайно королева Изабо решилась рожать там, где находились так называемые «малые покои королевы», в том маленьком дворце Барбетт, расположенном недалеко, за пределами прежней городской стены Парижа, очертания которой были определены Филиппом-Августом, неподалеку от ворот Сен-Дени и Сен-Мартен, пробитых, как и ворота Барбетт, откуда имя дворца, во второй городской стене, возведенной по повелению Карла V.

«Малые покои королевы», маленький дворец Барбетт — что-то вроде холостяцкой квартирки для королевы Изабо; там-то она и вела, равно как и в Боте-сюр-Марн, свою распутную жизнь, бывшую для нее основным смыслом ее существования.

Ведь по выходе из ворот Барбетт всего лишь четыре лье надо проехать до деревни Энгьен, где живут родные Марьетт д'Энгьен, дамы де Варенн, супруги Обера Ле Фламенка, владыки Кани и камергера Луи Орлеанского, которая и сама нередко гостила там. А Марьетт д'Энгьен — одна из официальных любовниц герцога Луи.

Она даже родила от него ребенка, позже прославившегося под именем *Жан бастард Орлеанский* и получившего титул графа Дюнуа, графа де Порсеан, графа де Лонгвиль, наместника королевства от Карла VII, наградившего его грамотами, которые узаконили его положение как принца из французского королевского дома.

И уже сами обстоятельства его рождения прикрыты завесой, сотканной тогдашними летописцами. Например, если эти последние тщательно отмечают день, месяц, год, а то и час рождения любого принца, о Дюнуа сказано лишь, что явился он на свет «примерно в 1403 г.», в «Париже». Нам скоро станет ясно, что все сведения, касающиеся того, как именно родился этот ребенок, были скрыты умышленно, и первым, кто стал их замалчивать, был именно отец Ансельм де Сент-Мари с его «Генеалогической и хронологической историей Французского королевского дома».

Пока же о ребенке заботилась Марьетт д'Энгьен, которая твердила на всех перекрестках о том, что его отцом является брат короля Луи герцог Орлеанский. И ведь ее супруг, Обер де Кани, не протестует. А уж конечно, у него было бы полное право покарать ее за прелюбодеяние, учитывая законы той поры. Но ничего такого он не умышляет. И вскоре мы узнаем почему.

На самом деле этот ребенок родился во вторник 18 апреля 1402 г. (по юлианскому календарю), то есть во вторник 29 апреля по григорианскому, если верить терпеливым изысканиям Мишеля Каф-фена де Мерувилля (см.: «Красавчик Дюнуа и его время», Париж, 1961), который в этих целях обследовал множество документов, забытых нашими государственными архивами. Но показательно и важно для того, с чем мы вскоре столкнемся, что рождение это имело место в *Боте-сюр-Марн*, куда по случаю ее родов Луи Орлеанский никак не мог бы, вопреки предположениям Мишеля Каффена де Мерувилля, привезти Марьетт д'Энгьен.

Ведь замок Боте-сюр-Марн был собственностью Карла VI и Изабо. Если бы Луи Орлеанский привез туда одну из своих беременных любовниц, Изабо, ревниво следившая за похождениями красавца герцога, безжалостно выкинула бы ее вон. С подлинной матерью Дюнуа нам предстоит познакомиться благодаря Валле де Виривиллю, который в своей «Истории Карла VII» сообщает нам, что:

«Граф де Дюнуа, Жан бастард Орлеанский, был сыном Луи Французского, герцога Орлеанского, брата короля, и странным в его рождении было то, что, каким бы незаконнорожденным он ни был, его отец был более достоверным, чем его мать! Правда, Марьетт д'Энгьен, дочь Жака сеньора де Фэньёль и жена сеньора де Варенн, признавалась, что родила его от герцога Орлеанского. Однако ей не верили, и распространился слушок, что *матерью его была знатная принцесса, честь которой согласилась спасти* дама де Варенн» (цит. соч., книга 1-я).

Вот откуда безмятежное спокойствие Обера де Кани, преисполненного снисходительности. А ведь ему как-то случалось оказаться у постели, на которой лежала его обнаженная супруга — правда, с прикрытым лицом. Луи Орлеанский, который привел его, осведомился у него, видел ли тот когда-нибудь такую красивую женщину. Осторожный дипломат или муж, отличавшийся плохой наблюдательностью, Обер де Кани ответствовал, что и в самом деле ему не приходилось видывать прежде столь прекрасной дамы.

Вопреки утверждениям Фьеве, историографа города Эпернэ в 1868 г., сформулированным в его труде, согласно которым возле его города находится лес Энген, а не Энгьен, а также прудик, поименованный Орлеанским прудом, малютка Жан был воспитан не в Эпернэ и не в соседнем лесу! Его гувернантка звалась дама Жанна дю Мениль, а позже у него в наставниках ходил прославленный врач-астролог Флоран де Виллье.

В сентябре 1405 г. Луи Орлеанский привел его к своей супруге Валентине Висконти, дочери герцога Миланского. Восхищенная красотой малыша, она не удержалась от того, чтобы воскликнуть: «Его у меня, можно сказать, украли! Как бы мне хотелось быть его настоящей матерью!..» С этого дня маленький Дюнуа был введен в общество своего старшего брата Карла как его младший брат и жил при Валентине Висконти в Шатонёф-сюр-Луар, и она обращалась с ним как со своим собственным ребенком.

Мнимая мать маленького незаконнорожденного отпрыска принцев была выбрана не случайно. Что касается своей «официальной» семьи, Марьетт д'Энгьен происходила по матери, Мари де Руси, от прославленного рода в области Эно, прародителем которого был пятый сын короля Людовика VI Толстого. Значит, и в ней текла королевская кровь Франции. Что касается Обера Ле Фламенка, то его отец в глазах закона, владыка Кани, насчитывал среди предков маршала Франции — Рауля Ле Фламенка.

Все это объясняет, почему в дальнейшем Карл VII проявлял величайшую снисходительность к Жану Дюнуа, которого он осыпал титулами и почестями, невзирая на его участие (подчиняясь братской любви к своему сводному брату Карлу Орлеанскому) в феодальном бунте Прагерия. И позднее, при Людовике XI, Дюнуа примет участие в Лиге Общественного Блага, из чего он опять же выйдет цел и невредим.

Он явно слишком много знал, чтобы можно было осмелиться покарать его; к тому же он был доблестным и удачливым полководцем.

Но вернемся к таинственному ребенку, родившемуся во дворце Барбетт. То, что Изабо произвела его на свет не во дворце Сен-Поль, как всех прочих своих «законных» детей, а в другом месте (Боте-сюр-Марн, что касается Жана Дюнуа, дворец Барбетт для своего последнего ребенка), уже пробуждает внимание недоверчивого историка. Но прежде всего, какого пола был этот последний ребенок?

Очевидно, что колебания аббата Клода де Вилларе, который называет это таинственное дитя то Филиппом, то Жанной, не содействуют решению загадки, тем более что тогдашние летописцы, как нам предстоит убедиться, не отличаются такой точностью, как *монах Сен-Дени.*

Прежде всего отметим, что термин «дитя» всегда употребляется в среднем роде, не предполагая никаких точных указаний на пол ребенка, ибо «он попросту указывает на связь между поколениями: сын *или* дочь» (см.: *Э.Литтре.* Словарь французского языка, Париж, 1873).

Но в своей *«Летописи»* Ангерран де Монстреле просто сообщает нам, что в тот трагический день, когда вооруженные слуги Жана Бесстрашного собирались убить Луи Орлеанского во дворце Барбетт, «…возле преставившегося дитяти лежала королева, которая еще не прошла обряда очищения (после родов. — *Прим. перев.)».*

Монстреле — это фламандский летописец деяний знати (1390–1453). Он служил Люксембургскому дому. Ему явно довелось услышать немало доверительных признаний со стороны членов этой династии, связанной с французской, как станет ясно позднее. Первой супругой Филиппа Доброго была Мишель де Валуа, сестра Карла VII и Екатерины Валуа, королевы Англии.

Многое должен был знать и наш аббат Клод де Вилларе, который в своей *«Истории Франции от утверждения монархии вплоть до царствования Людовика XIV»* использует тот же двусмысленный термин, не уточняя, идет ли речь о маленьком принце или о маленькой принцессе.

«В те поры Изабелла рожала дитя, скончавшееся через 24 часа после своего появления на свет. Герцог ужинал там. Было примерно восемь часов, когда…» (и пр., и пр. См.: Цит. соч., том XII, с.478, изд. 1770 г.).

Но в описываемую эпоху рождение королевского ребенка мужского пола имело куда большее значение, чем если бы это была девочка. Это доказывают как различия в местах погребения, так и масштаб соответствующих церемоний. *Почему же в этой связи летописцы не сообщают, шла ли речь о мальчике, то есть о новом молодом принце, потенциальном наследнике французского престола, если бы скончались все его старшие братья?*

Да потому, что рождение этого ребенка было сознательно окружено тайной, а также, весьма вероятно, потому что точный пол ребенка не был известен. *Не забудем, что Жанна*

Девственница столкнется с тем, что ее собственный пол в течение долгого времени будет оспариваться и что, по слухам, она была на деле мальчиком. Потребовались проверки, проведенные в Пуатье (1429 г.) и в Руане (1431 г.), чтобы установить в точности, что она была девушкой, к сожалению, страдавшей от деформации полового органа, из-за чего для нее были невозможны нормальные половые сношения; об отсутствии менструаций у Жанны было рассказано на процессе, оправдавшем ее. Теща Карла VII королева Иоланда Анжуйская и дама де Беллье, супруга королевского наместника Шинона, засвидетельствовали в Пуатье, что они имели дело с «подлинной и ненарушенной девственницей», что явствовало из осмотра, которому они ее подвергли[53].

Из первого термина явствует, что речь и в самом деле идет о *девушке,* из второго же, что она действительно *девственна.* Следовательно, возникло желание увериться как в том, так и в другом, из чего вытекает, что существовало сомнение по поводу ее подлинного пола.

С другой стороны, Вилларе, официальный специалист по родословным при Пэрах Короны, оказывается в противоречии с *монахом Сен-Дени.* По мнению этого последнего, дитя умерло почти сразу, поскольку едва хватило времени для его малого крещения. Согласно Вилларе, ребенок прожил 24 часа, что не одно и то же и свидетельствует о том, что обоим историкам пришлось пользоваться совсем разными и противоречащими друг другу источниками.

В свое время с такими же трудностями сталкивался и отец Ансельм де Сент-Мари. Задолго до Вилларе он очень коротко поведал о появлении на свет того ребенка, которому в его *«Генеалогической истории Французского королевского дома и великих чинов Короны»* (с.114) посвящено всего лишь две строки, в то время как всем прочим отпрыскам — девочкам или мальчикам — отведено в среднем по 15 строчек. Приведем же цитату из отца Ансельма де Сент-Мари:

«6. Филипп, родился в Париже, 10 ноября в два часа пополуночи в 1407 г., преставился в тот же день, а вечером был отнесен в Сен-Дени».

Вот и все. Он ничего не сообщает нам ни о месте рождения (дворец Барбетт), ни о сроке жизни, ни о малом крещении и пр. Возникает ощущение, что ведомо ему гораздо больше, но говорить он не может.

Вернемся же ко временам этого рождения, столь обильного загадками.

Читая «Летопись монаха из Сен-Дени», мы только что видели, что королева Изабо «была погружена в глубокую скорбь преждевременной кончиной сего дитяти и все время после родов провела в слезах. Герцог Орлеанский часто навещал ее и пытался смягчить ее страдания словами утешения».

Но вдруг все меняется. В канун св. Климентия, то есть 23 ноября 1407 г. (по юлианскому календарю), герцог навещает королеву и оба «весело ужинают». Можно ли поверить, что, едва прошло 13 дней после утраты сына, королева (которая всегда была очень нежна со своими малолетними детьми) ужинала бы столь весело, что летописцу стало об этом известно, так что он почел уместным сообщить о сем обстоятельстве?

В тот вечер, едва расставшись с королевой, герцог Луи Орлеанский был злодейски убит на Старой Храмовой улице подручными Жана Бесстрашного, герцога Бургундского, которому в недавнем прошлом он наставил рога и цинично представил доказательства сего деяния.

Мы можем допустить, что королева Изабо[54] испытывала скорбь по поводу кончины сего дитяти, плода пылкой страсти, которую она в ту пору питала к Луи Орлеанскому. Можно также предположить, что она плакала, но не по поводу смерти, а по поводу его перевода к кормилице, что означало *окончательное* с ним расставание. Ведь это дитя было все же отмечено печатью незаконнорожденности, коль скоро знали, что король Карл VI не мог быть его отцом.

Вот отчего она самым скромным образом отправилась разрешаться от бремени во дворец Барбетт.

Нельзя не уловить полного совпадения обстоятельств, при которых явились на свет Жан Дюнуа, которому приписали в матери Марьетт д'Энгьен, и Жанна Девственница, матерью которой угодно было считать Изабеллу де Вутон по прозвищу Римлянка. Использован один и тот же прием. Но во второй раз уже было невозможно воспользоваться услугами Марьетт д'Энгьен. Она умерла вскоре после того, как малютка Жан был передан Валентине Висконти. Вот почему в Париже в июне 1407 г. появилась Жанна д'Арк, свояченица Жака д'Арка. Цель этого визита — вновь устроить так, чтобы дитя было помещено к кормилице.

Аборт в те времена и в такой среде не делался, да и Луи Орлеанский на это не пошел бы. Он охотно прибегал к услугам астрологов, колдунов, некромантов. Кто знает? Может быть, ему была предсказана будущая великая военная доблесть ребенка, которому предстояло родиться. И даже у принцев совесть была неспокойна при мысли о смертной казни, которой наказывалось убийство ребенка во чреве матери.

Но с другой стороны, королева никак не могла оставить это дитя при себе.

Остается вопрос об умершем ребенке, отвезенном в Сен-Дени и погребенном в часовне своего деда, Карла V.

Присутствие столь многочисленных военных в таких крупных городах, как Париж, предполагало, что многие девушки оказывались соблазненными, а то и изнасилованными. И если знать не отрекалась от своих незаконнорожденных отпрысков, то не так обстояло дело с крестьянами, ремесленниками и торговцами. Отсюда — пресловутые «скамейки для подкидышей» у входа в церкви, походившие на деревянные корыта. В них оставляли своих детей девицы, ставшие матерями вне брачных уз. Ведь за аборт в те времена полагалась смертная казнь.

В ту страшную зиму 1407/1408 г. нередко находили замерзших до смерти детей: «мороз длился шестьдесят шесть дней, да такой крепкий, что когда настала оттепель, то парижский Новый мост обвалился в Сену».

Как бы там ни было, существование ребенка, родившегося 10 ноября 1407 г., оказалось вполне официальным. Об этом свидетельствуют его похороны, ибо такое рождение скрыть было невозможно. Стало быть, новорожденному следовало изыскать и официальную кончину. Что и было исполнено. *А чтобы лучше запутать следы,* было объявлено о смерти мальчика, в то время как родилась девочка — *Жанна,* которая впоследствии в родословных будет фигурировать вместо маленького неведомого мертвеца — *Филиппа.*

Но может возникнуть вопрос: зачем было окружать тайной воспитание Жанны? *Уйдя в мир иной, дитя — плод прелюбодеяния, не причиняло больше никаких затруднений,* в то время как, оставаясь в живых, такой ребенок самим актом своего публичного появления порождал скандал, который уже было невозможно ни скрыть, ни забыть. Если незаконный отпрыск не был позором для мужчины-отца, то для *замужней женщины* и даже для девушки внебрачный ребенок был чем-то постыдным.

С другой стороны, дети представляли собой моральное, а то и политическое богатство в связи с возможностью заключения выгодных браков. Вот почему внебрачные дети у аристократии пользовались покровительством. И Жанну воспитали, храня тайну ее рождения, для того чтобы никто не мог завладеть ею и убить ее.

Но кому бы могло прийти в голову пожелать обречь на смерть дитя прелюбодеяния? Разумеется, мужу… Иными словами — Карлу VI, который в 1417 г., приревновав, подверг пытке и убил Луи де Буа-Бурдона, любовника Изабо. Его труп был зашит в кожаный мешок и брошен в Сену. Можно бы также задаться вопросом о том, кто несет ответственность за *преступное отравление* престолонаследника Жана, умершего в Компьене в 1416 г. в 18 лет.

Ведь он был тем первым ребенком Изабо, по поводу которого не могло быть никаких сомнений в том, что Карл VI не был его отцом.

Напротив, подобно тому, как это случилось с сыном, который у герцога Орлеанского родился от Марьетт д'Энгьен, став известным под именем Жана Дюнуа, Бастарда Орлеанского, ребенок, родившийся 10 ноября 1407 г., был бы воспитан в соответствующих условиях, не умри он: его отец герцог Луи заранее сделал бы все необходимое для этого. И вот тут-то и становится понятной роль Жанны д'Арк, свояченицы Жака д'Арка, таинственным образом появившейся в Париже в июне 1407 г. Для этого перенесемся в Домреми 6 января 1407/1408 г. (по юлианскому календарю[55]) и перечитаем письмо, которое Персеваль де Буленвиллье (камергер Карла VII и сенешаль Берри) направил 21 июня 1429 г. герцогу миланскому Филиппу-Мария Висконти, *тестю покойного Луи Орлеанского,* сообщая ему после встречи в Шиноне подробности о происхождении Девственницы:

«В ночь на Богоявление люди с факелами нарушили обычный покой. Поселяне, не ведая о рождении Девственницы, бегали взад и вперед, пытаясь выяснить, что же произошло, после того как их призвали отпраздновать событие. Более того, запели и захлопали крыльями в течение двух часов петухи, как если бы они предчувствовали это счастливое событие».

Естественно, этот рассказ не следует понимать буквально, поскольку в деревне Домреми было всего 34 хозяйства, и трудно представить, чтобы в течение девяти месяцев жители не ведали бы того, что супруга Жака д'Арка была беременна и только что обычнейшим образом разрешилась от бремени, к чему вот уже несколько дней должны были быть готовы друзья и соседи. Значит, имеется в виду другое…

Отметим, что в Шиноне по поводу своего возраста в 1429 г. Жанна сказала: «Мой возраст составляет трижды семь» — то есть 21 год, что и позволяет отнести дату ее рождения к 1407/1408 г., как и у таинственного ребенка Изабо Баварской, а не к 1412 г., как пытается уверять нас официальная история.

А если бы у нас оставались сомнения по поводу точности даты 1407/1408 г., нам было бы достаточно обратиться к папскому декрету от 6 января 1904 г., принятому вслед за торжественным заседанием, состоявшимся в тот же день, когда уже было рассмотрено дело о ее будущем причислении к лику святых. В этом декрете папа Пий X дает в качестве даты рождения 6 января 1409/1408 г., что окончательно отметает 1412 г., но ловко устраняет дату, названную как Жанной, так и Персевалем де Буленвиллье: 1407/1408 г., слишком недвусмысленно привязанную к таинственному ребенку, хотя 5 января 1409 г. на деле равняется 6 января 1408 г., коль скоро 1409 г. начинался лишь на Пасху, то есть 26 марта…

Рассказ Персеваля де Буленвиллье, при всей своей романтической окраске, конечно же, не соответствует действительности. В ночь на 6 января 1407/1408 г., накануне Богоявления, было темным-темно, ибо не было луны[56], новолуние начиналось двумя днями позже, 17 января по григорианскому стилю. Значит, и речи не было о том, чтобы мчаться верхом целые часы напролет при неверном свете факелов по лесам, где скверные дороги занесены снегом или оледенели. В такой прогулке были бы одни неприятности, начиная с ночного мороза, куда более крепкого, чем днем, а значит, еще более опасного для перевозимой новорожденной.

На деле отряд всадников, сопровождавший кормилицу и младенца (двигавшихся наверняка, по обычаям времени, на носилках), прибыл в Домреми днем, из Гондрекура, предпоследнего этапа, расположенного километрах в двадцати, причем пять лье едва составляют три часа рысью. Именно это прибытие днем и позволит населению Домреми 20 лет спустя засвидетельствовать перед двумя уполномоченными по расследованию, присланными Церковным судом из Пуатье, что Жанна была известна в этой деревне как дочь

королевы Изабо Баварской и герцога Луи Орлеанского, ее деверя. Мы не замедлим представить соответствующие доказательства.

Как кормили ребенка в течение этого переезда, длившегося дней десять? Его, разумеется, кормила кормилица, которую, несомненно, сопровождала Жанна д'Арк, вдова Николя д'Арка и свояченица Жака д'Арка и Изабеллы, его супруги. Что до сопровождения, оно неизбежно состояло из офицеров и армейских сержантов, принадлежащих к Орлеанскому дому.

Вот каким представляется нам маршрут эскорта. Покинув Париж, он должен был проехать через Жуэнвиль-сюр-Марн, Шенневьер, Понто-Комбо, Озуар-ла-Феррьер, Турнан-ан-Бри, Розэ-ан-Бри, Эстерно, Сезанн, Ла Фертэ-Шампенуаз, Соммсон, Витри-ле-Франсуа, Сен-Дизье, Линьи-ан-Барруа, Гондрекур и Домреми. Начиная с Сен-Дизье, кормилица и ее сопровождение находились в безопасности, так как они были в землях герцога Барского, в герцогстве, принадлежавшем Анжуйскому дому. А герцогом-то был не кто иной, как Карл Анжуйский, младший сын королевы Иоланды Анжуйской, а значит, свойственник Карла VII.

Кто готовил эту поездку? Изабо Баварская? Карл Орлеанский, сын убитого герцога? Он родился в 1391 г. В эту пору ему было 16 лет. Иными словами, уже два года, как он совершеннолетний. В 1411 г. он возьмется за оружие, чтобы отомстить за отца. Да, возможно, это он[57]. Проблемы незаконнорожденности для знати не имели значения. Главное — *своя кровь.*

И в самом деле: говоря о Дюнуа, его называют «монсеньор бастард»; обращаясь к нему, его называют «монсеньор»; он сам подписывается: «Бастард Орлеанский». В те времена существовали и другие лица, именовавшиеся подобным образом: Бастард де Вандонн, вассал Жана Люксембургского. Именно ему вручит шпагу Жанна, взятая в плен близ Компьена. Были также и Бастард д'Арманьяк, и Бастард де Бурбон, первый сеньор де Бюссе. Все они для своей подписи используют этот титул.

Но отчего же вслед за прославленной встречей в Шиноне между Жанной и Карлом VII Персеваль де Буленвиллье испытывает необходимость написать такое странное письмо Филиппу-Мария Висконти, герцогу Миланскому? И чего ради сообщать ему все эти на первый взгляд не представляющие особого интереса подробности об обстоятельствах рождения в Домреми? Да для того чтобы привлечь его внимание к особе Жанны, ибо если она является дочерью королевы Изабо и Луи Орлеанского, то в таком случае она оказывается сводной сестрой его сына Карла Орлеанского, внука Висконти, а значит, и сама принадлежит к дому Орлеанских. И за 19 дней до этого письма[58] Карл VII дал Жанне герб, который, как нам вскоре предстоит убедиться, четко выражает ее происхождение благодаря символике составляющих его элементов.

И тут-то выясняется, вопреки общепринятому мнению, что не все пребывали в неведении относительно ее королевского происхождения. Посвященными были не только поселяне Домреми. Как *Орлеанская Девственница* она была известна задолго до того, как освободила *город Орлеан.*

Жак Желю, архиепископ Амбрёнский, в своем письме к Карлу VII, написанном в марте 1428 г., уже называет ее Орлеанской Девственницей, в то время как она еще не покинула Лотарингию и когда никто еще не знает, что прежде всего она собирается освободить Орлеан. Таким образом, перед нами — намек на ее происхождение, она — «дочь» («puella»=«pucelle», то есть «дочь», а не «девственница», так как термин «девственница» по-латыни — «virgo») Орлеанского дома. Ее сравнивают с другим сводным братом — Жаном Дюнуа, Бастардом Орлеанским, ибо, подобно тому как *Девственница* пишут с заглавной буквы, имея в виду Жанну, *Бастард* пишут тоже с заглавной, имея в виду Дюнуа. Существуют, таким образом, Бастард и Девственница.

На процессе, осудившем ее, Жанна заявила, что ее называли в детстве Жаннетой, чтобы отличить ее от ее крестной матери, Жанны д'Арк, вдовы Николя д'Арка, но позднее стали называть Жанной Девственницей. «Мое имя Жанна Девственница», — постоянно твердила она.

Ни в одном из документов, предшествующих рескрипту 1456 г. папы Каликста III, провозгласившему ее реабилитацию, она не зовется Жанна д'Арк. Ее постоянное имя — Жанна Девственница. Да и *королевские грамоты 2* июня 1429 г., в которых Карл VII наделяет ее *личным* гербом (ее, а не братьев, у которых герб уже был — герб д'Арков), называют ее точно так же — «Жанна Девственница», а вовсе не *Жанна д'Арк.*

В разных местах распространялись намеки на мнимые пророчества о том, что женщина спасет Францию, погубленную женщиной же. Журналистка Маргерит Рей в некоем альманахе XV в. нашла даже трехстишие на эту тему.

Иные из этих предсказаний, возможно, представляют собой лишь лозунги, призванные подготовить определенные настроения.

Их приписывают волшебнику Мерлину, Бэде Достопочтенному, Эрминии Реймсской. Все они возвещают, что с лотарингских земель подымется дева, которая спасет Орлеан, а королевство будет возвращено своему подлинному государю, Карлу VII. Более того: еще задолго до прибытия Жанны в Шинон, задолго до ее отбытия к Орлеану иные жители города, осажденного англичанами, уже окрестили новую огромную бомбарду «пастушкой».

На деле (и нам предстоит в этом убедиться) все обстояло так, как будто давно уже подготавливался ее выход из безыменности и заранее составлялся целый сценарий, цель которого заключалась в том, чтобы расположить страну в пользу короля Карла VII.

В самом ее крещении существуют таинственные черты, обнаруживающие ее истинное происхождение. Соответствующие намеки делаются в ходе процесса, осудившего ее:

«На вопрос о своих крестных отце и матери ответила: женщина по имени Аньес и другая, по имени Жанна, а также некто по имени Жан Баван, каковой был ее крестным отцом. *Также сказала, что слышала от своей матери, что были у нее и другие крестные отцы и матери, помимо вышесказанных.* На вопрос об имени священника, крестившего ее, ответила, что звался он Мессир Жан Нине, как ей известно. На вопрос, жив ли упомянутый Нине, ответила: да, как ей известно».

Стало быть, были у нее крестные отцы и матери, не фигурировавшие на ее церемонии крещения. Но так всегда обстояло дело со знатными господами, хотя они и не оставались безвестными: отсутствуя на самой церемонии, они все равно вписывались в реестр крещений. Отчего же их имена и звания оказались скрытыми в случае, касающемся Жанны?

И что весьма удивительно и что подтверждают намеки Персеваля де Буленвиллье, место рождения Жанны было неведомым. Жан де Новелонпон и Бернар де Буланжи, офицеры Бодрикура, часто бывавшие в гостях в жилище д'Арков, заявили на процессе по ее оправданию, что они «*слышали* о том, что Жанна была родом из Домреми». А некий кузен д'Арков, Дюран Лаксар, сопровождавший Жанну в Вокулёр и в Шинон, на том же процессе заявил, «что он *полагает, что Жанна родилась в Домреми». Полагает — значит, не уверен. А ведь он часто принимал Жанну у себя дома, и он через брачные связи является ее дядей.*

В ходе этого исследования подтвердится все, что только что было сказано.

Дело в том, что в каталоге Выставки, прошедшей в Руане на тему «Жанна д'Арк и ее время» (июль — август 1956 г.), достопочтенный отец Донкёр, автор не поддающегося критике фильма, где Жанна обращала врагов в бегство простым мановением своего штандарта — а врагами были английские наемники! Как же не признать, что сей штандарт обладал волшебной силой! — забыв о том, что сама Жанна заявляла, что «многократно» она успешно крошила и поражала своим мечом из Фьербуа, заявил — и слова его могут вполне сойти за признание:

«Чем тратить время на повторение доступных и бесполезных жизнеописаний, лучше бы доподлинные исследователи приложили силы на *открытие того, что все еще ускользает от нас».*

Между кем велась Столетняя война?

В консервативных, приверженных традициям кругах неизменно звучат сентенциозные заявления о том, что Жанна, «славная дщерь Лотарингии», изгнала англичан из Франции, ибо предки сегодняшних французов не хотели «быть англичанами». Единственное неудобство, с которым связано это проявление невежества, заключается в том, что Столетняя война — это самая обыкновенная семейная ссора и стороны, оспаривающие друг у друга власть над Французским королевством, — французские, как та, так и другая. В учебники истории Англии включается глава, посвященная эпохе «Французских королей». А ведь это всего лишь борьба между Капетингами-Валуа и Плантагенетами. Мы же знаем, что и те, и другие — всего лишь сыновья Жофруа V, графа Анжуйского. Но существуют и более поразительные обстоятельства.

И в самом деле: *королева Англии Екатерина*, вдова Генриха V, звалась при рождении Екатериной Валуа и была дочерью Карла VI и Изабо Баварской. Иначе говоря, она — родная сестра Карла VII. Она родилась в 1401 г. и умерла в 37 лет, в 1438 г. Она является матерью:

— *Генриха VI, короля Англии,* сына Генриха V, легендарного героя. Он родился в 1421 г. Значит, ему 11 лет, когда происходит суд над Жанной, которую он любит и заявляет об этом без колебаний. Нет сомнений, что ему известно, что он — ее племянник. И женился он позднее на француженке — Маргарите Анжуйской. Вокруг него мы столкнемся с:

— *Жаном герцогом Бедфордским,* по рождению — Жаном Плантагенетом (еще одним выходцем из Анжуйского дома), регентом при юном Генрихе VI во Франции. Если Жанна — дочь Изабо и Луи Орлеанского, то он — ее кузен через свойство. Он вступил в брак с:

— *Анной Бургундской* (еще одной француженкой), ставшей благодаря своему браку герцогиней Бедфордской; и если Жанна была именно той особой, о которой говорят наши предположения, то они являлись кузинами через брачные связи. Этим объясняется расположенность герцогини к Жанне в Руане, в частности — прекрасное платье, сшитое по мерке, которое она подарила пленнице[59].

А теперь следует упомянуть еще одно имя, хорошо известное в этом деле и связанное с этими знатными господами:

— *Ричард граф Уорик,* родившийся как Ришар де Бошан, прямой потомок одного из соратников Вильгельма Завоевателя — Анри де Бомона. Рассказывают, что он был воплощением всех рыцарских добродетелей и что в качестве паломника он с 1408 по 1410 г. участвовал в походах крестоносцев. Иными словами — еще один француз. Рядом с ним возникает еще одно известное имя, подлинное происхождение которого тоже сейчас будет уточнено:

— *Генрих, кардинал Винчестерский и Английский,* звавшийся при рождении Анри Бофор. Он — сын Жана Гентского и Бланки Ланкастерской. Значит, он — тоже Плантагенет через свою мать. По отцу он внук Эдуарда III, который был сыном Изабеллы, дочери Филиппа IV Красивого. Значит, он тоже француз.

А вот и последний герой этого дела — его преосвященство *Пьер Кошон де Соммьевр,* епископ-граф Бовэ, сын Реми Кошона, лиценциата юридических наук, получившего дворянское звание от Карла VI в 1393 г. Отец завещал ему землю Соммьевр. Пьер Кошон также был капелланом герцога Бедфордского. Он тоже француз.

В те времена, когда Изабо Баварская проживала в Труа, Пьер Кошон был там ее секретарем и дипломатическим агентом, в частности при заключении Труаского трактата 1420 г. Ожесточенное нежелание, проявленное им в ответ на требование парижских инквизиторов выдать им Жанну, чтобы без промедления отправить ее на костер, его

предупредительное внимание к героине (о чем всегда забывают) легко объяснимы в том случае, если Жанна — дочь Изабо Баварской, которая, покинув этот мир лишь в 1435 г., несомненно, обратилась к Пьеру Кошону с просьбой спасти в 1431 г. от казни через сожжение ту, которая была плодом ее любовной связи с «красавцем герцогом» Луи Орлеанским. Мы вскоре об этом узнаем.

Как мы видим, в этом деле мы сталкиваемся только с французами и француженками. И если Жанна — действительно дочь королевы Изабо и Луи Орлеанского, а стало быть, и сестра (единоутробная или сводная) Карла VII, то она также — сводная сестра Екатерины Валуа, королевы Англии и сестры все того же Карла VII, а также тетка малолетнего короля Генриха VI. Тогда возникает вопрос: обрекают ли на сожжение живьем свою собственную сводную сестру и тетку? Такие действия сомнительны[60].

Но, изучая все эти факты, поражаешься прежде всего крайней молодости многих действующих лиц. Эта эпоха — действительно «время молодости». Действительно, не забудем, что юные дворяне становились солдатами в 14 лет, причем возрастных пределов у этой службы с оружием в руках на благо сюзерена не существовало. А ведь как бы там ни было, но 14 лет — это еще слишком юный возраст для того, чтобы страдать от бессонных ночей, от жестоких холодов, от мокрого плаща, отяжелевшего под дождем и превращенного морозом в ледяной панцирь, от ужасных ран; мальчик в 14 лет — это далеко еще не взрослый мужчина, а ведь боевые топоры и мечи не отличают взрослого от подростка. Какая тоска — медленно умирать в таком юном возрасте, вдали от материнских рук, вдали от всех близких!

Вот отчего не следует удивляться, что за плечами у такого человека, как Жан Дюнуа, в его 26 лет 11 лет участия в походах, ряд одержанных побед и звание губернатора Орлеана. К тому же посмотрим на список всех этих людей, и тогда все станет ясно. В 1429 г., в пору встречи в Шиноне между Карлом VII и Жанной Девственницей,

— Генриху VII, несовершеннолетнему королю Англии, 8 лет;

— его матери Екатерине Валуа, вдове Генриха VI, 28 лет;

— Карлу VII, тогда еще престолонаследнику, 26 лет;

— Изабо Баварской, его матери, 58 лет;

— герцогу Бедфордскому, регенту Франции, 40 лет;

— Анне Бургундской, его супруге, 27 лет;

— Филиппу Доброму, герцогу Бургундскому, 33 года;

— Ричарду графу Уорику 47 лет;

— Луи Орлеанский, отец Девственницы, погиб в 35 лет;

— Карлу Орлеанскому, его сыну, поэту, 38 лет;

— Иоанну (Жану) Бесстрашному, герцогу Бургундскому, было 58 лет, когда он умер.

А вот теперь те, кого история назовет «соратниками» Девственницы, те, кто составил ее военный «дом» (штат. — *Прим. перев.):*

— Жан Дюнуа, Бастард Орлеанский, — 26 лет;

— Жан Потон де Ксентрай — 27 лет;

— Этьен Виньоль, называемый Ла Ир — 38 лет;

— Жиль де Рэ, маршал Франции, — 25 лет;

— Жан герцог Алансонский — 22 года;

— Жак де Шабанн Ла Паллис — 27 лет;

— Антуан де Шабанн-Даммартен, его младший брат, — 20 лет;

— Артур де Ришмон, герцог Бретонский, — 36 лет;

— Жанна Девственница — 22 года.

Средний возраст — 25 лет.

Этим людям суждено прославить целый период французской истории. И три с половиной века пройдут, прежде чем в революционных армиях вновь появятся 25-летние полковники и 30-летние генералы, победы которых оправдают вверенное им командование.

Отъезд из Вокулёра

Отъезду Жанны в Шинон предшествовало прибытие человека, о присутствии которого сторонники официальной легенды говорят крайне неохотно, поскольку с ним связаны весьма деликатные обстоятельства.

В самом деле, за несколько дней до того из Шинона в Домреми прибыл Жан Колле де Вьенн, королевский гонец, в сопровождении подчиненного ему шотландского лучника Ричарда. Тотчас же был создан эскорт Жанны. В него входили:

— один из офицеров Бодрикура, рыцарь Жан де Новелонпон по прозвищу Жан из Метца;

— Бертран де Пуланжи, тоже офицер Бодрикура;

— Жан де Дьёлуар, оруженосец Рене Анжуйского, герцога Барского;

— Жюльен, оруженосец Жана де Дьёлуара;

— Пьер д'Арк, мнимый брат Жанны;

— Колле де Вьенн, королевский гонец;

— Ричард, шотландский лучник.

Когда маленький отряд уже готов был тронуться в путь, г-жа де Бодрикур обратилась к Жану де Новелонпону, назначенному в качестве офицера Робера де Бодрикура его командиром, и сказала:

— Поклянитесь, что вы довезете ее до указанного места в целости и сохранности!

И Жан де Новелонпон поклялся сделать это.

Г-жа де Бодрикур — урожденная Аларда де Шамбле, вдова Жана де Манувилля, а также свояченица и кузина Робера дез Армуаза, будущего супруга Девственницы, после того как та появилась вновь (о чем мы вскоре узнаем).

Тревога супруги Бодрикура о «жалкой пастушке» все-таки весьма удивительна. Но если и в самом деле согласиться с тем, что Жанна — дочь Луи Орлеанского, рожденная от внебрачной связи королевы Изабо Баварской, то можно понять, что если Бодрикур, губернатор Вокулёра, и противился вначале отъезду Жанны, то лишь потому, что втайне он нес за нее ответственность, прикрываясь Жаном де Новелонпоном и Бертраном де Пуланжи, офицерами своего Дома. Именно он стал причиной появления Жана Колле де Вьенна, ибо он написал своему ближайшему другу Рене Анжуйскому, младшему сыну королевы Иоланды, тещи Карла VII, письмо о Жанне. Это произошло 24 января 1428/1429 г.

Но Жанна была очень близка с Бодрикуром. Говоря с ним, она употребляет обращение «добрый Робер». Приезжая в свое жилище, она говорила своим сопровождающим: «Мне нужно поговорить с Робером…» Признаем, что *простая крестьянка* не такими словами обращается к тому, кто управляет городом от имени короля.

С другой стороны, еще до отъезда в Шинон она в сопровождении своего маленького отряда поехала в Нанси, чтобы побеседовать с герцогом Лотарингским, Карлом, с герцогом Барским — Рене Анжуйским, другом Бодрикура, и с Жаном де Дьёлуаром, оруженосцем герцога. И она позволила себе пожурить Карла Лотарингского за то, что он жил со своей любовницей, красавицей Анизон дю Мэй, побочной дочерью священника. Во имя чего собирался этот военный совет? Возможно, что Рене Анжуйский, герцог Барский и, значит, сюзерен д'Арков, вручил Жанне письмо для своей матери Иоланды Анжуйской, тещи Карла

VII, — а может быть, и для него самого, приходившегося ему свояком. Заметим попутно, что если Жанна — дочь Луи Орлеанского и Изабо Баварской и сестра (или сводная сестра) Карла VII, то в какой-то степени она — свояченица Рене Анжуйского, герцога Барского.

Между 15 и 20 февраля 1429 г. (точная дата отъезда в Шинон неизвестна) произошло отправление ко двору «короля Буржского».

Тогда мы можем предположить дату свидания Жанны с герцогом Лотарингским в Нанси. И здесь нас поджидает неожиданность. Оно состоялось в январе 1428/1429 г., поскольку следующий важнейший факт становится известным благодаря *«Бюллетеню Общества археологии и Лотарингского исторического музея»* (Нанси, 1929):

«В январе 1429 г. на площади замка в Нанси Жанна д'Арк верхом на лошади приняла участие в турнире с копьем *в присутствии знати и народа Лотарингии»* (указ. соч.).

Если учесть, что турниры и боевые игры были исключительно уделом этой самой знати, что вокруг ристалища выставлялись щиты с гербами, осведомлявшие о составе участников, то трудно допустить, будто герцог Карл Лотарингский и знатные господа герцогства примирились бы с тем, что на боевого скакуна взгромоздили крестьянку, что она участвовала в состязании между знатными господами и что она была вооружена копьем, *пользоваться которым могли одни только рыцари.* С другой стороны, для участия в этом состязании кто-то должен был одолжить ей боевые доспехи. *А под каким гербом она в нем участвовала?* Под гербом д'Арков? Но ведь это семейство утратило привилегии своего дворянского звания, оно попало в разряд разночинцев (во всяком случае, временно), герб его разделил эту участь, а значит, не мог фигурировать в состязании между «знатными господами».

Мы должны заключить, что в январе 1429 г. в присутствии герцога Лотарингского и знати герцогства Жанна Девственница воспользовалась феодальной привилегией, в то время совершенно недоступной для дочери крестьянина, и случилось это потому, что при лотарингском дворе было известно, что она — *принцесса королевской крови.* Иначе какой бы рыцарь или простой оруженосец благородного происхождения потерпел необходимость меряться силами с простой пастушкой?

Нет доказательств того, победила ли Жанна в этом состязании.

Но проявила она себя в нем так, что герцог Лотарингский в награду за ее умение в боевых играх подарил ей великолепного черного скакуна. Сколько почестей для крестьянки!

Вскоре после этой беседы в Нанси жители Орлеана получили от Дюнуа, Бастарда Орлеанского, письмо, в котором содержится знаменитое извещение о том, что дева, пришедшая с лотарингских рубежей, вскоре освободит их город. И можно ли утверждать, что все это не было подстроено заранее? Едва ли.

Шинонские почести

И вот Жанна с ее отрядом добрались до Шинона. По логике вещей, не ожидай ее никто при короле, им пришлось бы ночевать на постоялом дворе. Ничего подобного не случилось. Жанна остановилась у вдовы Гюстава де Куньи, а прочие расселились у королевского оруженосца Гобера Тьебо, доверенного лица Жерара Маше, исповедника короля Карла VII.

Тем же вечером Жанну приняла королева Иоланда Анжуйская, теща короля. Мужчин же принял сам Карл VII и, ознакомившись с рассказом об их странствованиях, велел вручить им 100 ливров для возмещения их путевых расходов. Принятыми были Жан де Новелонпон, Бертран де Пуланжи и Жан де Дьёлуар.

Затем Жанну приняла Мария Анжуйская, дочь королевы Иоланды и супруга Карла VII, то есть королева Франции. Наконец наступил черед знаменитого официального приема в Шинонском замке.

По логике вещей Жанна, будучи ясновидящей смиренной крестьянкой, должна была бы прежде всего наткнуться на привратников указанного замка, каковые уведомили бы об этом

дежурного офицера, каковой сообщил бы об этом губернатору, а тот — королю, и т. д. Что бы из всего этого получилось? Неизвестно. Ясновидящих во Франции в те поры было великое множество. Возможно, ее просто прогнали бы.

Разумеется, ничего подобного не произошло.

В тот вечер, когда Жанне предстояло быть представленной королю, Луи II Бурбонский, граф Вандомский, главный церемониймейстер королевского двора, принц крови н кузен Карла VII, в сопровождении знатных господ спустился по лестничному маршу из замка в город. Он шел за Жанной, невежественной крестьянкой, за ясновидящей, о которой никто якобы до сих пор и слыхом не слыхал. Чтобы поверить в подобную чушь, надо полностью забыть о том, чт*о* в те времена разделяло принца крови и бедную пастушку!

В замке ее ввели в большой парадный зал, где в ожидании церемонии собрался весь двор. Перед Жанной были широко раскрыты двери, и Луи II Бурбонский, граф Вандомский, прямой потомок

Людовика Святого, отступил в сторону и просто сказал: «Входите, Жанна…» Она вошла, затем обернулась к нему и шепнула: «Не обманывайте меня, мессир…» Затем она направилась к Карлу VII, обнажила голову, к величайшему удивлению присутствующих, и приветствовала его в соответствии со всеми принятыми обычаями, как если бы она провела всю свою жизнь при дворе. Правдивость всего этого засвидетельствована показаниями на процессе, оправдавшем ее.

Нет никакой необходимости выдумывать еще одно чудо по по воду того, что с первого взгляда она узнала Карла VII. Поднимаясь к замку, она переговаривалась с Луи II Бурбонским и его свитой. Чего ради стали бы скрывать от нее, в каком костюме был король, как его узнать, чтобы избежать досадной оплошности? Карл VII вовсе не прятался среди придворных, он просто беседовал в сторонке с Ла Тремоем и Раулем де Гокуром. Они были одной из групп придворных, вот и все.

После долгой беседы с Жанной в оконном проеме Карл VII подозвал Рауля де Гокура. Это был советник короля, первый камергер Короны, губернатор Шинона, командующий его крепостью. Он получил приказ разместить Жанну в замке и предоставить ей в качестве личных апартаментов прославленную башню Кудрэ. Ведь в Шинонской крепости три разных замка, разделенных глубокими рвами, наполненными водой. На востоке — форт св. Георгия, в центре — Срединный замок, на западе — замок Кудрэ. Жанна поселилась на втором этаже башни этого замка.

Ей даже определили личный штат и военную свиту! Ведь пока еще она ничего не совершила, что свидетельствовало бы о ее пресловутой ниспосланности небесами.

Во-первых, в ее личном штате была *фрейлина* — Анна де Бел-лье, урожденная де Майе, из высшей знати. Ее супруг — советник Карла, герцога Орлеанского. Он только что вернулся из Лондона, где навещал этого последнего. Он — королевский наместник Шинона.

Далее был *паж.* Его звали Луи де Кут. Его отец — камергер Карла Орлеанского, командующий крепостью в Шатодене и бывший губернатор графств Блуа и Дюнуа.

Далее — *оруженосец.* Это Жан д'Олон, член Королевского совета и бывший капитан гвардейцев короля Карла VI.

А вот и *капеллан*, как для принцев крови. Звали его брат Пас-керель. Он — монах-францисканец.

Назначен был ей и *дворецкий,* которому было вверено попечение обо всех резиденциях Жанны. Под его началом для этого находилась шотландская гвардия, состоящая из 12 благородных кадетов (то есть солдат из числа младших сыновей дворянских семейств, для которых это был начальный этап военной карьеры. — *Прим. перев.).* Их набрали из шотландских рот, служивших Франции под командованием Жана Стюарда д'Обиньи.

Затем надо упомянуть двух герольдов. Они звались обычными для этой должности именами: Кёр-де-лис («сердцевина лилии», но в ином толковании — «лилейное, чистое сердце». — *Прим. перев.)* и Флёр-де-лис (то есть «геральдическая, королевская лилия», символ королевской власти во Франции от Людовика Святого до Французской революции 1789–1794 гг., восстановленный в эпоху Реставрации. Цветок лилии (флёр-де-лис) — также символ чистоты и невинности. — *Прим. перев.).*

Появился у Жанны и *секретариат* в составе *трех секретарей,* а именно: ее капеллан брат Жером Паскерель, еще один монах по имени Николя де Вутон — кузен вскормившей ее матери, Изабеллы де Вутон по прозвищу Римлянка, и, наконец, некто по имени Мателен Рауль, так называемый «писец Девственницы», которому было поручено быть ее казначеем, «ведающим ее расходами».

Уместно отметить, что этот Николя де Вутон, кузен той, которая официально считалась ее матерью, уже как бы случайно находился в Шиноне. Как предположить, что сама Жанна могла вызвать его за такой короткий срок в Шинон из его отдаленного монастыря? И зачем потребовался именно этот монах, с которым она, конечно, не была знакома, в то время как у нее уже имелось два секретаря? Ведь по прибытии в Шинон 6 марта 1429 г., а затем после трех недель, проведенных перед комиссией в Пуатье, она оказалась 26 апреля 1429 г. во главе небольшого войска в составе семи тысяч солдат, двигающегося на Орлеан.

Наконец, есть еще одно лицо среди тех, кто присутствовал в Шиноне на церемонии представления. Это Робер де Бодрикур, которого обычно стараются не упоминать. Еще бы! Он тоже приехал туда, но другим путем. А впрочем, он мог следовать за отрядом поодаль, не привлекая внимания к себе и к своему немногочисленному сопровождению, не теряя из виду ту, за кого уже так давно нес ответственность.

Для Жанны устроили, кроме того, и *конюшню* из 12 боевых лошадей: шесть парадных коней и шесть боевых скакунов.

Ей предоставили право иметь свой боевой стяг, что было привилегией знатных сеньоров-баннеретов. Нам неведомы цвета ее стяга, и это остается одной из загадок истории Девственницы. Но важность самого факта следует всячески подчеркнуть, ибо только сеньоры со званием хоругвеносцев могли развертывать знамя во главе своего войска, состоящего из вассалов, за которыми следовали вассалы этих вассалов. Но задолго до коронации в Реймсе некий бургундский летописец по имени Клеман де Фокемберк уже сообщает, что во всей королевской армии *среди французских сеньоров одна только* Жанна обладала этим «правом развернуть стяг».

С другой стороны, во время все той же коронации *только один* штандарт Девственницы получил право находиться на хорах собора в Реймсе. Судьи в Руане были основательно сбиты с толку и этими полученными привилегиями, и этим штандартом, и этим стягом. Они то и дело возвращаются к этим вопросам в ходе одного из допросов (см.: *Процесс, I, 96, 300 — IV, 431).*

Этот штандарт — привилегия командующих армиями — был белым, усыпанным золотыми лилиями. В центре был вышит герб Франции: *на лазурном фоне три золотых цветка лилии.* Он был вручную выткан шотландским художником по имени Джеймс Польвуар. В ходе процесса, осудившего ее, Жанну упрекнули за то, что она *потребовала права ношения великого герба Франции и получила его*[61].

И в заключение она получила «золотые шпоры», которые могли носить только рыцари, получившие традиционное посвящение в это звание. Вручал их сам Карл VII, который сам не был еще рыцарем. Кто, когда, где совершил это предварительное посвящение Жанны? Вероятно, Жан де Новелонпон, один из тех, кто приехал с указаниями в Домреми, а также Бертран де Пуланжи.

Вручили ей также и *доспехи,* оплаченные королевским казначейством. Они стоили 100 турнейских ливров. Доспехи герцога Алансонского, кузена Карла VII, обошлись всего лишь в 80 ливров. Поскольку на содержание Жана Дюнуа, губернатора Орлеана, была выделена лишь тысяча ливров в год, можно допустить, что доспехи Жанны стоили 1200 тыс. старых франков.

А теперь встает вопрос о традиционном мече. Вероятно, меч у нее был еще со времени отъезда из Вокулёра. То мог быть подарок Бодрикура. Но этот меч больше не представлял для нее ценности. Она потребовала, чтобы ей дали тот, который она увидела во время остановки во Фьербуа, на могиле Клинье де Бребана. И вновь, в этом конкретном случае, официальные историки воздерживаются от того, чтобы точно изложить историю этого оружия, которое в соответствии с обычаем было возложено на могилу Клинье де Бребана при погребении этого рыцаря в часовне. Дело в том, что вначале этот меч принадлежал Бертрану Дю Геклену, коннетаблю Карла V. Умирая, коннетабль завещал его герцогу Луи Орлеанскому. После того как этот последний был злодейски убит, Валентина Висконти, его вдова, вручила его Клинье де Бребану, одному из офицеров, находившихся на службе у Орлеанского дома[62]. Потребовав этот меч, Жанна всего лишь претендовала на имущество своего родного отца. Но как она об этом узнала? А главное — как она осмелилась предъявить такое требование? Немыслимо, чтобы смиренная пастушка могла потребовать меч, принадлежащий рыцарю. Вот почему в этой истории вновь попытались усмотреть вмешательство сверхъестественных сил!

Еще одно обстоятельство остается невыясненным в жизни Жанны. Это то, что в течение определенного времени ей принадлежало кольцо, бывшее когда-то собственностью самого Бертрана Дю Геклена. В конце концов она передала его своей наследнице. Как это кольцо попало в ее руки? Вероятно — от Карла Орлеанского. Тем самым кольцо прошло тот же путь, что и меч.

В боях Жанна пользовалась и другим оружием — *боевым топором.* Он был специально изготовлен для нее, ибо на нем выгравирована буква ***J*** — первая буква ее имени, *увенчанная короной.* 8 сентября 1429 г. она была ранена в окрестностях Парижа. Несколько дней спустя она передала свое оружие аббатству Сен-Дени в качестве приношения по обету. В аббатстве имеется плита, напоминающая надгробный камень. На ней изображена Жанна в доспехах. В левой руке она держит свой боевой топор, на котором прекрасно видна буква ***J***, увенчанная короной. Изображена именно Жанна, ибо на плите есть надпись, гласящая: *«Таково было снаряжение Жанны, переданное ею в дар св. Денису».*

Приходится согласиться, что для дочери землепашца не самая обычная вещь на свете — обладать инициалом, увенчанным короной, тем более что эта последняя содержит столько же цветков, сколько их имеется в короне, фигурирующей в гербе, которым Карл VII наделил ее в своих королевских грамотах от 2 июня 1429 г. И геральдика весьма закономерно наделяет такой короной не «детей Франции» (то есть детей короля. — *Прим. перев.),* а «принцев крови». Мы в скором времени еще будем иметь возможность рассмотреть эту проблему личного герба.

Но уже сейчас мы можем обратить внимание читателя на то обстоятельство, что на лезвии меча из Фьербуа пятиугольником были выгравированы пять крестов, в то время как на лезвии меча в гербе Жанны пятиугольником расположены пять цветков лилии. Таким образом, гербовые судьи Карла VII велели изобразить на щитовой части герба, которым была наделена Жанна, *меч, принадлежавший герцогу Луи Орлеанскому и взятый из Фьербуа.* Разве это не является почти официальным напоминанием о ее королевском происхождении?

Сразу по приезде в Шинон она обзавелась пышным гардеробом: в него входила очень богатая мужская и женская одежда, ткани же были цветов Орлеанской династии. *Все было оплачено из Лондона герцогом Карлом, поэтом.* Это означало, что он признал ее как члена названной династии. Ее обычным головным убором был голубой капюшон, украшенный

золотыми лилиями. Таков был обычный головной убор принцев из французского королевского дома. Во время боевых действий она обычно ездила на своем знаменитом черном скакуне. В походах она была одета в свои богатые доспехи, покрытые коротким боевым кафтаном, походившим на ризу. Он был сшит из золотой парчи, счет за которую дошел до нас. И когда она не надевала шлема с забралом, то ее голову с черными волосами (Изабо Баварская была очень темноволосой) защищал капюшон багряного цвета, отороченный золотом и серебром.

«Эта Девственница необыкновенно роскошно одета и держится как мужчина. Она неразговорчива и удивительно осторожна в своих высказываниях. Насколько она любит общество воинов и знати, настолько же ей неприятны посещения и разговоры людей из толпы» (См.: *Персеваль де Буленвиллье.* Письмо герцогу Миланскому). Пошлая мужичка, о которой толкует официальная легенда, не вела бы себя подобным образом, да и не смогла бы держаться как знатная дама.

В Нанси она поразила герцога Карла Лотарингского своим умением ездить верхом, за что и получила в подарок прекрасного черного скакуна. В Шиноне изумленными оказались Карл VII и его кузен герцог Алансонский. Здесь она показала свое прекрасное умение участвовать в боевых играх (метание дротика в столб на манеже; упражнение, заключавшееся в том, чтобы поймать на меч брошенное кольцо). Из вышесказанного ясно, что эта смиренная дщерь полей, отцом которой был жалкий землепашец, являла собой сплошное чудо! Господь действительно позаботился обо всем…

Жанне никогда не присваивалось дворянское звание, хотя гербы, которыми ее наделяли, говорили сами за себя. Это подтверждало то, что в глазах всего окружения Карла VII она была благородного происхождения. Известно, что в противном случае, когда речь шла о возвращении дворянского звания семье, утратившей временно свои дворянские привилегии, что делалось в так называемых «грамотах возвышения», герба ей не полагалось, поскольку таковой у нее уже имелся: такая временная утрата (которую не следует путать с полной утратой прав на дворянское звание) вовсе не отменяла права на ношение герба. Она лишь означала, что утрачивалось право ношения *тэмбра*: украшений, обрамлявших щитовую часть герба, — и временная утрата не помечалась никакой «черной полосой».

Так вот, Жанне не возвращают «тэмбр» герба семейства д’Арк, временно утратившего свои привилегии. Жанну наделили ее собственным гербом. Нам еще предстоит изучить его.

На содержание положенного ей штата Жанне был предоставлен чрезвычайно значительный *цивильный лист.* Поскольку у Карла VII денег не было, можно предположить, что двор «Буржского короля» постоянно финансировала его теща, королева Иоланда Анжуйская, «королева четырех королевств». И суммы, получаемые Жанной либо от королевы Иоланды, либо от Карла Орлеанского, были весьма значительными[63].

Создается впечатление, что после коронации она была отстранена от руководства боевыми действиями. В самом деле, весьма возможно, что ее властность, часто бесцеремонная, ее словесная несдержанность и, может быть, ее недостаточное дарование стратега (на процессе по ее оправданию было сказано, что она превосходно «применяла артиллерию», из чего напрашиваются многочисленные выводы) настроили против нее опытных полководцев, составлявших ее военный совет: Дюнуа, Ла Ира, Ксентрая, Жиля де Рэ, братьев де Шабанн. Как бы там ни было, в предвидении своего второго похода, в результате которого она была взята в плен под Компьеном, она за свой счет сформировала личную «банду». Термин «банда» («bande») в те времена отнюдь не был уничижительным. От него происходят такие слова, как ban, arrière-ban, bannière, front de bandière, bande de l'écu, bandoulière и т. д., то есть «вызов дворян на войну», «всеобщее народное ополчение», «хоругвь», «знаменная линия», «пояс (в гербе)», «вымпел», «перевязь» и т. п.

Эта «банда» состояла из двух трубачей, 95 шотландских арбалетчиков и 200 пьемонтских наемников под командованием капитана Бартелемео Баретты. Эта «банда» стала одной из тех пресловутых «черных пьемонтских банд», стоявших у истоков знаменитого полка «Пикардия» — «первого из старейших»[64] (другой возможный перевод — «первого полка ветеранов». — *Прим. перев.*), наряду с гюйеньскими ватагами, которыми при Франциске I командовал Пьер Террай, сеньор де Байяр. При Генрихе IV они составили знаменитый полк «Наварра». А при Людовике XI *Марш королевских добровольцев* сопровождал медленное передвижение королевских войск. Таким было последнее воспоминание о «банде» капитана Баретты.

Эта армия из 300 солдат воевала не задаром. Да к тому же в ней числилось 300 лошадей. Если предположить, что ее участники получали столько же, сколько простые наемники в Африке в 1975 г., то есть три тысячи франков в месяц простому солдату, общая сумма составит более трех миллионов франков 1975 г. Теперь мы можем составить себе представление о цивильном листе, которым Жанна стала располагать со времени пребывания в Шиноне.

Мы уже отмечали, с каким почтением люди обращались к Бастарду Орлеанскому — Жану Дюнуа. В третьем лице о нем говорили: «монсеньор Бастард»; обращаясь же к нему, его называли «монсеньор». Но Жанна удостаивалась куда более почтительного обращения: во время их первой встречи Дюнуа обратился к ней так: «Как поживаете, благородная дама?», она же с презрением ответила: «Это вы — Орлеанский Бастард?» Объяснялось это тем, что ее сводный брат не мог похвастаться чистотой королевской крови в отличие от Жанны[65], поскольку его мать, Марьетт д'Энгьен, принадлежала к мелкому дворянству, да и замужем была всего лишь за простым офицером Луи Орлеанского, Обером де Кани.

В другой раз она рассердилась на Дюнуа, воскликнув: «Бастард! Бастард! Если ты не будешь подчиняться мне, я разобью свой молот о твою голову!» Он же рассмеялся в ответ: «Не сердитесь, Жанна, не сердитесь…» И это человек, имеющий право на то, чтобы к нему обращались, называя его «монсеньор»…

Следует признать, что Жанна никогда не теряла голову, возгордившись своими успехами. Зато на нее мог повлиять характер, на котором сказывалось ее королевское происхождение. Гены и хромосомы проявляли себя в ней как в хорошем, так и в дурном: великодушие и буйная жестокость — вот ее наследственные черты. Когда 20 апреля 1429 г. под вечер она вступила в охваченный ликованием Орлеан под медленные, торжественные звуки *Марша Роберта Брюса*[66], исполнявшегося волынками ее шотландских полков, в то время как ее сопровождали прославленные полководцы Франции, причем путь кортежа освещало пламя факелов, она держалась так же просто, как и в той деревне Домреми, где прошла ее юность.

Герцог де Бриссак как-то по телевидению заявил, что единственным положительным качеством, специфически присущим *подлинной* знати, возможно, является способность командовать, передаваемая по наследству. В конце концов при жизни Жанны всему двору и всем высшим чиновникам была известна тайна ее происхождения, фактически не бывшая тайной ни для кого.

В Орлеане Жак Буше, главный казначей герцогства и великий казначей лондонского пленника — Карла Орлеанского, обращаясь к Девственнице, сказал: «Добро пожаловать, *Дама* Жанна, благородная принцесса!»

Жан, граф д'Арманьяк, дядя Карла Орлеанского, заканчивал в июле 1429 г. свое письмо Девственнице следующими словами: «Моя дражайшая *Дама*, смиреннейшим образом вверяю свою судьбу в ваши руки!» А ведь он-то доподлинно принадлежит к королевской семье: он — граф д'Арманьяк, граф де Родез, граф де Карла, виконт де Ломань, де Комменж, д'Анвиллар, де Шаролэ. В те времена он был могущественнейшим из сеньоров герцогства Аквитании. И

это он-то так пресмыкался перед дочерью жалких землепашцев? Историки-приспособленцы просто-напросто ни в грош не ставят своих читателей…

Точно так же тогдашний итальянский летописец Лоренцо Буонинконтро в своем сообщении о Жанне называет ее «принцессой» (*Процесс,* IV, 50).

В «Летописи парижского горожанина», сочиненной священником, принадлежавшим к бургундской партии (рукопись находится в библиотеке Ватикана), в рассказе о церемонии отречения на кладбище Сент-Уэн в Руане одним словом подтверждается все сказанное выше. Это слово, исходящее от такого очевидца, стоит всяких возможных объяснений: «1431 год — в канун праздника Тела Господня, каковой в этом году приходился на 30-й день мая названного 1431 года, *Даме* Жанне, плененной под Компьеном и называемой Девственницей, было в сей день сделано наставление в Руане» (указ. соч.).

Если припомнить, что обращение *Дама* применялось в те времена только к девочке, девушке или женщине, обязательно принадлежавшей к высшей знати, тогда как женщины и девушки буржуазии должны были довольствоваться званием (обращением) «демуазель», то придется согласиться, что составитель «Летописи парижского горожанина», каким бы «бургундцем» он ни был, принимает здесь за данность тот факт, что Жанна Девственница в разночинцах не числилась!

Понятно также, что Мартен Ле Фран, папский секретарь, пишет в ту же эпоху: «За гордого принца сошла бы, а не за простую пастушку!»

В «Летописи Лотарингии» ее называют «высокородная и могущественная госпожа». Жиль де Рэ в своей «Орлеанской мистерии», поставленной и разыгранной перед Карлом VII и всем французским двором (автор уплатил сам за все постановочные расходы), многократно называет ее «высокородной и могущественной госпожой» или «превосходнейшей принцессой».

Но звание «высокородная и могущественная дама» («госпожа») в то время соответствовало в мужском роде «высокородному и могущественному господину» («владыке, сеньору»), каковое выражение неизменно применялось по отношению к *«принцам крови»* во время их погребения, в тот момент, когда в склеп бросали шлем, щит, боевые рукавицы и меч. Это делали герольды.

Говоря об обычных феодалах, использовали такие выражения, как «благородный сеньор» или «благородный и великодушный сеньор».

Как видим, Жанна Девственница, *у которой не было известного семейного имени,* которая располагала *лишь простым прозвищем,* пользовалась привилегиями, полагавшимися обычно лишь принцам. Никто из тех, кто сталкивался с ней, не пребывал в неведении касательно того, *как* следовало к ней обращаться, уважая права и привилегии, которыми она пользовалась. Их всех наверняка соответствующим образом инструктировали еще до ее появления.

Мы далеко ушли от образа ясновидящей пастушки, которая сама добирается до Шинона, с тем чтобы попытаться убедить короля довериться ей, и, невзирая на свое жалкое положение и скромное происхождение, добивается своего!

Как же можно в этих условиях принимать на веру то, что Карл VII и его «гербовые короли», судьи и герольды стерпели, чтобы такие эпитеты, по протоколу закрепленные за высшим сословием общества, использовались применительно к простой крестьянской девушке? Как поверить тому, что Жиль де Рэ, с учетом его положения и титулов (первый барон Бретани, предводитель дворянства герцогства, маршал Франции, ставший благодаря браку кузеном Карла VII), мог совершить промах, когда ко времени исполнения «Орлеанской мистерии» Жанна официально погибла на руанском костре? Ведь в таком случае Жиль де Рэ вел себя отнюдь не как опытный придворный.

Читателю нетрудно найти в продаже колоды карт, выпускаемые парижской Национальной библиотекой. Они называются «Игра (колода) Девственницы». Она была нарисована, если верить традиции, Жаном Персоном, лионским художником — изготовителем карт, в 1493 г. и восстановлена на основании матричного листа, хранящегося в Дижонской библиотеке (Дижон — столица герцогов Бургундских). Эта колода карт подкрепляет свидетельство еще одного тогдашнего документа, которым мы займемся позже. Так вот, в этой колоде присутствуют следующие карты:

Бубновый король — герцог Бургундский,

Бубновая дама — Прекрасная Елена,

Бубновый валет — граф Фландрский,

Трефовый король — граф де Бовэ,

Трефовая дама — Мелузина,

Трефовый валет — Парис,

Червовый король — герцог Лангрский,

Червовая дама — Венера,

Червовый валет — Парис,

Пиковый король — герцог Реймсский (Реньо де Шартр, архиепископ Реймсский),

Пиковая дама — Девственница (Жанна),

Пиковый валет — Жан д'Олон (оруженосец Жанны).

Надо пояснить, что если Жанне дали роль *пиковой дамы,* иными словами — библейской *Юдифи,* которая отсекла голову Олоферну, полководцу Навуходоносора (Книга Юдифи: XIII, 10), — ведь *Юдифь* — это имя, которое в игральных картах носит *пиковая дама,* — то это в память о некоем Франке д'Аррасе, которому она приказала отрубить голову: «И даже названная Девственница приказала отрубить голову названному Франке д'Аррасу» (См.: *Ангерран де Монстреле.* Летопись, гл. 84). Как видим, Девственница покладистостью не отличалась: «Когда кто-нибудь из ее людей совершал ошибку, она изо всех сил колотила его своей дубинкой» (см.: «Дневник парижского горожанина»). Не будем же удивляться тому, что *пиковая дама* наших карточных колод не приравнивается к *червовой даме…*

Карл VII предоставил Жанне и еще одну, последнюю привилегию: *право помилования.* Его мог осуществлять только сам король. Таким образом, за всю историю Франции такая привилегия исключительного характера была предоставлена лишь однажды кому-то помимо царствующего монарха, и, что еще важнее, женщине, которая даже не исполняла обязанностей регента.

Так вот, Карл VII предоставил Жанне эту необычайную привилегию, иона воспользовалась ею в пользу Артура, графа Ришмона, который в 1425 г. был коннетаблем Франции, а впоследствии стал герцогом Бретонским. Коннетабль Франции в 1425 г., уволенный с этого поста и попавший в опалу в 1427 г. из-за происков Ла Тремоя (которому он между тем покровительствовал), он вновь оказался в милости в 1429 г. после победы под Патэ, заслуга которой была приписана Жанне.

Ришмон умолял Девственницу о помиловании, *стоя перед ней на коленях,* в то время как Жан д'Алансон, «принц крови», кузен короля и все присутствовавшие при этом сеньоры также просили ее использовать это право по отношению к данному просителю. Этот красноречивый факт присутствует в тексте *Процесса* (IV), в *Летописи Девственницы,* в которой воспроизводится текст *«Деяний французских знатных лиц»,* завершающийся 1429 г… Таким образом, эта живописная подробность была отмечена уже в то время, к которому она относится.

Она весьма примечательна. Можно ли представить себе подобную сцену, подобное унижение для вельможи такого масштаба, наследника Бретонского герцогства, на коленях умоляющего пастушку, лишенную даже фамилии?

На следующий день после официального представления при шинонском дворе Жанна беседовала с Карлом VII. *Она сидела рядом с ним,* что уже весьма удивительно. Появился молодой герцог Алансонский, Жан. «Кто это такой?» — спросила Жанна без всякого смущения. Король ответил: «Это мой кузен д'Алан-сон». Жанна вела себя и бесцеремонно, и благожелательно: «Добро вам пожаловать! *Чем больше будет нас, в ком течет кровь Франции, тем лучше…»* И отныне она обращалась к Жану Алансонскому в нежных выражениях: «Мой милый герцог…», «Мой прекрасный герцог…».

К тому же в своей книге *«Истинная Жанна д'Арк»* Жюль д'Эролль напоминает, что, когда Девственница вернулась в Шинон из освобожденного Орлеана, король Карл VII «обнял ее, каковая честь оказывалась лишь знатнейшим вельможам» (указ. соч.).

Слово «обнял» очевидным образом означает объятие, смысл которого тут, надо полагать, ясен без пояснений (франц. термин «accolade» означал «торжественный акт посвящения в рыцари». — *Прим. перев.).* Однако необходимо уточнить, что это почти ритуальное объятие допускалось только между мужчинами и при французском дворе государь жаловал им лишь некоторых знатнейших вельмож, к которым он также обращался, называя их *«кузен»,* как это имело место по отношению к владыкам де Шабанн, учитывая их родство с каролингской династией. Для такого обращения требовались некие семейные узы. Такое объятие по отношению к Жанне недвусмысленно говорит о том, что Карл VII считал ее своей родственницей…

Ходили слухи о том, что на самом деле она была юношей, а некоторые сомневались в ее девственности, учитывая резкие, мальчишеские манеры. Тогда было решено проверить ее пол и ее девственность.

Если бы речь шла о простой, безымянной ясновидящей пастушке, призвали бы акушерку, которая в замке обслуживала служанок, фрейлин и пр. Поступили совсем иначе. Гинекологический осмотр Жанны был произведен королевой Иоландой Анжуйской, тещей Карла VII, которой помогала супруга Рауля де Гокура, губернатора Шинона. При этом присутствовали различные фрейлины. В летописи сообщается, что «Девственница была тайно осмотрена и обследована в самых потайных местах ее тела, увидена и изучена». На процессе, оправдавшем ее, ее оруженосец Жан д'Олон сообщил, что королева Иоланда и ее фрейлины заявили, что то была «доподлинная и ненарушимая девственница, в которой не обнаруживалось никакого повреждения или нарушения».

В дальнейшем врач Делашамбр, осматривавший ее в Руане во время процесса в присутствии герцогини Бедфордской, в ходе процесса по ее оправданию показал, что она была лишена возможности иметь половые сношения. Отметим к тому же, что, согласно многочисленным свидетельствам, у нее никогда не было нормальных *менструаций.*

В заключение этой главы повторим, что Жанна Девственница действительно была королевской принцессой. Прежде чем переходить ко второму вопросу — о том, как она осталась в живых и вышла замуж, — мы рассмотрим ее личный герб, и это изучение подтвердит все сказанное выше.

Герб Жанны Девственницы

2 июня 1429 г. по юлианскому календарю (13 июня — по григорианскому) Карл VII наделил Жанну гербом, видимо — в память об освобождении Орлеана. Этот герб никогда в прошлом не принадлежал д'Аркам, герб которых выглядел совсем иначе (он был символичным, «говорящим»).

Этьен Вейлль-Рейналь в своей книге *«Двойная тайна Жанны Девственницы»* на с. 60 и 61 приводит исторические данные, касающиеся королевской грамоты, наделившей Жанну гербом. В той же книге он воспроизведен на вклейке (№ 5), с. 16–17. Прежде он был воспроизведен на с. 33 книги Жерара Песма *«Жанна д'Арк не была сожжена»* (Париж, 1960).

Вот текст грамоты: «Во второй день июня 1429 г. названный господин король, прознав про подвиги Жанны Девственницы и победы, одержанные во славу Господа, наделил, находясь в городе Шиноне, гербом названную Жанну, во украшение ее штандарта и ее самой, по нижеследующему образцу, вверив герцогу Алансонскому и названной Жанне осаду Жаржо».

Отметим, что тут ни слова не было сказано о семействе д'Арк и об этой фамилии. *Гербом наделялась только лично Жанна.*

Жан Жакоби в своем исследовании *«Знатность и герб Жанны д'Арк»* на с. 11 приводит письмо короля Англии и статью 58 руанского «дела», в которых приводится описание данного герба: «Щит с лазурным полем, в котором две золотые лилии и серебряный меч с золотым эфесом острием вверх, увенчанный золотой короной». Этот старинный текст точно воспроизводит все элементы данного герба.

Некоторые авторы в этой короне усмотрели *королевский* венец, символизирующий таким образом деяние Жанны, возвратившей Карлу VII ту королевскую власть, которая у него оспаривалась. Другим было угодно усматривать в мече темную полосу незаконнорожденности, которая свидетельствовала о королевском происхождении владелицы герба, рожденной в прелюбодеянии братом Карла VI Луи Орлеанским и королевой Изабо Баварской. По их мнению, все это доказывает, что Жанна была сестрой — или сводной сестрой — Карла VII.

Нашлись и такие, кто справедливо утверждает, что меч никогда не символизировал «черной полосы»; но они же усмотрели в этой короне венец, типичный для *престолонаследников Франции.* Жанна никоим образом не могла обладать в гербе венцом *престолонаследницы,* а уж тем более передавать его Карлу VII в виде *королевской* короны. То была бы сущая бессмыслица. Более того, корона *французских дофинов — замкнутая,* как, впрочем, и *королевская,* а корона в гербе Жанны — *открытая.* Тогда некоторые авторы выдвинули гипотезу о короне «детей Франции». Среди них — Пьер де Сермуаз в его книге *«Миссии Жанны Девственницы».* Но корона, увенчивающая меч в гербе нашей героини, не соответствует традиционному образцу, которым наделялись упомянутые «дети Франции».

Напротив, это именно такая корона, которую классическая геральдика помещает в гербах «*принцев крови».* Отсылаем наших почтенных коллег, занимающихся этим вопросом, к *«Начальному трактату о гербе»* Альфонса Лабитта, с. 162, и к труду Пьера Жубера *«Лилии и львы, введение в искусство герба»* (Париж, 1947, предисловие Арно де Корби, члена Французского общества геральдики и науки о печатях), а именно к главе «Внешние украшения, тэмбр».

Такое сопоставление оказывается плодотворным и дает возможность решить интересующую нас задачу.

Из него следует, что в глазах Карла VII и его гербовых судей Жанна не обладала рангом престолонаследницы, а также *«дочери Франции».* Ее положение было только положением *принцессы крови.* Тем самым подразумевалось, что она таки была дочерью Луи Орлеанского — но никоим образом не Карла VI и Изабо Баварской, ибо в этом случае она считалась бы *«дочерью Франции».* Но в таком случае кто же был тогда матерью Жанны? Мы вновь вынуждены назвать Изабо — официальную любовницу Луи Орлеанского.

Могут опять же возразить: Жан Дюнуа, сын Луи Орлеанского и Марьетт д'Энгьен, прозванный Бастардом Орлеанским, гордо носил это прозвище. В третьем лице о нем говорили: «Монсеньор Бастард», и в гербе у него «на лазурном фоне были три золотых

цветка лилии, цветка Франции, с серебряной гербовой связкой из трех подвесок, каковые принадлежат Орлеанскому роду, с красным жезлом, концы которого не достают краев щита, каковой принадлежит Дюнуа, Бастарду Орлеанскому». Он стал графом де Лонгвиллем, графом де Дюнуа, королевским наместником королевства Франции, и его «темная полоса в гербе» (короткий красный жезл) была убрана, когда он получил от Карла VII королевскую грамоту, наделявшую его титулом законного принца, великого камергера Короны[67].

Но в таком случае почему же тогдашние гербовые судьи, столь дотошные в области геральдики, не объявили о подлинном происхождении Жанны, как они сделали это для ее сводного брата Дюнуа? Да потому, что «официальная» мать Жана Дюнуа была известна всем и это не создавало никаких политических проблем. Феодалы в средние века не отрекались от своих побочных детей, напротив!

Но признать, что Жанна — дочь Луи Орлеанского и королевы Изабо, законной супруги Карла VI, признать незаконнорожденность этого ребенка, явившегося на свет в результате прелюбодеяния, значило бы утверждать то же самое о ее сводном брате Карле VII, что было провозглашено уже его собственной матерью в Трактате, заключенном в Труа. Но в статье V *«Правил, определяющих условия получения французской короны»,* оговорено, что суверен должен быть рожден в праведном, законном браке, в результате брака его родителей. Вот почему за Жанной признали лишь статус *принцессы крови;* и вот почему король Англии на ее процессе велел предъявить ей упрек в том, что она использовала и носила «превосходнейший герб *Франции*». Уж он-то не заблуждался насчет характера герба, которым была наделена Орлеанская Девственница.

Пожалуй, небесполезно будет отметить, что в сентябре 1429 г. король Карл VII пожаловал Жилю де Лавалю барону де Рэ, маршалу Франции, дополнение к его гербу, носившее самый почетный характер. До этого в семейном гербе изображался *«на золотом фоне черный крест».* Король добавил туда *«кайму, усыпанную лилиями».*

После того как Жиль де Рэ был приговорен к смерти в 1440 г., это пожалование не было отменено, и его дочь Мари наделила своего мужа Прежана де Коэтиви обязанностью «принять имя, герб и титулы баронии и сеньории де Рэ», вменив то же самое в необходимость наследникам, рожденным от этого брака, то есть герб *«с черным крестом на золотом фоне и с каймой, усыпанной лилиями»*.

Вот как выглядят родословные связи Жиля де Рэ с французской королевской династией:

Ги II де Монморанси-Лаваль[68] женился на Мари де Краон[69] баронессе де Рэ. От этого брака родились: Жиль де Лаваль барон де Рэ (женившийся на Катрин де Туар), Ренэ де Лаваль барон де ля Сюз и Жанна де Лаваль, вышедшая замуж за Луи II Бурбонского, графа Вандомского и *кузена Карла VII.* Так Жиль де Лаваль барон де Рэ и Луи II Бурбонский стали свояками, а Катрин де Туар и Карл VII стали кузенами через свойство.

Как мы видели, наделение лилиями могло истолковываться как особая честь. Удостаивался ее не каждый. Дело в том, что обычно забывается, что Жиль де Рэ был свояком Луи II Бурбонского, графа Вандомского. Таким образом, через свойство он стал кузеном Карла VII, поскольку его сестра Жанна де Лаваль была супругой этого Луи II де Бурбон-Вандома, кузена короля и прямого потомка Людовика Святого.

Тем не менее не исключено, что герб, созданный гербовыми судьями для Девственницы, содержит в себе настоящую, хотя и не явно выраженную «темную полосу незаконнорожденности», эзотерически выраженную напоминанием о мече из Фьербуа, унаследованном от Луи Орлеанского, и венчающей его короной «принцев крови», помимо прямого значения этих изображений.

Впервые игра в *тарок,* породившая впоследствии наши *игральные карты,* появилась во Франции в царствование *Карла VI.* Было это во дворце Сен-Поль, где король проживал с Одеттой де Шандивер. Набор тароков состоит из 22 так называемых *ведущих* карт и 56 так

называемых *второстепенных* карт. Эти последние подразделяются на четыре разряда: *динарии, жезлы, кубки* и *мечи,* соответствующие нашим *трефам, бубнам, червям* и *пикам.* В каждом разряде есть *король, королева, кавалер, валет* и 10 значений, начиная с 10 до 1, *туза.*

Но в разряде мечей туз тарок Карла VI изображен в виде руки, держащей меч в вертикальном положении, причем острие меча вдето в корону. По обеим сторонам короны — две ветви неизвестного растения, выходящие из этого круга, ниспадают вдоль лезвия меча (подобно цветкам лилии в гербе Жанны) наряду с каплями или слезами, истекающими из этой короны.

Эта карта — *туз меча* — обладает в тароках вполне определенным значением, бесспорно окрашенным сексуальной и эротической символикой: половые сношения, беременность, переплетение, взаимопроникновение и пр. В обычных колодах карт соответствующая карта — то есть *пиковый туз* — означает «забава», то есть сексуальное приключение, прелюбодеяние, блуд и т. д.

Если припомнить, что в колоде карт «Девственница» *пиковая королева* (или *королева меча)* называется «Девственницей» (см. изображение на вклейке), то невозможно не установить связи между этим *тузом меча,* означающим особенно заметную беременность, и гербом Жанны, который, бесспорно, воспроизводит его. Видимо, здесь оказалась деликатно выраженной та «темная полоса в гербе», отыскать которую более или менее явно стремились в этом загадочном гербе историки. Дело в том, что сексуальный символизм этой карты — *туза меча* — очевиден. Меч изображает *фаллос,* проникающий в корону, символизирующую женский половой орган. Специалисты по символике, вот уже два века изучающие *«Игру в тарок» Карла VI* (XV в.), воспроизведенную в *«Марсельской игре в тарок»* (XVII в.), никогда не расходились в своих выводах, и эта символика отразилась на карте, производной от этой игры: *пиковом тузе.*

Пусть нас не удивляет чрезмерно откровенный характер этих символов. Наши средневековые предки не были чересчур стыдливыми! Надо ли напоминать о том, что пространство в гербе, отведенное девушкам, изображалось *ромбом,* в то время как вдовам полагался *безупречно круглый диск*? Таков был намек на анатомические различия между *девственницей* и *женщиной.*

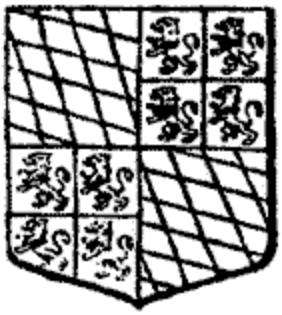
Таким образом, вместо классической *полосы,* чересчур недвусмысленно говорящей о незаконнорожденности как следствии прелюбодеяния, что не могло не вызывать вопросов, гербовые судьи Карла VII использовали символическую композицию, расшифровка которой была бы непосильной задачей для большинства людей. Не будем забывать о том, что геральдика, наука, о которой широкая публика нашего времени не имеет ни малейшего представления, была хорошо знакома тогдашней знати, а также любому образованному человеку, даже разночинцу.

4. JEAN de France duc de Touraine & de Berry, comte de Poitou, Pair de France dauphin de Viennois, né en l'hôtel de S Pau à Paris le 31. aoust sur les cinq heures du soir 1398. fut pourvu de l'office de concierge du palais du roy après la mort de son frere aîné (a) par lettres du 2. janvier 1415. mourut de poison à Compiegne sans lignée le lundi 5. Avril ou selon Monstrelet le dimanche des Rameaux 4. avril sur les dix heures du matin 1416. Meyer dest trompé doublement en disant le mercredi 13. avril, puisque le 13. échut un mardi. Machieu Vossius à la fin du *livre IV. des annales d'Hollande*, a marqué le 18. avril 1417. c'eût donc été le dimanche de *Quasimodo*, mais c'est une erreur. Son corps fut enterré dans l'abbaye de S. Corneille.

Au 1. & 4. de *France*, au 2. & 3. de *Dauphin*.

(a) Regist. de la Chambre des Comptes cotte H. p. 62.

Femme JACQUELINE de Baviere, fille unique & heritiere de *Guillaume* de Baviere IV. du nom, comte de Hainault & d'Hollande, & de *Marguerite* de Bourgogne, fut mariée par traité passé le 30. juin 1406. Elle prit une seconde alliance en 1417. avec *Jean* de Bourgogne duc de Brabant, dont elle voulut se faire separer, & epousa, son mari vivant, en 1422. *Humfroy* d'Angleterre, duc de Gloucester, qui à son tour fit casser ce mariage. Elle prit une quatriéme alliance avec *François* de Borselle comte d'Ostrevant, mentionné au *chapitre des Maréchaux de France article de* Wolfart de Borselle *son neveu*. Elle mourut le 8. octobre 1436. & fut enterrée à la Haye.



Ecartelé au 1. & 4. *bandé d'argent & d'azur de 21. pieces mises en bandes*. Au 2. & 3. *contrécartelé au 1. & 4. d'or au lion de sable, au 2. & 3. d'or au lion de gueules*.

5. CHARLES VII. du nom, roy de France, qui suit.

6. PHILIPPE né à Paris le 10. Novembre à deux heures après minuit 1407. mourut le même jour, & fut porté le soir à S. Denis.

7. JEANNE de France née en la maison royale de S. Ouen le 14. juin à huit heures du matin 1388. mourut en 1390. & fut enterree en l'abbaye de Maubuisson.

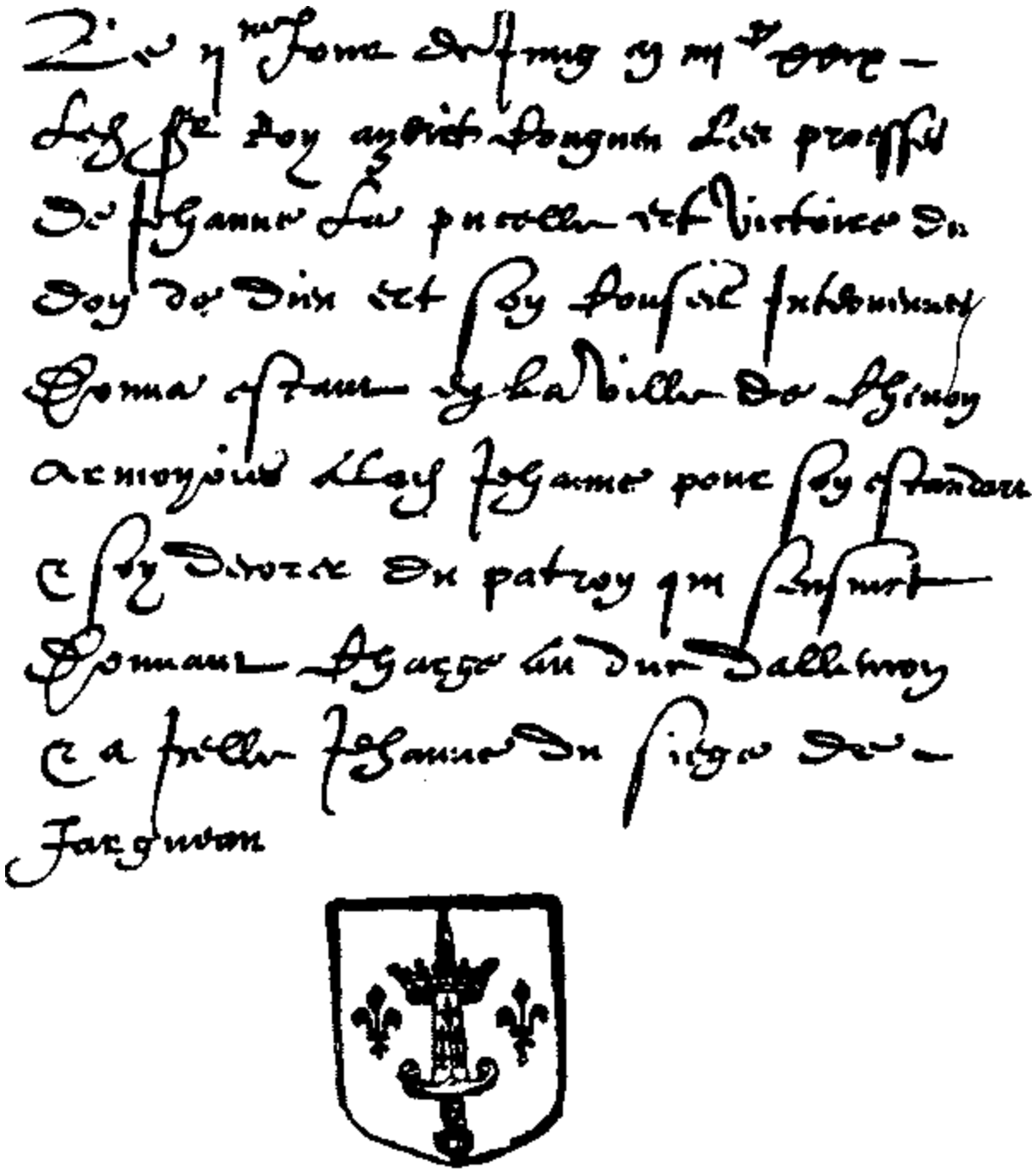
8. ISABEL de France, née au Louvre à Paris le 9. novembre à deux heures après minuit 1389. fut (b) accordée par traité passé le 9. mars 1395. à *Richard II.* du nom roy d'Angleterre, mariée par procureur le dimanche 12. du même mois au palais royal à Paris, (c'est aujourd'hui le palais de la justice) partit de Paris le vendredi 6. octobre suivant, que l'on comptoit 1396. & reçut la benediction nuptiale dans l'église de S. Nicolas de Calais par l'archevêque de Cantorbie le jour de la (c) Toussaints. Après la mort du roy son mari, elle revint en France au mois d'aoust 1401. & fut mariée à Compiegne le 29. juin 1406. à *Charles* comte d'Angoulême, puis duc d'Orleans. Elle mourut en couches à Blois le 13. septembre 1409. & y fut enterrée dans la chapelle de Notre-Dame de Bonnes Nouvelles de l'abbaye de S. Lomer, d'où son corps a été depuis transferé aux Celestins de Paris en la chapelle d'Orleans.

(b) Voyez les ouvr. de M. Godefroy sur l'histoire de Charles VI. p. 578. & 609.

(c) Le religieux de S. Denis dit le 4. Novembre.

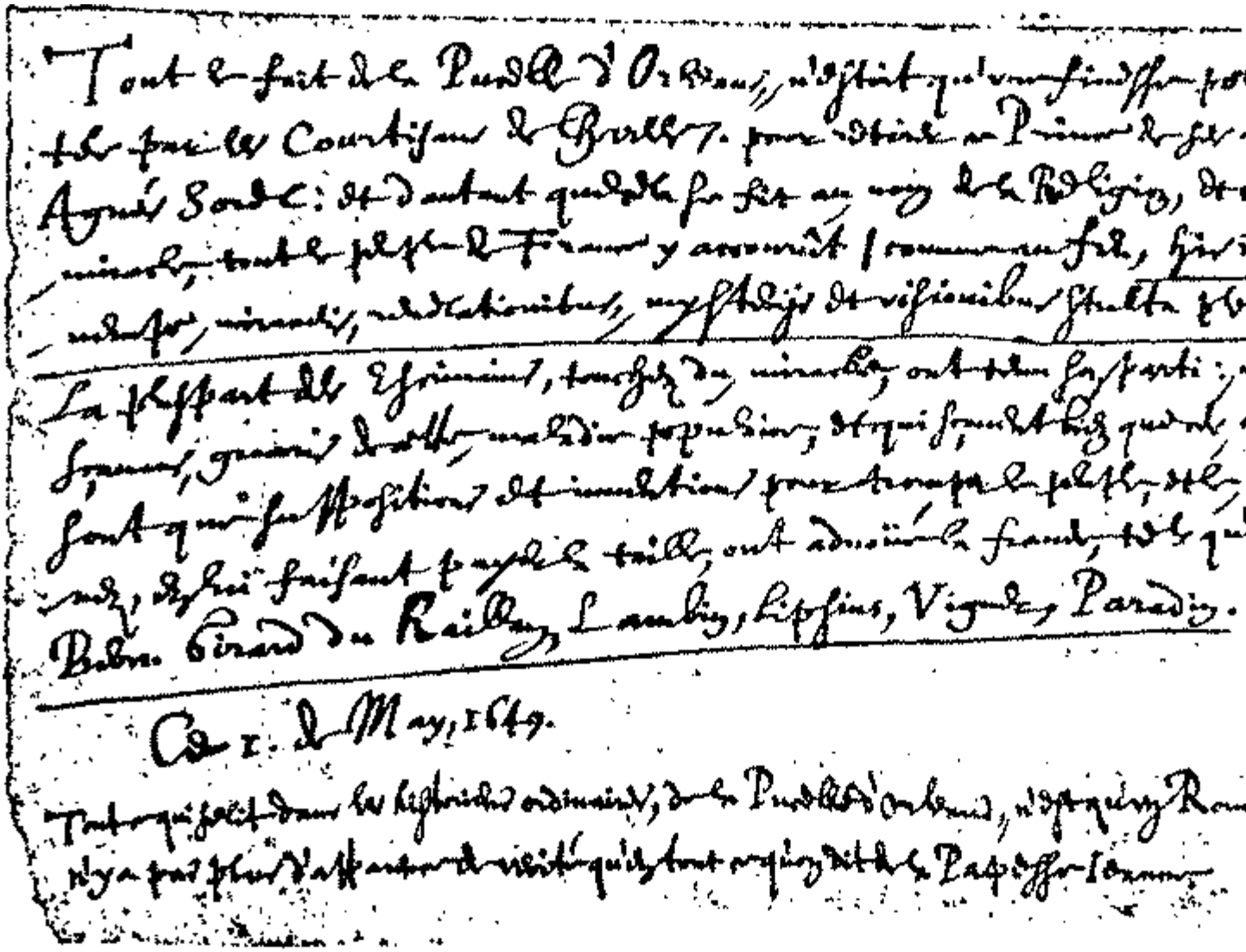
Выдержки из книги: П.Аксельм де Сен-Мари. «Генеалогическая история Французского дома» (Париж 1730 — 1732).

Выдержки из книги: П.Аксельм де Сен-Мари. «Генеалогическая история Французского дома» (Париж 1730–1732).



Письмо Карла VII от 2 июня 1429 г., в котором он даровал личный герб «Жанне Девственнице» и поручил ей начать вместе с герцогом д'Алансоном осаду г. Жарго.

Письмо Карла VII от 2 июня 1429 г., в котором он даровал личный герб «Жанне Девственнице» и поручил ей начать вместе с герцогом д'Алансоном осаду г. Жарго.



Манускрипт № 1999, лист 1 из Библиотеки Мазарини.

Манускрипт № 1999, лист 1 из Библиотеки Мазарини.

Надгробная плита с изображением доспехов Жанны (аббатство Сен-Дени, XVI в., копия фотоснимка, сделанного Роже-Виолле).

Боевой топор Жанны с изображением ее инициала и короны (Док. № 1, XVI в., Д.Р.)

Портрет Робера дез Армуаза из замка Жолни (копия фотоснимка, сделанного Ж.-Ж.Каккарини).

Портрет Робера дез Армуаза из замка Жолни (копия фотоснимка, сделанного Ж-Ж. Каккарини).

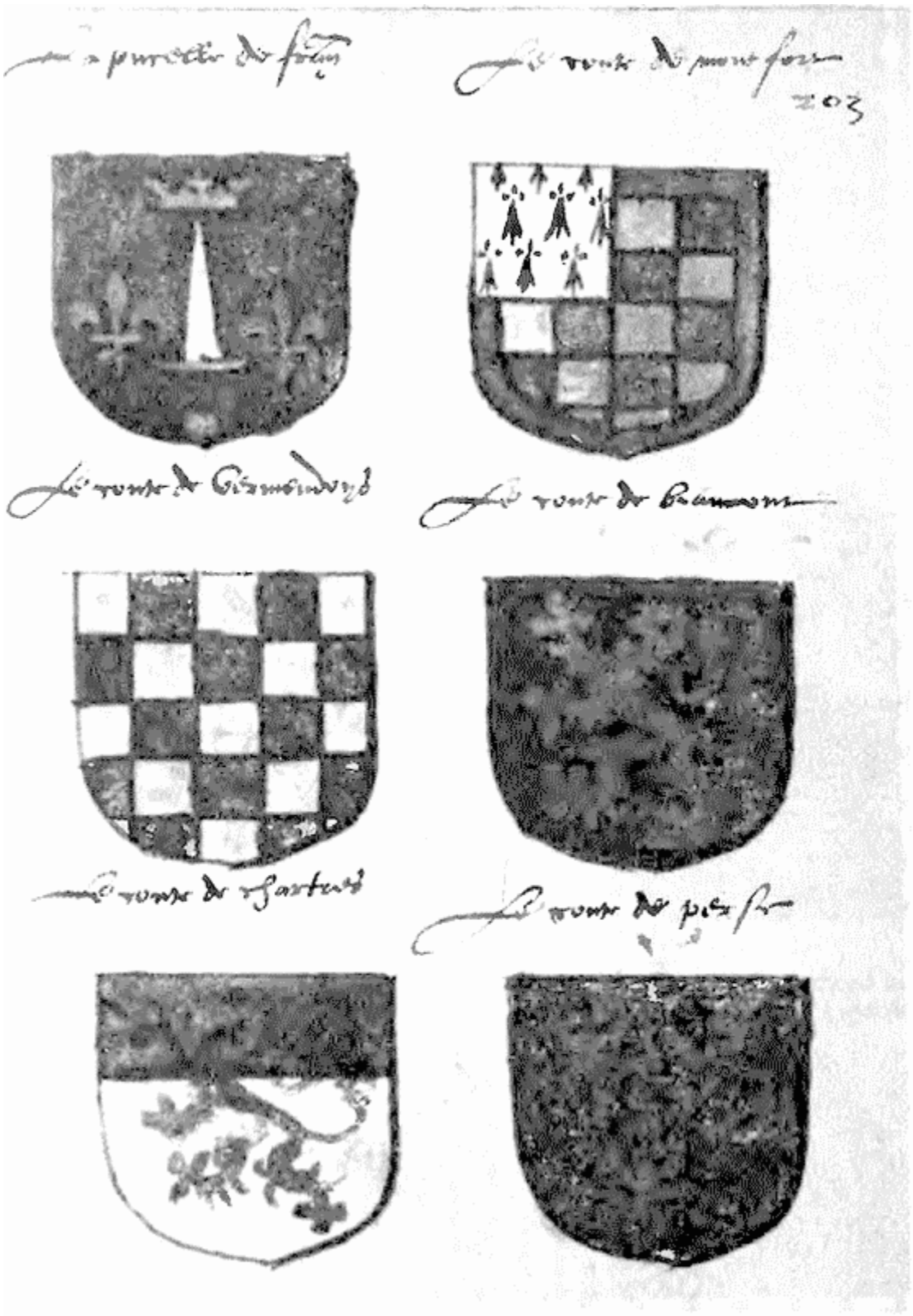
Портрет Жанны Девственницы Французской из замка Жолни (копия фотоснимка, сделанного Ж. -Ж. Каккарини).

Туз из колоды карт Карла VI, изображающий герб Жанны (коллекция автора).

Пиковая дама из колоды карт Жанны Девственницы, изображающая Жанну (Париж, Национальная библиотека).

Портрет Жанны с мечом и штандартом (копия фотоснимка, сделанного Жирадоном).

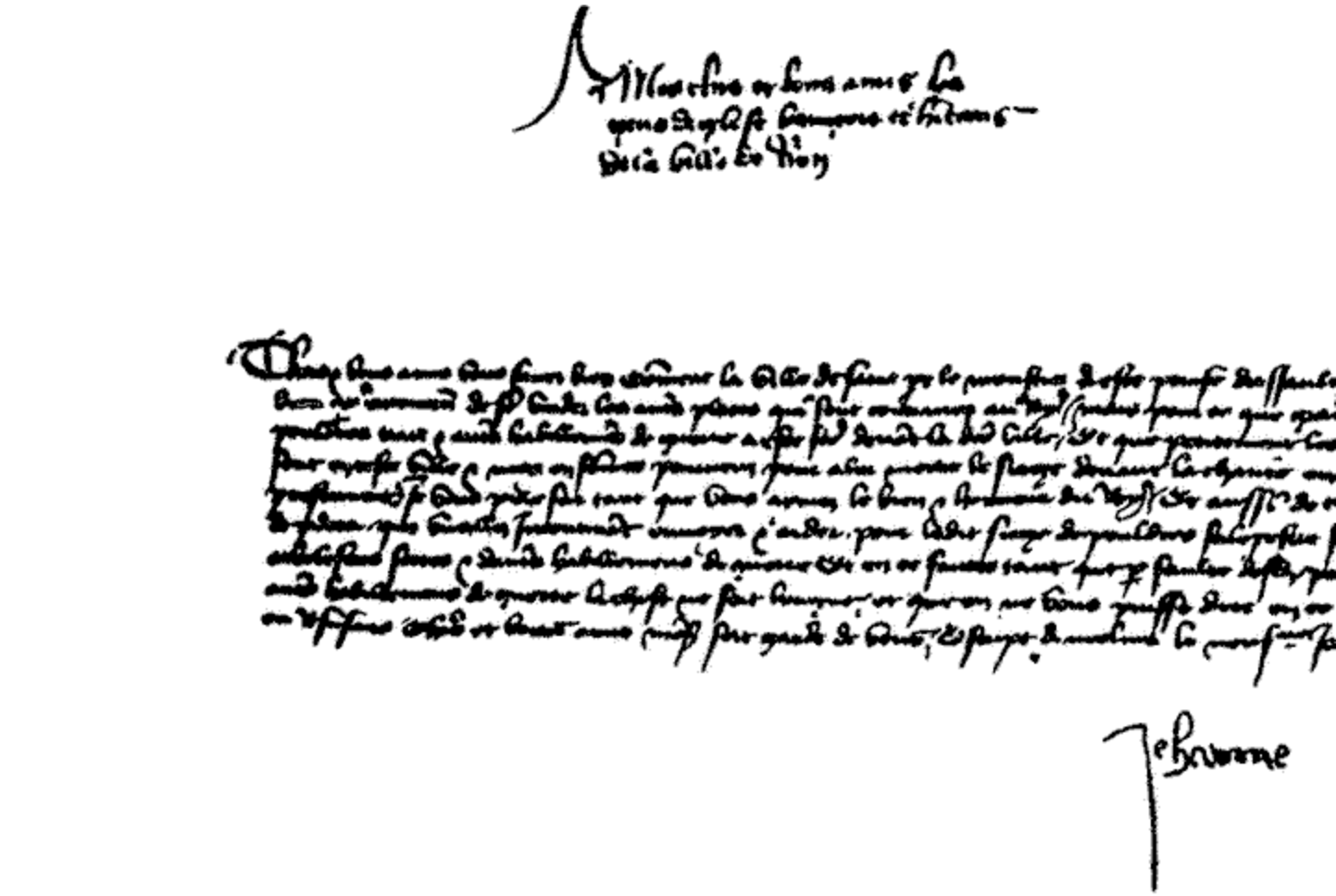
Портрет Жанны с мечом и штандартом (копия фотоснимка, сделанного Жирадоном).



Каталог гербов герцогства Бургундского. Герб Жанны стоит во главе гербов пэров Франции. Рукопись XVI в. из Национальной библиотеки (Париж).

Каталог гербов герцогства Бургундского. Герб Жанны стоит во главе гербов пэров Франции. Рукопись XVI в. из Национальной библиотеки (Париж).

Жанна в виде библейской Юдифи, рукопись XV в. (копия фотоснимка, сделанного Жирадоном).



Письмо Жанны Девственницы ее друзьям де Риом с просьбой о помощи. Ноябрь 1429 г.

Письмо Жанны Девственницы ее друзьям де Риом с просьбой о помощи. Ноябрь 1429 г.

Семейное родство Жанны

Если Жанна — дочь герцога Луи Орлеанского, брата Карла VI, и Изабо Баварской, супруги последнего, но официальной любовницы герцога, то вполне очевидно, что она оказывается в родстве со всеми лицами, о которых уже шла речь в главе об основных действующих лицах всей этой истории.

Поэтому представляется небесполезным точно определить все эти многочисленные родственные связи. Именно они помогут понять, как во время официальной казни Жанны в Руане была, несомненно, произведена подмена. Незаконнорожденная дочь Луи Орлеанского и Изабо Баварской[70] Жанна тем самым становится:

— сестрой Карла VII, короля Франции, который, подобно ей, является внебрачным отпрыском вышеуказанных родителей;

— сводной сестрой Карла Орлеанского, поэта, сына Луи Орлеанского и Валентины Висконти, герцогини Миланской;

— сводной сестрой — или сестрой — Жана Дюнуа, бастарда Орлеанского;

— сводной сестрой Екатерины де Валуа, королевы Англии, сестры Карла VII и вдовы Генриха V Плантагенета;

— теткой юного короля Англии, Генриха VI, сына Генриха V;

— теткой Жана, герцога Алансонского, «принца крови», супруга Жанны, дочери герцога Орлеанского;

— свояченицей Ренэ Анжуйского, младшего сына Иоланды Анжуйской, герцога Барского и зятя Карла герцога Лотарингского;

— племянницей Иоланды Анжуйской, «королевы четырех королевств», тещи Карла VII;

— свояченицей Филиппа Доброго, герцога Бургундского, супруга Мишель де Валуа, и родственницей его трех сестер: Маргариты, супруги покойного первого наследника престола; Аньес, супруги графа Клермонского, старшего брата герцога Бургундского; Анны, супруги герцога Бедфордского, регента Англии во Франции;

— кузиной Луи II Бурбонского, графа Вандомского, великого камергера Короны, супруга Жанны де Лаваль, сестры Жиля де Рэ;

— тем самым через брак кузиной уже упомянутого Жиля де Рэ, деверя Луи де Бурбон-Вандома;

— внучатой кузиной покойной Валентины Висконти, дочери Изабеллы, сестры Карла V и супруги Галеаццо Висконти, герцога Миланского, чем и объясняется письмо, направленное Персевалем де Буленвиллье Филиппу-Мария Висконти, брату покойной Валентины;

— кузиной через свойство Жанны де Лаваль, супруги Луи II Бурбон-Вандомского и сестры Жиля де Рэ.

Эти многочисленные факты родства с такими лицами, являющиеся результатом королевского происхождения, которое, как нам думается, мы уже достаточно доказали, самым убедительным образом подкрепляют точку зрения, согласно которой сожжение Жанны было невозможным.

Разумеется, эта эпоха была эпохой бесчисленных преступлений, совершавшихся как во Франции, так и в соседних государствах между членами одного и того же семейства. Так, граф д'Аркур всю жизнь продержал в тюрьме своего отца; графиня де Фуа отравила свою свояченицу, а владыка де Жиак — свою супругу; герцог Бретонский уморил голодом родного брата; граф де Гельдр бросил старика отца в темницу. И так далее, и тому подобное. Но то, что в истории с Жанной вступает в противоречие с этой общераспространенной безжалостностью, так это почести, которые продолжают оказываться ей и после захвата ее в плен (об этом речь пойдет дальше), а главное то, что, несмотря на попытку запугать ее, приведя ее как-то в Руане в камеру пыток, тюремщики отказываются от своих намерений вследствие ее полного безразличия ко всем этим приготовлениям, хотя все было уже готово для применения сильных средств воздействия при допросе. Потому что, если даже преступления, о которых шла речь, были совершены на самом деле, пытки в этой связи оказывались неприменимыми по отношению к *«принцам крови».* Достаточно перечитать уже сказанное нами о тамплиерах: для *«принцев крови»* казнь исключалась.

До сих пор недостаточное внимание уделялось роли семейства *герцогов Орлеанских* в первой части истории Жанны.

Первая задача Жанны — *освобождение Орлеана.* Еще до того, как она прибыла в Шинон, жители Орлеана получили письмо за подписью *Бастарда Орлеанского,* извещавшее их о том, что с окраин Лотарингии придет освободительница. Из Лондона от герцога *Карла Орлеанского* поступил приказ облачить Девственницу в цвета, которые носила *Орлеанская династия.* После освобождения этого города она разместилась в доме Жака Буше, ее канцлера и казначея, и жила *одна.* Во время обеда супруга Буше, урожденная Жанна Люилье обратилась к ней, называя ее «моя госпожа» («моя Дама», «моя государыня». — *Прим. перев.*). Так обращались лишь к самым знатным придворным дамам, к принцессам. С ее прибытием вся власть в городе принадлежала ей одной. Она стала *Орлеанской Девственницей*, подобно тому как уже существовал *Бастард Орлеанский.* Такая привилегия

принадлежала ей с рождения, ибо она была дочерью покойного герцога Луи и сводной сестрой его сына.

О незаконнорожденности Карла VII

Свести воедино доказательства незаконнорожденности Карла VII, тем самым ставящие под вопрос его права на престол, можно следующим образом.

1. Письмо Карла VI от 17 января 1420 г., отправленное из Труа жителям Парижа, в котором содержались такие слова, как «Карл, *называющий* себя регентом королевства…», «и в силу этого просит, чтобы в этом случае никто не объединялся бы с нашим *так называемым* сыном, не оказывал ему ни помощи, ни милости никакой…».

Могут заметить, что слова *«так называемый»* в старом языке выражали общераспространенное, не претендующее на абсолютную достоверность мнение, отражающее «слухи, циркулирующие в обществе». Другой его вариант — «называющий себя» из предыдущей фразы. Значит, Карл VI не собирается утверждать, что *в его глазах* Карл VII является его сыном: он таков, согласно «слухам, циркулирующим в обществе».

2. Текст Трактата, опубликованного в Труа 21 мая 1420 г. В статье 29 есть такие слова: «…учитывая ужасающие и чудовищные злодеяния, а также проступки, совершенные в королевстве Франции Карлом, так называемым дофином из Вьеннуа».

Достоверно известно, что к этому времени все старшие братья Карла VII умерли. Последний из них — Жан, герцог Туренский и Беррийский, граф Пуату, пэр Франции, — скончался в городе Компьен 5 апреля 1416 г. от яда, если верить летописям. Тем самым в тот же момент его титул «дофин Вьеннуа» перешел к его младшему брату — будущему Карлу VII. Для того чтобы отрицать, что он обладает правом на такой титул, его рождение должно считаться незаконным, он сам должен быть незаконнорожденным отпрыском прелюбодейной связи, и такой отказ от отцовства со стороны Карла VI выражен в презрительных словах «так называемый». Ведь в противном случае ничто не могло бы помешать тому, чтобы он стал законным наследником титула «дофин».

Как видим, усилия историков-консерваторов безуспешно противостоят такому отрицанию.

3. При рождении Карла VII привели в порядок колыбель «детей Франции». И тогда на данной колыбели оказался только баварский герб: «в один ряд расположенный 21 ромб из серебра и лазури». Это был герб его матери Изабо. Французские лилии отсутствовали, что по меньшей мере любопытно.

О гербе Баварии см.: *Дюфрен де Бокур.* История Карла VII, Т. I, с.6. Он упоминает суммы, выплаченные двум ремесленникам. Один из них получил деньги за то, что «обновил колыбель, уже служившую братьям Карла». Другой — за то, что «эмалью изукрасил на гербе названной Госпожи (королевы) четыре дощечки из тонкой золоченой меди».

4. В своих *«Наставлениях королю по поводу преобразования королевства»* Жан Жювеналь дез'Юрсен, архиепископ Реймсский в 1453 г., передает «слова, которые передавались из уст в уста» после смерти короля Карла VI, согласно которым названный король скончался, не оставив «законных наследников, происшедших от его тела». Таким образом, мнение о незаконности Карла VII было тогда общераспространенным, в то время как в наши дни думают как раз наоборот. Сказываются пять столетий благонамеренного приспособленчества.

5. Между Карлом VII и Карлом Орлеанским всегда была враждебность. Она носила династический характер. Вернувшись во Францию после 25-летнего пребывания в плену, герцог Орлеанский добирался до своего герцогства в два приема, но так и не повидался с королем: в январе 1441 г. он побывал в Блуа и Орлеане. Через несколько недель он предпринял ряд поездок на север Франции (возможно, для встречи с Филиппом Добрым, герцогом Бургундским) и в Бретань, более или менее замешанную в заговоре феодалов. Дело

в том, что в 1440 г. знать взбунтовалась. Это движение получило название «Прагерия». Его возглавлял Жан, герцог Алансонский, вместе с Карлом и Луи де Бурбон-Вандомом, Ла Тремоем и Дюнуа — Орлеанским бастардом.

Подлинным побуждением к бунту против Карла VII могло как раз стать возвращение Карла Орлеанского: 5 ноября 1440 г., выплатив выкуп в размере 200 тыс. золотых экю, герцог высадился в Кале. Ведь если Карл VII был незаконнорожденным плодом прелюбодеяния, то после смерти Карла VI корона должна была достаться Орлеанской династии и ее законному представителю, то есть Карлу, герцогу Орлеанскому. Действительно, в статье V *«Правил, определяющих условия получения французской короны»,* устанавливается, что претендент на трон, для того чтобы его права считались законными, должен быть рожден в «праведном и законном браке его родителей». Эта статья представляла собой непреодолимое препятствие для того, кто являлся незаконнорожденным плодом прелюбодеяния.

6. То, что Карл Орлеанский был вполне приемлемым претендентом на французский престол, подчеркивается в завещании короля Генриха V Английского, умершего 31 августа 1422 г. Его сыну, будущему Генриху VI, не было тогда еще и года. В своем завещании король Англии, также претендовавший на французский трон, приказал не выпускать Карла Орлеанского до тех пор, пока сын английского короля не достигнет совершеннолетия. Генрих VI Английский был впоследствии коронован на французский престол в соборе Парижской Богоматери лишь в 1431 г. А Карла Орлеанского он выпустил на свободу лишь через девять лет, в 1440 г. Разве это не означает, что король Англии опасался, как бы французская знать не объединилась вокруг французского короля? Законнорожденность Карла Орлеанского была вне всяких сомнений.

7. В 1464 г. в Туре Карл Орлеанский вновь восстал против короля Франции — на этот раз против Людовика XI. Это было при заключении соглашения между королем и Франциском II, герцогом Бретонским. А в 1465 г. Карл Орлеанский примкнул к Лиге общественного блага наряду с герцогом Бретонским и будущим герцогом Бургундским, Карлом Смелым. Не исключено, что и в данном случае по отношению к Людовику XI была исподтишка использована идея о незаконности пребывания его отца Карла VII на троне.

8. Орлеанский бастард, невзирая на участие в Прагерии, по-прежнему остался графом де Дюнуа, графом де Лонгвиллем (титул, ранее принадлежавший Дю Геклену), великим камергером Короны, королевским наместником и был узаконен в правах грамотами своего суверена Карла VII, получив ранг *«принца крови».* Не могло ли случиться так, что и он опасался, как бы не открылась страшная тайна, объединявшая его с Жанной Девственницей? Ведь эта тайна ему, несомненно, была известна, доказательством чему может служить его предупредительная почтительность по отношению к самой Жанне.

9. На второй день по прибытии в Шинон Жанна потребовала от Карла VII, чтобы он принес ей в дар свое королевство. Удивленный, но не осмелившийся возражать (что весьма примечательно[71]), король повелел королевскому нотариусу составить акт о таком даре. Тогда Жанна торжественно вручила королевство Франции «царю небесному», от имени которого она затем передала его Карлу VII. Эта по меньшей мере удивительная сцена разыгралась в присутствии герцога Алансонского и Ла Тремоя, и первый из них поведал об этом на процессе, оправдавшем Жанну (см.: *Процессу* III). На деле, если учесть религиозные верования того времени, Жанна тем самым узаконила положение «Буржского короля»! Отныне Карл VII располагал своим королевством по «божественному праву», и, даже если он был рожден в прелюбодеянии, его положение стало неоспоримым.

Итак, делая это, Жанна поддерживала и «закрепляла» права незаконнорожденного Карла VII, не имевшего никаких прав на престолонаследие. Она делала это в ущерб законному монарху, будь то король Англии (в соответствии со старинным феодальным

обычаем *права единоутробности*) или герцог Орлеанский (в соответствии с *салическим правом).*

Но могут спросить: почему?

Да потому, что Карл VII был ее родным братом, а Карл Орлеанский — всего лишь сводным братом. И комплекс незаконнорожденности породил солидарность тех, кто являлся его жертвами. Так ведется у людей, и никто — даже История — ничего с этим поделать не может.

У Жанны Девственницы и Карла VII была одна и та же мать, в то время как матерью Карла Орлеанского была Валентина Висконти, герцогиня Миланская, которая для них ничего не значила.

Так одно объясняет другое. В средние века люди не затрудняли себя особыми принципами, каждый думал о своей выгоде и боролся за нее.

К тому же Карл VII не пребывал в неведении насчет своего подлинного отца: не Карла VI, а его младшего брата, герцога Луи Орлеанского. И явно для того, чтобы отомстить за него, он велел уничтожить его убийцу — Иоанна Бесстрашного, герцога Бургундского, поручив осуществить это Танги дю Шатле. Убийство произошло на мосту Монтро 10 сентября 1419 г. во время знаменитой встречи, которая оказалась западней.

Этим и объясняются санкции, принятые против Карла VII в Труа. О них шла речь в начале данной главы.

Заявление Жанны в Шиноне о том, что Карл не побочный сын, а законный наследник престола, никогда не производило особого впечатления на недоверчивого Людовика XI, его сына. Будучи старшим из 11 детей Карла VII, а значит, и его преемником, он как-то сказал Андреа Каньола следующие слова, которые тот не замедлил сообщить в своем письме от 13 января 1479 г. герцогине Миланской Бонне Савойской: «Я так и не знаю, потомком какого мужчины я являюсь, если учесть, что супруга Карла VI, королева Изабо, была большая шлюха…»

И, ознакомившись с пресловутой *тайной* Шинона, мы будем вынуждены признать, что эта мысль Людовика XI была весьма обоснованной. Возможно, что Луи Орлеанский вовсе не был отцом Карла VII.

Тайна Шинона

Жанна вошла в большой парадный зал замка, где находился Карл VII, в ту минуту, когда тот беседовал с Ла Тремоем и Раулем де Гокуром. В ответ на просьбу Девственницы король отошел от них и уединился с ней (подальше от нескромных ушей) в одном из оконных проемов. Толстые стены замка обеспечивали им достаточно места для того, чтобы любые сказанные слова оставались неуловимыми для придворных, которые были немало озадачены этой сценой. Они, конечно, во все глаза следили за этой парой: внезапно их взорам представилось сияющее радостью лицо короля, который тут же от волнения залился слезами. Придворные хотели было приблизиться, однако наследник жестом остановил их.

Вполне очевидно, что все эти волнения не проистекали от того, что король узнал, что Жанна — посланец «царя небесного»: это утверждение уже довольно давно было у всех на устах; или оттого, что перед ним его сестра или сводная сестра. По поводу этой *тайны* — раз уж была тайна — великий инквизитор Франции Жан Бреаль сделал следующее заявление, предположительно в период 1450–1455 гг., когда фиксировались свидетельства в подкрепление ходатайства о реабилитации: «Она была столь велика, что не подлежала раскрытию».

Значит, было что-то еще.

Сторонники легенды утверждают, будто Жанна уведомила Карла VII о его полной законности, так как он действительно был сыном Карла VI и Изабо Баварской. Но в таком

случае не было повода делать из этого тайну. Уместным как раз было бы кричать об этой законности на всех перекрестках, тем более что Жанну об этом осведомили «голоса», наставлявшие ее от имени «царя небесного».

В такой же мере неприемлемой выглядит гипотеза Жана Жакоби о том, что король узнал истину о своем происхождении от прелюбодейной связи Изабо Баварской с Луи Орлеанским — связи, давшей жизнь самой Жанне и тем самым удостоверенной. Ведь ни для кого не было тайной, что эта связь вызвала немалое возмущение добропорядочных парижан, а также жителей Сен-Жермена и Корбея. А уж если говорить о Домреми, то из доклада двух монахов-францисканцев перед церковной комиссией в 1429 г. в Пуатье было очевидно, что вся деревушка знала о рождении Жанны от внебрачного сожительства названных особ.

Остается чудо (еще одно!), сотворенное молитвой, с которой когда-то Карл VII якобы обратился к Всевышнему, прося его о подтверждении своей законнорожденности. Об этом факте (*исторически не доказанном*) сообщил в 1516 г. Пьер Сала в своей «Летописи». Автор утверждает, что узнал о нем от Гийома Гуффье, входившего в окружение Карла VII. Все это с учетом дат вызывает величайшие сомнения.

Но с *юридической точки зрения* законнорожденность Карла, *французского престолонаследника*, была неоспоримой. Ведь во все времена повсюду отцом по закону считался «тот, кто является таковым в соответствии с законным браком». Известно беспощадное замечание, с которым к Генриху Наваррскому обратилась его супруга Маргарита Валуа: «Без меня вы производите на свет только незаконнорожденных; я же без вас рождаю только наследников престола…»

Родная сестра Карла VII Екатерина де Валуа предъявляла притязания на французскую корону для своего малолетнего сына Генриха VI, ссылаясь при этом отнюдь не на предполагаемую незаконнорожденность брата, а на целый ряд возражений династического порядка. Они связаны с появлением салического права в царствование Людовика X Сварливого.

Итак, о какой же тайне идет речь? Нам представляется, что мы сумели разгадать эту загадку.

Но вначале изложим условия задачи.

Карл VI, родившийся 3 декабря 1368 г., женился 18 июля 1385 г. на Изабо Баварской, родившейся в 1371 г. Ему было 17 лет, ей — 14. Она была красива, чувственность пробудилась в ней очень рано. В течение всей ее жизни эта чувственность предъявляла ей все большие требования. Он был наделен не менее пылким темпераментом, но, кроме того, он мечтал о сражениях и славе[72]. Французский двор тех времен был более развращен, чем при Людовике XV, потому что инстинкты тогда проявлялись более примитивно. Два этих поколения разделяют четыре века, и это говорит о многом. Не будем же поражаться скандальным оргиям, происходившим в замке Ботэ-сюр-Марн, рядом с теперешним Ножаном. За замком — огромный в те времена Венсеннский лес. В дальнейшем Изабо Баварская устроила в нем свой причудливый *«Двор любви».* В нем в отличие от воспетого Петраркой прибежища его Лауры царила не платоническая любовь, а плотская, возбуждавшая самые низменные инстинкты и самые изощренные извращения, которые в данном случае были единственными, удостаивавшимися награды.

«Летопись монаха из Сен-Дени» сообщает нам, что во время церемонии посвящения в рыцари юного короля Сицилии, сына графа Анжуйского и кузена Карла VI, рядом с прославленной базиликой происходили поразительные оргии. А ведь в ней покоились короли Франции. Мы читаем в этой летописи: «Каждый стремился удовлетворить свою похоть, так что нашлись мужья, которым пришлось расплачиваться за непутевость своих супруг, и были также девицы, забывшие заботу о своей чести». Подобные дела, впрочем, творились в Ботэ-сюр-Марн сплошь и рядом, и придворные пиры завершались попросту свальным грехом.

На 17-м году своей жизни юная королева Изабо стала любовницей Луи Орлеанского и оставалась ею вплоть до его смерти в 1407/1408 г. Было ей тогда 36 лет. Через 10 лет, в свои 46 лет, она стала возлюбленной Иоанна Бесстрашного — убийцы Луи Орлеанского.

Но ни оргии в Ботэ-сюр-Марн, ни эти связи с французскими *«принцами крови»* не вызывали официальных скандалов. Добрый народ втихомолку судачил о них, но законный супруг — Карл VI — в те промежутки времени, когда его разум вновь возвращался к нему, не задавал никаких вопросов о законнорожденности детей Изабо. Все это, однако, прекратилось в тот зимний день 1416 г., когда граф Бернар VII д'Арманьяк, тесть Карла Орлеанского, только что назначенный коннетаблем, открыл Карлу VI глаза на связь с одним из почетных шталмейстеров, Луи де Буа-Бурдоном, иначе именуемым де Буаредоном, рыцарем, великим магистром дворца королевы, и одним из его советников. *Связь эта длилась уже около 30 лет.* Когда она началась, Изабо было 17 лет. Карл VI только что отбыл на войну во Фландрию, и ей казалось, что одинокие ночи не соответствуют ее темпераменту.

Луи де Буа-Бурдон был доблестным воином. В ноябре 1411 г. он защищал форт Этамп, осажденный войсками Иоанна Бесстрашного. В 1415 г. при Азенкуре он командовал одним из флангов королевской армии. В 1416 г. он был арестован в присутствии самого Карла VI. Долгое время он содержался с цепью на шее, со скованными руками и ногами в темнице замка Монлери. В конце концов его привезли в Париж. Несколько дней подряд он подвергался допросу под пыткой. В 1417 г. его приговорили к смерти за оскорбление величества и за предательство своего государя, короля Франции. Он был зашит в кожаный мешок с надписью: «Дорогу королевскому правосудию» — и брошен в Сену.

Так вот, едва де Буа-Бурдон был схвачен, Карл VI приказал доставить Изабо в Тур, а имущество, которое она накопила и спрятала в разных местах, чтобы скрыть его размеры, конфисковал. В Туре она находилась под неусыпным надзором трех тюремщиков, головой отвечавших за ее поведение. Ее заклятый враг коннетабль Бернар д'Арманьяк тогда же занимался распродажей ее нарядов, драгоценностей, мебели и прочего. Он явно зашел чересчур далеко.

Изабо Баварской удалось сохранить при своей особе некоего Ле Клера, лакея Луи де Буа-Бурдона. Через него она сумела завязать переписку с герцогом Бургундским, Иоанном Бесстрашным, которому она предложила заключить союз. Герцог тотчас же снял осаду Корбея и помчался с 800 вооруженными всадниками на Тур. Согласно заранее выработанному плану, Изабо направилась в аббатство Нуармутье, чтобы говеть там перед причастием. Тогда владыка де Фавез во главе 60 вооруженных воинов окружил церковь, взял в плен двоих из надсмотрщиков (третьему удалось бежать через ризницу), заковал их в цепи и возвратил Изабо свободу. В тот же момент в Тур входил Иоанн Бесстрашный во главе своего небольшого войска. Он увез королеву в Шартр. Положение во Франции менялось.

Когда-то связь Изабо с Луи де Буа-Бурдоном «дополнялась» связью с Луи Орлеанским. Впрочем, первый из них не усматривал в этом ничего дурного. А ведь были еще и «вечера» в Ботэ-сюр-Марн.

Вследствие всего этого законность некоторых из детей Изабо, бесспорно, оказывалась под вопросом, поскольку можно утверждать, что начиная с 1395 г. Карл VI не выносил даже вида своей супруги. Последний из детей, которого можно было еще считать рожденным от короля, был Луи герцог Гюйеньский, дофин Франции вплоть до своей кончины в 1415 г. Что же касается Жана, герцога Туренского и Беррийского, графа Пуату, умершего в 1416 г.; Карла VII, герцога Туренского и Беррийского; графа де Понтьё; Изабеллы, выданной замуж за Ричарда II Английского; Жанны, выданной замуж за Жана VI герцога Бретонского; Екатерины, выданной замуж за Генриха V короля Английского; Мишель, выданной замуж за Филиппа Доброго герцога Бургундского, — то *никто из них не мог быть рожден от Карла VI.*

Их отцами могли быть как Луи де Буа-Бурдон, казненный в 1417 г., так и Луи Орлеанский, злодейски убитый в 1407 г.: это зависело от дат их рождения. Нижеследующая таблица дает возможность читателю представить себе, насколько сложно разобраться в происхождении всех этих принцев и принцесс Франции того времени. Специалистам по родословным придется изрядно поломать себе голову над решением подобных задач по установлению отцовства.

Как явствует из приведенной здесь сравнительной таблицы, Карл VII и Жанна Девственница могли в равной мере считать своим отцом и Луи де Буа-Бурдона, и герцога Луи Орлеанского, но никоим образом — короля Карла VI.

ДЕТИ ИЗАБО БАВАРСКОЙ					
Имя детей	Дата рожд.	Дата смерти	Возможные отцы		
Карл	25.9.1386	28.12.1386	Король Карл VI	Луи де Буа-Бурдон	Луи Орлеанский
Жанна	14.6.1388	1390			
Изабелла	9.11.1389	13.9.1409			
Жанна	24.1.1390	27.9.1433			
Карл	6.2.1391	11.1.1400			
Мари	24.8.1393	19.8.1438			
Мишель	11.1.1394	1422			
Луи	22.1.1396	18.12.1415			
Жан	31.8.1398	5.4.1416			
Екатерина	27.10.1401	1438			
Карл VII	22.2.1402	22.7.1461			
Филипп или Жанна	10.11.1404	?			

Следовательно, существует две разгадки пресловутой *тайны* Шинона.

Либо Карл VII опасался, что его отцом был Луи де Буа-Бурдон. В этом случае в жилах его отца не было королевской крови, и сам он оказывался сыном просто какого-то дворянчика. Согласно верованию, о котором уже рассказывалось, священный характер происхождения суверена передавался его потомству (чем объясняется существование так называемых *принцев крови)*; у него не было никакого права на то, чтобы притязать на французскую корону, коль скоро он не сподобился унаследовать того неотъемлемого свойства, которым наделяет доподлинная наследственность.

Либо же, наоборот, он был внебрачным ребенком, но — *бастардом королевской крови с обеих сторон,* через своего отца — Луи Орлеанского, брата короля Карла VI, и через супругу этого последнего, Изабо Баварскую. Тогда вполне допустимым оказывался принцип, по которому с учетом недееспособности впавшего в безумие короля должно было бы произойти его низложение и неизбежное призвание на престол его младшего брата Луи Орлеанского.

Если Жанна Девственница, внимая таинственным голосам, провозгласила, что Карл VII действительно является сыном Карла VI, то очевидно, что голоса вновь ей солгали.

Но, может быть, Жанна всего лишь заверила Карла VII, что в нем течет королевская кровь, так как, подобно ей, он был сыном Луи Орлеанского и Изабо Баварской.

Тем не менее такое подтверждение должно было оставаться тайным, ибо оно делало несостоятельными многие предвзятые мнения: оно означало незаконнорожденность потомства Генриха V Английского, супруга Екатерины, равно как и самого Карла VII, супруга Марии Анжуйской.

Ведь если бы (повторим это!) Девственница просто заявила престолонаследнику, что он доподлинно сын Карла VI, то в этих словах не содержалось никакой тайны. Но тайна-то была существенной, более того, *она позволяла им обоим опознать друг друга,* поскольку в 1440 г., когда Жанна дез Армуаз коленопреклоненной предстала перед Карлом VII в Орлеане, он, нежно помогая ей встать, сказал: «Девственница, душенька, добро пожаловать вновь, во имя Господа, коему ведома тайна, лежащая между Вами и мной…»

Так, через 11 лет после коронации в Реймсе, эта тайна сохраняла свое значение. Отсюда становится понятным ответ, данный Жаном де Бреалем на процессе по оправданию: «Тайна эта, уже ввиду своей важности, не подлежала раскрытию…»

Читатель обязательно спросит, каким образом Жанна была в состоянии утверждать, что Карл VII и сама она, несомненно, происходили от Луи Орлеанского, а не от Луи де Буа-Бурдона.

Мы ответим, что раз уж были предприняты усилия по подготовке всей этой пропагандистской кампании по возбуждению веры в будущее, то и Жанну Девственницу тоже тщательно подготовили к выполнению ее задачи. Ей было прекрасно известно, какие взгляды ей надлежало защищать.

С другой стороны, могли ли стать ей известными смерть Буа-Бурдона в 1417 г. и *ее причины?* Едва ли. Жанне было 10 лет, когда Карл VI велел арестовать этого любовника Изабеллы, подвергнуть его допросу под пыткой, а затем, зашитым в мешок, бросить в Сену. Едва ли обо всем этом стало известно в Домреми. Еще менее вероятно, что об этом уведомили 10-летнюю девочку. Можно, следовательно, допустить, что Девственнице была известна лишь связь ее матери Изабо с Луи Орлеанским. Этого было достаточно для того, чтобы внушить ей ужас, присущий ей в течение всей ее жизни, перед плотскими забавами. Так же произошло и с Людовиком XIII, который в детстве был до пресыщения ознакомлен с последствиями похоти своего отца Генриха IV.

Доверчивая, легко поддававшаяся внушениям, Жанна едва ли ломала себе голову над такими вопросами или выстраивала сопоставительные таблицы возможных происхождений.

Но не исключено, что она была более проницательной и осмотрительной, чем это следует из легенды; на такую мысль наводят допросы в Пуатье и Руане. В таком случае она просто-напросто сознательно включилась в игру и участвовала в ней.

О том, что такое вполне могло быть возможным, думал, не забудем об этом, папа Пий II, преемник Каликста III, оправдавшего Жанну. Вот какие удивительные слова содержатся в *«Мемуарах»* Пия II:

«Было ли сие дело рук божеских или человеческих? Затруднительно было бы для меня решать это. Иные мыслят, что коль скоро раскол воцарился между знатными людьми сего

королевства ввиду успехов англичан, когда ни те, ни другие не хотели допускать, чтобы стал среди них наиглавнейший, то некто среди них, мудрейший в отличие от прочих, замыслил сей выход, заключавшийся в том, чтобы допустить, будто эта Девственница была ниспослана Господом, чтобы взять на себя это верховенство в делах. Ни один человек не осмелился бы уклониться от исполнения воли Господней. Таким образом, ведение войны было якобы доверено Девственнице, равно как и главенство над ратью» *(указ. соч.).*

Надо сказать, что, в то время как папа Пий II писал все это, в его распоряжении — наряду с весьма разнообразными, но подтверждающими эту точку зрения свидетельствами — находилась, надо полагать, пресловутая *«Книга Пуатье»,* в которой, несомненно, содержались многие другие тайны, помимо истины о рождении Жанны Девственницы.

Не приходится также сомневаться и в том, что королевское семейство, и прежде всего сам Карл VII, разделяло мнение папы Пия II, ибо ему еще больше были ведомы скрытые пружины этого *мнимо*-божественного вмешательства в пользу арманьяков и в ущерб бургундцам. *Ведь Жанну лишь один раз призвали для участия в Королевском совете.* Случилось это 8 июля 1429 г. (во дворце Жана дез Армуаза в Шалоие-сюр-Мари, где по поручению епископа Иоанна Саарбрюкского тот выполнял обязанности видама[73]), во время похода на Труа, которому было суждено завершиться коронацией в Реймсе (см.: *Валле де Виривиллъ.* Сборник исследований о XVI веке).

Если бы видения и чудесные появления, которым была подвержена Жанна, были бы приняты на веру — *Жанна вещала от имени Господа,* — ее не отстранили бы, очевидно, от участия в заседаниях Королевского совета, она присутствовала бы на каждом из них, начиная со своего приезда в Шинон…

Это мнение папы Пия II, отмеченное величайшим скепсисом, получает подтверждение в виде документа, который был обнаружен нашим другом Пьером де Сермуазом в 1973 г. в Библиотеке имени Мазарини. Это рукопись № 1999, документ № 1, переписанная одним из секретарей кардинала. И вот надежное свидетельство, содержащееся в одном из отрывков:

«Вся история с Орлеанской Девственницей была всего лишь политической хитростью, изобретенной придворными Карла VII, чтобы отвлечь этого государя от его любовных похождений с Агнес Сорель[74]; и, веря, что все это совершалось во имя религии и по велению чуда, весь народ Франции устремился туда, как на пожар.

Большинство писателей, уверовавших в чудо, приняли ее сторону; но самые ученые среди них, излечившиеся от этой народной болезни, зная доподлинно, что чудеса эти суть не что иное, как предположения и выдумки для того, чтобы дурачить народ и водить его за нос с целью заставить его выплачивать королевские подати, почуяли подвох; то были Берн, Жерар дю Райян, Ламбен, Липсиюс, Винье, Параден.

Сего 1 мая 1649 г.

Все, что читается у обыкновенных историографов Орлеанской Девственницы, — всего лишь роман; во всем этом не больше правдоподобия, чем в россказнях о папессе Иоанне».

Заметим, что в 1634 и 1635 гг. Людовик XIII оказался перед необходимостью ограничить притязания на знатность со стороны многочисленных потомков д'Арков, числивших свой род исключительно от дочерей этой семьи. Их численность была чересчур велика, и проверки наталкивались на все большие затруднения в том, что касалось подлинности документов, представляемых в подтверждение этих претензий.

Так вот, в 1649 г., которым датируется данный документ, Мазарини был первым министром, Людовик XIII находился в могиле уже шесть лет (1643). С 1632 по 1634 г. Мазарини был заместителем папского легата в Авиньоне, а с 1635 по 1636 г. — *папским нунцием при французском дворе.* Весьма возможно, что в те годы Людовик XIII обратился к нему за выяснением происхождения Жанны. Отсюда — королевские эдикты 1634–1635 гг. о

потомках д'Арков. Позднее Мазарини мог продиктовать одному из своих секретарей вышеприведенный текст, чтобы раз и навсегда положить конец легендам об этом семействе.

Свои сведения он получил от Ватикана, будучи папским нунцием, в ответ на вероятный запрос Людовика XIII.

Иначе трудно объяснить это уточнение, продиктованное 1 мая 1649 г. Тем более, что то был весьма бурный год: *«Старая фронда»,* бегство двора в Сен-Жермен, Рюэйское соглашение с парламентом, возвращение в Париж, «Молодая фронда», арест Конде, принца де Конти, герцога де Лонгвилля; так что документ 1 мая 1649 г. — это простая *служебная записка,* составленная на всякий случай в качестве памятной записки.

Какую-то роль во всем этом сыграли *«Мемуары»* папы Пия II, и эта *служебная записка* представляет собой простое отражение ответа Ватикана на обращение Мазарини, который в 1635 г. был папским нунцием при короле Франции. По неизвестным нам причинам Мазарини счел полезным напомнить об этом в 1649 г.

Скепсис папы Пия II относительно вмешательства потусторонних сил — божественных или бесовских — в жизнь Жанны разделялся человеком, игравшим первостепенную роль на руанском процессе. Мы имеем в виду доктора богословия Жана Бопера, бывшего ректора Парижского университета, который в ходе процесса обращался к Жанне с многочисленными вопросами и держался по отношению к ней явно враждебно. Когда при подготовке процесса по оправданию он в свою очередь подвергся допросу, то без колебаний заявил, «что с большими основаниями он полагал, что эти явления были более естественными и вызванными человеческим замыслом, чем причинами сверхъестественными…».

Становится постепенно понятным, что у судей, *которые являлись к тому же духовными лицами, апеллировавшими к Богу в своем окончательном приговоре,* не было возможности сжечь живую девушку, которая в их глазах не была ни святой, вдохновленной свыше, ни колдуньей, в которую вселился бес. Зато у них не было никаких угрызений совести, когда они подменили Жанну другой женщиной, которую они и отправили на костер!

Жан Дюнуа был явно тем, кому пришла в голову мысль об этой инсценировке, если мы примем на веру следующую мысль, с которой Пьер Кошон обратился к малолетнему королю Генриху VI: «Теперь Орлеанский Бастард будет уличен во лжи, а вызванное им устрашающее беззаконие прекратится!..» Ведь коль скоро на свет божий извлекалась очередная незаконнорожденная дочь — матерью которой оказывалась теперь королева Изабо, — то явно тень оказывалась брошенной на безупречность происхождения королевы Англии, Екатерины де Валуа-

Вот в чем заключается вопрос:

21 октября 1422 г. скончался король Карл VI. Его официальным преемником является малолетний английский король Генрих VI Плантагенет, *внук покойного* по матери, Екатерине де Валуа. Трактат, заключенный в Труа, назначил его законным наследником французского престола. Это случилось 21 мая 1420 г., при жизни и с согласия Карла VI.

Но партия арманьяков, главой которой является Карл Орлеанский, не допустила такого решения вопроса о престолонаследии. Такую позицию она занимает уже 22 октября 1422 г. Так как все сыновья Карла VI — за исключением Карла VII, от которого покойный король отрекся в уже называвшемся трактате, то есть два с половиной года тому назад, — вот уже несколько лет как пребывают в мире ином, то в глазах партии арманьяков французская корона должна была перейти к Карлу Орлеанскому.

К несчастью, этот последний находился в плену в Англии и оставался там еще в течение 18 лет. Во Франции это было известно. В силу этого партия арманьяков обратила свои взоры на Карла VII, его сводного младшего брата. Хотя и рожденный от внебрачной связи — ибо он являлся сыном их общего отца Луи Орлеанского и королевы Изабо, он — королевской крови. И если у него продолжали оставаться сомнения по поводу такого отцовства, если он

опасался, что на деле его зовут Карл де Буа-Бурдон, что он побочный сын, являющийся принцем лишь наполовину, то к нему направили посланницу Господню, которой предписано убедить его в обратном.

Но вернемся к 1422 г. Только что там, в Домреми, исполнилось 14 лет Жанне Девственнице, его сестре по внебрачной связи их матери. И, согласно ее собственным заявлениям, именно в эту пору таинственные *голоса* советовали ей отправиться к Карлу с тем, чтобы раскрыть ему глаза на его безупречно королевское происхождение, а также *поспешно короновать его в Реймсе,* пока не вернулся из Лондона его *старший* брат Карл Орлеанский, *подлинный и законный король* Франции.

Едва вернувшись, этот последний показал, что его не ввела в заблуждение эта попытка еще раз разыграть историю Иакова и Исава. Он возглавил Прагерию — мятеж крупных феодалов. Само слово восходит к названию столицы Богемии — Праги.

В нем содержался намек на братоубийственную войну между сторонниками императора Сигизмунда и *сторонниками его брата* Венцеслава IV из-за богемского престола. Ясно, что Карл Орлеанский не пребывал в неведении о том, что Карл VII был его *сводным братом,* коль скоро он был побочным сыном их общего отца — Луи Орлеанского, а не его кузеном.

Галлюцинации Жанны

Карл де Валуа, брат Филиппа IV Красивого (1270–1325), вступил в брак со своей кузиной Маргаритой Неаполитанской и Сицилийской. В этом союзе трижды смешалась родственная кровь правящих семей Франции, Прованса и Венгрии. Вследствие этого их потомство страдало от шестикратного кровосмешения.

Сын Карла де Валуа и Маргариты Сицилийской, Филипп VI де Валуа (1293–1350), как было уже рассказано в одной из предыдущих глав, вступил в брак с Жанной Бургундской, которой суждено было войти в историю как Жанна Хромоножка или Жанна Хромая, сестрой Маргариты, умершей в Шато-Гайаре. Жанна Хромая, существо, отмеченное всеми скверными чертами от природы, доподлинная «королева Жанна» Нельской башни, как известно, приказывала утопить тех, кто в течение предыдущей ночи был ее любовником.

В своем труде «Патология королей Франции» доктор Огюст Бланше сообщает: «Для того чтобы скорректировать эти избытки единокровности, Филиппу VI следовало бы в свое время жениться на „посторонней" и влить в породу Валуа свежую кровь, которая могла бы обезвредить злокачественную наследственность». Первый король из семьи Валуа поступил как раз наоборот. Вместо того чтобы покончить с этой единокровностью, завещанной Людовиком Святым, у которого она уже была двойной (его отец Филипп III Смелый женился на своей кузине Изабелле Арагонской), он усугубил ее, сочетавшись браком со своей «теткой на бретонский лад»[75], внучкой Людовика Святого через свою мать Агнес Французскую. Заметим попутно, что королева Жанна Хромая, сестра Маргариты Бургундской, была дочерью Маго д'Артуа, о своеобразии которой уже говорилось. Порочность членов семьи Валуа усилилась в области эротомании.

Итак, Филипп VI Валуа женится на Жанне Бургундской, своей «тетке на бретонский лад». Впрочем, они одного возраста. Сын их, Жан II Добрый (Храбрый), тоже женится на кузине — Жанне Бурбонской.

Супруги, вступившие в этот брак по любви, происходили от Филиппа II Августа, от Гуго IV Бургундского и от Генриха V Люксембургского. *Иначе говоря, их союз является единокровным более чем шестикратно.* Тотчас же обнаруживаются черты вырождения.

Первый приступ буйного помешательства случился с королевой Жанной Бурбонской в 1373 г., когда ей было 35 лет. К этому примешался эротический бред. Карл V Мудрый был в великом отчаянии. Ее «армия» карликов и карлиц в ужасе не знала, куда спрятаться.

А за пять лет до этого у них родился их старший сын, Карл VI, прозванный Возлюбленным за свою доброту к народу. Он быстро превратился в Карла VI Безумного

(1368–1422). Первый приступ буйного помешательства приключился с ним в Майском лесу в 1392 г., когда ему было 24 года. Но у же задолго до этого, в течение семи лет, его подготовила почти патологическая чувственность, превращавшаяся в сексуальное наваждение, а иной раз и в эротический бред. Король — пылкий участник коллективных оргий, так называемых *балов Адама и Евы,* где танцующие, раздетые донага, ссылались на то, что от факелов и каминов исходит жар, делающий костюмы невыносимыми. Королю подражал весь двор и в первую голову королева Изабо. Да и Луи Орлеанский, брат Карла VI, в течение одного из таких увеселений совокупился со своей кузиной Маргаритой де Эно, укрывшись за шторой.

Впрочем, с ним-то таких приступов не случалось, психических нарушений он избежал. Но в наследство ему досталась невероятно обостренная чувственность его непосредственных предков как по мужской, так и по женской линии. Так, на пальце он носит кольцо, которое для него заколдовал какой-то колдун: оно побывало во рту у повешенного и, как предполагается, должно приносить ему скорую победу во всех его попытках завоевать женщин. Дополняет это кольцо некий талисман, который он постоянно носит в нагрудном карманчике.

В этом он продолжал дело своего отца, Карла V Мудрого. Ведь этот последний был подлинным создателем Национальной библиотеки. В одной из башен старого феодального Лувра, именовавшейся Башней короля, он собрал обширную библиотеку, состоявшую из рукописей по астрологии, алхимии и магии. Кроме того, в кожаном ларце, с помощью которого можно было производить необходимые ритуальные воскурения, он хранил пару мандрагор, мужского и женского пола. Это растение, будучи благодаря некоторым обрядам оживленным, якобы обладает способностью приносить богатство, любовь женщин и удачу.

Так вот, эти психические особенности, порождающие у одних что-то вроде эротомании, а у других ощутимую склонность к занятиям оккультными науками, проявились у Луи Орлеанского в виде настоящего дара ясновидения. Так, как-то у него произошла зрительная галлюцинация, позволившая ему «увидеть» все подробности своей трагической гибели под ударами вооруженных людей Иоанна Бесстрашного. Сцена эта была изображена на фреске Орлеанской часовни, в бывшем монастыре бенедиктинцев-селестинцев, некогда размещавшемся там, где теперь стоит казарма Республиканской гвардии, называемая казармой Селестинцев (на углу бульваров Морлан и Генриха IV). Вероятно, эта фреска была создана по официальному заказу в память об убийстве герцога Орлеанского, но вместе с тем неофициальным образом для того, чтобы показать, что иногда человеку, для того чтобы сохранить его жизнь, посылаются таинственные предостережения. История древности полна подобных примет и знамений.

Небесполезно воссоздать что-то вроде генеалогического древа поколений, о которых здесь идет речь, выделив их наследственные дефекты. Оно является весьма красноречивым:

Потомство *Карла V Мудрого* и *Жанны Бургундской (Безумной):*

Карл VI (Безумный) женился на *Изабо Баварской,*

Луи Орлеанский (страдал галлюцинациями),

Жанна Девственница (страдала галлюцинациями) потомства не имела,

Екатерина де Валуа[76] была замужем за *Генрихом V Английским,*

Генрих VI Английский (Безумный) женился на *Маргарите Анжуйской,*

а их сын *Генрих* (убит в 1471 г.) *стал последним в династии Ланкастеров.*

А если, как об этом свидетельствует все, Жанна Девственница (которую при жизни *никогда* не называли Жанной д'Арк) — дочь Луи Орлеанского и Изабо Баварской, то мы постепенно постигаем причину одолевавших ее *видений* и *голосов,* когда ей случалось

беседовать с архангелом св. Михаилом, св. Екатериной Александрийской и св. Маргаритой Антиохийской.

Нельзя отрицать своеобразие этой обстановки, в которой протекает вся жизнь Жанны: галлюцинации, свойства доподлинного медиума да и, не будем отрицать, дар ясновидения. Для честного историка, свободного от догм, оно служит подтверждением того, что Жанна была дочерью Луи Орлеанского и внучкой Жанны Бурбонской. Короче говоря — перед нами самая настоящая *Орлеанская Девственница,* как вскоре стали ее называть. Что же касается утверждений о том, что ее матерью была Изабелла де Вутон, прозванная Римлянкой, то придерживаться таких взглядов значило бы проявлять неразумное упрямство, ибо у этой Изабеллы не было ни зрительных, ни слуховых галлюцинаций! И ни безумцев, ни лиц, страдающих галлюцинациями, не было среди известных членов семейства д'Арк. Зато о прямых предках Жанны сказать этого было нельзя. Так, доказательство ее королевского происхождения — это еще и доказательство наследственной ущербности, которая сводит на нет божественное происхождение галлюцинаций, которым она была подвержена. Понятно, что некоторым историкам от этого делается не по себе…

На процессе в Руане в ответ на вопросы судей она утверждала, что не только *видела* и *слышала* своих святых, но и *обнимала* их (так, как обнимают рыцаря при посвящении). По утверждению Жанны, происходил феномен *материализации* всех трех названных ею святых, *материализации трехмерной,* что не часто случается в истории паранормальных явлений и четко показывает чисто галлюцинаторный характер этих «видений».

Посмотрим же, как обстояло дело со всем этим с точки зрения реальной истории.

Св. Архангел Михаил — фигура иудейско-христианской ангелологии. О нем говорится в Библии, в Книге Пророка Даниила (X, 13—X, 28 — XII, 1) как об одном из «первых князей, стоящих за сынов народа Израиля», в Книге Иуды (IX), в Апокалипсисе (XII, 7) — как о противнике Дьявола. Имя его означает «Тот, кто подобен Богу». Многочисленные отсылки к этому имени содержатся в «Списке ангелологии у евреев» Моиза Шваба, Париж, Новая типография, 1897.

Далее следуют вышеупомянутые святые женского пола.

Маргарита Антиохийская якобы жила в III в. н. э. Согласно легенде, она была дочерью языческого жреца, изгнавшего ее из дома после того, как ему стало известно о ее обращении в христианство. Отказалась выйти замуж за римского префекта Олибрия. Не стерпев обиды, префект приказал подвергнуть ее мученической смерти. Иногда ее называют *Мариной.* Посвященный ей церковный праздник отмечается 20 июля. Однако папа Иоанн XXIII велел провести основательные исторические изыскания, которые оказались невыгодными для тех, кто верил в историческую доподлинность Маргариты Антиохийской, вследствие чего Ватикан распорядился о том, чтобы вычеркнуть ее из календаря святых.

Екатерина Александрийская скончалась в этом городе в 305 или 310 г. Согласно легенде, эта ученая женщина, знаток философии, отказалась выйти замуж за Максимина, племянника римского императора; в отместку он велел отрубить ей голову после того, как она чудом избежала пытки колесованием. Тогда ангелы отнесли ее тело на вершину Синая, где в дальнейшем был основан монастырь, носивший ее имя. Углубленные исторические исследования, проведенные по приказу Иоанна XXIII, привели к тому, что и ее имя было вычеркнуто из календаря святых, так как они показали несостоятельность утверждений о ее существовании.

Те же святцы лишились и некоторых других имен как исключительно порождений легенды: например, вымышленного св. Георгия или некоей Филомены, с помощью которой кюре из Арса утверждал, что сможет добиться всех милостей.

Следовательно, в Домреми, Шиноне, а затем в Руане Жанна Девственница увидела, вступила в телесное соприкосновение или в слуховой контакт *с лицами, никогда не*

существовавшими в истории, с людьми, которых никогда не было на свете. Именно воображаемые святые женского пола якобы посоветовали ей устремиться на помощь королевству Франции, венчать на царство Карла VII в Реймсе и обречь на провал притязания семейства Плантагенетов, поддержав семью Валуа.

В последние дни судебного процесса над Жанной она заявила, что ее видения были крошечными и бесчисленными. Она имела в виду ангелов. И в самом деле, художники той поры изображали ангелов существами микроскопических размеров. Но это вступает в противоречие с ее предшествующими показаниями, в которых речь шла о св. Михаиле, св. Екатерине и св. Маргарите, представших перед ней во плоти и нормальных размеров. Недоверие судей Руана было также вызвано, надо полагать, этими скоплениями ангелов, поскольку в руководствах по колдовству упоминаются заклинания бесов, в ходе которых злые духи появляются в виде огромных скопищ мелких существ, неотличимых друг от друга[77].

Эти таинственные *голоса* (ибо в Руане *видения* больше не посещали ее: она только *слышала голоса*) до самого конца ей твердили, что освобождение придет к ней и что ее единственный долг — не склоняться перед судьями. В ответ на возражения, согласно которым эти самые голоса либо ошибались, хотя исходили от Господа, либо солгали ей, так как, по официальным данным, она была сожжена заживо, верующие — эти неисправимые упрямцы — заявляют, что Жанна неправильно поняла: ее «освобождение», благодаря пламени, которому было суждено уничтожить ее живую сущность, заключалось в том, чтобы покинуть землю и попасть в рай.

Впрочем, простодушие некоторых верующих обезоруживает начисто. В своем труде *«Подражание святой Жанне д'Арк»* каноник Дюнан провозгласил, что Жанна всегда «соблюдала приличия», коль скоро она никогда не утверждала, будто св. Михаил являлся ей одновременно со святыми женского пола. А Р. де Ринье, возражая ему в своем произведении «Ключ к ошибкам монсеньора Пьера Кошона в судебной практике», упрекнул его в ошибке: «Ведь в раю ангелы имеют право прогуливаться со святыми женщинами» (!).

Таким образом, мы берем на себя смелость полагать, что Жанна просто-напросто унаследовала от своего отца Луи Орлеанского и от своего деда Карла V Мудрого некоторый дар *ясновидения* и *слуховых галлюцинаций,* порожденный определенным психическим складом. На этот последний сильное влияние оказали занятия оккультизмом, историческая доподлинность которых, как мы уже видели, полностью доказана.

Естественно, Жанна объясняла свои зрительные и слуховые галлюцинации влиянием тех святых, чьи имена и легенды о которых были ей хорошо знакомы. Там, где галльской женщине привиделся бы Белен, этот кельтский Аполлон, Жанне явился св. Михаил Архангел. В то время как той же галльской женщине привиделись бы две из тех «белых дам», о которых так наслышаны были древние галлы, Жанне явились две святые женского пола, составляющие часть исповедуемой ею религии.

Чутье не обмануло руанских судей, немедленно заподозривших в этих феноменах проявления невидимого, неопределенного, двусмысленного и загадочного мира. Только один шаг отделял их от того, чтобы уловить адское дыхание, которое так их устраивало. Этот шаг они совершили, придя к выводу, что Жанна была пособницей и *посредницей* этих бесовских проявлений. Они это сделали с тем большей легкостью, что в той мере, в какой им была ведома тайна ее рождения, в такой же мере они знали о страстном увлечении ее деда Карла V запретными науками, бесовскими действиями (две мандрагоры) и о сговоре ее отца Луи Орлеанского с бесами, о чем свидетельствовали носимые им кольцо и талисман, предназначенные для того, чтобы толкать женщин на путь похоти и прелюбодеяния. Как мы уже видели, подозрение в колдовстве распространялось на потомков, предков и родственников по боковой линии.

Лживость некоторых из сообщений, которые, по уверениям Жанны, были услышаны ею от ее голосов, была, таким образом, использована руанскими судьями в качестве доказательства того, что они не могли быть божественного происхождения. Они не преминули возразить ей, что 24 мая 1430 г. в Компьене пленницей стала она, в то время как св. Екатерина, привидевшаяся ей, возвестила, что Жанне предстоит пленить герцога Бургундского, Филиппа Доброго! К тому же к этому времени герцога еще даже и не было в Компьене: войска противника были под командованием Жана Люксембургского, и в плен ее взяла рота его вассала, Лионеля Бастарда Вандоннского.

С другой стороны, судей, несомненно, насторожило прозвище, которым наделяли Жанну ее *голоса:* «дочь Божия». То же выражение в мужском роде — «Сын Божий» — обозначает Иисуса Христа. Присваивать Жанне подобный эпитет в женском роде означало открыто толкать ее на путь гордыни. Подобное побуждение, конечно, никак не могло исходить от Архангела Михаила или от святых женщин, спустившихся из рая.

Приходится к тому же допустить, что место, в котором Жанне слышались таинственные голоса и появлялись чудесные видения, не пользовалось безупречной репутацией в глазах судей из Пуатье, а позднее и их коллег из Руана. В этой дубраве, принадлежавшей к тому же ее формальному отцу Жаку д'Арку, растет дуб, называемый «деревом дам», то есть деревом, вокруг которого собираются феи. Бывали дни, когда девушки, а среди них и Жанна Девственница, которую в ту пору звали уменьшительно-ласково Жаннетта, собирались вокруг него, украшали его гирляндами и приносили ему в дар (причем в дар весьма подозрительный, то есть не направленный по официально рекомендуемому адресу — католическим святым) испеченные ими дома пироги специально для этого случая.

Эта дубрава называлась «Дубовый лесок», то есть это был небольшой участок леса, состоявший из очень старых дубов. Этот древний священный лес относился к поздней эпохе друидизма[78]. «Дерево дам» — это один из тех священных дубов, вокруг которого и на котором священнодействовали друиды. Ясно, что церкви были не по душе все эти приношения пирогов и гирлянд такому языческому символу. А ведь согласно традиции того времени, распространенной во многих областях, именно из такого леса должна была появиться дева, призванная освободить Францию от англичан (*Процесс,* 1,68).

Надо сказать, что для недоверия по отношению к Жанне у тех же судей были веские основания. Она была родом из Лотарингии, а в этой провинции прямо-таки кишели колдуны, всякие темные личности, умевшие и подчинить своей воле, и «сглазить», и т. п. Процессов по обвинению в колдовстве становилось там все больше вплоть до конца XVII в. Только за 15 лет, с 1591 по 1606 г., как сообщает генеральный прокурор Николя Реми в своем труде *«Три книги о поклонении бесам»* (Лион, 1595 г.), на костре погибло около 900 колдунов и колдуний или лиц, которые были признаны таковыми. Историк Дюмон в своей книге *«Уголовное правосудие в герцогствах Лотарингском и Барском»* упоминает, говоря о периоде с 1530 до 1661 г., о 740 судебных делах такого рода, документы которых дошли до нас. Так же обстояло дело и в Эльзасе: в одном только епископстве Страсбурга за 20 лет было сожжено пять тысяч человек (см.: *«Документы об истории колдовства в Верхнем Рейне»*).

Нет сомнения, что по большей части в основе этих двух дел лежали доносы, сделанные из корыстных побуждений. Жертвы под пыткой сознавались в чем угодно. Были также и люди, находившиеся под *самовнушением,* гордые тем, что стали орудием Дьявола, и добавлявшие любые необходимые подробности. Но кроме того, не забудем, было и всякое преступное отребье, ловко орудовавшее ядами, для которого магия, являвшаяся в конечном счете не чем иным, как трансцендентной физикой, последствия которой налицо, а законы неведомы, была обычным средством обогащения. Была гордыня, возбуждавшаяся сознанием власти над скрытыми от прочих силами; но была и алчность, вызывавшая к жизни немало действий, направленных во зло.

Случилось так, что руанским судьям предшествовали участники расследования в Пуатье. После торжественного приема в Шиноне, после необыкновенных почестей, оказанных ей там, Жанне пришлось предстать перед церковной комиссией, желавшей в точности выяснить происхождение видений и таинственных голосов, на которые она ссылалась. Выводы, сделанные в результате этого расследования, были для нее положительными. Выяснилось, что она действительно была девственницей, а это помогло устранить подозрения в колдовстве, ибо в те времена твердо верили, что любая колдунья должна была отдаваться Сатане в первый же раз, когда ей доводилось участвовать в шабаше. Выяснилось и то, что она — добрая христианка, прилежно исполнявшая обычаи церкви. Все это было весьма успокоительным. Значит, она могла вести престолонаследника Карла на коронацию в Реймс, и бургундская партия никогда не смогла бы обвинить его в том, что троном он обязан колдунье, то есть Дьяволу.

Что у Жанны заранее была несколько неважная репутация в глазах богословов, подтверждается тем, что герцог Лотарингский Карл, призвавший ее к себе в Нанси незадолго до ее отъезда в Шинон, о чем мы уже рассказали, сделал это отнюдь не в связи с ее миссией, а чтобы излечиться от подагры, которая ужасно его мучила. Он был неприятно изумлен, услыхав в качестве средства излечения совет Жанны прогнать от себя юную красотку Анизон дю Май, свою любовницу и побочную дочь священника.

Стало быть, не потенциальную освободительницу королевства призвал к себе Карл Лотарингский, а *деревенскую знахарку*, а в те времена у знахарок была примерно та же репутация, что и у колдуний. И только после первой беседы, которая развеяла недоразумения и надежды герцога Лотарингского, он сумел увидеть в ней нечто иное, чем возможную *целительницу.* Свою роль сыграло и присутствие герцога Барского, Ренэ Анжуйского, зятя Карла VII. Ведь если Жанна — сестра этого последнего, то она — и свояченица Ренэ Анжуйского.

Комиссия из Пуатье свела свои выводы в реестре, называемом в наши дни «Книга Пуатье». Эдуард Шнайдер, католический историк, друг папы Пия XI и почетный гражданин Ватикана, нашел ее эквивалент в документах, хранящихся в тайных архивах Ватикана. Об этом он поведал как своим друзьям, так и своему исповеднику, и суть этого сообщения имеется в нашем распоряжении в виде текста, написанного его рукой. В этих документах, в которых нашла свое отражение упомянутая «Книга Пуатье»[79], он, по его свидетельству, прочел о том, что оба францисканца, посланных на расследование в Домреми для установления репутации Жанны, вернулись оттуда, собрав показания поселян. Всем было известно, что Жанна — дочь от прелюбодейной связи между герцогом Луи Орлеанским и королевой Изабо Баварской, а значит, сестра или сводная сестра короля Карла VII[80].

Но позднее, в Руане, судьи, представляющие бургундскую партию, а в Париже инквизиторы из Университета, видя, что, таким образом, она оказывалась внучкой Карла V, припомнив его пристрастие к запретным наукам и две мандрагоры, которыми он обладал, сочли, что Жанна могла быть подвержена той же духовной слабости. И разумеется, положение не улучшалось от того, что ее отец Луи Орлеанский владел кольцом и талисманом, предназначенными для развращения женщин. Вот почему в Руане без промедлений был поднят вопрос о том, что в распоряжении Жанны тоже была мандрагора.

Обвинение в колдовстве[81]

Читателю незачем напоминать о том, что на протяжении многих веков мандрагоре приписывалось свойство приносить ее владельцу счастье, удачу, любовь женщин и военные победы. Это растение, именовавшееся также «маленьким земляным человечком», следовало найти у подножия виселицы, где оно зародилось в земле, пропитанной спермой повешенных. Известно, что повешение приводит к извержению семени у того, кто подвергается такой казни. То, что имеется в виду сперма преступников, воров и пр., давало колдуну, нашедшему мандрагору, возможность видеть в ней средоточие злого духа, способного удовлетворить

упомянутые весьма низменные стремления. Выкапывать ее надо было ночью, предварительно обведя по земле линию вокруг нее, причем для этого полагалось использовать острие меча. Этот круг должен был предотвратить бегство растительного духа, уже усвоившего человеческие качества, благодаря полученной или впитанной землей человеческой сперме. Затем мандрагоре придавали человеческие очертания, одевали ее в одежду, и оставалось лишь оживить ее при помощи соответствующих курений, менявшихся в зависимости от назначения. Для этого призывалась и поселялась в ее тело сущность, которой было суждено оставаться в ней навсегда.

Согласно показаниям Анрие и Пуату на процессе Жиля де Рэ в 1440 г. в Нанте, им неоднократно приходилось вешать детей (вероятно, мальчиков) на железном крюке, заткнув им рот кляпом. Но еще до того, как они умирали от удушья, Жиль де Рэ отцеплял их, ласкал и успокаивал, так что смерть их получала отсрочку. Не следует ли в этих действиях Жиля де Рэ видеть желание получить сперму, *извергнутую половозрелыми мальчиками, хотя и девственными,* для того чтобы пропитывать ею мандрагоры, размещаемые под этими импровизированными виселицами? По правде говоря, в этих историях все возможно, и, не станем скрывать, бывали дела и похуже. Еще перед второй мировой войной во время ярмарок, проходивших на юге Туниса, колдуны иногда похищали детей и подвешивали за ноги. Они медленно умирали. И когда через ноздри начинал вытекать мозг, колдуны пользовались им для того, чтобы изготовлять колдовские снадобья и средства для наведения порчи, которые они вкладывали в оружейные пули или использовали для смазывания наконечников стрел. Об этих фактах имеются совершенно бесспорные свидетельства.

Один из авторов того времени, Бельфоре, сообщает нам, что «Орлеанская Девственница была обвинена в том, что в течение такого долгого времени она терзала англичан, прибегнув к воздействию мандрагоры». И в самом деле, в ее допросе от 1 марта 1431 г. мы находим следующие строки:

«Допрошенная по поводу того, что она сделала с мандрагорой, ответила, что мандрагоры у нее никакой нет и никогда не было. Но слыхала, что поблизости от ее деревни таковая имеется, хотя сама никогда ее не видела. Также сказала, что слыхала про то, что это вещь опасная и что хранить ее дурно. Однако не ведает, для чего она служит».

«Допрошенная о том, в каком месте находится сказанная мандрагора, о которой ей доводилось слышать, ответила, что слышала, что она в земле, неподалеку от принадлежащего мессиру Пьеру помянутого дерева (речь идет о „дереве фей" в Бурлемоне), но не знает в точности, где это. И сказала, что слыхала, что над этой мандрагорой растет орешник».

«Спрошенная, для чего служит мандрагора, она ответила, что, по слухам, мандрагора приносит деньги, но она сама не верит в это: *голоса* никогда ничего не говорили ей об этом».

Со своей стороны в обвинительном акте от 27–28 марта 1431 г. в статье VII находит место все то, что относится к мандрагоре, которой она якобы обладала:

«Названная Жанна также имела привычку иногда носить мандрагору на своей груди, надеясь, что этим путем она получит счастье в приобретении богатств и в мирских делах. Она утверждала, что эта мандрагора обладала такой силой и воздействием».

«Эту седьмую статью, о мандрагоре, названная Жанна полностью отрицает».

Приходится согласиться, что Жанна допустила противоречие, давая показания о мандрагоре, находившейся поблизости от ее деревни. Сначала она признала, что мандрагора находилась недалеко от Домреми, но что сама она никогда ее не видела. Но в дальнейшем она указывала на очень точное местонахождение этого растения: поблизости от «дерева фей», принадлежавшего сеньору Пьеру, и под орешником, тем самым деревцем, из которого вырезали волшебные палочки. С другой стороны, она вначале заявила, что не знает, для чего служит мандрагора. Затем она уточнила, что хранить это растение опасно, так как

нехорошо, что мандрагора приносит деньги своему владельцу. Если, допустим, эта мандрагора существовала в том месте и в описанных Жанной условиях, то, значит, никто не осмеливался сорвать ее, однако эта бесовская трава вызывала людское любопытство. Трудно, таким образом, допустить, что она никогда не видела это растение…

Но не вызывает никакого сомнения тот факт, что у Жанны никогда не было мандрагоры. Когда она была взята в плен при Компьене вооруженными людьми Бастарда Вандоннского, вассала Жана Люксембургского, то они тут же сорвали с нее ее парчовую накидку на атласной подкладке, сняли с нее кирасу, шлем и золотые шпоры. Ведь все это, а также конь обладали немалой коммерческой стоимостью и составляли отличную добычу.

Но обычно умалчивают о том, что те же вооруженные люди раздели ее догола, чтобы проверить, мужчина она или женщина: это, как известно, весьма занимало ее врагов. Раздевать девушек солдаты не стеснялись…

Если напоминание об этом эпизоде может шокировать некоторых из наших читателей, напомним просто, что он — подлинный. Жан Жермен, тогдашний епископ Шалон-сюр-Сон, советник герцога Бургундского Филиппа Доброго, описал его в весьма похабных выражениях, проникнутых враждебностью к Жанне, в своем труде, написанном по-латыни в 1452 г. и озаглавленном «Книга добродетелей Филиппа, герцога Бургундского».

Тем не менее после этой грубой сцены, конец которой положило появление Бастарда Вандоннского, Жанна смогла одеться, и тогда с ней стали обращаться как с любым рыцарем, взятым в плен. Ей предоставили шатер, в котором она могла спать, вернули ее оруженосца Жана д’Олона, чтобы он мог продолжать ей служить, и стали дожидаться приезда герцога Бургундского.

И в данном случае оказанные ей почести говорят сами за себя.

Так вот, эти наемники нашли бы мандрагору, если бы она носила ее под одеждой. Они об этом рассказали бы в дальнейшем. Ничего такого не произошло. В лагере к ней пришел Филипп Добрый, герцог Бургундский. Между ними произошел долгий, таинственный разговор. Вскоре нам предстоит ознакомиться с его откликами и с весьма важным документом.

И все же это обвинение оказалось весьма весомым в глазах руанских судей. В свое время Жанна совершила неосторожность, присоединив к своему уже упомянутому секретариату (состоявшему из двух монахов и одного писца) третьего монаха по имени Ришар. Случилось это в пору ее воинской жизни. И был он не кто иной, как шпион бургундской партии. В самом деле, в своем «Дневнике парижского горожанина», написанном между 1405 и 1449 гг., автор говорит, что «названный брат Ришар выступил со своей последней проповедью в Париже во вторник, на другой день после дня св. Марка, в 26-й день апреля 1429 г.».

Для того чтобы публично читать проповедь в Париже тех времен, когда город был горячим приверженцем бургундской партии, надо было, разумеется, самому быть ее сторонником и давать соответствующие заверения. Так вот, этот брат Ришар пользовался достаточным влиянием на парижан, пришедших слушать его проповедь, чтобы убедить владельцев мандрагор прийти и сжечь это растение при всем честном народе, невзирая на то, что мандрагора представляла собой большую ценность: «И в ту пору заставил сжечь несколько мандрагор, каковые у многих неразумных людей хранились в надежных местах, так как они питали великую веру в таковую мерзость…»

Вполне, таким образом, возможно, что упомянутый брат Ришар, обуреваемый мыслями о значении, придававшемся в то время мандрагоре, втерся в свиту Девственницы, о чем рассказано выше, во время ее походов, а затем наплел с три короба руанским судьям, чтобы приобрести вес в их глазах, а то и попросту из корысти. У всех стукачей одно средство для

оправдания суммы, которой оплачиваются их услуги: все время добывать новую информацию.

Ко всем таким знаниям, таинственным и волнующим, люди в средневековье проявляли большой интерес. Мы уточняли, что Карл V обладал парой мандрагор мужского и женского пола, храня их в кожаном футляре: «пара мандрагор в кожаном футляре» (*Опись имущества Карла V,* № 1380). Так же обстояло дело в 1420 г. и с герцогами Бургундскими: «маленькая шкатулочка из черной кожи, окованная латунью, в каковой содержатся две мандрагоры, мужского и женского рода» (№ 4116). В «Реестре завещаний» муниципального архива Дуэ за период с 1412 по 1428 г. фигурирует дар «Изображения Мандрагоры». Много позднее Генрих VIII Английский и Альберт Валленштейн, прославленный кондотьер, тоже владели мандрагорами. Бертран Дю Геклен, коннетабль Карла V, первым браком был женат на Тифене де Рагенель, известной как звездочет и предсказательница, использовавшая для своих пророчеств изображения, возникавшие на столе после того, как на него бросали горсть праха. Своими знаниями она направляла боевую деятельность супруга.

Это влечение к магическим действиям доходило подчас до сатанизма. Например, Т. де Козон в своей книге «Магия и колдовство во Франции» рассказывает, что при Карле VI Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундский, держал у себя на службе некоего Жана де Ба по прозвищу Бо Клер (Пригожий Грамотей), которого тогдашний летописец называет некромантом и вызывателем дьявола, и что герцог Бургундский высоко ценил его за умение вызывать духов. Но Луи, герцог Орлеанский, столь же страстно увлекавшийся подобными делами, боясь, как бы Иоанн Бесстрашный не воспользовался этим искусством в политических целях, приказал арестовать Жана де Ба. Суд состоялся быстро. Некромант был приговорен к казни и сожжен на костре.

То же самое можно сказать и о Ренэ Анжуйском, герцоге Барском, взявшем к себе на службу Франческо Прелати, мастера черной магии, действовавшего при Жиле де Рэ, алхимика, предсказателя будущего по изображениям, образуемым брошенной на стол горстью праха, и сатаниста. После того как он бежал из тюрьмы в Нанте, где был приговорен к смерти в 1440 г., Ренэ Анжуйский назначил его губернатором Ла-Рош-сюр-Иона, и этот маг носил вымышленное имя Франсуа де Монкатен. В 1446 г. он был повешен за то, что пытался вымогать деньги у королевского казначея!

Угрызения совести, связанные с религией, у этих знатнейших господ-венценосцев были весьма слабыми в тех случаях, когда дело касалось их корыстных интересов…

Сомнительно, чтобы Жанна не соприкоснулась бы хоть раз с народными традициями, восходящими к оккультизму. Когда она заявляла, что у нее не «будет никакой силы до св. Иоанна Крестителя», то намекала на день Ивана Купалы, день летнего солнцестояния. Но эта дата — в памяти у всех средневековых специалистов по лечебным травам, у всех колдунов и волшебников. В этот день сбору подлежат «простые» травы, и делается это после *хоровода* вокруг *костра*, через который надо прыгать, получая что-то вроде боевого (дословно — *«огненного») крещения.*

Если Девственница, как мы увидим позже, стала Дамой дез Армуаз, выйдя замуж за Робера дез Армуаза, рыцаря и сеньора де Тишемона, не исключено, что на ее выбор супруга повлияло само его имя. Вступая в этот брак, она отнюдь не действовала из корыстных побуждений! Конечно, семья будущего мужа была очень старинной, рыцарской, породнившейся в своих различных ответвлениях с весьма знатными родами. Но незаконнорожденная девушка, в жилах которой текла *только королевская кровь,* могла питать самые большие надежды. А Робер дез Армуаз далеко не был вельможей-богачом. Но только может быть и так, что Жанну привлекло его *имя*[82].

Армуаз (artemisia vulgaris), как об этом свидетельствует само это название, — «трава Артемиды (или Дианы)», богини-воительницы и охотницы. Это растение тогда называли и

«травой Ивана Купалы», «венком Ивана Купалы», «поясом Ивана Купалы», «травой на сто вкусов». Еще ее называли полынью или «травой забвенья». Волшебная трава древних в Египте, Греции и Риме, она была посвящена Артемиде, беспощадной охотнице, стрелявшей из лука, олицетворению Луны. В таинствах Изиды (богини Луны в Египте) посвященные несли в руках ветку полыни (армуаз). Валафрид и Страбон называют ее «матерью всех трав». Называемая также «земляной звездой», она служила для колдунов средством вызывания злых духов, откуда ее другое название — *«лунная трава».*

Приходится признать, что у Жанны Девственницы — а также воительницы, — так прекрасно ездившей верхом, участвовавшей в боевых потехах, прекрасно обращавшейся с копьем, мечом и боевым топором, много общего с Дианой, вечно девственной богиней, к которой возносились молитвы с просьбой об избавлении от беременности. Ведь Дама дез Армуаз никогда не была в состоянии сделать плотской реальностью свой брачный союз с Робером дез Армуазом. Этим и объясняется его уход в монастырь, после того как его необычная супруга вновь облеклась в военные доспехи и устремилась в очередной боевой поход.

С другой стороны, нам известно из документов по процессу, осудившему ее, а также по процессу оправдательному, а кроме того, благодаря выступавшим там свидетелям, что у Жанны было два рода подписи. Когда она подписывалась *крестом,* это означало лживость ее слов, необходимость исправления их смысла. Значит, крест был для нее символом лжи. Напротив, подписываясь *кольцом,* то есть кружком, она давала понять, что сказанное ею надлежало истолковывать буквально. Тем самым кружок, образ хоровода вокруг костра, свернувшейся в кольцо змеи, круга, защищавшего того, кто предавался магии, был для Жанны средством выражения истины.

Во время руанского процесса на заседании 1 марта 1431 г. был действительно занесен в протокол следующий текст:

«Допрошенная о том, было ли у нее в обычае вписывать в свои письма эти имена Иисуса Христа с помощью крестика, ответила, что в одних письмах она его ставила, а в других — нет. И иногда она ставила крестик в знак того, чтобы кто-либо из ее отряда не поступал бы так, как она написала».

Судьи расценили это заявление как весьма отягчающее.

Все это накладывается на чрезвычайно странный эпизод из жизни Жанны. Относится он к руанскому процессу. Поскольку наши читатели-католики, вероятно, могут заподозрить нас в корыстных, умышленных искажениях истины, мы вновь обратимся к автору, который в их глазах будет вне всяких подозрений. Это отец Дамьен Грегуар из ордена францисканцев. В издательстве «Робер Морель» в Женеве в 1977 г. он выпустил подделку-пародию «Последних писем епископа Пьера Кошона, судьи Жанны» с предисловием уже упоминавшейся Режин Перну. Данная книга может обмануть своей «похожестью», но автор предисловия все же дает понять, что это — пародия. В самом деле, как мы уже говорили, эти письма епископа Бовэ невозможно найти ни в Национальной библиотеке, ни в Национальном архиве, ни в Ватикане.

Важность этого труда заключается, однако, в том, что он свидетельствует о постоянном отказе Жанны читать молитву *«Отче наш».* Соглашалась она на это лишь при условии, что ее исповедь примет сам Пьер Кошон, а это было невыполнимо, поскольку в противном случае ему пришлось бы отказаться от своей должности председателя церковного суда, где слушалось дело Жанны: так гласило церковное право. Но обратимся к тексту брата Дамьена Грегуара (предполагается, что эти слова говорит сам Кошон):

«Я не могу присоединиться к народному убеждению, согласно которому лица, отдавшиеся Дьяволу, могут читать *„Отче наш"* только в обратном порядке. Но отчего (я вновь хочу затронуть эту проблему) Жанна отказалась читать перед судом ту молитву, которой

научил нас Господь? Этот отказ мне по-прежнему непонятен. Не оттого ли, что она считала нас недостойными слышать, как она молится? В таком случае не погрешала ли она презрением по отношению к нам, членам церковного суда? Может быть, она не считала возможным рассматривать зал заседаний как место для молитвы? Но разве важно, где именно возносится молитва? А может быть, скорее всего (как сама она говорила об этом неоднократно и как недвусмысленно провозгласила на втором, дополнительном допросе 12 марта), потому, что она хотела, чтобы обязательно я сам принял у нее исповедь?..» (*указ. соч.*, с. 107).

Следует обратить внимание на это последнее обстоятельство, учитывая особую настойчивость Девственницы. Но какая же тайна должна была быть доверена ею в рамках таинства покаяния, если она так хотела, чтобы ее услыхал именно Кошон? И значит ли это, что предыдущие исповедники не все услыхали *о ее тайной жизни?* А ведь отсюда следовала несостоятельность всех отпущений грехов, данных этими духовниками…

Но вернемся к условным знакам, которые она подчас вставляла в свои письма: во-первых, символизирующий истину *кружок* и, во-вторых, *крест,* символизирующий *ложь.*

Странная все-таки вещь: в разгаре христианского средневековья эти символы оказались взаимозамененными! Но следует сказать еще и о другом, об инстинктивных связях с Жилем де Рэ.

В самом деле, когда Карл VII в Шиноне принял решение о том, чтобы снабдить Жанну воинским штатом, то он велел ей выбрать среди полководцев, которых он включал в ее подчинение, того, кто в боях стал бы ее особым защитником. Было бы логично, чтобы она удовольствовалась своим оруженосцем Жаном д'Олоном, бывшим капитаном гвардейцев Карла VI, человеком опытным и надежным, для выполнения этих обязанностей. Возможно, король счел, что, учитывая происхождение Жанны, ей приличествует наставник более высокого ранга. Был среди этих военачальников и Жан Дюнуа, побочный сын Орлеанского семейства, как и она, хотя он и не мог похвастаться тем, что в его жилах текла только королевская кровь. Был там и Жан Потон де Ксентрай, будущий маршал Франции. Был и Этьен де Виньоль по прозвищу Ла Ир, прославившийся своими ратными подвигами. Но оба они были не знатного происхождения. Оставались, таким образом, Жак де Шабанн Ла Палис и его младший брат, Антуан де Шабанн-Даммартен, «внушавшие большой страх англичанам», *прямые потомки Карла Великого по женской линии*[83], что значило, что в их жилах течет кровь Каролингов. Раз они были прямыми родственниками королевской семьи, то для исполнения этой роли подходили оба. Но не подошел ни тот, ни другой. Свой выбор Жанна сразу остановила на Жиле де Рэ, еще не ставшем маршалом Франции и простым кузеном через брак по отношению к Карлу VII.

Но если Жиль де Рэ еще не погряз в сатанизме и садизме, которые через 11 лет привели его на виселицу и на костер, на него уже наложил отпечаток ужасный порок — половые извращения. В раннем отрочестве он предавался им, играя пассивную роль; повзрослев, стал играть активную роль, используя мальчиков и девочек. Нет сомнения, что при дворе, где все всё знали и обо всем сплетничали, прискорбные наклонности Жиля ни для кого не были тайной. И вот именно его Жанна выбрала своим телохранителем и ментором. Ни св. Михаил Архангел, ни св. Екатерина, ни св. Маргарита не навестили ее, чтобы отговорить от такого поразительного выбора.

Но вот для Жиля стала Жанна любовью с первого взгляда. Эта юная особа, так напоминавшая некоторыми особенностями юношу, особа, которая не была ни однозначно женщиной, ни однозначно мужчиной, это фактически двуполое существо сразу очаровало Жиля. Отныне он посвятил себя Жанне. Хотя это влияние ни в чем не изменило постепенного подчинения Жиля его извращенным наклонностям. За ним уже установилась репутация вешателя, безжалостно обрекавшего на смерть любого пленника, который был не в состоянии заплатить выкуп. Ничто не говорит о том, что Жанна хоть раз пыталась смягчить

его нравы по отношению к побежденным. Возможно, если бы она попробовала сделать его более кротким, он позднее не так бы легко пошел по пути садистских преступлений по отношению к детям, которых он насиловал и пытал в своих крепостях Тиффож, Машкуль и Шантосе.

Как бы там ни было, когда Жанна под Компьеном была взята в плен, он предпринял ряд попыток для ее освобождения, собирая и оплачивая наемников для этой цели. Нам удалось узнать даты некоторых из них: в частности, в 1430 г., в Лувье. Во славу Жанны он приказал написать «Орлеанскую мистерию». Он позаботился о том, чтобы она была разыграна в театре, и оплатил связанные с этим огромные расходы, вследствие чего его финансы окончательно пришли в расстройство, при том, что и без того они были в жалком состоянии, ведь каждое представление обходилось ему втридорога, так как за серию представлений *мистерии* он выплачивал по 80 тыс. золотых экю.

Став официально Дамой дез Армуаз после своего брака, Жанна Девственница сразу же вновь отправилась в поход. Она начала с того, что прибыла в Тиффож, где, как ей было известно, проживал Жиль. Откуда она знала это? Во Франции, терзаемой войной, в отсутствие каких бы то ни было средств массовых коммуникаций о происходивших в Бретани событиях люди узнавали в Провансе лишь через несколько месяцев. А вот ей было известно, что в Тиффоже она встретится с Жилем, который в ожидании встречи с ней велел приготовить в ее честь новое представление «Орлеанской мистерии». Ясно, что они постоянно поддерживали связь друг с другом.

Новая Дама дез Армуаз[84] выехала из Меца в декабре 1436 г. Значит, в Тиффоже она оказалась в начале 1437 г. Первые преступления Жиля де Рэ относятся к 1432 г., если верить его собственным заявлениям на процессе в Нанте. В 1437 г. он уже был окружен сообщниками: во-первых, обоими его кузенами, Жилем де Сийе и Роже де Бриквиллем; далее — Эсташем Бланше, священником из епархии Сен-Ло, педерастом, как и сам Жиль; затем — Анрие и Пуату, двумя неразлучными дружками, объединенными пороком, преступлением и сатанизмом (их настоящие имена Анри Гриар и Этьенн Корийо). Наконец, в 1438 г. в Тиффоже появился итальянец Франческо Прелати, монах-минорит[85] из епархии Ареццо. Алхимик, предсказатель по пригоршне праха, колдун, едва достигший 24-летнего возраста, он быстро превратился в мастера черных дел в этой зловещей шайке.

А когда весной 1437 г. Дама дез Армуаз отбыла из Тиффожа, то ее сопровождало многочисленное войско, солдат которого оплачивал Жиль де Рэ. Командовал им один из его вассалов, Жан де Сиканвилль. Из некоего текста, находящегося в Национальном архиве, мы узнаем, что Жиль де Рэ действительно участвовал вместе с Дамой дез Армуаз в походе в июне 1439 г. (см.: *Сокровищницу хартий,* Национальный архив). Это — грамота о помиловании, подписанная 29 июня 1441 г. самим Карлом VII. Речь идет о помиловании этого Жана де Сиканвилля.

Если, как мы вскоре это покажем, Жанна Девственница и в самом деле стала Дамой дез Армуаз, то ее таинственные *голоса* так ничего ей и не сообщили о моральном падении того, кто являлся ее боевым соратником и покровителем начиная с 1429 г. И ничто не привлекло ее внимания в ходе ее пребывания в замке Тиффож, в котором за пять лет случилось столько убийств и изнасилований множества детей.

Если зрительные и слуховые галлюцинации проистекали из своеобразия ее психического строя, то обе эти паранормальные способности с годами могли ослабеть и даже исчезнуть. Но если их источником были внешние явления, то, значит, обоснованным было недоверие руанских судей, у которых были основания подозревать бесовское влияние вместо воздействия со стороны святых женского пола, которых к тому же никогда не было на самом деле. И надо полагать, что эти таинственные, но злые силы обеспечили неведение Жанны о преступлениях, творимых в Тиффоже. Эти силы покрывали преступления маршала де Рэ,

поскольку данные злодеяния вполне соответствовали природе и замыслам этих сил, то есть — нравственному разложению и погибели тех, кто вызывал злых духов.

И если Дама дез Армуаз в самом деле — бывшая Жанна Девственница, то она оказалась обманутой без всякой вины с ее стороны теми же силами и до процесса в Руане, и после него. Нельзя сомневаться в вере и искренности Жанны, когда речь идет о слышимых ею *голосах.* Если, как утверждал инквизитор Жан Бреаль на оправдательном процессе в 1452 г., «она хитроумно притворялась», то ей никогда не пришлось лгать о своей христианской вере. Конечно, в поведении Девственницы были странности. В Руане, как известно, судьи стремились дознаться, не был ли ее штандарт волшебным. На такую мысль их мог навести эпизод из атаки на Турнель в Орлеане. Первый натиск был отбит. Дюнуа велел трубить отступление. Но Жан д'Олон решил атаковать снова, велев следовать за собой доблестному солдату Николя д'Астараку по кличке Баск, которому изнемогший паж Жанны доверил штандарт. Под градом английских стрел оба они добрались до крепостной стены. Девственница не смотрела в их сторону, но приказала одному из рыцарей своей свиты: «Следите за тем, когда бунчук моего штандарта коснется стены». Прошло какое-то время. Вдруг кто-то радостно воскликнул: «Жанна, бунчук знамени коснулся стены!» «Тогда вперед! — закричала она. — Все в ваших руках». Французы вновь устремились к стенам, Турнель был взят штурмом. Позже говорили, что ее штандарт — талисман победы, но враги ее усмотрели в нем нечто иное[86].

Известно, что Жанна дважды была ранена, что вполне естественно и чего всегда следует ожидать участнику боев. Но поводом для изумления и многочисленных комментариев, в которых, как нетрудно догадаться, все объяснялось сверхъестественным вмешательством, божественным или бесовским, стал *огромный камень, разбившийся о ее шлем, не причинив ей никакого вреда.* Там, где верующие нашего времени видят всего лишь еще одно чудо, противники Жанны усмотрели покровительство злых духов.

Далее следует упомянуть случай в Ланьи, когда Жанна, в объятиях которой оказалась девочка, считавшаяся мертвой, передала этого младенца его матери вполне ожившим. И поныне фанатики Девственницы усматривают в этом чудо. К несчастью, этот случай не получил достоверного подтверждения, да и сомнения, вызываемые им, настолько велики, что католическая церковь не стала даже принимать его во внимание в своем решении от 18 апреля 1909 г. о причислении Жанны к лику святых. А ведь список чудес, приписываемых Девственнице, был и так невелик: три не слишком достоверно подтвержденных излечения, из которых одно связано с «посредничеством пресвятой Богоматери».

Иные ее деяния получают различную оценку в зависимости от того, исходит ли она от бургундцев или арманьяков. Например, как-то Жанна в сопровождении Луи II де Бурбон-Вандома и свиты вельмож поднималась к Шинонскому замку для появления на официальном приеме в ее честь. Навстречу ей по тому же спуску ехал всадник, который при виде девушки в мужском костюме грубо выругался и грязно пошутил. Девственница остановилась и просто сказала: «Вы богохульствуете и всуе поминаете имя Господа нашего. А ведь вы уже так близки к нему…» Впоследствии стало известно, что человек этот упал в воду и утонул, увлекаемый своим тяжелым снаряжением. Враги Жанны усмотрели в этом воздействие «сглаза». Мы же просто скажем, что она «предвидела» эту скорую смерть.

В Жаржо она внезапно велела Жану Алансонскому встать на другое место, «иначе эта пушка убьет Вас». Юный герцог перешел на другое место, и в то же самое мгновение пушечное ядро поразило владыку де Люда, неосторожно приблизившегося и занявшего место, где только что находился герцог.

Отметим, что таинственные *голоса* стали слышаться Жанне на 13-м году ее жизни. Весьма вероятно, что это было связано с началом полового созревания, которое не получило того завершения, какое обычно бывает у девочек. Но существует бесчисленное множество свидетельств по поводу феноменов, связанных с привидениями и т. п., неизменно

сочетающихся с присутствием в доме мальчика или девочки, только что достигших половой зрелости. И всеми традициями магии, как арабской, так и западной, отмечается роль некоторых детей в качестве *медиумов* в действиях, связанных с гаданиями. Жанна стала *медиумом* с той поры, как она достигла 13-летнего возраста.

Как уже говорилось, экспертиза девственности Жанны в Руане показала, что Жанна была не в состоянии иметь нормальные половые сношения с мужчинами: этого никак не позволяло строение ее половых органов. Более того, у нее никогда не было менструаций, которые знаменуют собой начало половой зрелости женщины. Та девственность, которой Жанна так искренно и откровенно гордилась, едва ли была ее личной заслугой.

Вот почему судьи сочли, «что Жанна страдала противоестественными пороками; они решили, что св. Михаил — это инкуб; как много мужчин и женщин было сожжено в то время за сношения с инкубами и суккубами![87] Из соображений стыдливости Кошон уничтожил все относившееся к нравственности, и точно так же было сделано при оправдании. Тем не менее оставались следы, дававшие возможность проникнуть в ход мыслей судей и угадать, какие цензурные изъятия были сделаны» (см.: Р. де Ринье. *Ключ к судебной ошибке, совершенной монсеньором Пьером Кошоном).*

Не исключено, впрочем, что ее отказ спать с пожилой женщиной, ее упорное желание делить свою постель только с молодыми женщинами были вменены ей в вину в ходе процесса как что-то вроде признания в склонности к лесбийской любви. В те времена люди спали голыми, и обвинители не пощадили Жанну. Исключение составил монсеньор Кошон. Дело в том, что гомосексуализм карался смертью — обычно сожжением на костре. Но, как отмечает Раймон де Ринье, епископ Бовэ убрал эти обвинения из текста процесса, хотя и очевидно то, что они были выдвинуты в ходе допросов, невзирая на достойную жизнь Девственницы.

Можно понять, каким образом ей удалось сохранить эту девственность, когда в женской одежде она оказалась добычей похоти своих стражей, английских наемников из разряда «неотступных приставал», которые истерзали ее так, что все «лицо у нее было истерзанное и покалеченное», как сказал на оправдательном процессе Изамбар де ла Пьер. Это длилось три ночи и два дня, пока Жанна не попалась в ловушку, вновь решив одеться в свою мужскую одежду, что снискало ей обвинение в *вероотступничестве.* Но английские наемники, видя, что не могут овладеть ею насильно, решили, что тут действуют бесовские чары, поскольку их физиологические познания явно сводились к нулю.

Изучая вопрос о тяготевших над Жанной подозрениях в колдовстве, мы не можем завершить этой темы, не коснувшись истории с кольцами, которые она носила и которые так сильно тревожили любопытство руанских судей.

Пьер Каз в своем труде, озаглавленном «Истина о Жанне д'Арк, или Разъяснения по поводу ее происхождения» и выпущенном в 1819 г., справедливо настаивает на важности этого вопроса. Кольца эти были у нее отняты бургундцами и Пьером Кошоном. Едва ли можно поверить, что соблазнила их стоимость колец. Между тем епископ Бовэ Пьер Кошон придавал им большое значение. На заседании 1 марта 1431 г. он допрашивал Девственницу о надписях, выгравированных на них.

Такой вопрос может сбить с толку, если не заподозрить Пьера Кошона в желании под прикрытием такого допроса выяснить, осмелится ли Жанна произнести то, что он считал магическими словами, *заклинаниями,* формулами, которые непременно придут ей на память, если эти кольца служат для колдовских операций.

Ответ Жанны был не менее поразительным. Она сказала, что одно из колец получено в подарок от отца или матери. Значит, она не могла вспомнить в точности — от кого? Второе кольцо досталось ей в дар от брата, но она не уточнила — от которого из них. Что до надписи, «ей кажется», что она включала слова «Иисус + Мария». Весьма мало вероятно,

чтобы она не знала, что гласит эта надпись на кольце, которое она носила на пальце столько лет подряд. Тем более, что те же слова *по ее просьбе* фигурировали также на ее штандарте.

В сознании руанских судей эти кольца на самом деле выглядели все время как носители колдовских действий. То и дело этот вопрос повторяется в различных абзацах обвинения, с которым выступил Эстиве (статья XX); речь постоянно шла о колдовских чарах (см.: *Процесс,* I, 236).

А ведь было бы так просто показать всем кольцо, на которое пали все эти подозрения. Но Кошон ничего такого делать не стал, невзирая на требования Девственницы.

Тем не менее следует признать, что главное из колец, то, на котором была надпись «Иисус + Мария», было ей возвращено, коль скоро она подарила его накануне своей казни Генри де Бофору из рода Плантагенетов, кардиналу Винчестерскому и Английскому. И сам факт такого подарка заставляет заподозрить что-то необычное в этой казни.

Жан де Бофор подарил это кольцо малолетнему королю Генриху VI, тому самому, который заявлял, что так сильно любит Девственницу. По его смерти кольцо по наследству в конце концов попало в один музей. В XIX веке драгоценный предмет был вверен попечению хранителя Британского музея в Лондоне. В 1947 г. по неизвестным причинам, которые, однако, проливают своеобразный свет на надежность английских музеев, кольцо Жанны было продано с молотка. Купил его некий англичанин, доктор Джеймс Хэссон из Лондона.

А в 1953 г. Жан Фавр, мэр Ля-Тюрби, департамент Приморские Альпы, на протяжении ряда лет поддерживавший контакт с новым владельцем этого предмета, объявил, что это кольцо скоро вернется во Францию. И действительно, в начале апреля 1953 г. кольцо было выставлено в часовне св. Иоанна, в Ля-Тюрби.

В августе того же года мы его осмотрели. Это было серебряное кольцо шириной в 5 — 6 мм, а толщиной самое большее 2 мм. Снаружи видна была надпись «Иисус + Мария». Оба слова были разделены крестом, *концы которого утолщались.* Так делалось всегда для разделения слов и божественных имен при операциях, совершавшихся в ходе магических церемоний. Такими же крестами украшались парадные плащи членов ордена тамплиеров (храмовников), госпитальеров, тевтонских рыцарей и пр.

Все же заметим, что от этого скромного, но бесценного кольца не исходило никакого таинственного излучения, если не считать его значения как прекрасной старинной вещи, имеющей историческую ценность.

О тех, кто был влюблен в Жанну

Вопреки возможным предположениям Жаниа отнюдь не была мужеподобной, безобразной, наводившей страх на мужчин. Бесспорно, что в ней была определенная прелесть. Она была элегантной, обладала пышным гардеробом, сшитым из дорогих тканей, ибо она любила всякое великолепие. При взятии в плен под Компьеном на ней поверх богатой кирасы была парчовая облегающая короткая туника на белой атласной подкладке. Фактически это была воинская куртка, что-то вроде ризы, надевавшейся прямо на боевые доспехи. Иногда ее ошибочно называют «huque»; обозначает же это слово воинский головной убор[88].

О том, что Жанна была довольной красивой, с весьма привлекательной для мужских глаз грудью, засвидетельствовал на оправдательном процессе ее оруженосец Жан д'Олон. О том же говорится и в одном тогдашнем тексте — «Зерцале добродетельных женщин». Но ее короткие волосы, подстриженные «под горшок», к чему воинов принуждали шлем и забрало, ее мальчишески тонкая фигура, следствие ее двуполости — андрогинии, — в те времена не возбуждали мужского желания у воинов, привыкших к забавам с пышноволосыми и пышнотелыми партнершами.

Со своей стороны Жанна не только ничего не делала для возбуждения такого желания, но, напротив, ее поведение быстро лишало какой бы то ни было охоты проявлять что-либо

подобное. Все проявления такого рода она не выносила, как и все то, что могло вызвать их. Так, она жестоко разбранила накануне сражения своих солдат, которые вместо того, чтобы, исповедавшись, обрести состояние благодати, отправились повеселиться с гулящими девками, не думая о будущем. И Карл VII рассердился на нее за то, что она сломала меч из часовни Фьербуа, меч, доставшийся от их общего отца Луи Орлеанского, сломала, колотя по спинам тех самых веселых девиц, за которыми она, оседлав своего коня, гонялась по лагерю.

Так что никто из мужчин не позволял себе даже игривых мыслей, когда Жанна спала на соломенной подстилке среди своих соратников или когда, умываясь по утрам, она обнажала перед ними свой торс. Только одному из них могли прийти в голову иные побуждения: то был, конечно, Жиль де Рэ. В его глазах Жанна — это *паж,* один из тех мальчиков, подростковую двуполость которых он обожал. И мы уже говорили, что в конце концов он разорился из-за нее.

Еще один мужчина был влюблен в Жанну, если верить архивам семейства де Шабанн. Но эта любовь была безмолвной и исполненной достоинства. То был Жак де Шабанн Ла Палис по прозвищу Ходок, которого тогдашние летописи называют «тот, кого англичане боялись больше всех прочих»[89]. Свою карьеру он закончил в звании великого магистра Франции. До этого он был советником и камергером Карла VII, сенешалем и маршалом области Бурбоннэ. Он умер от ран 20 октября 1453 г. в возрасте 54 лет. Раны же были получены 17 июля, когда он одержал победу при Кастийоне в Гюйени.

Во время вступления Девственницы в Орлеан он держался слева от нее. Это происходило в мае 1429 г., когда его послали в этот город для организации его обороны. Именно он увез Жанну, когда она была ранена при взятии Турнеля. Во время битвы при Компьене, еще до того, как Жанна была взята в плен, именно он помог ей отбиться от врагов.

Третий из тех, кто был влюблен в Жанну, обнаружился уже после ее взятия в плен: это был Эмон де Маси, рыцарь из Бургундии. Он увидел ее в замке Боревуар и дерзко попытался прикоснуться своей рукой к ее груди. В ответ она влепила ему пару затрещин. На руанском процессе он, давая показания, сказал о своих чувствах так: «Тут-то я и влюбился в нее. Потому я умолил графа де Линьи (Люксембург) потребовать за нее выкуп. Наследник престола готов дать за нее хорошую цену и уступить ее мне в супруги».

Граф де Линьи — племянник Жанны Люксембургской, которая весьма мягко обошлась с Девственницей, находившейся у нее в плену под честное слово в ее замке Боревуар в течение целых четырех месяцев одновременно с ее племянницей, супругой графа де Линьи.

А наследник престола — это Ричард, герцог Йоркский, наместник короля во Франции и Нормандии, правнук Эдуарда III по линии своей матери. Раз уж стоял вопрос о том, чтобы выдать Жанну замуж, то не могло, разумеется, быть и речи о том, чтобы сжечь ее на костре как колдунью.

Если Жанна Девственница, *которая не носила никакой фамилии,* и в самом деле была дочерью бедных пахарей, как об этом твердят благонамеренные французские историки, приходится допустить, что все эти представители надменной феодальной знати, кичившейся своим происхождением, не страшились мезальянсов.

Но что бы там ни говорилось в детских сказках, короли никогда не женились на пастушках.

Странная казнь

Вот первое замечание, которое необходимо сделать с самого начала: официальная дата казни была произвольно установлена впоследствии, как для рождения и смерти Иисуса, чтобы покончить с вызывающими неудобство расхождениями.

Теперь, конечно, принимают дату 31 мая 1431 г. Однако английские летописцы Уильям Кэкстон, Полидор Виргилиус заверяют, что казнь состоялась в феврале 1432 г. Отметим,

однако, что такая разница не следует никоим образом из того, что в те времена год начинался на Пасху. Итак, французские летописи говорят о 1431 г., английские — о 1432 г. Весьма существенное противоречие!

Так же обстоит дело с числом и месяцем. Президент Эно (1685–1770), суперинтендант в штате королевы Марии Лещиньской, которая очень сердечно относилась к нему, получил, наряду с Шереном, доступ к самым тайным архивам Короны. В своих *«Мемуарах»* он называет дату казни — 14 июня 1431 г. Жан де Серр, брат Оливье де Серра, которого Генрих IV назначил историографом Франции, в своем *«Обзоре истории Франции»* (1597) сообщает о том, что это событие имело место 6 июля 1431 г.

Что еще удивительнее, в рукописи Дома Гренье о Пикардии, принадлежащей Национальной библиотеке, содержится *«Летопись»* за 1492 г., составленная Жаном де Ла Шапеллем. Так вот, этот автор уверяет, что, *прежде чем предать ее огню, Девственнице отрубили голову.*

Читатель согласится, что с самого начала во всей этой истории с сожжением Жанны имеется много неясностей.

Не меньше их и в дальнейшем. Судите сами.

В рукописи монсеньора Пьера Кошона, хранящейся в библиотеке Национального собрания, мы находим следующее воспроизведение приговора, вынесенного Жанне:

«Тем не менее, поскольку, как мы только что отметили, ты дерзновенно погрешила против Господа и его святой церкви, мы, судьи, чтобы ты могла предаться спасительному покаянию, со всем нашим милосердием и умеренностью осуждаем тебя *окончательно и бесповоротно на вечную тюрьму,* хлеб страдания и воду тоски так, чтобы ты могла там оплакивать свои грехи и больше не совершала таких, которые пришлось бы оплакивать».

Вот уже нечто, способное нарушить покой сколько-нибудь наблюдательных умов. Ведь одна из аксиом древнейшего права заключается в том, что к факту, по которому *вынесен приговор,* уже не возвращаются. Вот почему уже кажется подозрительным появляющийся в конце концов костер. Но *протокол,* то есть документы самого руанского процесса в их подлинном виде, давно уже исчез.

Пьер Кошон затратил шесть лет на то, чтобы переписать их заново и по-латыни. Чего ради? Что именно подлежало уничтожению в оригиналах протокола? Опять же текст, находящийся в Англии, отличается от того, которым располагает Франция.

Согласно народной молве, Жанна не была казнена. Ее подменили другой заключенной. Молва эта была такой настойчивой, что Парижский университет ввиду отсутствия юридических документов распорядился начать расследование против Кошона, поскольку его действия казались подозрительными. И ему — Кошону — пришлось погрузиться в целый океан юридических хитросплетений, чтобы доказать, что никаких нарушений закона совершено не было, как не было ни сделок, ни подтасовок. Но ему пришлось нелегко. Ибо в те времена Парижский университет был высшей богословской инстанцией церкви во Франции, церкви, выносившей свои решения после совместных обсуждений.

Англичанин Уильям Кэкстон, родившийся в 1422 г. в графстве Кент, в своей *«Летописи Англии»* в 1480 г. заявляет, что во время поездки ко двору герцога Бургундского он узнал, что Жанна Девственница провела в заключении девять месяцев после сцены сожжения на костре в Руане. Он не называет замка, в котором она содержалась, но его название мы скоро откроем.

По-прежнему оставаясь в пределах документов, содержащихся в различных архивах Англии, отметим в статье Жана Гримо, напечатанной в *Пари-Пресс-л'Энтрансижан* от 26 ноября 1952 г., вскоре после того, как вышла его же книга «Была ли сожжена Жанна д'Арк?», чрезвычайно любопытное место, в котором говорится то же, что и в различных древних откликах английского происхождения.

Некий англичанин, проживавший в Австралии, написал нашему уважаемому собрату, прочитав эту его книгу, что его отец, изучив все то, что касается Жанны в различных документах английских архивов, пришел к заключению, что «спустя девять лет после костра, разведенного в Руане, Жанна получала пенсию от государства. И добавил, что его профессор истории, получивший свой диплом в Кембридже, пришел со своей стороны к такому же заключению» *(указ. соч.,* с.7).

Если дело обстояло так, то вполне очевидно, что не британское государство выплачивало эту пенсию, а королева Англии и сестра Карла VII, а также единоутробная сестра Девственницы — Екатерина де Валуа. Дела семейные… Однако возникает вопрос: пенсия стала выплачиваться *через девять лет после костра* в Руане, то есть в 1440 г., или же все это происходило *в течение* лет, проведенных в заключении, а затем и после освобождения? В первом случае о пенсии, видимо, распорядился юный король Генрих VI, сын Екатерины де Валуа и племянник Жанны, «которую он сильно любил». К тому же ему было суждено вступить в брак с *французской принцессой* Маргаритой Анжуйской. Такое распоряжение, проникнутое нравственным и религиозным чувством, вполне гармонировало бы со всем поведением монарха. Во втором случае инициатива исходила бы от Екатерины де Валуа, и тут тоже нечему было бы удивляться[90].

Заметим, что 1440 г. совпадает со временем, после которого о Жанне уже ничего больше не известно. Она замужем, живет в Лотарингии, в замке Жольни, со своим супругом Робером дез Армуазом. О приблизительной дате ее смерти мы узнаем лишь благодаря «Счетам Орлеанской крепости»: между апрелем и июлем 1449 г.

В «Дневнике парижского горожанина», документе того времени, мы читаем также следующие строки:

«Некий монах из ордена св. Доминика, каковой был инквизитором и магистром богословия, выступил с проповедью. Проповедник сей еще сказывал, что она отреклась от своих заблуждений и что как покаяние ей было назначено провести *четыре года в тюрьме на хлебе и воде, из каковых она там не провела ни одного дня.* По ее распоряжению с ней обращались как со знатной госпожой».<…> «Брат Ришар приносил причастие этой Даме, Жанне Девственнице».

Известно, что в утро перед казнью Жанна исповедалась самому Пьеру Кошону и получила отпущение грехов. Надо полагать, что ее отлучение от церкви было предано забвению, ибо подобные религиозные таинства ни в коем случае не предназначались для колдуний. Еще более сомнительным делает сам факт казни то, что Жанну *не соборовали.* А ведь в XIV и XV вв. от этой процедуры были избавлены только дети и те, кто вел праведную жизнь; она предназначалась взрослым, которым было в чем себя упрекнуть. В глазах судей такой грешницей была именно Жанна. *Сделаем вывод: ей было отказано в этом высшем таинстве, поскольку было известно, что ей отнюдь не предстояло умереть.*

Так наступила пора казни. На площади Старого рынка крупное войсковое подразделение в составе 800 английских солдат заставило народ потесниться. Прошел час. Наконец появился отряд из 120 человек, вооруженных копьями и мечами. Они окружали женщину, прикрытую каким-то капюшоном, который, видимо, скрывал часть ее лица, поскольку различить его черты было невозможно. И в самом деле, голова этой женщины была полностью закрыта надвинутым до самого подбородка позорным колпаком.

«Привели ее из замка. *Лицо ее было закрыто.* Согласно донесению *видевших ее,* ее подвели к месту, где уже все было готово, чтобы зажечь огонь» *(«Летопись Персеваля де Канъи»,* офицера герцога Алансонского).

Некоторые историографы усмотрели в слове «embroncher» («надвинуть», «покрывать», «скрывать») указание на то, что этот колпак был *надет кое-как.* Такое толкование неправильно, и первоначальный вариант словаря Литтре уточняет, что старофранцузское

слово «embroncher», подобно провансальскому «embroncar», имеет два значения: «скрывать», «прикрывать», а также *«наклонять».*

Вполне очевидно, что выражение «visage embronché» в данном случае означает «закрытое, прикрытое лицо». Впрочем, именно потому и надели сперва на голову этой женщины капюшон, а затем, сверху, — колпак. Дело в том, что в данном случае неясно, зачем понадобился этот капюшон, кроме того, что он скрывал лицо. Обычно несчастные, осужденные на сожжение, шли на костер с обнаженной головой, если не считать бумажного или картонного колпака, обмазанного, как и рубаха, в которой их казнили, сернистым составом.

В то время мало кто верил, что Жанна была казнена. Вот несколько текстов, которые позволяют легко сделать такой вывод:

«Король наш господин и герцог Алансонский прекрасно об этом осведомлены. Им ведомы некие тайны, которые они могли бы раскрыть, будь им это угодно. Мне-то ничего более не известно…» (см.: *Брат Жером Паскерель,* бывший капеллан Жанны. Показания на оправдательном процессе).

«Я присутствовал на последней проповеди, прочтенной на Старом рынке в тот день, когда скончалась Жанна. А между тем я не видел, как *она* горела на костре. Я удалился, как только проповедь была окончена и приговор произнесен» (см.: *Тома де Курселль,* член суда при Пьере Кошоне).

«В городе Руане в Нормандии она была возведена на костер и сожжена. Так говорят, но с тех пор было доказано обратное!» (см.: *Летопись настоятеля собора св. Тибо в Меце.)*

«В конце концов велели ее сжечь при всем народе. Или какую-нибудь другую женщину, похожую на нее. О чем многие люди имели и все еще имеют разные мнения» (см.: *Рукопись № 11542 Британского музея в Лондоне).*

В Руане в пепел обратили,

Французам душу тем смутили.

С тех пор сомненье все сильней:

Всяк думал — свидимся мы с ней.

(Стихотворение Жоржа Шателена, советника при Филиппе Добром, герцоге Бургундском[91]).

Но если и существовал человек, доподлинно знавший, как обстояло дело с мнимым сожжением Жанны, то это наверняка был Филипп Добрый. Именно он имел с ней. долгий разговор наедине после взятия ее в плен под Компьеном. Не забудем, что он был ее деверем: он был женат на Мишель де Валуа.

«Девственница была сожжена в Руане или, во всяком случае, приговорена к такой казни» (см.: *«Летопись Бретани»,* 1540 г.).

«Еще и поныне существуют сомнения (особенно в Лотарингии) в том, что Девственница, которую отвели к костру с закрытым лицом, действительно была сожжена» (Дом Николя Лелон, *Церковная и гражданская история епархии Лана,* 1731 г.).

Некий официальный свидетель, излагая историю жизни Жанны, сообщает:

«Нет впечатления, что были соблюдены все правила. Через некоторое время какой-то злоумышленник по имени Жорж Фоланфан был точно так же передан в руки светских властей во исполнение церковного приговора. Тогда он был приведен в гражданский суд и приговорен гражданским правосудием. На казнь он был отведен не столь быстро» (см.: *Лоран Гедон,* помощник руанского бальи, «Показания на оправдательном процессе»).

Термин «cohue» означает с XIII в. *«гражданский суд».* Но в случае с Жанной не произошло передачи в руки светской власти. Об этом свидетельствует Лоран Гедон. Не было

составлено и протокола о казни, в то время как за период с 1430 по 1432 г. в архивах Нижней Сены и Руанского архиепископства содержатся отчеты о казни пяти колдуний, счета за дрова на костер, за работу палача и его помощника. Колдуний звали Алике ла Русс, Катрин ля Ферте, Жанна ла Тюркенн, Жанна Ваннериль и Жанна ла Гийоре (в основном это явно не фамилии, а прозвища. — *Прим. перев.).*

Как видим, ни слова не сказано о Жанне Девственнице, или о Жанне д'Арк, или о Жанне из Лиса.

Точно так же, в то время как такая казнь должна проводиться при стечении народа, чтобы показать, что в споре с нашей пресвятой матерью церковью последнее слово никогда не остается за дьяволом, в этот раз было сделано все, чтобы толпе практически ничего не было видно:

— толпу на самый край площади Старого рынка оттеснили 800 воинов;

— приговоренную к смерти окружают 120 воинов. Приговоренная — маленького роста (он известен в точности — 158 см);

— костер частично загораживает огромный деревянный щит, на котором очень большими буквами написана причина приговора;

— не считая колпака, надвинутого до подбородка, был еще использован капюшон, частично скрывавший лицо: необычная предосторожность…

Если бы и в самом деле было принято решение подменить Жанну другой осужденной, поступать иначе не стали бы. Конечно, по прошествии определенного времени, пользуясь длинным багром с крючьями, палач отодвинул горящие дрова, чтобы показать наполовину обгоревшее обнаженное тело женщины присутствующим, которыми в основном были те самые 800 английских воинов. Но после того, как обмазанные *серой* рубашка и митра мгновенно загорелись, после того, как пламя полыхало некоторое время, было явно невозможно опознать кого бы то ни было, а уж тем более лицо.

Даже католическая церковь внесла свой вклад в эти сомнения: ежегодная месса по святой Жанне д'Арк служится в самом деле в *белых* облачениях, подходящих для девственниц, а не в *красных,* которые применяют для мучеников.

Могут, однако, спросить: какую женщину сожгли вместо Жанны, сводной сестры английской королевы, сестры короля Франции и тетки малолетнего короля Англии Генриха VI?

Добросовестные историки готовы принять гипотезу о какой-нибудь колдунье. Мы в этом сомневаемся. Христианское поведение женщины в ее последние мгновения не слишком часто бывало характерным для тех, кто кичился своим бесовским избранничеством. Подобно христианским мученицам древности, многие из этих несчастных жаждали вступить в тот миг, когда им суждено было «воссоединиться» с тем, кого они называли «своим владыкой». Христианская кончина была уготована лишь тем, которые были оклеветаны.

Вот почему мы склонны принять гипотезу преступницы или монахини, осужденной в силу тогдашних законов за противоестественную лесбийскую любовь или за скотоложество на то, чтобы провести остаток дней своих в ужасающих темницах (каких немало было в ту пору во всех монастырях), и отдавшей предпочтение мучительной, но сулившей быстрое освобождение смерти перед медленным умиранием во мраке, в сырости, среди крыс. Ведь подобные прегрешения не исключали искренней христианской веры, сохранявшейся до последнего вздоха.

А может быть, ей намекнули, что это принесение себя в жертву взамен другой откроет ей прямой путь в рай. Простодушная вера тех времен давала возможность добиваться чего угодно.

К тому же весьма возможно, что предварительно этой женщине дали наркотическое снадобье, чтобы легче склонить ее к принесению себя в жертву. Так, в Индии вдовы должны были добровольно идти на тот же костер, на котором сжигались останки супруга; воля этих женщин подавлялась, на случай их несогласия, при помощи сильнодействующего напитка с наркотиками.

Доказательством такой полуанестезии могло бы служить и то, что в случае казни в Руане, согласно легенде, после сожжения этой женщины было обнаружено *не превратившееся в пепел сердце.* Ведь Светоний в своих *«Жизнеописаниях двенадцати Цезарей»* уверяет нас, что некий яд (возможно, изготовленный на основе пасленовых) делал сердце, до которого его доносила кровь, недоступным действию огня, то есть несгораемым.

Лже-Девственницы

При изучении окружения Жанны обнаруживаются кое-какие необычные люди. Например, тот самый брат Ришар, бывший приверженец бургундцев, предавший ее. Этот монах, приставший к ней в окрестностях Труа, притворяясь почитателем Жанны, с тем чтобы лучше повредить ей во мнении других, приписывал ей сверхъестественные способности, и в том числе — способность подниматься в воздух, переносить своих воинов через высочайшие крепостные стены. Все эти обвинения были высказаны и на руанском процессе, осудившем ее.

Наряду с братом Ришаром среди лиц, близких к Жанне, были еще две восторженные и «блаженненькие» женщины: Катрин из Ла-Рошели и Перринаик Бретонка (в обоих случаях это не фамилии, а прозвища. — *Прим. перев.).*

Катрин из Ла-Рошели утверждала, что ее советчицей является некая «белая дама», то есть фея, подобная тем, что являлись якобы у таинственного дерева в Старой дубраве. Иногда сам Карл VII удостаивал ее аудиенции. Жанна от нее была явно не в восторге, а в ходе процесса отзывалась о ней только с видимым презрением и ненавистью.

Что до Перринаик Бретонки, также прозывавшейся Пьерронн, она прямо-таки поклонялась Девственнице, и есть много оснований опасаться, что ее восторженные слова только усилили вред, приносимый уже и без того фантастическими измышлениями брата Ришара.

Этого последнего, сочетавшего притворный восторг перед Девственницей с весьма земным пристрастием к торговле свинцовыми медальками, якобы приносящими счастье, Жанна в конце концов прогнала. Но ушел он не один, уведя с собой Катрин из Ла-Рошели и Перринаик Бретонку. Первая из них послужила ему для мошеннической операции: он повсюду выдавал ее за настоящую Девственницу, что весьма способствовало сбыту его медалек. Учитывая безнравственность тогдашних монахов, не исключено, что их отношения зашли довольно далеко. Но как-то в Корбее в 1430 г. обе женщины стали добычей бургундцев и были увезены в Париж. Брат же Ришар чудесным образом испарился. Обе «блаженненькие» на полтора года были посажены в тюрьму, а затем на паперти собора Парижской Богоматери им читали нравоучения. Напуганная тем, что ее ожидало, Катрин из Ла-Рошели призналась во всем, чего от нее требовали инквизиторы: что она — отнюдь не Девственница, что господь не возложил на нее никакой миссии. Она была помилована.

Но Перринаик Бретонка упорствовала в своих утверждениях о том, что миссия подлинной Девственницы — божественного происхождения, что она — добрая христианка, что она служит Карлу VII по воле господней. Она была осуждена как сторонница Арманьяков, прислужница колдуньи и сожжена живьем на Гревской площади.

В 1431 г. Жан Граверан, великий инквизитор Франции и приор Парижского университета, обнаружил еще одну лже-Девственницу.

«При том, что *женщин* сих было *четыре*, из коих три были схвачены, то есть сказанная Девственница, Пьерронн и Катрин из Ла-Рошели, и все они действовали заодно с арманьяками».

Но Жанна, Пьерронн и Катрин из Ла-Рошели — это три женщины, а не четыре. Нам неизвестно, кто была четвертая. Но она описана в «Дневнике парижского горожанина», где говорится, что в августе месяце 1440 г. «она была показана народу во Дворце (правосудия. — *Прим. перев.),* будучи помещенной на мраморный камень в Главном дворе. Там ей было прочитано поучение и было рассказано о ее жизни и состоянии. И сказала, что вовсе она не девственница, что в свое время была замужем и было у нее двое сыновей от одного рыцаря».

Вопреки кое-каким умышленным утверждениям в данном случае речь не могла идти о Жанне, Даме дез Армуаз, коль скоро нам известно, что сразу после брака она вновь облачилась в свои военные доспехи, оставив дома злосчастного мужа, который с горя пошел искать убежища в монастыре селестинцев. Кроме того, нам известна дата ее смерти, а главное то, что у нее никогда не было детей, о чем свидетельствуют родословные семейства дез Армуаз, составленные Шереном, специалистом по родословным французского королевского дома.

Еще одна подложная Девственница — так называемая Девственница из Ле-Мана. И в данном случае речь идет не о Даме дез Армуаз, ибо Пьер Сала в своих «Подвигах многих королей» говорит нам, что «те, кто был повинен в этой измене, были сурово наказаны правосудием». Но все те, кто примкнул к Даме дез Армуаз, в частности ее мнимые братья Жан и Пьер дю Лис, получили почести и высокие награды. Антуан дю Фур в своей «Книге о знаменитых женщинах» также разоблачает эту самозванку:

«Появилась с тех пор лжепрозванная Девственница из Ле-Мана, лицемерка, идолопоклонница, вызывательница духов, колдунья, похотливая, распутная ведьма, превеликое зерцало обмана, каковая, сообразно своему жалкому состоянию, попыталась сотворить столько же зла, сколько Жанна Девственница сотворила добра. После своей химерической хитрости и лживой набожности, Богом и людьми оставленная, как истинная архираспутница в домах публичных состояла…»

В более недавнее время кое-кто, конечно, пытался выдать за истину миф о том, что после своей мнимой смерти продолжали жить Наполеон, маршал Ней, герцог Шуазель-Прален, Адольф Гитлер. Но никто никогда не являлся под их именами, утверждая: «Я такой-то…», «Я такая-то…». Единственной, кто поступил таким образом, была так называемая великая княжна Анастасия. И возможно, она ею и была на самом деле.

6. Дама дез Армуаз

Робер дез Армуаз, умерший без потомства. Жена его — Жанна, Девственница Франции.

Бернар Шерен, гербовый судья короля Людовика XV. Родословная семейства дез Армуаз, составленная в 1770 г.

Дама дез Армуаз

Вполне очевидно, что если нашлось столько мнимых наследников престола, утверждавших о своем тождестве с Людовиком XVII, якобы спасшимся из тюрьмы Тампль, если существовало поразительное течение вокруг Карла X, стремившееся любой ценой отыскать истинного претендента на трон, о чем я уже рассказывал (на с. 78–82 в моей книге «Преступления и секреты государства»), то, значит, во Франции и за границей общественное мнение считало совершенно достоверным фактом спасение этого сына короля.

Не менее очевидным оказывается и вывод о том, что если во Франции в средние века в царствование Карла VII появилось несколько самозваных Девственниц, то это было в силу

того, что общественное мнение не допускало мысли о том, что Жанна была и в самом деле сожжена.

И вскоре перед нами выстроится длинная вереница тех, кто (начиная от Карла VII до простых знакомых Жанны) утверждал, что через четыре года они совершенно безошибочно сразу узнали ее после возвращения из плена.

Разумеется, в наши дни это вызывает бурю протестов со стороны тех, кто, будучи сторонниками легенды, *голосов* и *видений,* непременно нуждаются в том, чтобы Девственница погибла на костре для оправдания ее причисления в 1920 г. к лику святых. Тех, кто узнал ее в 1436 г., без колебаний называют соучастниками настоящего мошенничества, а то и простаками, жаждущими волшебства, забывая о том, что в сфере чудесного с самого начала пребывали они сами.

Тем, кто выступает с такими пророчествами, мы заметим, что люди, клявшиеся, что они узнали Жанну, были прекрасно знакомы с ней еще за четыре года до тех событий. И за четыре года трудно забыть лицо человека, с которым вы часто встречались или виделись при исключительных обстоятельствах. Даже военнопленных, вернувшихся из лагерей в 1945 г., их родные и друзья узнали без всяких затруднений! А ведь и они, подобно Жанне, находились далеко от тех, кто их знал, в течение *четырех лет.*

И требуется немалая самоуверенность для того, чтобы в 1980 г. претендовать на более точное представление о лице Девственницы, ее голосе, ее поведении, чем то, которым располагали узнавшие ее в 1436 г. Как говорит Жан Гримо в своей книге *«Была ли сожжена Жанна д'Арк?»:*

«Для нас, *вершащих суд через пять веков,* является некоторой дерзостью сознательно отвергать, не располагая более надежной информацией, показания этих людей!» *{указ. соч.,* с. 34).

Вначале приведем один документ того времени. Это поможет нам четко сформулировать вопрос: речь идет о передаче в дар поместья, называемого Иль-о-Бёф на Луаре. Даритель — Карл Орлеанский. Получатель — Пьер дю Лис, бывший Пьер д'Арк, официально считавшийся братом Жанны. Этим поместьем получатель должен был пользоваться бесплатно и мог передать его по наследству.

«Выслушал челобитную мессира Пьера дю Лиса, рыцаря, согласно которой в подтверждение своей верности нашему королю и владыке и нам он отправился из своего края, чтобы поступить на службу к названному королю и нашему владыке и к нам, вместе со своей сестрой Жанной Девственницей, *с каковой вплоть до ее исчезновения,* а с тех пор и по сие время подвергал опасности жизнь свою и имущество свое на упомянутой службе и в войнах короля…»

Отметим, что в документе не говорится «*покойной* Жанной Девственницей», каковое слово появится в дальнейшем, когда смерть Дамы дез Армуаз станет официальной. Следовательно, *исчезновение* непременно относится к Жанне. А теперь рассмотрим, как все это случилось.

Еще в одном документе это второе появление Жанны подразумевается. Имеется в виду с. 4 подлинной родословной дез Армуа-зов, хранящейся в архивах этой семьи. Эта родословная была составлена в 1770 г. историографом короля Людовика XV Бернаром Шереном, который был авторитетнейшим специалистом по генеалогиям. Вот этот текст:

«Благородный Робер дез Армуаз сочетался браком с Жанной дю Лис в Гранж-оз-Орм 7 ноября 1436 г.».

КРАТКАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СЕМЕЙСТВА ДЕЗ АРМУАЗ

(Из книги: *Пьер де Сермуаз.* Секретные миссии Жанны Девственницы, Париж, издательство «Робер Лаффон», 1970)

Колар I дез Армуаз (или Эрмуаз), супруг Мари де Шамбле

Ришар I (четвертый сын, младший), супруг Мари де Жерардо (1-й брак, в Бургундии) и Анн де Сорбе (2-й брак, в Лотарингии)

Жан дез Армуаз и де Жерардо (умер в Никополисе в 1396 г.)

Пьер де Сермуаз

Ришар II дез Армуаз, маршал Барруа, супруг Алике де Брё

Жан дез Армуаз (ответвление линии д'Отре)

Жан Жерардо дез Армуаз Пьер дез Армуаз

Жозеф-Дени Жерардо де Сермуаз, 1-й пфальцграф Гельдрский (1477 г.), супруг Мари де Рошбарон (линия современных графов де Сермуаз)

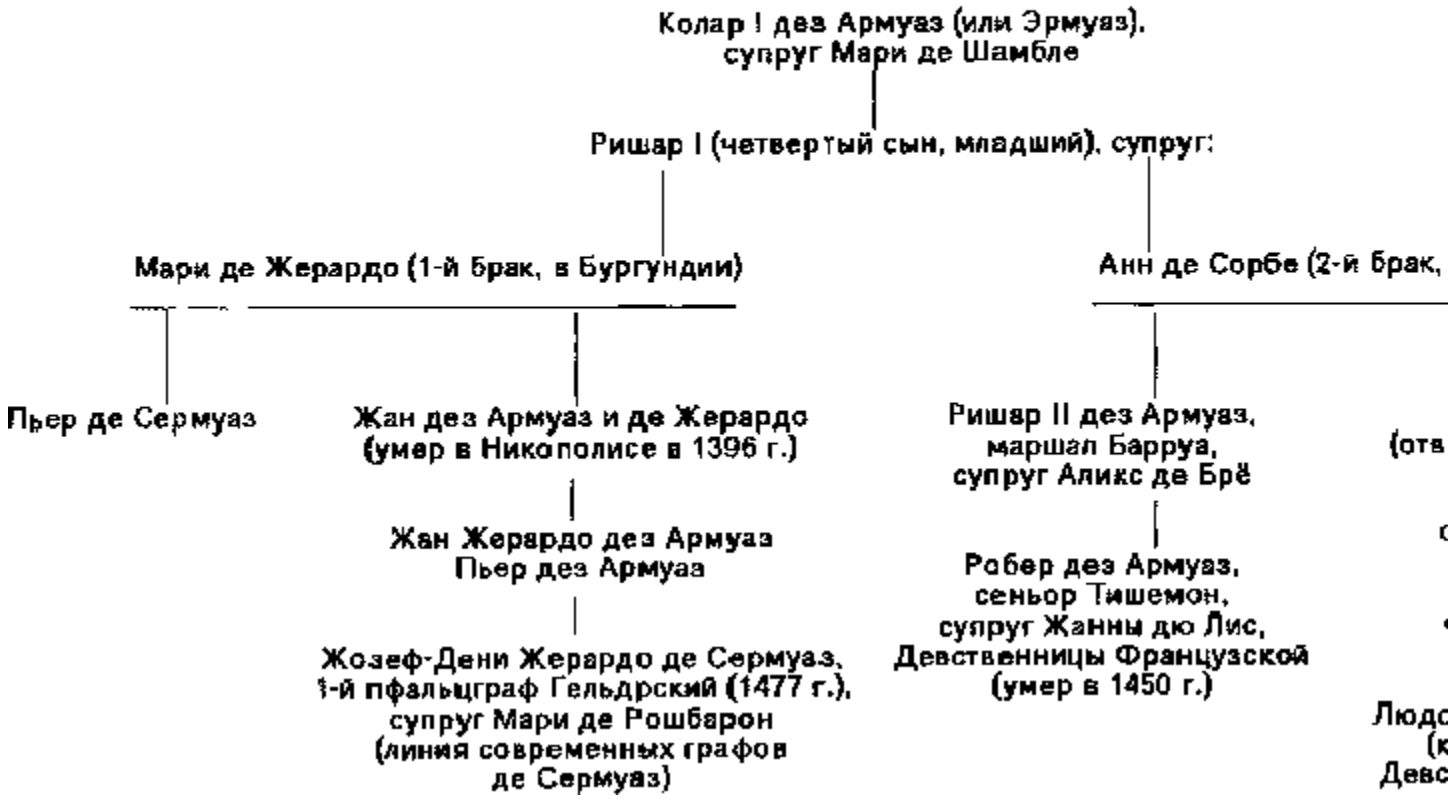
Робер дез Армуаз, сеньор Тишемон, супруг Жанны дю Лис, Девственницы Французской (умер в 1450 г.)

Франсуа дез Армуаз

Филипп дез Армуаз

Людовик I дез Армуаз д'Отре (крестный сын Жанны, Девственницы Французской)

КРАТКАЯ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СЕМЕЙСТВА ДЕ
(Из книги : *Пьер де Сермуаз*. Секретные миссии Жанны Девст
Париж, издательство «Робер Лаффон», 1970)



Процитируем также документ о передаче доходов. Он был составлен в тот же день, 7 ноября 1436 г. Робер дез Армуаз соглашался сдать в аренду земли, приносившие доход. Арендную плату должна была получать Жанна, которая желала вновь отправиться в поход. И в самом деле, в назначенный срок Жанна вернула эту сумму. Это произошло в 1445 г. Вот отрывки из данного документа:

«Мы, Робер дез Армуаз, рыцарь, сеньор Тишемона, и Жанна дю Лис, Девственница Франции, Дама названного Тишемона, моя жена, действующая в согласии и с разрешения моего, Робера, вышеназванного…

В подтверждение истинности и для того, чтобы все сказанное было твердым и устойчивым, мы, Робер дез Армуаз н Жанна дю Лис, Девственница Франции, моя жена, вышеназванная, приложили и поставили наши собственные печати к настоящим грамотам. И по нашей просьбе наш дражайший друг Жан де Тонелетиль н Собеле де Дён, прево Марвилля, согласились поставить свои печати на упомянутые грамоты. И мы, упомянутые Жан де Тонелетиль и Собеле де Дён, по просьбе наших дражайших и великих друзей, названных Робера и Дамы Жанны, приложили и поставили наши печати к этим настоящим грамотам наряду с их собственными в знак свидетельства, что эти грамоты были составлены и даны в блажен год Господен тысяча четыреста тридцать шестой».

Жан де Тонелетиль — могущественный сеньор из этой области. Собеле де Дён — королевский судебный чиновник, прево Марвилля. Этот документ был процитирован в XVIII в. знаменитым бенедиктинцем Домом Кальме, а официальная копия, сделанная в

1598 г., за подписью Пюрмье и Марти, нотариусов и членов суда присяжных епископства и графства Верденских, в то время существует в архивах семейства дез Армуаз.

С другой стороны, во Френ-ан-Вуавр[92], в конторе нотариуса Марти, находился *подлинник брачного контракта* Робера дез Армуаза и Жанны Девственницы Франции. Уже в XVIII в. достопочтенный отец Вигье засвидетельствовал, что держал его в своих руках, находясь в семейном архиве дез Армуазов, сеньоров де Жольни. Сообщение об этом появилось в 1683 г. в «Галантном Меркурии», еженедельнике, основанном Донно де Визе и превратившемся в 1890 г. в «Меркюр де Франс».

Брат достопочтенного отца Вигье подтвердил это обстоятельство в письме, направленном герцогу де Грамону. В более недавнее время Альбер Байе, профессор в Эколь де От Этюд и историк, в 1920 г., когда в Риме было вынесено решение о причислении Жанны к лику святых, созвал группу журналистов, чтобы поведать им о сделанном им открытии. *В 1907 г. во Френ-ан-Вуавр он держал в руках брачный контракт Робера дез Армуаза и Жанны Девственницы. Франции, отметив при этом, что ее подпись была совершенно такой, как та, что находится на письме Жанны жителям Реймса, датированном 16 марта 1430 г. и отправленном из Сюлли-сюр-Луара.* На смертном одре он подтвердил это обстоятельство журналисту Иву Лавоке, который к тому же входил в группу журналистов, созванную в 1920 г.

Существование этого брачного контракта засвидетельствовали и другие, *и в том числе председатель совета министров Эдуар Эррио[93],* когда-то учившийся в Высшем педагогическом институте, а также граф Робер де Лабессьер, бывший ортодоксальным католиком и пребывавший от этого открытия в потрясении до самых последних мгновений своей жизни.

К несчастью, в результате артобстрелов была полностью разрушена деревня Френ-ан-Вуавр в 1914–1918 гг., и все нотариальные архивы исчезли (21–26 сентября 1914 г, 24–26 февраля 1916 г.).

Об этом браке свидетельствует и другой текст того времени. Это *знаменитая Летопись настоятеля собора св. Тибо в Меце.* Она гласит:

«И там был заключен брак между мессиром Робером дез Арму-азом, рыцарем, и упомянутой Жанной Девственницей, а затем уехал названный господин дез Армуаз с женой своей Девственницей на проживание в Мец, в жилище упомянутого господина Робера, каковое он имел в приходе святой Сеголены».

Этот брак — одно из важнейших доказательств тождества между Жанной Орлеанской Девственницей н Жанной Дамой дез Армуаз. Ведь в 1425 г. Робер де Бодрикур сочетался браком с Алардой де Шамбле, вдовой Жана де Манувилля, *свояченицей и кузиной Робера дез Армуаза.* Четырьмя годами позже, в 1429 г., именно она взяла с Жана де Новелонпона, командовавшего эскортом, сопровождавшим Жанну в Шинон, клятву «доставить ее благополучно и наверняка», как мы уже рассказывали. Но через семь лет, то есть в 1436 г., Жанна, выходя замуж за Робера дез Армуаза, *становилась свояченицей все той же Аларды де Шамбле, а значит, и золовкой все того же Робера де Бодрикура, по-прежнему проживавшего в Вокулёре.*

Итак, знатное семейство — супруги Бодрикур — возглавляет длинный список тех, кто, будучи знаком с Девственницей до процесса в Руане, засвидетельствовали, что признали ее позднее в Даме дез Армуаз. *Что отнюдь не маловажно…*

Сторонники легенды делают вывод, чересчур соблазнительный, чтобы быть верным: они называют братьев Жанны, ее мать (проживавшую в Руане) и всех тех, кто вновь встретился с ней позже как с новой супругой Робера дез Армуаза, *соучастниками мошенничества.* Это обвинение они без колебаний распространили даже на Карла VII, ссылаясь на то, что тот содействовал этому подлогу для того, чтобы оправдаться за то, что позволил сжечь ее. Сам

список вскоре нам подтвердит, что при таком подходе становится чересчур много мошенников. И читатель, дойдя до конца этого исследования, сможет убедиться, что если и надо говорить о мошенничестве (такое оскорбление легко адресовать людям, скончавшимся пять веков назад!), то скорее о том, которое совершают упорные защитники легенды, облачающиеся в тогу обвинителей.

Места предварительного заключения Жанны

Сразу после того, как Жанну взял в плен Лионель де Вандонн, передавший ее своему сюзерену Жану Люксембургскому, ее увезли в замок Больё-ан-Вермандуа, а затем в замок Боревуар. Там она провела четыре месяца как пленница под честное слово в обществе сиятельных дам Люксембурга, окруживших ее сердечной нежностью. Именно в Боревуаре бургундский рыцарь Эмон де Маси, как было сказано выше, влюбился в нее.

Из Боревуара, откуда она пыталась бежать, ее перевели в Кро-туа, где 13 ноября 1430 г. скончалась вдовствующая герцогиня Люксембургская. И там-то Пьер Кошон передал Жану Люксембургскому 10 тыс. турнейских ливров в обмен на Девственницу[94]. Он же увез ее в замок Буврёй в Руане. Эта мощная крепость из семи башен включала корпус, называвшийся Королевским покоем. Там проживали королева Англии Екатерина де Валуа и ее сын Генрих VI. Когда Жанна оказалась в Буврёе, туда приехал и герцог Бедфордский с супругой Анной Бургундской.

Местом заключения Жанны и стал этот Королевский покой. У нее была там комната с постелью. В течение заседаний она и в самом деле просила разрешения вернуться «в свою комнату», расположенную поблизости от Главного зала. Из различных показаний, данных на оправдательном процессе, мы узнаем, что эта комната находилась между двумя другими помещениями. И руанский горожанин Пьер Кюскель заявлял: «Я никогда не видал, чтобы ее вели в тюрьму, но два-три раза я видел ее в одном из помещений замка в Руане, около задней двери».

Находилась ли она в своей комнате, будучи заключенной в железную клетку, как это было в обычае по отношению к иным знатным господам, на которых приличия не давали возможности надеть оковы? Пребывала ли она днем в тюремной камере, запиравшейся цепью, и тайно препровождалась в свою комнату с наступлением ночи? Противоречий столько, что нам не дано сделать об этом никаких выводов. Одно достоверно: как-то у нее началось расстройство Желудка из-за блюда, приготовленного из карпа, которого Кошон прислал ей со своего стола. Значит ли это, что в ее распоряжении был повар? Совершенно неопровержимым является следующее: в те времена в «Дневнике парижского горожанина» высказывалось возмущение в связи с тем, что она «требовала, чтобы ее обслуживали как знатную даму…».

Но в таком случае чего же добивались те, кто отдал ее в руки английских наемников-«приставал»? Ведь после того, как ее девственность была установлена «как нетронутая» (что было, как уже говорилось, естественным), герцогиня Анна Бедфордская распорядилась о том, чтобы «охрана и прочие не смели причинять ей ни малейшего насилия», о чем свидетельствует судебный пристав Жан Мазье на оправдательном процессе. Было ли принято решение лишить ее той самой девственности, в которой кое-кому было угодно усматривать залог некоей непостижимой силы? Хотели ли сделать ее беременной, чтобы отсрочить вынесение смертного приговора? Ведь беременных женщин никогда не казнили: невинные дети, которых они вынашивали, должны были родиться в назначенный срок. По правде говоря, все возможно.

Как-то граф Линьи-Люксембург, графы Уорик и Стауффорт, а также канцлер Англии предложили Жанне освобождение в обмен на выкуп и «при условии, что она никогда больше не возьмет в руки оружия против англичан». Она решительно отказалась. Известно ли было ей, что Карл VII пригрозил герцогу Филиппу Доброму (Бургундскому) предпринять ответные

меры по отношению к какому-нибудь знатному пленнику, если с ней будут плохо обращаться?

Ведь в английских пленниках высокого ранга недостатка не было. В ходе сражения при Патэ 18 июня 1429 г. был взят в плен Джон Толбот, граф Шрусбери, зять графа Уорика; но Потон де Ксентрай, которому он сдался в плен, отослал его на родину, не взяв никакого выкупа. Оставался Гийом де Ла Поль, граф Суффолкский, также взятый в плен в бою, и, вероятно, кто-то еще, имена которых до нас не дошли. Стало быть, в заложниках знатного происхождения Карл VII недостатка не испытывал.

Но один эпизод ее заключения в Руане позволяет нам быть уверенными в том, что на деле с Жанной никто никогда не обращался как с обыкновенной ведьмой. Как-то утром ей показали камеру пыток, где уже находились наготове палачи и были зажжены горелки. Но потом без всяких объяснений было принято решение отказаться от допроса Жанны под пыткой. Если благодаря ее стойкости и уверенности судьи сочли, что они не добьются ничего более того, что они уже узнали, и что эта пытка не нужна, значит, Жанна заранее знала: пытке ее не подвергнут. Ибо без такой предварительной уверенности Жанна наверняка выказала бы себя куда менее ироничной по отношению к судьям. Увидеть такое зрелище, понять, что через несколько секунд начнется пытка, которая, быть может, будет продолжаться часами, — такое может сбить спесь и самоуверенность с самого дерзкого заключенного.

Скорее всего, ей уже было известно, что все кончится наилучшим образом, но, конечно, — заточением, которое все же куда предпочтительнее пламени костра.

В то время и на самом деле в замке Буврёй существовало устройство, с помощью которого в утро казни Жанну без всякой огласки вывели, в то время как все население собралось на площади Старого рынка ради зрелища сожжения.

Пусть читатель вернется к тому, о чем мы уже рассказывали. Ожидание продлилось час. Зачем? Надо было маленькому отряду, увозившему Жанну в новую тюрьму, дать время, чтобы отъехать достаточно далеко от Руана. Час скачки соответствует по меньшей мере примерно трем лье (12 км. — *Прим. перев.).*

Какое же это было устройство? Наипростейшее: внутри главной башни замка Буврёй, которая по-прежнему существует и известна под названием башни Жанны д’Арк, именно там, где ее причастили в утро казни, открывается колодец. Он сообщался с подземным ходом, который вел в так называемую башню «К полям», развалины которой еще можно обнаружить в здании, расположенном по улице Жанны д’Арк, в доме № 102. В ходе войны 1939–1945 гг. руанское гестапо использовало этот подземный ход, а также ряд других: в колодце оно укрепило железную лестницу, позволяющую попадать в него, *как это делалось и когда-то в давние времена.*

Тайный плен

13 мая 1431 г., за 11 дней до пресловутой церемонии отречения на кладбище Сент-Уэн, в Руане состоялся пышный пир, который устроил Ричард де Бошан, граф Уорик. На нем присутствовали:

— «английский» канцлер Франции Луи Люксембургский, епископ Теруанский;

— епископ Бовэ Пьер Кошон;

— епископ Нуайонский Жан де Майи;

— граф Жан Люксембургский;

— два бургундских рыцаря, один из которых — Эмон де Маси, влюбленный в Жанну, надеявшийся, как уже говорилось, на то, что ее «отдадут ему в жены»;

— Пьер де Монтон-Монротье, посланец герцога Амедея VIII Савойского, супруга Марии Бургундской, сестры Анны, герцогини Бедфордской. Стало быть, он был деверем герцога Бедфордского.

Если Жанна была дочерью Луи Орлеанского и Изабеллы Баварской, то, как мы уже отмечали, она являлась кузиной Анны Бедфордской. Тем самым через брачные связи она стала кузиной Амедея VIII Савойского.

Упомянутый пир, помимо всего прочего, был семейным советом знатнейших вельмож.

Вспомним, что в двух лье от Аннеси, столицы герцогства Савойского, резиденции Амедея VIII, точнее говоря, в Лаваньи — Ущельях Гордеца (Лаваньи Горж-дю-Фьер), возвышается прямо перед выходом из этих ущелий замок Монротье. За четыре года до этих событий герцог Савойский уступил его Пьеру де Монтону (1427 г.), и новый хозяин замка был его вассалом. Ему и вверялась охрана Жанны. Читатель сомневается в этом? Пусть в таком случае он узнает следующее.

Замок возвышался на 77 м над деревней Лаваньи. Вокруг его главной башни и вдоль стен извивалось ущелье, бывшее ложе Фьера, длиной в 800 м, расположенное между отвесных скал. Лучшей тюрьмы не мог выдумать тот, кому было поручено охранять особенно ценного заключенного.

Главная башня — огромная, цилиндрическая. В ней была так называемая *комната Алхимика.* Этажом выше находилось другое помещение, так называемая *тюрьма Девственницы.* Первая комната слыла бывшей лабораторией искателя философского камня. Второй приписывается традиция, восходящая к XV в. Жозеф Жиро в своей брошюре, выпущенной в Аннеси в 1949 г. под названием «Замок Монротье», излагает следующие факты:

«Рассказывают также, что в помещении, расположенном над предыдущей комнатой, так называемой тюрьмой Девственницы, некая девушка была заточена за то, что отказалась поддаться требованиям своего господина[95]; дни своего заключения она отмечала черточками, вырезанными в оконном проеме своего жилища».

Кроме того, в предисловии к книге подчеркивается, что ее автор «пишет не из любви к колоритным подробностям, переродившейся в снобизм, а потому, что *знает,* чем каждый век наделил эту башню и *эту комнату».*

Автор пишет слово «Девственница» *с большой буквы,* и черточки в оконном проеме замка Монротье соответствуют *четырем годам,* то есть именно тому времени, которое Жанна Девственница провела в неизвестном месте, прежде чем она стала Жанной дез Армуаз, ибо: 1432 + 4 = 1436.

Подтверждением этого *четырехлетнего* заключения в замке Монротье, в комнате, которая называлась тюрьмой Девственницы, служат строки «Дневника парижского горожанина» (рукопись была обнаружена в архивах Ватикана):

«Брат из ордена доминиканцев, инквизитор и магистр богословия, выступил с проповедью. Проповедник сказал также, что она отреклась от своих заблуждений и что в качестве покаяния ей было назначено *четыре года тюрьмы* на хлебе и воде, из которых она не отбыла ни дня…[96] Она требовала, чтобы ей служили как знатной даме».

Этим братом-проповедником из ордена доминиканцев был Жан Граверан, великий инквизитор Франции, который выступил с показаниями и на процессе по ее оправданию.

Этот срок заключения был отягощен предварительным содержанием в четырех стенах после бегства из Руана, коль скоро, как мы уже видели, англичанин Уильям Кэкстон в своей *«Летописи Англии»* в 1480 г. сообщал, что *при дворе герцога Бургундского* Девственница оставалась в узилище еще *девять месяцев* после спектакля с костром в Руане.

Небесполезно обратить внимание читателя на то, что Пьер де Монтон, участник торжественного пира 13 мая 1431 г. наряду с двумя рыцарями из Бургундии, одним из которых был влюбленный в Жанну Эмон де Маси, а также сеньор Монротье начиная с 1427 г., был не только вассалом герцога Амедея Савойского, но еще и его *советником и дипломатическим посредником между Карлом VII, Филиппом Добрым герцогом Бургундским и Карлом Орлеанским.*

В народной легенде явно смешалось несколько фактов, причинная связь которых в сознании деревенского люда не поддавалась никакому объяснению. Много месяцев напролет в самой верхней комнате главной замковой башни была заперта девушка, которую называли «Девственницей», как выражались воины, разговаривая на эту тему в деревенской харчевне. Конечно, для того, чтобы оказаться в таком заключении, не было другой причины, кроме той, что она не захотела отдаться своему владыке Пьеру де Монтону…

Но весьма вероятно, что Карл VII не согласился с тем, чтобы та, которая вручила ему французскую корону, та, которая была *его сестрой,* закончила свои дни так, как об этом втайне договорились с руанскими судьями (или, во всяком случае, с Пьером Кошоном, который, возможно, действовал по приказу Изабеллы Баварской, матери Жанны) и с еще одной сестрой, ставшей королевой Англии, — Екатериной де Валуа. Он знал, что ему никогда не простят, если он согласится на решение, сводившееся к пожизненному тюремному заключению. А Карл VII был человек мнительный, об этом говорят его душевные муки, связанные с вопросом о его законнорожденности. Обнаружены следы набегов, подготовленных для освобождения Жанны в Руане, а также следы переговоров о выплате возможного выкупа. Эти попытки потерпели неудачу. Оставалось еще одно: помочь ей бежать.

В самом деле, 15 января 1432/1433 г., *спустя восемь месяцев после мнимой смерти,* мы вновь встречаемся с Раулем де Гокуром, губернатором провинции Валентинуа. Он ушел с непосредственной службы Карлу VII и от связанных с этим многочисленных обязанностей и поселился в Балансе. Объяснение для окружающих: герцог Савойский, Амедей VIII, чинит трудности в этом самом Валентинуа по кое-каким вопросам наследства и потворствует попыткам разжечь войну (см.: *Клод Бернар.* История Бюи-ле-Баронни).

Надо напомнить, что графство Валентинуа было продано престолонаследнику Карлу VII в 1419 г. Но он не смог выполнить условия продажи, и графство приобрел Амедей VIII герцог Савойский. В 1446 г. он уступит его в обмен на графство Фосиньи со столицей в Бонвилле (нынешний департамент Верхняя Савойя).

Но так ли уж доподлинно смуты, творимые Амедеем VIII, послужили оправданием для прибытия в Валентинуа Рауля де Гокура во главе целого маленького войска? Может быть, цель заключается в том, чтобы как-нибудь окружить деревню Лаваньи и ее замок Монротье? Ведь расстояние от Баланса до Аннеси не больше, чем от Парижа до Кана. А в Монротье томилась в заключении некая *Девственница,* которой суждено было пробыть там *четыре года,* судя по меткам, оставленным ее рукой в узком оконном проеме ее *тюрьмы.*

И тут нас поджидает одна неожиданность за другой. Перенесемся же на четыре года вперед и вернемся в Лотарингию, в тот самый благословенный 1436 г.

Второе появление героини

В начале XVI в. жил в Меце некий Филипп де Виньёль, который вел дневник. В его *«Летописи»* сообщается:

«В воскресенье, в 20-й день мая 1436 г., девица, именовавшаяся Клод, одетая по-женски, *была явлена*[97] как Жанна Девственница, и найдена она была в некоем месте подле Меца, именуемом Гранж-оз-Орм („Гумно под вязами". — *Прим. перев.)*, и были там оба брата названной Жанны, каковые удостоверили, что то была она» *(указ. соч.* На этот текст указал Кишера. См.: *Процесс,* V, 234.).

О том же говорит следующее место в относящейся к тому же времени *«Мецской летописи настоятеля собора святого Тьебо»:*

«В сем году (1436 г.), в 20-й день мая, Девственница Жанна, *каковая пребывала во Франции,* прибыла в Гранж-оз-Орм подле Сен-Приве и *была туда приведена,* чтобы поговорить с некоторыми из вельмож Меца, и велела называть ее Клод… И в тот же день навестили ее оба брата, из коих один был рыцарем, а называть себя велел мессир Пьер, а другой, Маленький Жан, был оруженосцем. И думали они, что она была сожжена. И когда увидели они ее, они ее признали, *и так же поступила она с ними» (указ. соч.).*

Следовательно, Жанна вернулась в Лотарингию не одна: привезла ее туда некая группа сопровождавших лиц, и путешествовала она под чужим именем: Клод (это имя употребляется как в мужском, так и в женском роде). Во время этого путешествия она была одета в женскую одежду. В одном из следующих абзацев мы затронем вопрос о том, почему было выбрано такое имя, а также о личности тех, кто привез ее в Сен-Приве[98].

Итак, Пьер д'Арк — рыцарь; Жан д'Арк, его младший брат, — оруженосец. Пьер стал бальи Вермандуа, командующим крепостью Шартра, затем занял такой же пост в Вокулёре, где сменил на нем Робера де Бодрикура. Этот последний не уезжал оттуда до 1437 г., когда был назначен бальи в Шомон-ан-Бассиньи.

Робер де Бодрикур не мог не знать о возвращении Девственницы, раз ей суждено было стать его свояченицей после вступления в брак с Робером дез Армуазом в 1436 г., как мы уже отмечали.

Но вернемся к братьям Пьеру и Жану д'Аркам:

«И в понедельник 21 мая они доставили свою сестру в Бакийон, а там владыка Николя Лув, рыцарь, дал ей скакуна ценой в 30 франков и пару кожаных поножей. Сеньор Обер Буле дал ей капюшон, а владыка Николя Гронье — меч».

Кто же это — Николя Лув? Первоначально — богатый разночинец, посвященный в рыцари (а значит, получивший дворянское звание в Реймсе по окончании коронации Карла VII, который это посвящение осуществлял самолично при участии Жанны и по ее настоятельной просьбе). Именитый гражданин (нотабль) Меца, Николя Лув часто упоминается в *«Летописи настоятеля собора св. Тибо».* Предварительное посвящение в рыцари он прошел еще в Иерусалиме, у монахов Гроба Господня, но этого было мало для получения дворянского достоинства во Франции. Требовалось подтверждение.

Конечно, некоторые выдвинули неизбежное возражение: ведь Жанна была сожжена в Руане! Но в одном из следующих отрывков подтверждается, что в конце концов Жофруа Деке и «несколько лиц из Меца», навестившие ее в Марьеле, «доподлинно признали, что она, несомненно, Жанна Девственница Французская». Заметим, что в ту пору Николя Лув был камергером и советником герцога Бургундского, Филиппа Доброго. Позднее он занимал те же должности при Карле VII. К 1436 г. не прошло еще и семи лет после коронации в Реймсе в 1429 г. Своим дворянством он, стало быть, обязан Жанне. От девушки, появившейся в жалком состоянии, ждать ему больше ничего не приходится. Чего ради он стал бы в таком случае соучастником подмены, заподозри он, что перед ним — не та самая Девственница? Обер Буле, называемый *сеньором,* являлся главой старшин в городе Меце, а Николя Гронье — губернатором. Зачем нужно было им участвовать в мошенничестве, из-за которого они могли бы получить только крупные неприятности?

Но вот что еще говорится в *«Летописи настоятеля собора св. Тьебо в Меце»* о вновь объявившейся Жанне:

«Она сказала несколько слов владыке Николя Луву, из которых он понял, что именно она пребывала во Франции, и она была опознана *по нескольким признакам* как Девственница Жанна Французская, которая привела короля Карла VII на коронацию в Реймс» *(указ. соч.).*

Речь явно шла о красном пятне за правым ухом и о шрамах от прежних ран.

Небесполезно и оправдать имя Клод, избранное Жанной при таком новом ее появлении.

В средние века люди, попавшие в плен или в тюрьму, могли о своем освобождении молить двух небесных покровителей: св. Леонарда, первоначально — соратника Хлодвига, обращенного в христианскую веру св. Ремигием после победы при Тольбиаке и основавшего монастырь в Нобла, поблизости от Лиможа. Празднуется 6 ноября; св. Клода (Клавдия), тюремщика в Риме в 303 г., крещенного св. Поликарпом после обращения в христианскую веру, а затем мученически утопленного в море вместе с другими заключенными. Празднуется 8 ноября.

Набожные люди (к ним относилась и Жанна) не обращались к св. Леонарду, ибо этим именем колдуны называли козла, изображавшего дьявола на шабаше. Очевидно, что дьявол — тоже покровитель и владыка душ, обреченных на ад, каковые также представляют собой пленников. Все это следовало из игры слов. А эти игры, которые тогда так все любили, создавали *магию звука,* или *«птичий язык»,* по выражению герметистов. Действительно, истолкованное с их помощью имя Леонард состояло из двух слов: «leon» и «ars», причем слово «ars» на французском языке того времени означало «гореть», а «леон» (по-латыни «лео») означало «лев». На древнееврейском языке «Ариэль», *как назывался жертвенник,* означает «лев Господен»[99].

Легко понять, отчего Жанна в качестве чужого имени предпочла в ходе этой обратной поездки в свои родные края, в Барруа, совершавшейся инкогнито, использовать имя Клод, тем более что оно было как мужским, так и женским, как и ее собственная личность. Ехала она в женской одежде, но не замедлила вновь вернуться к мужской.

Она, несомненно, полагала, что своим освобождением обязана *св. Клоду Тюремщику,* которому она наверняка возносила традиционные молитвы — девятины, тем более что если Жанна и в самом деле была тем таинственным ребенком, который родился во дворце Барбетт *10 ноября 1407* г., то в соответствии с тогдашним календарем она из суеверных побуждений могла усмотреть связь со св. Клавдием, праздник которого отмечается *8 ноября.* Заметим, что необходимо исключить св. Клавдия, епископа Безансонского в VI в., празднуемого 6 июня; опять же замуж она вышла 7 *ноября…*

Чрезвычайно важным представляется и то обстоятельство, что вновь таким образом объявившаяся Девственница вернулась на жительство в ту же местность, протяженность которой примерно 60 км с севера на юг и 30 км — с востока на запад.

Иными словами, она вернулась *в места своего детства, туда, где она легче всего могла быть узнанной, а самозванка — разоблаченной, и это случилось всего лишь через четыре года после ее официально провозглашенной смерти. Там ей суждено было вступить в брак, как уже было рассказано ранее.*

Девушка, которая стала бы выдавать себя за Жанну, отправилась бы на поиски простаков подальше от этих мест. И будучи самозванкой, она обязательно должна была бы выглядеть двойником Жанны. Но ведь в то время *не существовало ее портретов.* Да и подпись, которую Дама дез Армуаз ставила в конце своих писем, направляемых Карлу VII или в город Орлеан, в точности такая же, как та, которую Жанна Девственница поставила в конце своего письма жителям Реймса 16 марта 1430 г. Каким образом мнимая Жанна могла бы ознакомиться с этим редчайшим образчиком ее почерка и воспроизвести его?

Да и, впрочем, как допустить, будто Робер де Бодрикур и его супруга Аларда де Шамбле, еще находившиеся в Вокулёре в 1436 г., в то время когда Жанна выходила замуж за Робера дез Армуаза, *их кузена через брачные связи,* стали бы терпеть, что новая супруга этого последнего осмеливается присваивать себе титул Девственницы Французской в брачном контракте и в прочих затем последовавших актах, если бы они сочли, что перед ними самозванка: они ведь прекрасно знали Жанну тогда, когда она отправлялась в Шинон.

С другой стороны, каким образом эта Девственница, столь легко опознанная в тех местах, где прошли ее детство и отрочество, будь она всего лишь смиренной крестьянкой из этих краев, могла бы семью годами позже выйти замуж за такого вельможу, как Робер дез Армуаз, род которого восходил к прежним графам Фландрским, род, один из членов которого сочетался браком с Юдифью, дочерью короля Карла Лысого, а другой — с овдовевшей королевой Португалии? Могла ли бы она благодаря этому браку породниться с Робером де Бодрикуром, *не имея,* как мы уже видели, *никакой фамилии,* нося всего лишь простую и обыкновенную кличку? Удалось ли бы ей в течение нескольких месяцев накануне свадьбы прожить в Арлоне при герцогине Люксембургской, династия которой через брак породнилась с династией Сигизмунда, императора «Священной Римской империи»?

Поставить такие вопросы — значит наверняка найти на них ответ.

Но до того, как составлять длинный, внушительный список лиц, опознавших Жанну Девственницу в Даме дез Армуаз, мы хотели бы сделать несколько уточнений относительно условий, в которых произошло ее возвращение, и разъяснить, как ей удалось выйти из башни замка Монротье и вновь оказаться в Лотарингии, там же, где прошло ее детство. Ведь это случилось уже после того, как Рауль де Гокур со своим небольшим войском, как уже говорилось, занял свои позиции.

Прежде всего надо сделать одно предварительное замечание: не Жанна обдумала условия своего путешествия на родину; не ею было выбрано место, где она объявилась перед людьми. Все это зависело не от нее, а от ряда обстоятельств, куда более жестко диктовавших свою волю.

В 1976 г. Филипп Контамин опубликовал работу, озаглавленную *«Знать в средние века. Исследования памяти Робера Бутрю-ша».* В этой книге есть большая глава, посвященная *«Одному городскому дворянину — владыке Николя Луву, горожанину Меца».* Ее автор — Жан Шнайдер, которого не следует путать с Эдуардом Шнайдером, написавшим книгу «Жанна д'Арк и ее лилии» и обнаружившим *«Книгу Пуатье»* или, во всяком случае, документы, содержащие не менее важные свидетельства.

В данной главе о Николя Луве выделим следующее место:

«Весной 1436 г. Жан Потон де Ксентрай возвратился с Жаном де Бланшфором для того, чтобы расквартировать свое войско *„живодеров"* в Жарнизи, где у Робера де Бодрикура были связи, в частности с Робером дез Армуазом, сеньором Тишемона. Два этих человека доставили в окрестности Меца некую молодую особу, *первоначально именовавшуюся Клод,* в которой по приглашению Бодрикура двое братьев и одна сестра Жанны д'Арк признали Девственницу».

Но ведь именно 20 мая 1436 г. называют и прочие летописи! Жарнизи — это местность вокруг Жарни, коммуны, расположенной в 12 км к северу от Шамбле, лена Дамы де Бодрикур, и в 18 км от Сен-Приве, коммуны в Монтиньи-ле-Мец, где и находится названное место Гранж-оз-Орм.

Жан Потон де Ксентрай нам знаком: он был одним из членов той группы воинов, которая была предоставлена Девственнице, и закончил впоследствии свои дни в звании маршала Франции.

Его помощник Жан де Бланшфор принадлежал к прославленной лимузенской семье, известной с 1125 г., связанной через браки с Шабаннами[100]. В те времена Ги де Бланшфор, отец Жана, супруг Суверены д'Обюссон, был *камергером Карла VII.* Это был весьма знатный род, положивший в свою очередь начало родам Тюреннов и Вантадуров. Бесполезно отыскивать упоминание о штурме замка Монротье, предпринятом Ксентраем, этим бесстрашным опытным воином. Нам не удалось найти его следов. Создается впечатление, что все произошло куда проще. Можно предположить, что Девственница совершила из замка побег с помощью весьма знатных особ, таких, как, например, герцог Савойский, Луи I, сын

Амедея VIII, представленный на руанском пиру, о котором уже говорилось. Этот последний, приняв монашеский сан, жил в своем замке Рипай, неподалеку от Тонона. Прозванный «Миролюбивым», он впоследствии стал римским папой под именем Феликса V. В моральном плане он вполне мог оказать содействие «побегу» Жанны, своей свояченицы через брачные связи.

Подготовить этот «побег», проходивший в столь облегченных условиях, было поручено нескольким бравым молодцам, которые затем составили немногочисленный отряд, сопровождавший Жанну к Ксентраю на пограничную территорию, находившуюся в вассальной зависимости от короля Франции. Двигались они, вероятно, на Лион, а то и севернее, к границе графства Форез: ехать напрямую через герцогство Бургундское было тогда совершенно невозможно.

Как только небольшое войско добралось до Жарнизи, где оно и разместилось, Жанну, которая до того ехала в женской одежде и под именем Клод, препроводили туда, где ее должны были найти, — в Гранж-оз-Орм, в Сен-Приве, не забыв известить о ее возвращении Бодрикура, который затем должен был вызвать братьев Жана и Пьера д'Арков, а также Катрин д'Арк, если доверять тексту. Что он и исполнил. Дальнейшее известно.

Открытие, сделанное Жаном Шнайдером в этих архивных данных о Николя Луве, тем ценнее, что сам-то он считает вновь объявившуюся Жанну самозванкой. Следовательно, нашу точку зрения он поддерживает невольно. Но благодаря ему нам отныне стали известны имена людей, доставивших Девственницу в Лотарингию: то были Жан Потон де Ксентрай, а также его помощник Жан де Бланшфор…

Теперь, прежде чем продолжить это расследование, надо воссоздать для читателя политическую обстановку, в которой проходили описываемые события. Это поможет лучше понять их.

В 1435 г. Аррасский договор освободил герцога Бургундского от вассальной зависимости по отношению к королю Франции, а вместе с тем от союзнических обязательств по отношению к королю Англии. С восстановлением мира между Бургундией и Францией у Филиппа Доброго разыгрался аппетит в отношении небольших лотарингских государств и герцогства Люксембургского, которое входило в «Священную Римскую империю».

Прибегнув к разным хитростям, Филипп Добрый втайне посеял рознь между герцогиней Люксембургской Элизабет фон Гёрлиц и ее дядей и сюзереном императором Сигизмундом, что дало Филиппу возможность полуофициально назначить графа Робера де Варнембурга на пост сенешаля Люксембурга. Семейство этого графа с 1270 г. находилось в вассальной зависимости от Люксембурга.

Но в 1431 г. герцогом Лотарингским стал, получив титул в наследство от своей жены Изабеллы, герцог Барский, Ренэ Анжуйский, шурин Карла VII. В Лотарингии правили потомки знатного рода, у которых была общая мать; Изабелла была старшей. Ее брат Антуан, граф де Водемон, ссылаясь на салический закон, оспорил такую передачу владения. Бургундия поддержала его. В июле 1431 г. в битве при Бюльньевилле он взял в плен Ренэ Анжуйского. В начале 1437 г. этот последний, уплатив выкуп, был освобожден при содействии Филиппа Доброго. За это ему пришлось поступиться значительными территориями, которые в свою очередь постоянно привлекали внимание Карла VII, оказывавшего несомненную поддержку своему шурину Ренэ Анжуйскому (Ренэ I).

В 1439 г. Генеральные штаты, собравшиеся в Орлеане, постановили уплачивать вечную подать королю в размере 1 млн. 200 тыс. ливров в обмен на решение избавиться от войск наемников, состоявших из французов и иностранцев, и создать национальную армию. Сформированная на основе своего рода всеобщей воинской повинности, такая армия впоследствии оказалась весьма сомнительного достоинства (в ее состав входили роты регулярных войск и вольные стрелки), что потребовало возврата к профессиональной армии.

Ну а пока Карлу VII предстояло избавиться от уже действовавших больших рот. Часть из них он передислоцировал в Лотарингию, поставив их под начало Жана Потона де Ксентрая и Жана де Бланшфора, а прочих — в

Швейцарию, где под командованием второго из сыновей короля они приняли участие в «Цюрихской войне»[101].

И вот таким-то образом Потон де Ксентрай повел своих «ветеранов» в Лотарингию для усиления войск Ренэ I Барского, ставшего Ренэ I Лотарингским, и для того, чтобы обречь на неудачу экспансионистский план герцога Бургундского, который ради удовлетворения своих великодержавных помыслов обзавелся прозвищем «великого герцога Запада»[102]. У Ренэ I была на месте поддержка в лице могущественного вельможи Жана де Родемака, к тому же его надежного друга.

Он вместе с Жаном де Родемаком когда-то принимал участие в коронации Карла VII в Реймсе. Вместе с армией Девственницы они в дальнейшем предпринимали атаку на Париж, участвуя в сражении 8 сентября 1429 г. у ворот Сент-Оноре, где Жанна была ранена. В 1436 г. Жан де Родемак располагал многочисленным войском, с помощью которого он «прикрывал» Барруа и Шампань.

С другой стороны, Ксентрай, получив в Орлеане приказ двинуться на Лотарингию, предложил (подчиняясь суеверию или веря в способности Жанны?) доставить туда Жанну — как некий магический талисман победы. Ведь в ту пору, весной 1436 г., Ренэ I Лотарингский вновь воевал с графом Водемоном, которому на самом деле отводилась роль всего лишь пешки на лотарингской шахматной доске, пешки, тайно приводимой в движение герцогом Бургундским. Будущий Людовик XI, а пока дофин наблюдал за этой захватнической политикой, уроки которой усваивал впрок.

Как бы там ни было, это прибытие наемников Ксентрая в Лотарингию, *бесспорно, совпадает со вторым появлением Жанны, а стало быть, с ее освобождением из Монротье или из другого места.*

Кого осенила такая мысль — Ксентрая, Жана де Родемака, благодаря браку породнившегося с Карлом VII, а следовательно, и с Девственницей[103], Ренэ Лотарингского (как уже отмечалось, он был другом обоих)? При нынешнем состоянии французских источников нам вместо какого-либо ответа приходится утверждать одно: *Жанна была освобождена и вместе с Ксентраем и Бланшфором 20 мая 1436 г. в Меце вновь появилась во главе их «ветеранов»…*

А теперь мы примемся за составление списка тех, кто признал Жанну Девственницу в будущей Даме дез Армуаз.

Список этот будет длинным. Сторонники легенды проявляют немалое упорство (и даже в том, что касается иных из них, которые *знают* истинное положение дел, немало злого умысла), когда во всех этих важных особах, среди которых — король Франции собственной персоной, они усматривают лишь простаков иЛи жертв обмана, а то и соучастников подлога: ведь кое-кто не гнушается и таким обвинением.

Но на какие выгоды могли польститься пресловутые соучастники?

Свидетели опознания

В «Профсоюзном бюллетене учителей» за октябрь 1924 г. содержится следующее весьма разумное рассуждение:

«Для нас, живущих в XX в., было бы несколько некорректным через пять веков после смерти героини провозглашать: „Это была мнимая Жанна д'Арк…", заявляя орлеанцам, *которые ее видели:* „Вы были дураками", в то время как *мы сами никогда ее не видели…»*

В 1978 г. мы побывали в Шиноне. Беседуя с некоей 50-летней девицей, *поклонявшейся Богоматери и девственности,* мы тщетно пытались вразумить ее, говоря, что Дед Мороз не

существует, хотя в него верят миллионы детей. Она яростно противопоставляла нам «таинство веры» как аргумент в пользу дорогой ее сердцу легенды. Наш труд пропал даром. При посещении замка нам не удалось получить ничего, кроме взглядов, исполненных ненависти! Как видно, фанатизм не уживается с бескорыстными поисками исторической истины!

Но вернемся к свидетельствам об опознании.

К 24 августа 1439 г. Карл VII прибыл в Орлеан. 24-го же он председательствовал на большом королевском совете. А Жанна уже была на пути в город, который вскоре вновь оказал ей восторженный прием. Вот что мы читаем в *«Счетах крепости»* города Орлеана под датой 9 августа 1439 г.:

«9 августа: Пьеру Боратену и Жану Бамбашелье для передачи Флёр-де-Лису, герольду, в виде суммы, для него предназначенной: два золотых реала за то, что он доставил в город письма от Жанны Девственницы».

Флёр-де-Лис — это *гербовое имя* одного из тех двух герольдов, которые в 1429 г. в Шиноне были включены в военное подразделение, предоставленное Жанне. Второй именовался *Кёр-де-Лис.* Значит, Флёр-де-Лис, едва произошло второе появление Жанны, вновь попал к ней на службу. Но продолжим:

«27 *августа:* Для передачи Жану дю Лису, брату Девственницы, предназначенной ему суммы в 12 турнейских ливров, поскольку названный брат Девственницы явился в Городскую палату с прошением к господам, ведающим снабжением города, о том, чтобы соблаговолили они помочь ему кое-какими деньгами, дабы мог он вернуться к упомянутой сестре. *Говоря, что явился он с ведома Короля и что Король назначил ему 100 франков* и приказал, чтобы таковые были ему выданы, но это сделано не было: ему передали всего лишь 20 франков. И осталось у него всего восемь франков, что было недостаточным для возвращения».

А встреча между Жанной и Карлом VII состоялась тогда, когда Жан дю Лис, иначе именуемый Жан д'Арк, уже вернулся к ней, несомненно, для того, чтобы уведомить ее о согласии короля на такую встречу. Сама же она в свою очередь должна была прибыть в Орлеан к концу сентября 1439 г.

Свидание состоялось в саду Жака Буше, управляющего городом Орлеаном в хозяйственных вопросах: «Было оно в саду, в большой беседке», согласно Гийому Гуффье, сеньору де Буази и камергеру короля Карла VII.

«Жанна направилась прямо к королю, чем он был поражен и не сумел найти других слов, как те, что сказал ей очень ласково, поклонившись: „Девственница, душенька моя, добро пожаловать, во имя Господа нашего, ведающего тайну, которая есть между Вами и мной…" Эта мнимая девственница, едва услыхав слово „тайна", преклонила колени».

Защитники легенды буквально истолковали слово «мнимая», не попытавшись выяснить, имело ли оно в сознании Гуффье де Буази то же самое значение. Они поступили неправильно. Ведь мы должны отметить, что камергер короля называет ее именно Жанной; для него она — вновь объявившаяся Девственница. Но теперь она — Дама дез Армуаз, законная супруга одного лотарингского вельможи. Каким же образом можно было ей называть себя и именоваться Девственницей? Ведь замужняя женщина таковой больше не является. Так мыслит Гуффье де Буази, которому неведомо, *отчего когда-то ее называли таким именем!*

Ведь добрый народ не затруднял себя тонкостями латыни. Ему были чужды оттенки, разделяющие слова «puella» и «virgo» *(«девушка»* и *«девственница»). Девственность была нравственной стороной этого состояния; девичество было его телесным проявлением. Но при зачаточных гинекологических познаниях тех времен некоторые анатомические особенности, никоим образом не связанные с нравственной или религиозной стороной дела, оставались непостижимыми.*

То, что Карл VII недвусмысленно опознал в коленопреклоненной Даме дез Армуаз Девственницу, подтверждается тем, что Ни на одно мгновение не возникал вопрос о том, что она могла быть самозванкой. *Никогда никаких претензий не было предъявлено ни к ней, ни к ее спутникам.*[104]

А ведь Карла VII при этой встрече окружали: Жан Дюнуа, бастард Орлеанский; Карл Анжуйский; господин де Шомон; архиепископ Вьеннский; а главное, Жан Рабато, у которого Жанна проживала в 1429 г. Ему предстояло вступить в обязанности председателя парижского парламента (в те времена — судебный орган. — *Прим. перев.).* Более того, там был и архиепископ Реймсский Реньо, *участник венчания на царство,* который прекрасно знал Жанну, встречаясь с ней и в Шиноне, и в Реймсе в 1429 г.

После этого свидания с Карлом VII у Дамы дез Армуаз не было никаких неприятностей, и *она пробыла в Орлеане до 4 сентября 1439 г.*

Во время этого пребывания она свободно разъезжала по городу, и приемы следовали один за другим. Об этом свидетельствуют *«Счета Орлеанской крепости». Эти бесценные документы еще существуют в то время, как мы пишем эти строки. Во всяком случае, существовали в 1969 г.* Надеемся, что фальсификаторы истории не сумеют их ликвидировать.

Отсюда ясно, что (вопреки злонамеренным выдумкам Пьера Сала, сочиненным через 100 лет после описываемых событий) там была не лже-Девственница, а доподлинная Девственница. Пьер Сала спутал два разных рассказа, относившихся к двум разным лицам, жившим в разные эпохи. Ведь в «Счетах крепости» упоминаются многочисленные приемы и угощения вином для «Дамы дез Армуаз»: 18 июля 1439 г., 29 июля 1439 г., 30 июля 1439 г., 31 июля 1439 г., 1 августа 1439 г. И того же 1 августа город преподнес ей дар в 210 ливров «за добро, которое она сотворила для города во время осады». В данном случае в тогдашнем реестре уточняется: «Жанне дез Армуаз». Празднества эти возобновились после ее возвращения 4 сентября 1440 г., когда в честь «Дамы Жанны дез Армуаз» вновь устраивается почетное угощение вином. Мы не оговорились: 1440 г…

Как можно после всего этого нагло утверждать, будто Жанна была разоблачена и заключена в тюрьму после своей беседы с Карлом VII, как это делает академик Морис Гарсон?[105]

Наконец, 30 сентября в присутствии короля, королевы Иоланды Анжуйской и Сицилийской (тещи короля), Марии Анжуйской (его супруги) и всего французского двора Жиль де Рэ дал представление своей разорительной «Мистерии об осаде Орлеана», в ходе которой актеры называли Девственницу Дамой Жанной, Благородной Принцессой, Благороднейшей и Превосходной Принцессой. Незаконное употребление всех этих титулов в те поры каралось тюремным заключением. Представление это было устроено маршалом де Рэ по случаю начала работы Генеральных штатов в Орлеане. Что делало еще более значительными все эти термины, употребленные по отношению к Жанне.

А сама она была на представлении? Неизвестно. Важно, однако, что в 1438 г., овдовев, в Орлеан на жительство переехала Изабелла де Вутон, прозванная Римлянкой, ее «официальная» мать. Город принял ее с почетом, назначил ей ренту, выплачивавшуюся вплоть до ее смерти в 1458 г. Ясно, что, не признав своей «дочерью» Даму дез Армуаз, Изабелла превратилась бы в соучастницу мошенничества (раз она своевременно не разоблачила ее как самозванку), жертвой которого оказался бы король Франции. Да и что бы она от этого выиграла? Ничего хорошего.

Вместе с тем, именно начиная с визита, нанесенного Дамой дез Армуаз в августе — сентябре 1439 г., город Орлеан прекратил ежегодные обедни за упокой души той, которую считали погибшей в Руане. Служили их в мае. Дело в том, что, несмотря на письма, поступавшие от нее начиная с 1436 г., эти обедни до того не были отменены. Недоверчивые орлеанцы, таким образом, дождались свидания с ней, услыхали ее голос и только тогда

сделали соответствующий вывод и перестали устраивать церковные службы. Ясно, что все, у кого она жила, кто мог приблизиться к ней в 1429 г., были отныне уверены, что она жива и здорова. Ведь не считая таких примет, как красное пятно за правым ухом, у нее были еще и шрамы от старых ран. Все это составляло часть ее внешнего облика, к тому же голос, ее осанка давали возможность опознать ее.

Пора теперь составить список тех, кто счел своим долгом обнаружить в Даме дез Армуаз ту, которая для них по-прежнему оставалась Жанной Девственницей.

В королевской семье мы находим: Карла VII, его тещу королеву Иоланду Анжуйскую, его жену Марию Анжуйскую (обе они присутствовали на гинекологическом осмотре Жанны во время ее прибытия в Шинон в 1429 г.), а также его шурина Карла Анжуйского.

Был еще один принц, также выступавший в роли свидетеля тождества Жанны Девственницы и Дамы дез Армуаз. Это — Карл Орлеанский. Еще будучи пленником в Лондоне, он направил ей в Шинон через герцогского казначея крупные суммы, чтобы она могла облечься в пышные одеяния цветов, которые были приняты у Орлеанской династии: то был зеленый «цвет утраты», носимый в знак траура после злодейского убийства герцога Луи в 1407 г.

Это обстоятельство симптоматично. В архивах департамента Луар-э-Шер когда-то хранился список расходов, предпринятых городом Блуа ради Жанны по приказу Карла Орлеанского в связи с ее бракосочетанием с Робером дез Лрмуазом. *Документ датируется ноябрем 1436 г. Его держал в руках один из наших коллег. Ныне он исчез.* Фальсификаторы истории не обошли своим вниманием и Блуа… Но вернемся к нашим свидетелям.

Со стороны семейства д’Арк в этом качестве выступают Изабелла де Вутон, прозванная Римлянкой, «официальная» мать Жанны, ее два брата, Жан и Пьер д’Арки. Кроме того, имеется свидетельство Карла Орлеанского, сводного брата Жанны, а также ее так называемой сестры, Катрин д’Арк.

Со стороны бывших членов ее военного штата выступают: Жан Дюнуа, бастард Орлеанский, ее сводный брат; Жиль де Рэ, ее кузен через брачные связи; Потон де Ксентрай; оба ее герольда — *Флёр-де-Лис* и *Кёр-де-Лис.*

В *«Счетах»,* составленных в Орлеане, фигурирует еще одно звучное имя из числа тех, кто входил в ее военный штат: это Жак де Шабанн Ла Паллис. Утром 5 августа 1439 г. «10 пинт и кружек вина» были преподнесены «Жану, брату Девственницы» (там же подсчеты, касающиеся какого-то ужина). Говорится явно о нем и о небольшом отряде сопровождения. Но в тот же день Жак де Шабанн получил те же суммы для себя и своих сопровождающих. Они вместе прибыли? Или вместе отправились восвояси? В *«Счетах Орлеанской крепости»* это не уточняется. Но, несомненно, господин де Шабанн встретился с Жаном д’Арком, *рыцарем,* который наверняка поставил его в известность насчет возвращения Девственницы. А Жак де Шабанн Ла Паллис, выполнявший тайные поручения Карла VII, в это время назначенный сенешалем Тулузы, комендантом гарнизонов в Корбее, Венсенне и Бри-Конт-Робере, не допустил бы, чтобы какая-то мнимая Жанна самозванно выдавала себя за настоящую. *Тайный агент короля,* он явно знал, как надо понимать это второе появление.

В самом Орлеане при ее возвращении туда подтвердить истину могли весь Орлеанский совет, Жан Рабато, ее хозяин в Пуатье в 1429 г., в то время королевский прокурор, председатель парижского парламента; монсеньор Рено де Шартр, в те времена — великий капеллан Франции в Шиноне, венчавший Карла VII на царство в Реймсе, а тогда — архиепископ Орлеанский.

В Меце — Дама де Бодрикур, урожденная Аларда де Шамбле, препоручившая Жанну под клятву Жану Новелонпону при ее отъезде в Шинон. А Робер дез Армуаз, посвященный в рыцари в 1418 г., кузен (благодаря брачным связям) Дамы де Бодрикур и Робера де Бодрикура, большой друг Николя Лува, получившего по настоянию Жанны рыцарское

достоинство при коронации в Реймсе, ставший советником и камергером герцога Бургундского, Филиппа Доброго, а затем — камергером Карла VII. Роберу дез Армуазу суждено было стать супругом Девственницы, о чем свидетельствуют уже цитировавшиеся акты.

К тому же свидетелями в Меце были: Обер де Буле, местный вельможа, главный старшина города; Николя Гронье, губернатор Меца; Жофруа Деке, городской казначей; Жан де Тонелетиль, вельможа из прилегавшей области; Гобеле де Дён, королевский прево, которые поставили свои подписи под брачным контрактом и другими актами, подтвердив тем самым, что они безоговорочно считали Даму дез Армуаз Девственницей Франции. Об этом говорят акты, скрепленные их печатями.

Наконец, в 1474 г. фиксируется официальное свидетельство Карла Смелого, сына Филиппа Доброго герцога Бургундского, очевидным образом слышавшего откровенные признания отца по этому поводу[106]. В том же (1474) году Карл Смелый в городе Нейс (Германия) велел составить гербовник, который в соответствии со своим названием был еще и *«Наставлениями для высших и низших чиновников, несущих благородную Гербовую службу».* Автором являлся Оливье де Ла Марш, капитан гвардейцев Карла Смелого и ближайший друг Гийома III Ле Бутейе де Санлиса, который был *в течение многих лет камергером герцога Карла Орлеанского.* Можно понять, что Оливье де Ла Марш получил доступ к надежнейшим генеалогическим источникам, тем более что Гийом III Ле Бутейе де Санлис через свою мать Мари де Сермуаз состоял в прямом родстве с семейством дез Армуаз.

В этом гербовнике 228 страниц, и делится он на три части:

а) 50 листов касаются турниров, правил геральдики и пр.;

б) на нескольких других листах описываются всякие церемонии, в которых приняли участие разные важные господа, принадлежавшие ко двору герцогов Бургундских;

в) все продолжение включает *гербы семей, породненных с этими господами,* а также гербы главных суверенов Европы.

И среди этих семей, породненных с герцогами Бургундскими, представлены гербы разных знатных вельмож, числящих свой род от французской королевской династии. «Числящих», а не «принадлежащих к королевской крови Франции». В глазах тогдашних людей тут было небольшое различие.

В самом деле, Жанна Девственница, незаконнорожденная дочь Луи Орлеанского и Изабо Баварской, доподлинно *ведет свой род* от этой королевской крови, но в силу ее незаконнорожденности ее нельзя было считать принадлежащей к ней. Иначе она располагала бы привилегиями и прерогативами, которых у нее в силу этой незаконнорожденности быть не могло.

Так вот, на 203-м листе этой рукописи мы обнаруживаем шесть гербов, принадлежавших шести главным «баронам» Франции. Известно, что термин *«барон»* означал в те времена знатнейшие фамилии королевства — пэров, а не баронов из оперетт, разыгранных между 1870 и 1914 гг. На листе, воспроизведенном на вклейке в данном труде, находятся, таким образом, гербы *графа де Монфора,* также являющегося герцогом Бретонским; *графа де Вермандуа; графа де Бомона; графа де Шартра* и *графа де* П… — имя прочесть невозможно, оно написано тогдашней скорописью. Иные угадывают: *де Перс.* На деле этот щит, «лазурный, с тремя львятами», в точности воспроизводит некий обратный порядок цветов, характерный для эпохи, различавший разные ветви одного семейства. Обратный порядок цветов обозначал «темную полосу». Ведь в гербе *графов де Перигор* «на багряном фоне три золотых львенка, вставших на дыбы, с высунутыми языками, с лазурными венцами: два из них занимают верхнюю треть щита, а один — нижнюю часть герба». Возможно, вместо «де Перс», предлагаемого иными палеографами, следует читать «Перигор»[107] или «Порсеан», титул и графство, полученные Дюнуа 29 марта 1427 г.

Но бесконечно важнее то обстоятельство, что во главе этого листа, *на почетном месте,* первым, находится герб, которым Карл VII наделил Жанну Девственницу, с подписью: *«Девственница Франции».*

На первом — до гербов прочих пэров! О важности ее герба уже говорилось. Этот гербовник мы держали в руках, он существует, к позору фальсификаторов истории. Он находится в Национальной библиотеке, в отделе рукописей, под шифром N.A.F. 4381. Этим открытием мы обязаны нашему другу графу де Сермуазу, любезно предоставившему фотокопию этого документа в апреле 1975 г. Как мы видим, после того как она была *Жанной Девственницей,* затем *Орлеанской Девственницей,* Жанна как *королевская принцесса* наделена здесь титулом «Девственница Франции», который сопровождал отныне все документы, в которых она выступает как «Дама дез Армуаз, супруга Робера, сеньора Тишемона, рыцаря».

Рукопись Национальной библиотеки представляет собой точную копию той, которая в 1474 г. была изготовлена в Нейсе. Она относится к концу XV или к началу XVI в. Наш друг Пьер де Сермуаз, весьма тщательно изучивший ее, датирует ее 1502 г. Она была куплена в декабре 1883 г. за 100 франков на распродаже «редких книг и драгоценных рукописей» *из одной коллекции.* Аукцион состоялся в Лисабоне.

Если припомнить, что Карл Смелый — сын Филиппа Доброго и *Изабеллы Португальской,* то можно предположить, что эта копия была изготовлена и преподнесена его деду и бабке, то есть королю Португалии Жоану II, снарядившему Васко да Гаму в величайшее морское путешествие того времени, и королеве. Так как Карл Смелый погиб в 1477 г., распорядилась изготовить и подарила эту рукописную копию, скорее всего, его дочь Мария Бургундская (супруга Максимилиана Австрийского).

Возможный интерес Карла Смелого к Жанне получает объяснение в их очевидном родстве. Если и в самом деле Девственница была дочерью Луи Орлеанского и Изабо Баварской, то, значит, она, как уже не раз отмечалось, была еще и единоутробной сестрой Карла VII, Екатерины де Валуа (королевы Англии), а также Мишель де Валуа, *первой супруги* Филиппа Доброго (отца Карла Смелого), который тем самым оказался *деверем* Жанны. Значит, у Карла Смелого, хоть и рожденного от третьего брака его отца (с Изабеллой Португальской), тоже существовала родственная связь с Девственницей, хотя бы моральная: через брачные связи она была в какой-то степени его теткой.

В этом ряду от Карла VII до Карла Смелого получается что-то уж слишком много глупцов или соучастников мошенничества, если по-прежнему доверяться нынешним ученейшим защитникам легенды.

Но может быть, они в данном случае занимаются не историей, а апологетикой[108].

Дальнейшие походы

Теперь нам предстоит вернуться к повествованию настоятеля собора св. Тьебо в Меце в его *«Летописи»:*

«После того как братья увезли ее, тотчас же вернулась она на Троицин день в город Марьель, остановившись у Жана Кена, и провела там около трех недель, после чего все втроем отправились к Богородице Радости.

…А потом направилась в город Арлон, который находится в герцогстве Люксембург. *Далее, находясь тогда в Арлоне, она пребывала постоянно подле герцогини Люксембургской и находилась там долгое время,* пока граф де Варнембург не увез ее в Кёльн к отцу своему герцогу де Варнембургу. И полюбил ее названный граф так сильно, что, когда она надумала возвращаться, он велел сделать для нее красивейшую кирасу, чтобы она облачилась в нее, и потом вернулась она в Арлон, и там был заключен брак мессира Робера дез Армуаза, рыцаря, с названной Жанной Девственницей. И потом уехал этот господин дез Армуаз со своей женой

Девственницей в Мец, в свой дом, который он имел близ церкви св. Сеголе-ны. И оставались они там, пока им было это угодно».

Не станем чересчур удивляться тому, что Жанна вновь предстала рядом с герцогиней Люксембургской и в обстановке этого арлон-ского двора, что она там была важной особой[109]. В самом деле, благодаря своему второму браку в 1419 г. — с Иоанном Баварским, братом Изабо (матери Жанны), Элизабет фон Гёрлиц[110] стала, таким образом, *по отношению к Девственнице теткой через брачные связи* (Иоанн Баварский Голландский, бывший принц и светский епископ Льежа, был отравлен и умер в 1425 г. (См.: А.Аттеи. *Жанна-Клод дез Армуаз: от Мозеля до Рейна).*

Но когда в Кёльне боевой и самовластный характер Жанны стал вновь требовать своего, ей захотелось встать на сторону одного из двух претендентов на пост архиепископа в Трире. Об этом сообщает Жан Нидер, летописец того времени, в своем труде *«Формикариус»,* написанном в 1437 г., то есть на следующий год после названных событий.

Тотчас же Девственницу вызвал к себе для расследования дела главный инквизитор города Майнца отец Генрих Кальтизерен, член ордена доминиканцев, находившийся тогда по служебным делам в Кёльне. Тем самым еще раз подтверждается тождество Жанны Девственницы и Дамы дез Армуаз, коль скоро в этих обстоятельствах — как при обсуждении проблемы трех пап, затронутой графом д'Арманьяком в 1429 г., — к ней, весьма вероятно, обратились с вопросом о ее мнении по поводу этих двух кандидатур. Вопрос мог исходить от лиц, принадлежавших ко двору герцога Варнембургского. Она, видимо, ответила, и опять с учетом своих *«голосов».* Но воспоминание о ее пребывании в Руане сделало ее осторожной. Вот почему она поспешила покинуть Кёльн, где ей покровительствовал граф де Варнембург, и укрыться в Арлоне.

Дело в том, что достопочтенный отец Кальтизерен (его называют также Кальтайзен или Кальтизен) выступил с решением о полном отлучении Жанны от церкви. И так как по-прежнему против нее действовал судебный приговор, вынесенный в Руане и приговоривший ее к сожжению на костре, то ее могли потащить на костер без всяких предварительных формальностей.

В самом деле, охранная грамота, выданная ей по приказу графа де Варнембурга, составлена на имя *Девственницы Франции*: «Девственнице Франции охранная грамота сроком на месяц может быть объявлена недействительной за три дня».

Этот документ хранится в Муниципальном архиве Кёльна[111].

Уже упоминавшаяся книга *«Формикариус»* достопочтенного отца Жана Нидера содержит многочисленные подробности об этом новом приключении Жанны. Принадлежа к ордену братьев-проповедников, прозванный «Инквизитором ведьм», он был очень хорошо осведомлен о вновь объявившейся Девственнице. И он подтвердил, что, по мнению достопочтенного отца Кальтизерена, именно она якобы по «Господнему велению» «венчала на царство короля Карла Французского». Он приписывает ей невообразимые чудеса, упрекает ее за то, что она носила оружие, военное снаряжение (кирасу, подаренную ей графом Варнембургским), плясала в хороводах с оруженосцами и участвовала в пирах чаще, чем следовало. Жанна не могла избежать всего этого, пребывая при дворе в Шиноне; и отсюда — роскошные наряды, женские или мужские, в которые она там облачалась.

А кроме того, будучи в Кёльне при дворе герцога Варнембургского, отца влюбленного в нее графа, она оказывалась в обстановке, которая полностью отличалась от ее тюремного заключения, длившегося четыре года. И ей было всего 29 лет! Отец Жан Нидер, преисполненный злобной воинственности, забывает, что девица, в жилах которой течет только королевская кровь, не может жить так, как неотесанная ханжа в среде разночинцев, особенно когда у такой девушки было положение военачальника.

Но оба этих свидетеля тождества между Жанной, вновь объявившейся, и Жанной до процесса в Руане чрезвычайно ценны еще и в силу своих чисто личных качеств. Отец Кальтизерен фактически стал с 1 мая 1440 г. мажордомом дворца Святейшего Престола. В Риме он оставался до 1447 г. А отцу Жану Нидеру во время его пребывания в Богемии выпал случай познакомиться с письмом, которое Девственница направила гуситам, угрожая им новым крестовым походом. Как видим, события, связанные с Жанной, его волнуют чрезвычайно.

Вернувшись в Мец, где ей предстояло сочетаться браком с Робером дез Армуазом, она направила гонцов к Карлу VII, который в то время находился в Туре. Речь шла о предстоявшей встрече. О том, как она проходила в Орлеане, мы уже рассказывали. Тотчас же она отправилась в новый поход. Кишера в своем сочинении в V томе передает то, что было написано в «Испанской летописи» дона Альваро де Луна, коннетабля Кастильского. Глава 46 этой летописи озаглавлена: «О том, как Девственница, будучи под Ла-Рошелью, послала за помощью к королю и что коннетабль сделал для нее».

Жанна обратилась к испанскому королю через посла, что вполне соответствует деяниям подлинной Жанны, но было бы несколько дерзким со стороны мнимой Девственницы; король Испании направил ей корабли для помощи при осаде Ла-Рошели. И в той же «Испанской летописи» сообщается, что, «получив эту помощь, Девственница овладела упомянутым городом и одержала еще несколько побед, в которые кастильский флот внес большой вклад».

Подробности об этих подвигах можно было прочесть в «Летописи Девственницы», рукопись которой ныне утрачена; но в дальнейшем текст был напечатан в Бургосе в 1562 г. под названием «История Орлеанской Девственницы».

А тот «посол», который доставил королю Кастилии просьбу о помощи от Дамы дез Армуаз (не будем ломать себе голову), был не кем иным, как уже упоминавшимся Жаном д'Арманьяком, который прекрасно, как уже говорилось, знал Жанну и отнюдь не пребывал в неведении относительно ее происхождения: «Дражайшая Дама, препоручаю себя Вашей милости…» Дело в том, что *в ту пору Жан д'Арманьяк находится на службе у короля Кастилии.* Принимая во внимание, что он дядя Карла Орлеанского и, стало быть, Жанна его племянница через брачные связи, он, уж конечно, был вынужден опознать Жанну в Даме дез Армуаз, *гарантом данного тождества он и выступил перед королем Кастилии.* Нет сомнения, что такое ручательство за Девственницу, вновь таким образом объявившуюся, он не мог дать, не будучи полностью уверенным в ее личности. Сделаем вывод: «посмертное» существование Жанны, мнимый характер ее казни не составляли ни малейшей тайны для членов королевских семейств как во Франции, так и в Англии, как в Испании, так и в Люксембурге.

Затем Жанна оказалась в Блэ, в той части Гюйени, которая была еще занята английскими войсками, то есть всего лишь в 30 лье от Ла-Рошели.

О взятии Блэ свидетельствует Леон де Розмитал, великий судья Богемии, шурин короля Йиржи Подебрада, гусита и шурина венгерского короля Матьяша. И в самом деле, Леон де Розмитал находился в ту пору в Блэ. В своей *«Реляции»* (на которую ссылается Кишера в IV томе) он сообщает нам:

«В течение 150 лет этот город принадлежал королям Англии, но он отнят одной вещуньей, которая отвоевала у англичан все Французское королевство. Эта женщина, родившаяся от некоего пастуха, получила от Господа столько энергии, что во всех своих начинаниях она достигала своей цели» (см. в: Bibliothek des Literanschen Vereins, Stuttgart, 1844, издано по латинскому тексту 1577 г.).

Город, осажденный воинами Жанны, оказался в руках Девственницы и хорошо ей известных солдат из Пуату: ведь в свое время при битве у Патэ под ее началом находилось 300 копейщиков и 800 лучников родом из этой провинции.

Далее, Жанна осадила занятый англичанами Бордо. Они капитулировали через шесть недель. Затем она предприняла осаду Байонны, откуда английские захватчики бежали точно так же, как и из Бордо.

Об этих походах в Пуату рассказывается в *«Истории Карла VII»*, написанной Валле де Виривиллем, который сообщает, что в июне 1439 г. Дама дез Армуаз, командовавшая воинами, отличилась в Пуату, где вспыхнула гражданская война. Она находилась там в обществе Жиля де Рэ, маршала Франции.

Надо полагать, что согласие между Жанной и Жилем было кратковременным: в грамоте о помиловании, подписанной Карлом VII и находящейся в упоминавшейся *«Сокровищнице Хартий»* (архив, J 176), сообщается, что Жиль де Рэ поручил командование воинами, «которое ранее осуществляла некая особа по имени Жанна, называвшая себя Девственницей»[112], Жану де Сиканвиллю, «оруженосцу из Гасконского края», с тем чтобы он предпринял осаду и блокировал Ле-Ман, а если бы ему удалось завладеть городом, он стал бы начальником гарнизона.

Во всяком случае, мы готовы поверить, что отъезд Жанны был вызван бесчинствами воинов. Но есть и другое объяснение. В 1439 г. во время похода в Пуату распространился слух, что она погибла от смертельного ранения. В Орлеане тотчас же было приказано тайно отслужить восемь заупокойных месс (июнь 1439 г.). К счастью, ничего страшного не случилось, она выздоровела, но вынуждена была передать командование Жану де Сиканвиллю. А через два месяца в Орлеане по случаю ее возвращения были, как уже рассказывалось, устроены многочисленные празднества.

Во время похода в Пуату в этих операциях по ликвидации очагов сопротивления участвовал еще один ее боевой соратник — Жан Потон де Ксентрай. Он также прекрасно узнал в Даме дез Армуаз ту Жанну, которой он служил в 1429–1430 гг.

На самом деле Жан де Сиканвилль не предпринял осаду Ле-Мана. Как истинный солдат-грабитель, он удовольствовался по обычаю того времени тем, что взял выкуп с нескольких пуатуйских и анжуйских сел. Ле-Ман оставался в руках англичан вплоть до 1448 г. Возможно, что Жанна отказалась подкреплять своим присутствием набеги, которые не только не ликвидировали английское присутствие в этом краю, но, напротив, давали возможность военачальникам и их воинам пировать и жить припеваючи за счет населения. Среди них можно смело назвать Жана де Ла Рошфуко, Андре де Вивонна, Луи д'Амбуаза, Жоржа де Ла Тремоя, да и самого Жиля де Рэ. Потребовалось девять лет — с 1440 до 1449 г., — пока коннетабль де Ришмон и Пьер де Брэзе, сенешаль Пуату, не очистили в конце концов этот край от расплодившихся там банд[113].

Что же касается Жанны, Дамы дез Армуаз, Девственницы Франции, согласно официальным актам, ей теперь предстояло возвратиться в Лотарингию.

Конец эпопеи

Начиная с 4 сентября 1440 г., то есть с того самого дня, когда Жанна рассталась со своими орлеанскими друзьями, с которыми ей уже не суждено было увидеться, в нашем распоряжении нет больше ни одного документа *из официальных источников,* который свидетельствовал бы о ее жизни. Приведем же последний документ, относящийся к устроенному в ее честь угощению вином. Мы находим его в *«Счетах Орлеанской крепости»:*

«4 сентября 1440 г. Жану Пишону, за шесть пинт и кружек вина по 8 денье за пинту, коими угощали госпожу Жанну дез Армуаз: 4 соля 4 денье».

Видимо, это было то, что называется «посошок на дорожку». Через Монтаржи, Труа, Сен-Дизье, Коммерси, Токур она добралась до Жольни, где Жанну ожидал ее супруг Робер

дез Армуаз. Начиная с 1440 г. она больше никогда не уезжала из Лотарингии. В том же году возвратился из плена Карл Орлеанский, поэт, и его династия вновь обрела своего главу и по имени, и по положению. В

1441 г. заболела официальная мать Девственницы, проживавшая по-прежнему в Орлеане, на улице Пастушков. Вновь Орлеан проявляет по отношению к ней заботу. В реестре городских расходов снова содержится пометка: «Изабо, мать Девственницы», тогда как начиная с сентября 1449 г., то есть через семь лет, станут писать: «Изабо, мать *покойной Девственницы».*

Благодаря этим бухгалтерским уточнениям удостоверены два следующих обстоятельства:

1. Жанна никогда не считала своей родной матерью Изабеллу де Вутон, называемую Римлянкой, не проявляя к ней никакого внимания. Изабелла де Вутон никогда не осмеливалась просить ее о чем бы то ни было. Этим подтверждается то, что между ними не было никаких кровных уз. Так же обстояло дело и с «братьями», которые, служа в армиях Жанны, не пользовались с ее стороны никаким особым покровительством. Так подтверждаются слова Жана де Новелонпона, запросто бывавшего у д'Арков и заявившего на оправдательном процессе, что ему неведомо было, кто была мать Девственницы.

2. Жанна скончалась летом 1449 г., и Орлеан был об этом извещен: именно с 1449 г. стали делать уточнение — «покойная Девственница». Это является еще одним доказательством тождества Дамы дез Армуаз и Жанны Девственницы. Ведь вполне очевидно, что Орлеан и его округа были официально извещены о ее смерти гонцом, прибывшим из Лотарингии. О дате смерти также свидетельствует слово «покойная» в жалованных грамотах, подписанных Карлом VII или Карлом Орлеанским и определяющих различные дары, которых были удостоены ее «братья», в то время как такого слова не было в грамотах, исходивших от тех же лиц до 1449 г.

И эта существеннейшая подробность ясно показывает, что для лиц, подписавших эти грамоты, Дама дез Армуаз была именно Жанной Девственницей. В их глазах дата сожжения в Руане — 1431 г. — вовсе не означала даты ее кончины, а дата смерти Девственницы из Шинона совпадала с датой смерти Дамы дез Армуаз.

Изыскания и сопоставления, осуществленные специалистами по истории настоящей Жанны д'Арк, такими, как Бернар д'Олон[114], Жан Гримо, Жерар Песм и Пьер де Сермуаз, приводят к заключению о том, что Девственница скончалась между апрелем и июлем 1446 г., то есть в возрасте 39 лет (она родилась в 1407 г.). В архивах Луаре, в разделе, относящемся к городу Орлеану, в главе «Расходы» под датой 20 августа 1449 г. написано: «Для Изабо, *вдовы* Жанны Девственницы, в связи с даром, который сделал ей город…» Слово *«вдова»* в те времена использовалось для обозначения родных и близких, кто бы они ни были, у которых скончался кто-либо из их родственников, независимо от пола.

Ее супруг Робер дез Армуаз ненадолго пережил ее: он скончался в 1450 г., через 12 месяцев после смерти Жанны. Но в рамках 10-летнего отрезка времени, отделявшего ее отъезд из Орлеана от смерти в 1449 г., можно выделить несколько событий, случившихся в жизни Жанны дез Армуаз.

Выехав из Орлеана, Жанна вначале прибыла в замок Жольни, расположенный в пяти лье от Меца. В замке проживал ее супруг.

В 1871 г. тогдашний владелец замка принял одного деревенского каменщика, который утверждал, что, по преданию, передававшемуся в его семье из поколения в поколение, Жанна Девственница, ставшая Дамой дез Армуаз, была в результате своего брака с вельможей, хозяином этих мест, владелицей замка.

По утверждению этого человека, его дед был доверенным лицом последних сеньоров времен Революции, от которых в 1790 г., накануне их отъезда в эмиграцию, он получил

поручение замаскировать живописное изображение Жанны и Робера дез Армуаз. Это произведение живописи находилось где-то в замке, и каменщик сказал, что об этом знала не только его собственная семья, но и некоторые другие деревенские жители.

Тогдашний собственник замка недавно приобрел его у наследников генерала Кюрели, владевшего им со времен Реставрации, то есть с 1815 г. Новый хозяин в 1871 г. решил предпринять поиски этого произведения живописи, но они оказались тщетными: найти его не удалось. Длилось это до того дня, когда какой-то архитектор, специально прибывший из Меца для того, чтобы заняться кое-какими реставрационными работами, обнаружил в одной из комнат, выходивших в сени (после того как по его приказу убрали слой, состоявший из глины и соломы и покрывавший стены и потолок), великолепный камин из резного камня, относящийся к XV в., над которым и находилась фреска с двумя портретами, которые так долго пытались найти. К тому же лицо Жанны на этой фреске очень похоже на лицо ее отца Луи Орлеанского.

Продолжая свои признания, упомянутый старик каменщик сообщил, что ему было также известно, что Жанна дез Армуаз добилась освобождения деревни Жольни, в ту пору жалкого хутора, от уплаты некоторых налогов и что эта льгота сохранялась в силе по меньшей мере 200 лет.

Но эта королевская милость, исключительная по своему характеру, была до того распространена только на деревни Грё и Домреми[115]. Жанна дез Армуаз явно была в очень большом почете, раз ей удалось добиться от королевской администрации такой милости, *что еще раз подтверждает: в глазах монархии она и была истинной Девственницей Франции.*

Итак, Жанна проживала в Жольни вместе со своим супругом. Но еще раз событие семейного характера внесло изменение в ее образ жизни.

К тому времени, когда она возвратилась в Лотарингию, Филипп дез Армуаз, сын Франсуа, кузена Робера, женился на Изабелле дю Фэ, которая в приданое принесла ему сеньорию Отре. Так Филиппу дез Армуазу предстояло стать родоначальником семейства дез Армуазов-д'Отре.

Жанна была бездетна, и, может быть, ее тяготила такая обездоленность; возможно, ее психика претерпела изменения под воздействием первых симптомов начинающегося климакса. Она прониклась нежностью к юной супружеской чете — своим племянникам, часто совершала поездки в их сеньорию. Наверняка она ожидала того, что кто-то продлит во времени имя, которое она носила, раз уж это было недоступно для нее самой. Когда-то она так много разъезжала верхом, что прогулка в 12–15 лье не составляла для нее никакого труда.

Вскоре она стала крестной матерью первенца ветви дез Армуа-зов сеньоров д'Отре; угождая ей, младенца назвали Луи *в память* о ее отце Луи Орлеанском. Ведь до этого ребенка данное имя не носил никто в семействе дез Армуаз.

В сеньории Отре (Отре-сюр-Мадон) была расположена деревушка Пюллиньи, находившаяся в вассальной зависимости от нее. Ее церковь была бедной, и Жанна решила скрасить ее убожество, пойдя для этого на значительные траты. Затем она высказала пожелание быть после смерти погребенной в ней, что со временем и было исполнено. Там же был погребен и ее супруг Робер дез Армуаз.

В 1929 г. Николя де Сермуаз, бывший дипломат, отправился в Пюллиньи вместе со своим другом, чтобы расспросить приходского священника. Работавший в то время в этой церкви аббат Пиан вручил ему брошюру, к которой он сделал следующее устное дополнение:

«На правом краю хора и главного нефа в этой церкви была погребена со своими кольцами и другими драгоценностями Девственница Жанна, ставшая Дамой дез Армуаз. Рыцарь Робер, облаченный в свои доспехи, покоится рядом с ней. В конце XVII века члены этого семейства распорядились о том, чтобы на стене рядом с могильной каменной плитой

появилась мемориальная доска, ибо камень этот уже начинал разрушаться под ногами верующих…»

На доске была следующая надпись: «Здесь покоится тело Жанны дез Армуаз с ее драгоценностями, а также тело ее мужа, рыцаря Робера дез Армуаза в его доспехах».

В 1890 г. эта мемориальная доска была снята. Тогда в Риме делались первые шаги по причислению Жанны к лику святых. Отсюда становится очевидным, что *в Париже,* вдали от этой деревушки, кое-кто не пребывал в неведении относительно того, кто лежал в этой могиле. Однако иконоборцы забыли срезать лепной орнамент, обрамлявший эту памятную надпись. Ее по-прежнему можно видеть в часовенке, уже неиспользуемой по назначению: она открывается справа, на хорах церкви. Но вернемся к рассказу аббата Пиана:

«Затем в дальнейшем древние плиты в полу церкви были заменены пошлыми кухонными плитками. Надмогильный камень супругов тогда исчез; частично его прикрыла ступенька хора, частично эти плитки, доходящие теперь до края нефа».

В ноябре 1968 г. граф Пьер де Сермуаз, потомок одной из боковых ветвей дез Армуазов, встретился в Пюллиньи с г-ном Жиро, мэром коммуны, а также с бывшим мастером-каменщиком г-ном Флорантеном. Они подтвердили ему слова аббата Пиана, с которым были близко знакомы. Они также уточнили: «Рядом с могилой герб Девственницы был высечен на камне свода на пересечении его стрелок. Во время Революции он был сбит». В самом деле, в соответствии с законом (по декрету 1793 г.) в то время уничтожались гербы, которые либо сбивались, либо повреждались.

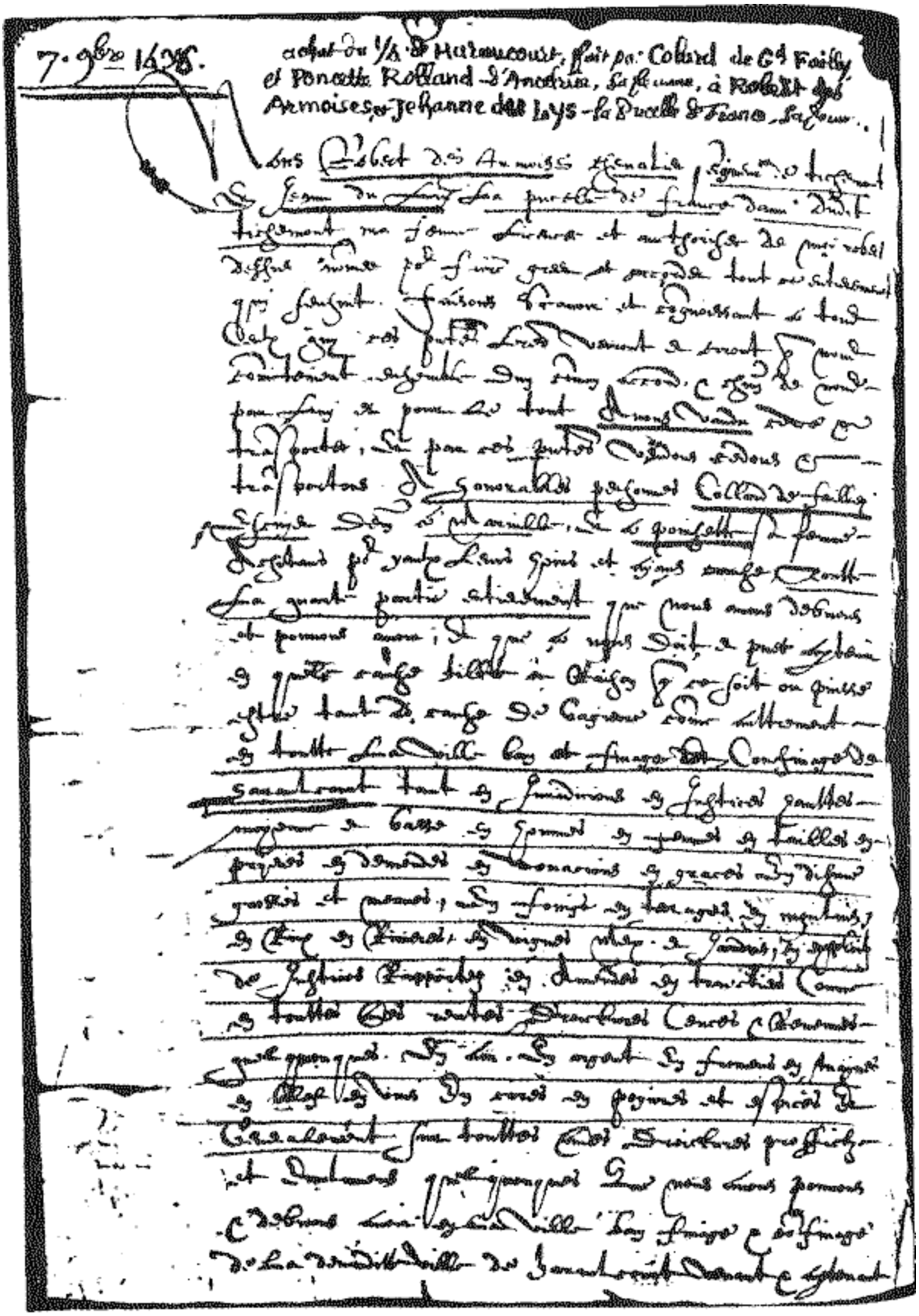
С согласия аббата Кретьена, тогдашнего священника в Пюллиньи, одна ступенька была снята. Счистили и ее цемент, и обнаружился угол могилы, на котором постепенно удалось прочесть надпись, сделанную готическими буквами XV в.: «Молитесь за душу ее…» Крест — с расширяющимися концами и в круге, как на серебряном кольце Жанны. Надпись — неполная, ее в самом деле пытались сбить…

Дело в том, что этими вульгарными кухонными плитками заменили прежние плиты в 1880 г. Видимо, когда их снимали, была обнаружена плита на могиле Жанны и ее супруга. 30 ноября 1968 г., когда вновь на свет появилась часть этой плиты, по свидетельству присутствовавшего там г-на Жерара Песма, было установлено, что *этой плите нанесли очень большие повреждения ударами кирки до того, как было положено новое покрытие*.

Так более чем через четыре века после смерти Жанне были уготованы дальнейшие преследования ортодоксальных католиков. Она страдала от них при жизни, как в Пуатье, так и в Руане. И тем не менее ее искренняя вера — может быть, не совсем ортодоксальная — была такой, что она неосторожно предоставила им попечение о своем вечном покое.

Жанна Девственница предпочла уснуть последним сном в этой церковке в Пюллиньи — а не в мрачном замке Жольни, возвышающемся на крутой скале, с восемью квадратными башнями, окаймленными галереями с навесными бойницами. Замок высится над небольшой долиной, где течет узкая речушка. Может быть, Жанна надеялась, что ее маленький крестник, *который первым в семье получил имя Луи,* иногда будет класть на ее могильную плиту букетик полевых цветов.

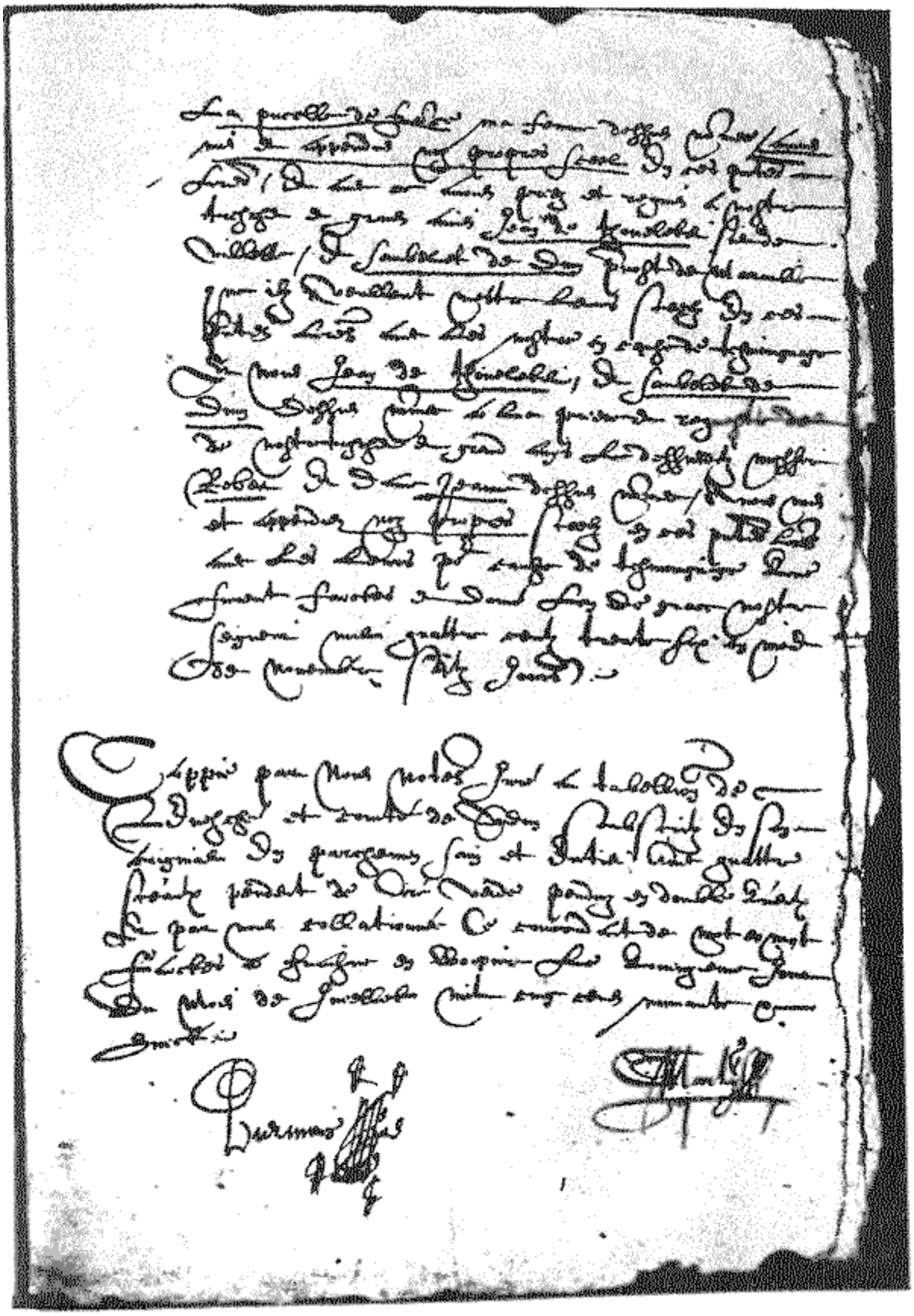
Шинон, Орлеан, тихая Луара — как все это было далеко…



7 9bre 1436.

Первая страница купчей от 7.11.1436 г., свидетельствующая о браке Жанны с Робером дез Армуазом (копия фотоснимка, сделанного Роже-Виолле).

Первая страница купчей от 7.11.1436 г., свидетельствующая о браке Жанны с Робером дез Армуазом (копия фотоснимка, сделанного Роже-Виолле).



Вторая страница купчей. Подписи свидетелей и нотариуса (копия фотоснимка, сделанного Роже-Виолле).

Вторая страница купчей. Подписи свидетелей и нотариуса (копия фотоснимка, сделанного Роже-Виолле).

Реабилитация

15 февраля 1450/1451 г. магистр Гийом Буйе, доктор богословия, получил от короля Карла VII письмо, повелевавшее ему начать следствие по делу Жанны Девственницы, приговоренной церковным судом в Руане к сожжению за ересь, колдовство и пр.

Могут спросить: почему надо было так долго ждать? Причин было много.

Заметим, во-первых, что Жанна дез Армуаз, находившаяся в Орлеане *с 18 июля по 4 сентября 1439 г.,* когда ее принял и узнал Карл VII, отнюдь не была арестована как самозванка вопреки утверждениям сбитых с толку защитников официальной легенды. Длительность ее пребывания в этом городе, прием, оказанный ей теми, кто хорошо знал ее в свое время, давая ей кров и проявляя гостеприимство; празднества, устроенные в ее честь; свободное возвращение ее к своему супругу в Лотарингию; ее смерть в 1449 г. и ее погребение в церкви в Пюллиньи — все это категорически опровергает идею о том, что Карл VII мог когда-либо считать ее мнимой Жанной, приказать арестовать ее, а также ее родных[116].

Но для него, разумеется, было совершенно невозможно при жизни Жанны начинать хлопоты по ее реабилитации. Столь же невозможным было и официальное признание того факта, что она продолжала жить, ибо в результате своего побега она оставалась виновной в неявке на суд, на нее по-прежнему распространялось действие приговора, вынесенного в Руане. А освобождать ведьму от исполнения приговора, вынесенного святой инквизицией, было весьма опасным для любого, предпринимавшего такие попытки: ему грозило в этом случае прежде всего отлучение от церкви, каковы бы ни были материальные последствия в связи с действиями светских властей.

С другой стороны, признание в том, что исполнение приговора было фальсифицировано, неизбежно повлекло бы за собой необходимость разъяснять причины, побудившие к такому действию. Это привело бы к огласке факта королевского происхождения Жанны, которая ведь была еще и плодом прелюбодеяния, и к разговорам о сомнительности прав Карла VII на королевский престол, а также прав его потомства, не говоря уже о сомнительности прав его сестры Екатерины и ее сына Генриха VI на престол Англии. Проблема была далеко не простой.

В соответствии с бесспорными свидетельствами документов оправдательного процесса Жан Люксембургский навестил в мае 1431 г. Жанну в ее тюрьме, сообщив ей о том, что он прибыл в Руан для того, чтобы *в соответствии с данными ему полномочиями освободить ее за новый выкуп при единственном условии, что она никогда больше не возьмется за оружие против англо-бургундского лагеря.* Все это не могло делаться иначе, как с полного согласия Карла VII. Ибо кто еще, кроме него, мог дать этот новый выкуп? И в таком случае это означало официальное участие короля в незаконном освобождении ведьмы, что в то время было совершенно исключено.

Из всего сказанного следуют весьма важные выводы о путях и способах ее реабилитации. Вот почему Карл VII и начал хлопоты по оправданию своей сестры Жанны Девственницы, *когда еще не истек год после смерти Жанны дез Армуаз.* Все было сделано для того, чтобы завеса забвения успела прикрыть все эти события. Не забудем, что король был человеком крайне нерешительным и совестливым. Об этом, к его чести, достаточно убедительно говорят его сомнения по поводу своей законнорожденности.

Вполне очевидно, что если бы Карл VII счел появление Дамы дез Армуаз дерзкой попыткой самозванки, то даже при допущении того, что он проявил свою снисходительность, не приказав арестовать ее за мошенничество, оскорбление королевского величества и наглый выпад по отношению к церкви, он не стал бы принимать во внимание ее

существование для того, чтобы предпринимать шаги по реабилитации подлинной Жанны, поскольку это означало бы установление подлинности Девственницы-самозванки.

Вместе с тем не следовало придавать всему этому делу такой политический характер, который восстановил бы Англию против папства. В самом деле, не будем забывать, что юный король Генрих VI, на которого пал выбор его *предка* Карла VI, обладал большими правами на корону, чем Карл VII, официально провозглашенный собственной матерью незаконнорожденным.

Столь же важным для короля было не предпринимать от своего собственного имени мер по оправданию Жанны. В противном случае не избежать было расспросов о столь неожиданной заинтересованности. Несомненно, веским доводом было нежелание получить свой трон из рук ведьмы. Но в таком случае зачем было допускать такую волокиту?

Из всего сказанного становится понятным, почему через четыре года после того, как комиссия по расследованию, созданная Гийомом Буйе в 1450/1451 г., положительно решила вопрос о начале этой процедуры, прошение *частного характера,* направленное в Рим папе Николаю V, подписали именно Пьер д'Арк, мнимый брат Жанны, рыцарь, осыпанный милостями Карлом Орлеанским, и Изабелла де Вутон по прозвищу Римлянка, мнимая мать Жанны Девственницы.

А теперь вернемся к той поре, когда началось расследование условий, в которых происходил суд над Жанной. Задача состояла в сборе свидетельств, для чего надо было заслушать свидетелей. Дело оказалось нелегким: не исключено, что после первых, без всякой огласки проведенных выяснений было допущено, что лучше было *выслушать лишь некоторых из них.*

Ведь случилось так, что Филибер де Сантиньи, епископ Кутанса, внезапно скончался. Так же скоропостижно умер и Пьер Луазлер, до того спасшийся бегством в Базель. То же самое случилось с Николя де Ру. Несчастный случай произошел и с вдохновителем судебного процесса Жаном д'Эстиве, который утонул в болоте. А комиссар-следователь Ла Фонтен вообще бесследно исчез.

Приходится в конце концов отметить, что, за немногими исключениями, лица, показания которых были заслушаны, благожелательно относились к Жанне. Прочие же осторожности ради отошли от строгости, проявленной на руанском процессе, и в свои новые заявления внесли тонкие оттенки. Возможно, внезапные уходы из жизни тех людей, о которых мы только что рассказали, содействовали этому обстоятельству.

На этом месте мы прервем наш рассказ, чтобы сделать несколько важнейших замечаний.

В 1431 г. папой римским стал Евгений IV. Едва он был утвержден Иа этом посту, как население Рима взбунтовалось против его власти. На кого легла ответственность за этот мятеж? *На семейство Висконти,* которое, как уже отмечалось, *было тесно связано с династией герцогов Орлеанских.* Правда, как мы знаем, новый папа чудесным образом спасся от заговора и в отместку велел казнить монаха Мазиуса. Тогда герцог Миланский Филиппе-Мария Висконти[117], принявший на службу таких кондотьеров, как Карманьола и Франческо Сфорца, официально объявил ему войну. Евгений IV был изгнан из Рима, а затем низложен Базельским собором.

Герцог Савойский Амедей VIII, в ленной собственности которого находился замок Монротье, где в «комнате Девственницы» томилась таинственная девушка, и который через брачные связи являлся кузеном Девственницы, был тогда на том же Базельском соборе избран папой под именем Феликса V. Это произошло 5 ноября 1439 г. Он не смог сразу же обосноваться в Риме, куда успел к тому времени вернуться Евгений IV, остававшийся там вплоть до своей смерти в 1447 г. Невзирая на все это, законным папой являлся именно Феликс V, в прошлом — Амедей VIII. 7 апреля 1449 г. он отрекся от святейшего престола. Его преемником стал Николай V, в миру — Томмазо Парентучелли. Новый папа сделал своего

предшественника папским легатом в Савойе, то есть в его собственных землях. Это стало возможным благодаря нескольким турам переговоров. Таким образом, именно Николаю V и вручили прошение об оправдании за подписью Пьера д'Арка и Изабеллы де Вутон. Впрочем, *дипломатия Ватикана знает, что эта просьба исходила от короля Франции Карла VII.* 24 марта 1455 г. папа Николай V умер. Его преемником стал Каликст III, в миру — Альфонсо Борджиа.

Он-то в конце концов в 1456 г. и подписал рескрипт о реабилитации той, которая впервые, и именно в этом документе, была названа Жанной д'Арк. Тем самым на нового папу легло бремя решения вопросов, которыми занимался Николай V. Он же унаследовал его архивы.

Каликст III был посвящен в тайну происхождения Девственницы благодаря всем этим документам, а более всего и вероятнее всего — благодаря сведениям, изустно полученным от папского секретариата. Это подтверждается уже известной читателю цитатой из *«Мемуаров»* Пия II. Пий II занял святейший трон через три года.

«Было ли сие делом рук божеских или человеческих? Затруднительно было бы для меня решать это… Иные мыслят, будто мудрейший, нежели прочие, замыслил внушить им, что Господь ниспослал некую Девственницу, и понудить их вручить ей бразды правления, коих она домогалась» *(указ. соч.).*

Случай с Жанной, таким образом, представлялся папе Пию II весьма простым. Ее перестали изображать как ведьму, направляемую бесовскими силами, или же как посланницу Господню, руководимую архангелами и святыми великомученицами. Но это было всего лишь политической уловкой.

Все последующее показывает, что оправдательный процесс был заранее подготовлен и проведен в полном согласии между Калик-стом III и Карлом VII при посредничестве тайных эмиссаров.

Прежде всего, когда в соборе Парижской Богоматери 7 ноября 1455 г.[118] (18 ноября по григорианскому календарю) открылось первое торжественное заседание, Изабелла де Вутон на нем не присутствовала. Да и в дальнейшем ей не суждено было больше сыграть какую бы то ни было роль. Правда, она по-прежнему жила в Орлеане. Там она и умерла в октябре 1458 г., то есть тремя годами позже.

На процессе выступило очень много свидетелей, но среди них не было той, которая могла бы сообщить максимум сведений о той самой Жанне, которую она вырастила. Причина этого была весьма уважительной: будучи уже в очень преклонных годах, мнимая мать Жанны могла впасть в противоречия, а то и сболтнуть лишнее.

Ведь проводившиеся слушания носили весьма целенаправленный характер, о чем можно судить по признаниям иных историков, которых вместе с тем невозможно заподозрить в благожелательном отношении к точке зрения, излагаемой на страницах нашей книги.

Историк Жюль Кишера, склонный угождать общественному мнению, тем не менее в своих *«Новых заметках по поводу истории Жанны д'Арк»* (1850) признал, что показания жителей Домреми «полностью совпадают: они изображают Жанну существом незначительным, робким и набожным».

В предисловии к I тому своей *«Жизни Жанны д'Арк»* (1908) Анатоль Франс заявил: «Насколько можно судить, иные показания оказались урезанными…», и: «…те, кто вел допрос, сумели побудить свидетелей по любому поводу утверждать, что она была простой, очень простой…».

Академик Луи Бертран, сочувствовавший идеям «Аксьон франсэз», в своем исследовании (1928) о Жанне д'Арк в Лотарингии говорит о «несколько пресной поэтизации», объектом которой в поздние времена явилось детство Девственницы. «Такие усилия стали

особенно явственно прилагаться после оправдательного процесса, в ходе которого *показания свидетелей выглядели так, как будто они подчинялись общему указанию…»*

Вполне очевидно то, что бесцеремонное, высокомерное, властное, а подчас и наглое поведение Жанны как в Шиноне, в Пуатье, так и в Руане, по отношению и к сильным мира сего при дворе Карла VII, и к судьям в Руане никак не согласуется с портретом робкой безграмотной крестьянки, пожалуй, даже несколько простоватой, который возникает из свидетельств, услышанных на оправдательном процессе и полностью противоречивших тем, которые прозвучали на процессе, осудившем ее.

В заключение этого длинного, но необходимого выяснения истинного облика Жанны, «прозванной д'Арк», сообщим одну подробность, которую до сих пор историки считали незначительной. Теперь же, по нашему мнению, в свете изложенных обстоятельств и изученных документов она становится весьма важной.

В 1456 г. папа Каликст III подписал рескрипт о реабилитации Жанны. И Жан Дюнуа, ставший тогда графом де Дюнуа, графом де Лонгвиллем, на основании королевских грамот Карла VII возвысившийся до положения законного принца, исполнявший обязанности наместника королевства, вместе с тем являлся еще и губернатором города Сен-Жермен-ан-Лэ.

В ту пору он проживал в замке, который в 1368 г. король Карл V велел основательно восстановить. Ныне от него осталась только крепостная башня, да еще часовня, сооруженная в 1230 г. по приказу Людовика Святого. В этой крепости размещался гарнизон в составе около трех тысяч воинов.

Когда Дюнуа получил известие о реабилитации Жанны, он велел воздвигнуть «Крест Девственницы» у дороги в Пуасси, дабы показать своим войскам — рыцарям, оруженосцам, сержантам, арбалетчикам, — а также населению Сен-Жермена, что наконец Жанна оценена по заслугам и справедливость восторжествовала.

Он сделал это в одиночку. Это небольшое событие; в наших глазах это не поступок боевого соратника, а деяние брата, совершенное во имя обожаемой и почитаемой сестры; это — *акт братской любви.*

Каменный крест все еще стоит. Тот, кто был прежде Бастардом Орлеанским, повелел, чтобы он в точности воспроизводил тот *крест с расширяющимися концами,* который уже был изображен на серебряном кольце Жанны, равным образом как и на могильной плите той особы, которая, став когда-то Дамой дез Армуаз, уже семь лет покоилась в церкви Пюллиньи[119].

Той, которая даже для него по-прежнему оставалась *Орлеанской Девственницей,* как и сам он долго был *Бастардом Орлеанским;* той, которая, подобно ему, имела в своем гербе лилии французских королей.

Дело Шнайдера

В 1952 г. издательство «Грассе» выпустило труд, озаглавленный «Жанна д'Арк, ее лилии, легенда и история». Автором был историк Эдуард Шнайдер, католик ортодоксального толка, почетный гражданин Ватикана, в прошлом — близкий друг папы Пия XI.

Вот как завершалась глава под названием «Истинная Жанна»:

«В статье, опубликованной в *„Комедии"* за октябрь 1932 г., Габриэль Буасси, изучив эту точку зрения, заявил, что, если точке зрения г-на Жакоби[120] суждено наталкиваться на упорное сопротивление самых закоренелых соглашателей, то в свою очередь эта точка зрения побудит кое-кого из умников к раздумьям и брошенные ею семена прорастут.

Габриэль Буасси не ошибся. Для многих из таких умников, *для Э. Шнайдера, автора названной книги* эти семена проросли. И мы не сомневаемся, что постепенно, со временем эти всходы будут продолжать действовать в качестве надежной, убедительной силы в

представлениях и взглядах тех, для кого важнейшим делом является все более глубокое понимание всего происходящего» (*указ соч.,* с.183).

Эту свою книгу Эдуард Шнайдер заключил весьма демонстративным образом:

«Завершено в Риме 31 мая 1952 г. накануне Троицына дня».

31 мая — официальный день мнимой *казни* Жанны в Руане. А накануне празднуется день Матфея, которого апостолы избрали преемником Иуды.

Э. Шнайдер небезосновательно воспользовался двумя этими символическими датами. Его целью было определить место своей книги в потоке времени. И с 1952 г. появился целый ряд сенсационных сообщений, подтверждающих королевское происхождение Девственницы.

Прежде всего в 1962 г. Жан Болер, член-корреспондент Французской академии наук, опубликовал небольшую книгу, озаглавленную: «Была ли Жанна д'Арк сестрой Карла VII?» И еще до ее выхода в свет он вступил в переписку с Жаном Гримо, автором того труда, который наделал так много шума после опубликования: «Была ли сожжена Жанна д'Арк?» (эта книга вышла в свет в 1952 г. в издательстве «Амио-Дюмон» при поддержке Андре Касте-ло, возглавлявшего издание серии «Присутствие истории»). В своем письме от 2 января 1954 г. Жан Гримо направил ему следующие уточнения:

«Милостивый государь!

Недавно у меня побывал необычный гость. Это был г-н д'Олон, потомок Жана д'Олона, являвшегося в какой-то мере адъютантом Жанны, а на деле — ее наставником в воинских делах. *Он постоянно общается с супругой маршала Петэна, и она рассказала ему, что г-н Эдуард Шнайдер доверительно сообщил ей о том, что в библиотеке Ватикана он отыскал официальное доказательство королевского происхождения Жанны.* Но весьма важные особы ватиканского государства попросили его ничего не публиковать об этом, „дабы не разрушать легенду". И католический писатель Эдуард Шнайдер, к тому же получивший, когда у него были неприятности, приют в Ватикане во времена Освобождения, внял этому призыву, удовольствовавшись тем, что в своей книге „Жанна д'Арк, ее лилии, легенда и история" повторил аргументы Жакоби.

Г-н Олон полагает, что таким документом может быть доклад тех, кто был отправлен на расследование в Домреми».

Попутно отметим, что Бернар Жан д'Олон написал брошюру, в которой высказаны два следующих утверждения: о королевском происхождении Жанны и о ее браке с Робером дез Армуазом. Брошюра озаглавлена «Жанна» (издательство «Ла Боль», 1968).

Далее идет черед книги Мориса Давида-Дарнака, озаглавленной «Дело Жанны» и выпущенной в свет в 1968 г. К сожалению, видимо, в этой книге историческая истина несколько пострадала, приобретя в дальнейшем вследствие неосторожной экстраполяции несколько двусмысленный вид. На с. 377 данного труда мы находим следующие строки:

«Добавим к этому очевидному доказательству существования „Книги Пуатье", обнаруженной в ватиканских архивах, еще один довод, следующий из заявления, которое нам лично и неоднократно было сделано в ноябре 1966 г. одним священником католического вероисповедания, прикованным к постели из-за паралича нижних конечностей. Привел нас к нему один из его соучеников по семинарии. Вначале мы спросили его, был ли он лично знаком с Эдуардом Шнайдером. Священник ответил, что он являлся настолько близким другом этого автора, что приютил его у себя, и Шнайдер жил у него в течение нескольких месяцев.

На наш прямой вопрос: „Отец мой, сообщал ли Вам когда-ни-будь Эдуард Шнайдер о том, что он обнаружил „Книгу Пуатье" в архивах Ватикана?" — ответ не заставил себя ждать: „Разумеется, он все время говорил со мной об этом". И за этим четким заявлением

последовало множество подробностей об условиях, в которых Эдуард Шнайдер ознакомился с названным бесценным документом» *(указ. соч.).*

Вполне очевидно, что упомянутый священник невольно повторил экстраполяцию, совершенную Морисом Давидом-Дарнаком. Дело в том, что благодаря письмам, которыми *до этого* обменивались Жерар Песм, автор двух трудов по данному вопросу (см. Библиографию в конце книги), и Эдуард Шнайдер, нам стало известно, что речь шла не о «Книге Пуатье», а о совсем других документах, хотя и столь же важных и дающих возможность сделать по данной проблеме окончательный вывод. Судите сами:

«Если несколько лет тому назад мне выпала неожиданная удача найти известный Вам документ, то это благодаря очень высокопоставленному лицу, ныне скончавшемуся.

Его преемники не пошли по его стопам» (письмо от 12 января 1959 г. Жерару Песму). Весьма возможно, что очень высокопоставленное лицо, упоминаемое здесь, — это папа Пий XI, с которым Шнайдера связывали узы тесной дружбы.

«Что касается документа, о трагическом исчезновении которого я Вам рассказывал[121], он был написан на тогдашнем французском языке (XVI в.) среди заметок, несомненно „скопированных" или записанных „по памяти", но необыкновенно конкретных. Не было ни обложки, ни названия или чего-то вроде „Заметок для моего дневника", но этого я вовсе не готов утверждать» *(то же письмо от 12. I. 1959 г.).*

А в другом письме Шнайдер уточняет, какие устанавливающие истину документы он обнаружил. Но они не имеют ничего общего с «Книгой Пуатье»:

«Бумаги, которые мне довелось читать в Ватикане, вовсе не являются теми, о которых Вы думаете, то есть заявлениями, просмотренными Церковной комиссией, учрежденной по приказу короля. *В течение трех лет, последовавших за процессом в Руане, папа римский вызывал в Рим главных судей Жанны, которые сделали заявления, тщательно зафиксированные секретариатом Святейшей канцелярии.* Там-то и лежат „запретные сокровища", а высшие инстанции отвечают, что они либо не существуют, либо неизвестны. *Нашел я волнующее Вас пресловутое свидетельство, перебирая множество разных других бумаг, такого же направления и таких же помыслов.* Но у этого свидетельства нет ничего общего с теми, о которых говорится в Вашем последнем письме» *(письмо Жерару Песму от 14 января 1959 г.).*

Эдуард Шнайдер скончался в августе 1960 г. в возрасте 80 лет. Документы, подтверждающие королевское происхождение Девственницы, он обнаружил в 1934 г. в Ватикане: это была не «Книга Пуатье», а столь же важные документы, позволявшие сделать окончательный вывод по данному вопросу.

Да и существовала ли когда-нибудь пресловутая «Книга Пуатье»? И если да, то в каком виде? Как заранее переплетенный реестр или затянутая ремнем папка с разными документами и заметками на отдельных листках?

Это вопрос существенный. *Главное — это то, что католический историк, почетный гражданин Ватикана, друг папы Пия XI, человек, честность и искренность которого вне всяких сомнений, в письмах своих, да и в книге, подписанной его именем, засвидетельствовал, что Жанна Девственница — это дочь Луи, герцога Орлеанского, наместника королевства Франции, брата короля Карла VI, и дочь Изабеллы Баварской, любовницы этого Луи. Это говорит также о том, что Девственница была единоутробной сестрой Екатерины де Валуа, королевы Англии, и Карла VII, короля Франции…*

Все это делает весьма недостоверной легенду о сожжении Жанны на костре в Руане и весьма приемлемыми многочисленные отрицания свидетелей того времени, положение которых делало их выводы более надежными, чем наши.

7. Загадка рождения Карла VIII

От Маргариты де Сассанж у Людовика XI было две дочери: Жанна, которую он выдал замуж за Людовика, бастарда Бурбонского, и Мария, которую он выдал замуж за Эймара де Пуатье, сира де Сен-Валье.

Ривуар де Ла Бати. Аристократия Дофине

Людовик XI известен в основном под прозвищем, данном ему историей: Всемирная Паутина[122]. Однако не всем известно, что он унаследовал также темперамент, который был присущ его прямым предкам — Карлу VI, Карлу VII, Луи Орлеанскому — и который восходил по прямой линии к умственно-эротической неуравновешенности их общей прародительницы — Жанны Бурбонской.

В самом деле, Людовик XI был большим любителем женщин, не особенно заботясь, впрочем, об их происхождении или нравственности. Брантом сообщает нам, что он «менял женщин так же часто, как рубашки». Разумеется, этого короля нам всегда представляют как человека, одержимого страхом перед Богом, излишне суеверного, который в силу своей боязливой набожности ползал на коленях по каменным плитам церквей и обвешивал себя амулетами.

Но эти два образа одного и того же человека прекрасно совмещаются. Дре дю Радье так пишет о нем: «Людовик XI дополнял свое распутство обрядами благочестия, которые он соблюдал тем более охотно, что они не мешали ему предаваться наслаждениям» (см.: *«Критические исторические мемуары» и «Анекдоты о королевах и регентшах Франции»).*

«Этот принц одновременно с приказом привести к нему в назначенное место нравившихся ему женщин отдавал распоряжения относительно обетов и паломничеств, которые он намеревался совершить…» (см. там же).

История благодаря пишущим о ней людям сохранила имена главных любовниц короля Людовика, во всяком случае тех, которые на короткий миг привлекли его внимание: Ла Жигон, Ла Пасфилон, Гожетт Дюран, Катрин де Салемнит, Югетт дю Жаклен, Лебон, Фелиз Роняр, Катрин де Восель (воспетую Франсуа Вийоном), Перетт и в особенности Маргариту де Сассанж, которую он действительно любил в пору пребывания в своих наследных владениях в Гренобле.

Поэтому пусть читатель не удивляется, когда мы вскоре познакомим его с весьма непримечательной любовницей, так как помимо сказок или новелл фривольного содержания этот король очень ценил крепких молодых бабенок, не особенно отягощенных стыдливостью, с помощью которых он мог «ослабить прилив крови к мозжечку».

Однако, чтобы придать ясности последующим событиям, нам следует перенестись в Бретань тех времен, когда во Франции юный король Карл VIII только что унаследовал корону после смерти «короля Людовика». Его старшая сестра Анна, Дама де Божё, назначенная регентшей, впервые созвала Генеральные штаты в полном составе, включая представителей от крестьян. Это происходило в 1484 г.

В это время герцогством Бретань правил, как официально считается, герцог Франциск II. Фактически же оно находилось в руках его главного казначея Пьера Ландуа.

Пьер Ландуа родился в Витри, в семье простого городского портного. Сначала он был простым рабочим, а затем ему посчастливилось устроиться на должность кастеляна герцога Бретани Франциска II, при дворе которого Ландуа выдвинулся благодаря своим разнообразным талантам и быстро удостоился самых высоких почестей герцогства.

В течение 25 лет он практически управлял всеми делами Бретани и сослужил ей немалую службу, заключая торговые соглашения с Англией, Португалией, Испанией, ганзейскими городами, а также завел шелкопрядильное и ковровое производства, установив связи с различными государствами Ближнего Востока.

При герцогском дворе у Пьера Ландуа был противник — Гийом Шовен, канцлер Бретани, который призывал Франциска II к осторожности и к союзу с Францией. Он действительно желал подготовить присоединение этого герцогства к Франции посредством заключения брака между герцогом Орлеанским и Анной Бретонской, наследницей Франции.

Но Пьер Ландуа, будучи опытным выскочкой и обладая честолюбивой, авторитарной и деятельной натурой, сумел добиться в 1481 г. опалы Гийома Шовена, который после трех лет тюрьмы умер от истощения.

Между тем Ландуа давно уже стал ненавистен крупным бретонским сеньорам, завидовавшим его могуществу, власти и несметным богатствам, а также жаждавшим отомстить за Гийома Шовена. В 1484 г. Пьер Ландуа чуть не стал жертвой первого заговора. Тогда заговорщики, среди которых был принц Оранжский из рода Шалон-Арлей, племянник Франциска II, укрылись под защитой Анны де Божё и подписали с ней Монтаржийский договор. Они признали короля Карла VIII законным наследником Франциска II при условии, что герцогство Бретань будет существовать как особое удельное владение одного из сыновей короля Франции, наподобие Дофине, удельного владения наследных принцев с 1343 г.

После чего, подстрекаемый Пьером Ландуа, герцог Бретани возобновил борьбу с регентшей Анной де Боже. Все же новая война вспыхнула не сразу. Военачальники армии, которую Франциск II бросил на борьбу с принцем Оранжским и его союзниками, благодаря умелой работе французских агентов, перешли вместе с солдатами на сторону регентши.

Так началась гражданская война. Франциск II, следуя советам Пьера Ландуа, выступил во главе пятитысячной армии против своих мятежных подданных. 24 июня 1484 г. две армии были готовы к сражению, но оно не произошло, так как никто не любил ни старого герцога, ни Пьера Ландуа. Войска стали брататься. Герцог со своим фаворитом бежали, рассчитывая найти убежище в Нанте. Город подвергся осаде, они потерпели поражение, и в результате судебного процесса, происшедшего быстро и без излишней гласности, 19 июля 1485 г. Ландуа был казнен через повешение, обвиненный в подкупе в ущерб казне герцогства Бретань и в убийстве главного канцлера Гийома Шовена.

Но на этом процессе Ландуа заявил, что весьма высокопоставленные вельможи французского двора по секрету открыли ему, что юный король Карл VIII был на самом деле подмененные ребенком. По его мнению, этот факт оправдывал отказ признать будущим герцогом Бретани какого-то незаконнорожденного самого низшего происхождения.

В своей книге «Карл VIII» Жан-Алексис Нере цитирует «Мемуары» неизвестного автора, жившего в ту эпоху. Отрывок из этих «Мемуаров» мы приводим ниже:

«Я выяснил, используя ныне утерянные документы, происхождение слуха, всплывшего на процессе бретонца Пьера Ландуа. Он признался, что несколько знатных особ поручили ему доказать, что король Карл якобы был подменен. Он не уточнил, кто были эти знатные особы, вероятно, он их назвал, но подобные вещи никогда не вносятся в протокол допроса. Он также не объяснил, какими средствами и какими свидетельствами он хотел воспользоваться в качестве доказательств. А если бы и сообщил, все равно судьи не записали бы его слова…»

Мы, кажется, могли бы указать имя автора на рукописи якобы неизвестного летописца, отрывок из которой был приведен. В своей «Истории Франции», в главе, посвященной Карлу VIII (с. 1 и примечания на полях), председатель Эно пишет следующее: «Дю Айо рассказал совершенно невероятную историю, и смелость его заявления, основанного лишь на слухах, объясняется тем, что некоторые поверили тому, будто Карл VIII был подложным сыном короля, а другие считали, что он был истинным сыном короля, но не его супруги, королевы Шарлотты Савойской, которую король никогда не любил» *(указ. соч.).*

Жан-Франсуа Эно (1685–1770), суперинтендант Дома королевы Марии Лещинской, советник, а затем председатель первой следственной палаты парламента, прибегает здесь к

хорошо известному историкам XVII и XVIII вв. приему. Он состоит в том, что, желая сообщить факт, разглашение которого представляет опасность, автор прикрывается тем, что развенчивает своего предшественника, сообщившего первым этот факт. И в старинных рукописях или книгах на этот прием указывают главным образом примечания на полях, которые не вносятся в основной текст.

Давайте подытожим рассказ этого неизвестного автора. Он держал в руках документы судебного процесса над Пьером Ландуа. Он читал его показания. Но он утверждал, что обвиняемый сделал наверняка и такие заявления, которые судьи не пожелали изложить письменно. Это весьма вероятно, точно так же обстояло дело на процессе над Жанной д'Арк и над графиней де Ла Мотт-Валуа, когда Людовик XIV повелел лейтенанту полиции Ла Рейни сжечь в его присутствии часть документов по делу о ядах.

Между тем не надо забывать о том, что на весь период беременности королевы Шарлотты Савойской, второй после Маргариты Шотландской супруги Людовика XI, он запретил всем путешественникам проезжать через Амбуаз, где она находилась. На стенах крепости шотландские стрелки в полной боевой готовности неусыпно несли караул. А ночью на башнях крепости жгли костры, дабы разогнать тьму. Гарнизоном из 400 стрелков командовали надежные люди: Жан де Дайон, сеньор де Люд, Этьен де Веек и Жан Бурре, сеньор дю Плесси. И не было никаких знатных сеньоров — любителей интриг.

По слухам в народе, 30 июня 1470 г. королева Шарлотта якобы произвела на свет мертворожденную дочь. Одни говорят, что ее подменили сыном амбуазского булочника, другие — что сыном одной бедной женщины из окрестностей Блуа. Третьи же утверждали, что это был ребенок Людовика XI и одной из его любовниц.

Совершенно очевидно, что общественное мнение тех времен подкрепило последующее заявление Пьера Ландуа. Но различные утверждения молвы лишь на первый взгляд кажутся противоречивыми. Сейчас мы это докажем.

Прежде всего, первым ребенком Людовика XI и Шарлотты Савойской, родившимся в 1462 г., была девочка — Анна, будущая Дама де Боже. На протяжении девяти следующих за ее рождением дней луна оставалась в прежней фазе, а это означало, по верованиям той эпохи — и это подтверждали акушерки, — что следующий ребенок тоже будет девочка. Тогда Людовик XI заранее принял меры предосторожности. Сам он жил не в Амбуазе, а в замке Плесси-ле-Тур. В Амбуаз он приезжал от случая к случаю поинтересоваться, как протекает беременность королевы. И вероятно, вспомнив о предупреждении акушерок, он позаботился о том, чтобы провести несколько часов с двумя-тремя из своих многочисленных уступчивых любовниц за пару дней до ночи с королевой. Таким образом, совершив тщательный выбор этих любовниц с учетом упомянутого лунного календаря, он пребывал в уверенности, что у той или другой непременно родится мальчик. Даты рождения детей этих женщин девять месяцев спустя должны были на один-два дня опережать дату родов королевы.

И в возникших слухах не было бы противоречия. Мальчик действительно родился в семье амбуазского булочника, который официально считался его отцом. Но мать, по-видимому, зачала его от короля Л юдо-вика. И можно, зная хитроумие последнего, быть полностью уверенным, что эта женщина не имела сношений со своим супругом в соответствующий период. Что касается мертворожденной девочки, это, возможно, было правдой. Но если она родилась живой, акушерки могли увезти ее подальше, если не задушить для большей надежности. Во времена, когда фальшивомонетчиков публично бросали в котел с кипящей водой, что значила какая-то жизнь жалкого младенца? Государственный интерес оправдывал все, а Людовик XI непременно хотел сына, дабы не допустить, чтобы корона перешла к Орлеанской ветви. Орлеанская ветвь воздала ему сторицей, мы убедимся в этом на примере рождения будущего ЛюдовикаXII…

Если же читатель удивлен этим подлогом, совершенным 30 июня 1470 г.; в результате которого навсегда исчезла принцесса крови, уступив место незаконнорожденному предполагавшемуся королевскому ребенку, пусть он просто обратится к последней главе моей книги «Преступления и секреты государства: 1785–1830». Помимо постоянных рождений незаконных детей второго Орлеанского дома, он найдет там случай подлога, когда сын простого тюремщика из итальянского города Фаэнца занял место принцессы Марии-Стеллы Орлеанской, дочери Филиппа Эгалитэ и его супруги, урожденной Марии Аделаиды де Бурбон-Пентьевр. Мы представляем тому неопровержимые доказательства. В результате подлога этот мальчик стал королем Луи-Филиппом[123].

Странные были Орлеанские дома, где появление незаконных детей сомнительного, если не прискорбного происхождения прекрасно уживалось с жаждой власти любой ценой и в особенности — с жаждой наследования…

8. Покладистый отец: Карл Орлеанский, поэт

Кабы все рогоносцы были так же счастливы, во Флоренции плясали бы целыми днями!

Никколо Макиавелли. Мандрагора

Карл Орлеанский, сын Луи, герцога Орлеанского, павшего от руки наемных убийц, подосланных Иоанном Бесстрашным, родился 26 мая 1391 г. в Париже. Таким образом, он был сводным братом Жана Дюнуа, бастарда Орлеанского и Жанны Девственницы.

Нося вначале имя графа Ангулемского, в 1411 г. он взялся за оружие, чтобы отомстить за смерть своего отца. С этой целью он заключил союз со своим тестем Бернаром VII, графом д’Арманьяком, будущим коннетаблем, отсюда происходит и название партии арманьяков, противников бургундцев.

Будучи весьма бездарным военачальником, Карл Орлеанский, несмотря на свое личное мужество, проявленное в боях при Азинкуре в 1415 г., был взят в плен. Последующие 25 лет он провел в английском плену, так как король Генрих V упорно отказывался отпустить его за выкуп, дабы оградить права своего сына, будущего Генриха VI, на французский престол.

Чтобы как-то унять тоску своего пребывания в плену, Карл Орлеанский погрузился в стихотворчество, и в его поэзии, жеманной и утонченно-галантной, ощущается некоторая меланхолия. После своего освобождения в 1440 г. он предпринял попытку завладеть Миланским герцогством, завещанным ему матерью, красавицей Валентиной Висконти, умершей от скорби в 1408 г., однако смог отвоевать право лишь на владение графством Асти, славящимся своими виноградниками. Тоща он вновь обосновался в Блуа в феодальном замке, который его отец Людовик сумел купить у мужа одной из своих любовниц, хорошенькой графини де Шатийон, предварительно попользовавшись ее деньгами и разорив, таким образом, ее супруга.

Блуа стало излюбленным местом жительства Карла. Он велел снести старую средневековую крепость и воздвиг на ее месте замок в духе того времени, предвосхитивший по стилю искусство Ренессанса. Он создает там свой двор, который всегда был полон красавицами, поэтами и учеными. Он оставил после себя значительное поэтическое наследие, включающее 100 баллад, столько же песен и примерно 400 рондо.

Но, несмотря на всю эту тихую и утонченную жизнь в окрестностях Блуа, где Луара как бы беззаботно потягивается среди белых песчаных дюн, которые она заставляет перемещаться по своей прихоти, под сказочно чистым небом, Карлу Орлеанскому не дано было изведать супружеского счастья.

В первом браке с Изабеллой, второй дочерью Карла VI, в шесть лет выданной замуж за Ричарда II Английского, овдовевшей в 1400 г., вторично вышедшей замуж за Карла в 1406 г. и умершей от родов 20-летней в 1409 г., у него не было детей мужского пола.

В 1410 г. он женится во второй раз — на Бонне д'Арманьяк, дочери того самого Бернара д'Арманьяка, которого мы уже упоминали. Но военные походы 1410 и 1415 гг. помешали налаживанию семейной жизни, супруга его умерла, и он опять стал вдовцом, не имея наследника. А затем в течение четверти века он был пленником у англичан.

Наконец, вернувшись в 1440 г. из плена во Францию, он женился на Марии Клевской, дочери герцога Клевского, Бергского и Юханского, графа де Равенсберга, которому принадлежал и ряд прочих земель на западе Германии (Рейн-Вестфалия).

Мария Клевская, родившаяся в 1432 г., была моложе его более чем на 40 лет. Эта немка, воспитанная при Бургундском дворе (в то время самом распутном из всех европейских дворов), была очень хороша собой. Миниатюрная блондинка, она носила расшитые золотом платья, прозрачные чепцы, дорогие меха и множество драгоценностей, прогуливалась, как велела романтическая мода, в окружении борзых собак, а также сочиняла нежные и меланхоличные стихи.

Двор Карла Орлеанского не состоял сплошь из одних дам и девиц, их утонченное общество уравновешивалось молодыми сеньорами, все они в большей или меньшей степени были влюблены в Марию Клевскую, тайно ухаживали за ней, и она их не отвергала.

И вот Мария Клевская оказалась беременной и родила дочь. В окружении короля Людовика стали раздаваться насмешки. Что ответил на это Карл? Ничего. Нужно думать, что у Марии хватило красноречия, а ее супруг сумел разыграть удовлетворенность или снисходительность. Как бы то ни было, она подарила ему затем еще двух дочерей.

И тогда, осознав, что Карл Орлеанский решил либо притвориться слепым, либо любой ценой обрести наследника мужского пола, она стала выставлять напоказ свою связь со своим «кастеляном»[124], безвестным оруженосцем по имени Рабаданж, вплоть до того, что демонстрировала свою безумную страсть к нему, приказав украсить стены своих покоев гобеленами, на которых имя возлюбленного было начертано в форме выразительного ребуса, изображавшего брыжи и ангелов[125].

И вот 27 июня 1462 г. в замке Блуа родился мальчик, которого все сочли сыном упомянутого Рабаданжа. Надо сказать, что Карлу Орлеанскому шел в ту пору 71-й год, а средняя продолжительность жизни (особенно у мужчин) составляла тогда 43 года. А Марии Клевской было 30 лет, и потому у двора Блуа были все основания усомниться в законнорожденности этого ребенка. К тому же старый герцог давно уже не наведывался в спальню к красавице герцогине…

Но этого ребенка Карл тотчас же признал законным наследником имени и титулов Орлеанского дома.

Между тем был некто, у кого происходящее вызвало досаду. По поводу первых проказ Марии Клевской Людовик XI лишь посмеивался в своем замке Плесси-ле-Тур. Но появление на свет этого наследника мужского пола осложняло его планы. У него был лишь один сын, будущий Карл VIII, его собственный незаконнорожденный сын, но в жилах которого текла королевская кровь. И если бы он умер — а его уже раз пытались похитить и другой раз отравить, — корона перешла бы к Орлеанскому дому, и эта мысль приводила его в негодование.

И уж совсем как в насмешку Карл Орлеанский попросил короля Людовика быть крестным отцом его ребенка. Итак, Людовик XI прибыл в Блуа, отпустил несколько колких замечаний, в ответ на которые Карл сделал вид, что не понял их, и последовал за незаконнорожденным ребенком к купели. Но когда младенец помочился на рукав королевского камзола, король разразился гневом. Суеверный Людовик XI узрел в этом происшествии дурное предзнаменование для своего потомства. Действительно, его собственному сыну, будущему Карлу VIII, суждено было умереть, не оставив после себя ребенка мужского пола.

Правда, и новорожденный бастард Орлеанский, будущий Людовик XII, впоследствии умер, также не оставив потомков мужского пола.

На смену вымершей ветви Капетингов пришла ветвь Капетингов-Валуа. Она сменилась по той же причине ветвью Валуа. Цикл завершила ветвь Бурбонов, ничего при этом не изменив.

Воистину можно поверить, что проклятие, брошенное 22 марта 1314 г. из пламени костра Жаком де Моле, последним великим магистром ордена тамплиеров, вихрем возмездия пронеслось сквозь века, поражая всех потомков Филиппа Красивого.

Связь Марии Клевской, герцогини Орлеанской, со своим слугой была, впрочем, скандальным образом оглашена и узаконена вскоре после смерти Карла Орлеанского 4 января 1465 г. Красавица герцогиня к изумлению двора Блуа перед лицом такого мезальянса поспешила выйти замуж за своего милого кастеляна, или «постельничего», в двойном смысле этого слова *(П. Ансельм де Сент-Мари.* Генеалогическая история Французского дома, I).

Так, в брачном контракте он был назван «Жан, сир де Рабаданж, наместник Гравелинский», благодаря насмешливой снисходительности Людовика XI, которого, видимо, не рассердила допущенная Марией Клевской неосторожность. Ведь Карла-поэта уже не было при ней, чтобы принимать на себя бремя отцовства, и ей, естественно, требовался законный супруг. Почему бы таким супругом не стать любовнику, к которому она пылала страстью? И хитрость Людовика XI проявилась, несомненно, в том, что он дал ему титул «сира де Рабаданжа», владельца несуществующего домена в несуществующем месте, и доверил ему должность наместника города Гравелина, расположенного на севере Франции, в пяти лье от Кале и Дюнкерка, то есть в непосредственной близости от английских войск. Что, конечно же, не было равноценной заменой двору Блуа и мягкой постели Марии Клевской…

9. Подлинные убийцы Генриха IV

Черный человек, откуда вы явились?

Я явился из-под земли,

Полулисица-полуволк!

Пьер Жан де Беранже (1780–1857). Песни

27 декабря 1594 г. сын суконщика по имени Жан Шатель 19 лет от роду сумел проникнуть в Лувр в покои короля Генриха IV, который, вернувшись из Пикардии, принимал у себя знатных вельмож французского двора. Он нанес королю удар в лицо, порвав ему верхнюю губу и выбив зуб.

Шатель был тотчас же схвачен. У него нашли различные предметы религиозного культа: *ризу* Богоматери, несколько четок и др. Подвергнутый пыткам, молодой человек заявил, что «совершил этот поступок по собственному почину», объяснив его следующим образом: «Во многих местах мне довелось слышать, что следует считать истинным утверждение, признающее законным убийство короля с тех пор, как его перестал признавать папа римский».

Действительно, на Генриха IV продолжало распространяться действие знаменитой папской буллы «Ab immensa» об отлучении от церкви, в которой папа Сикст V обрушивался на «Генриха Бурбона, так называемого короля Наваррского, и на Генриха, тоже Бурбона, так сказать, принца де Конде, еретиков, а посему пожизненно лишавшихся наряду с их потомками права наследования любого герцогства, княжества или королевства».

Кроме того, булла освобождала подданных обоих принцев от присяги и обязывала «оказывать всяческую поддержку всем действиям, направленным против вышеупомянутых лиц». Не будем забывать и того, что папа Григорий XIII повелел исполнить *Te Deum* в соборе Санта-Мария-Маджоре и отслужил благодарственный молебен в соборе св. Людовика Французского в Риме соответственно 5 и 8 сентября 1572 г., чтобы возблагодарить Господа,

допустившего кровавую резню в Варфоломеевскую ночь. А папская булла от 11 сентября того же года назначала особое празднование, дабы получить Божье благословение на уничтожение гугенотов и искоренение их ереси во Франции.

Нужно сказать, что протестанты Лангедока и Гюйени прибегали к подобным же эксцессам еще осенью 1561 г., и чинимые ими грабежи, насилие и массовые убийства лишь предшествовали Варфоломеевской ночи в Париже и других провинциях.

Указ об отлучении от церкви, исходивший от папы, избавлял ортодоксов от всяческих колебаний. Сначала проповедники Общества Иисуса ополчились на Генриха III, упрекая его в недостаточно активной борьбе против ереси и называя его Нероном, Сарданапалом, Иродом и т. п. Затем монах Жак Клеман, проведя ночь с Мари Лотарингской, герцогиней де Монпансье, сестрой герцога де Гиза, обратился за советом к своему начальнику, доминиканцу Бургуану, который, как и Мари Лотарингская, подтвердил, что нет никакого греха в том, чтобы убить короля Генриха III, и что, сделав это, он попадет прямо на небеса.

Перед лицом такой двойной награды, наполовину возданной ему авансом, наполовину обещанной в будущем, Жак Клеман, этот 22-летний монах, повышенная чувственность которого уже послужила причиной нескольких скандальных историй, более не колебался. В Сен-Клу ударом ножа в живот он убил короля. А чтобы монах не проговорился, его самого тут же на месте прикончили.

Сразу же вслед за этим монах-иезуит Хуан де Мариана принялся за дело и написал свой знаменитый трактат *«De rege et Regis Justitione»,* который вышел в свет в 1599 г. и в котором было сказано, что Жак Клеман совершил «неслыханный, дивный подвиг».

После смерти Генриха III юридически, если не фактически, королем Франции стал тот, кого он назначил своим преемником в соответствии с салическим правом первородства, — то есть Генрих Наваррский. Но даже после его перехода в католичество и коронации в Шартре его противники не сложили оружия. И 22 попытки покушения на него напоминали ему о том, что некогда совершенное отлучение его от церкви не отменено и по-прежнему сохраняет силу.

Первое покушение было совершено неким Баррьером, побуждаемым отцом Варадом из ордена иезуитов. Баррьера казнили, но обвинить Варада не решились. А Нантский эдикт 1598 г., естественно, ничего не уладил.

После покушения Жана Шателя народ в ярости стал осаждать Клермонтский колледж (впоследствии Лицей Людовика Великого), так как он принадлежал иезуитам, у которых воспитывался Шатель. Полицейские провели там обыск и обнаружили в келье некоего отца Гиняра весьма компрометирующие документы. В частности, в одном из его пасквилей говорилось: «Героический поступок Жака Клемана, вдохновленный Святым Духом, был по праву одобрен». И еще: «Если невозможно покончить с ним без войны, нужно воевать. А если невозможна и война, нужно заставить его умереть».

Жан Шатель был казнен через четвертование 29 декабря 1594 г., через два дня после совершенного им преступления. Гиняру было предъявлено обвинение, но он не отказался от своих слов, категорически не желая признавать Генриха IV королем Франции, потому что папа «не признавал его»… Его повесили 7 января 1595 г., через девять дней после казни Жана Шателя, дом которого сровняли с землей, возведя на его месте искупительную пирамиду, а иезуитов изгнали из Франции по указу парламента. Позднее отец Жувеней из ордена иезуитов восхвалял отца Гиняра и сравнил его с Иисусом Христом, «спасителем людей».

Уехали не все иезуиты, и Генрих IV закрыл на это глаза, так как страшно их боялся. Ему не давал покоя его духовник отец Ко-тон, а также его любовницы и куртизаны, которые были приверженцами прежних идеологических течений. И, несмотря на увещевания парламента, председатель которого Ашилл де Арлей дал ему понять, что его поступок будет «фатальным

для мира в королевстве и опасным для Вашего Величества…», король уступил иезуитам. Мотивы своего решения он назвал в письме к Сюлли, в котором он заявил, что иезуиты везде имеют своих шпионов и что его «беспокойная и несчастная жизнь хуже смерти».

Таким образом, иезуиты вернулись на официальных основаниях в 1604 г., и искупительная пирамида, воздвигнутая на месте жилища Жана Шателя, была разрушена. Это был триумф ордена.

Теперь следует расставить на шахматной доске Истории фигуры, которым предстоит разыграть эту зловещую партию.

В самом деле, иезуиты, основавшие свое общество в 1534 г., утвержденное папой Павлом III в 1540 г., были лишь папскими агентами, мастерами на все руки. А игру вело даже не папство, а испанские короли. Сначала это был Филипп II, претендовавший на французский трон[126], а затем его сын и наследник Филипп III. Но и оба эти суверена лишь действовали по указанию страшной и фанатичной испанской церкви. Покорные исполнители ее воли, они лишь говорили от ее имени, угрожая папе Клименту VIII тем, что «Испания перестанет ему повиноваться, если он позволит себе дать отпущение грехов Генриху IV…».

Так в 1590 г. посол Оливарес с наглостью испанских грандов заявил Сиксту V, что «католический король выйдет из повиновения римской церкви и будет толковать учение Христа, как сочтет нужным…». Такова была обстановка.

Этот поток беспощадной враждебности, подогреваемый религиозным фанатизмом, нашел во Франции своих сторонников среди некоторых лиц, составлявших, к сожалению, постоянное окружение короля.

Прежде всего это была его супруга Мария Медичи.

Родившаяся во Флоренции 26 апреля 1573 г. и скончавшаяся в изгнании в Кёльне 3 июля 1642 г., она была дочерью великого герцога Тосканского Франциска I и австрийской эрцгерцогини Жанны. Поэтому знаменитый план Генриха IV, нацеленный на ослабление роли Австрии, нашел в ее лице беспощадную противницу. Мария Медичи сочеталась браком с Генрихом IV 16 декабря 1600 г., а 27 сентября 1601 г. она произвела на свет сына, будущего короля Людовика XIII. Красивая, но высокомерная, упрямая и мстительная, она быстро надоела Генриху IV бесконечными сценами ревности. Сделавшись регентшей после его смерти в 1610 г. и полностью попав под влияние своих фаворитов Кончино Кончини и Леоноры Галигай, она отстранила прежних королевских советников, отказалась, естественно, от планов, нацеленных против Австрийского трона, и столкнулась в 1614 г. с недовольством аристократов в Генеральных штатах, с которыми 6 мая 1616 г. она подписала Луденское соглашение.

После казни Кончини она в апреле 1617 г. была выслана в Блуа. Ее освободил д'Эпернон, ее постоянный сообщник, и она предприняла отчаянную попытку борьбы со своим сыном, Людовиком XIII, но 7 августа 1620 г. в Пон-де-Се потерпела поражение. Ришелье помирил юного короля с матерью, от которой он издавна домогался интимных милостей.

Вновь заняв свое место в Королевском совете в 1622 г. после смерти герцога де Люиня, она попыталась отстранить Ришелье в день знаменитого «Праздника дураков», 11 ноября 1630 г.

Проведя несколько месяцев в заключении, в июле 1631 г. она бежала за границу. Потом она жила в Брюсселе, Лондоне и Кёльне, продолжая плести интриги против Ришелье в пользу Австрии, но так и не смогла больше вернуться во Францию.

Такова жизнь Марии Медичи, внучки Козима Медичи, олицетворявшего в апогее своей славы политическую мощь Флоренции, и правнучки Джованни Медичи по прозвищу Черная Повязка, одного из великих кондотьеров итальянского Возрождения.

Обратимся теперь к ее беззаветно преданному советнику Кончино Кончини, родившемуся во Флоренции приблизительно в 1575 г. и погибшему в Париже 24 апреля 1617 г. от пуль офицеров Николя д'Опиталя, маркиза де Витри, капитана гвардейцев.

В ответ на предъявление ордера на арест он попытался выхватить свою шпагу. Бунту против королевского приказа прощения не было.

Кончини был сыном флорентийского нотариуса, близкого к семье Медичи, которая, как мы знаем, в истоках своих была семьей простых флорентийских банкиров. Благодаря любви, которой воспылала к нему Леонора Галигай, молочная сестра и наперсница Марии Медичи, а затем — ее первая камеристка, он смог пристроиться при французском дворе. После смерти Генриха IV он купил маркизат Анкр, был назначен губернатором Нормандии, а затем — маршалом Франции, не имея ни малейшего понятия о военной стратегии и не пройдя военной службы. С 1611 г., после смерти короля, Мария Медичи прогнала Сюлли и поручила Кончини вершить впредь вместо него делами королевства. Он стал осуществлять тираническое правление с помощью целой сети своих наемных шпионов. Его вызывающе огромное богатство, его спесь вызвали возмущение и зависть знатных вельмож. Тогда по их совету Людовик XIII приказал г-ну де Витри, капитану Французской гвардии, арестовать его, посадить в тюрьму и предать суду. Что было дальше — нам известно.

Его супруга Леонора Галигай, обвиненная в колдовстве и порче «в отношении королевских особ», была приговорена к смертной казни. Ей отрубили голову, а тело затем сожгли. Их сына парламент объявил «лишенным дворянства и всяческих прав во Французском королевстве».

Леонора Галигай, в девичестве Леонора Дори (родилась в 1576 г. во Флоренции, а казнили ее в Париже 8 мая 1617 г.), была с 1601 г. супругой Кончино Кончини. На вопрос о том, к каким чарам она прибегла, чтобы обрести власть над Марией Медичи, она ответила, что лишь использовала превосходство умной женщины «над дурой».

Теперь мы приближаемся к самому центру паутины, которой был оплетен несчастный Генрих IV. В центре же ее воцарился Жан-Луи де Ла Валетт, герцог д'Эпернон.

Он родился в замке Комон в мае 1554 г., умер в замке Лош 13 января 1642 г. и был одним из «фаворитов» Генриха III наряду с такими «пэрами», как Келюс, Можирон, Сен-Мегрен, Жуаёз, Сен-Люк, д'О и Ливаро.

Нужно признать, что откровенный гомосексуализм этих «пэров особого рода» ничуть не мешал им проявлять мужественность в других делах. Действительно, д'Эпернон служил Генриху III верой и правдой как в армии, где он провел несколько блестящих операций, так и в области секретных переговоров, где он тоже сумел отличиться. Генрих III сделал его герцогом и пэром в 1581 г., адмиралом Франции в 1587 г., а также губернатором Меца, Тула и Вердена (знаменитых «трех епископств»), Прованса, Нормандии, Анжу, Пуату, Сентонжа.

Одним из последних он признал Генриха Наваррского законным преемником Генриха III и, несмотря на благосклонность Генри-ха IV, на протяжении всего царствования последнего сохранял почти открытую враждебность к нему. Дело в том, что он не забыл некоторых острот в духе Рабле, отпущенных некогда в его адрес Беарнцем в Лувре еще во времена Генриха III и содержавших намеки на их своеобразные нравы и на все то, что ему удалось благодаря им получить. Этого д'Эпернон никогда не смог простить Генриху IV.

Он находился в карете рядом с королем, когда тот был убит рукой Равальяка. Тотчас же он поспешил сделать все, чтобы регентство было поручено Марии Медичи, только что ставшей королевой Франции благодаря весьма опрометчивому согласию короля на ее коронацию. Д'Эпернон тщетно пытался оспорить у Кончини право на ведение дел и был окончательно отстранен от власти в 1616 г. с назначением Ришелье на пост первого министра. Ришелье лишил его губернаторства на всех землях, кроме Гюйени, с целью отправить его подальше от Парижа.

Обратимся теперь к той особе, которая, будучи в центре паутины, не извлекла тем не менее пользы из своих хитрых уловок. Ее звали Катрин-Генриетта де Бальзак д'Антрэг.

Она родилась в Орлеане в 1583 г. и умерла в Париже в 1633 г. Ее отцом был Франсуа д'Антрэг, губернатор Орлеана, а матерью — Мари Туше, ранее — фаворитка Карла IX, от которого у нее был сын Карл де Валуа, ставший в 1589 г. графом д'Овернь благодаря дару Екатерины Медичи, унаследовавшей графство Овернь в 1524 г. после своей матери Мадлен де Ла Тур д'Овернь.

После смерти Габриэль д'Эстре 10 апреля 1599 г. она стала любовницей Генриха IV, который буквально купил ее у семьи, заплатив вначале огромную сумму в 100 тыс. экю, а затем дав письменное обещание жениться на ней, которое она потребовала в качестве дополнительной платы. Вспомним мимоходом суждение Сюлли о Генриетте д'Антрэг: «Красива, стерва, но настоящая шлюха…» Вот текст этого брачного обещания, которое также числится среди причин, повлекших смерть Беарнца:

«Мы, Генрих IV, милостью Божьей король Франции и Наварры, обещаем и клянемся перед Богом, честно и словом короля мессиру Франсуа де Бальзаку, господину д'Антрэгу, кавалеру наших орденов, в том, что, беря в спутницы девицу Генриетту-Катрин де Бальзак, его дочь, в случае ее беременности через шесть месяцев, начиная с сегодняшнего дня, и разрешения ее от бремени сыном, мы немедленно возьмем ее в жены и сделаем своей законной супругой, официально заключив с ней брак перед лицом Святой Церкви и с соблюдением предусмотренных в таких случаях обрядов. С целью подтверждения настоящего обещания, мы обещаем и клянемся также в том, что утвердим и перепишем за нашей подписью данное обещание незамедлительно после получения от Его Святейшества Папы разрешения на расторжение нашего брака с госпожой Маргаритой Французской и на заключение нового брака, где нам будет угодно. Свидетельством этому является данное обещание, написанное и подписанное нами в лесу Мальзерб сегодня, первого октября 1599 года.

Генрих».

В тот же самый вечер в том же «лесу Мальзерб» Генриетта д'Антрэг принимала Генриха IV в своей постели, украшенной колоннами и балдахином, неистовствуя со всей силой своего темперамента, дабы обеспечить свое будущее царствование посредством беременности, которой жаждало все ее семейство.

Двор ожидал этой развязки с лукавой усмешкой. Двор начинал познавать сущность Беарнца. Так, Николя Рапен, главный судья Юрисдикции, мог написать после того, как король только увидел девицу д'Антрэг, шесть дней спустя после смерти Габриэли д'Эстре:

«Мадемуазель д'Антрэг уже выходит на первый план. Клин клином вышибается…»

И наконец, расскажем о последнем орудии этого заговора, о человеке, который в роковую пятницу 14 мая 1610 года невольно изменил своим поступком историю Европы и Франции вопреки политическим и любовным замыслам Генриха IV.

Это был *Франсуа Равальяк.* Он родился в Тувре, близ Ангулема, в 1578 г. и умер в Париже 27 мая 1610 г., через 13 дней после гибели своей жертвы. У него было тяжелое детство, он служил лакеем, клерком у прокурора, школьным учителем, затем стал послушником у монахов ордена фельянов, преобразованного из ордена Сито. Фельяны вскоре изгнали его по причине его психической неуравновешенности. Равальяк, начитавшись памфлетов, в которых повторялись идеи времен «Священной лиги»[127], оправдывающие монархоубийства, подобные убийству короля Генриха III доминиканцем Жаком Клеманом, принял решение отправиться пешком в Париж и убить Генриха IV. Дальнейшее нам известно.

Благоговейно прослушав мессу, он пешком последовал за королевской каретой, выехавшей из Лувра. Воспользовавшись затором на улице Ферронри, он нанес королю три удара ножом. Приговоренный к смерти 27 мая 1610 г., он выдержал пытки раскаленными

щипцами, и расплавленным свинцом, и кипящим маслом, которое лили ему на раны после того, как предварительно обожгли ему правую руку серной кислотой. Под конец он был четвертован. Эта казнь длилась целый час.

Нужно признать, что, помимо серьезных противников, появившихся у Генриха IV на арене политической борьбы, у него возникло также и множество личных врагов. Его вульгарность, доходящая до грубости, его нечистоплотность и нередко неопрятный вид заставили покинуть Луврский дворец тех, кто еще сохранил дворянское достоинство. Так возник знаменитый отель Рамбуйе, наподобие парижского Лувра, в котором Жюли д'Анженн, герцогиня де Монтозье, отличавшаяся красотой и умом, создала великосветский салон, в котором искусство, поэзия, знания олицетворялись лучшими представителями тогдашнего общества: Ришелье, Конде, Ларошфуко, Малербом и др.

Однако в поведении Беарнца было нечто и похуже. И это не только отталкивало от него культурных людей, но и создавало ему смертных врагов.

Чтобы нас не обвинили в предвзятости, ограничимся цитатой из книги Раймона Риттера «Генрих IV собственной персоной» (издательство «Альбэн Мишель», 1944):

«Тем не менее уже известно, что такие тонкости абсолютно чужды Генриху IV, и лучше всего это можно заметить, выявив в его обращении и в его словах по отношению к собственным детям такую непристойность, которая, будучи ужасной сама по себе, предстает совершенно возмутительной в поведении отца. И в конце концов напрашивается вопрос, не является ли эта непристойность инстинктивным выходом сексуальной озабоченности стареющего фавна.

В сущности, это явление скорее физиологического, а возможно, и патологического характера, нежели чисто психологического. Особенно если вспомнить пристрастие сладострастного разбойника к молоденьким девушкам, а на последней стадии своей жизни и своей любовной карьеры — его явно извращенную манию больше всего ценить в своих амурных победах лишение их девственности.

Возникает серьезный вопрос, не утолял ли он бессознательно одно из самых тайных проявлений своей ненасытной чувственности, граничившей с развратом, внушая похотливые образы в ответ на первое плотское любопытство, свойственное детям, и развращая таким чудовищным образом детские души.

Ничего удивительного при таких обстоятельствах, когда малолетний принц (будущий Людовик XIII), наигравшись „в очень личные игры" в кровати со своим отцом, начинает произносить новые слова и говорить вещи постыдные и непристойные, сообщая, что „эта штуковина" у его папы гораздо длиннее, чем у него, что она „вот такая длинная", и показывая при этом половину своей вытянутой руки».

Если, как утверждают физиономисты, душа откладывает свой след на лице человека в течение всей его жизни, ничего удивительного нет в том, что лицо Беарнца превратилось к концу жизни в лицо фавна, сатира, в засаде выслеживающего юных нимф.

По донесениям тайного агента, во время разграбления города Сэн-Жан-Пье-де-Пор протестантскими войсками, которыми он формально командовал, 14-летний Генрих Бурбон, будущий король Наваррский, якобы допускал самое страшное кощунство в городской церкви, всаживая в распятие кинжал и расстреливая из аркебузы статую Девы Марии. Нужно ли в этом усматривать ненависть и почти сознательное отречение от того, что олицетворяли тогда эти два изображения: безмолвный запрет на проявление его инстинктов, главным образом сексуальных?

Кстати, неверно величать добром то, что шло у него в основном от равнодушия. Неверно утверждать, что это он тайно пропустил повозки, груженные хлебом, в осаждаемый им же Париж, где люди умирали от голода после того, как он сжег близлежащие деревни. Эти повозки в действительности пропустил в город один из его военачальников, г-н де

Живри, любовник красавицы Мари де Гиз, и сделал он это из любви к ней. Узнав об этом, Генрих Наваррский выгнал Живри из армии.

В те времена, когда его войска размещались в аббатстве Дам де Монмартр, он вступил в мимолетную связь с 17-летней аббатисой Клод де Бовилье, при этом обещая жениться на ней. Потом он ее бросает и мчится в аббатство де Лонгшан, чтобы лишить девственности прелестную монахиню, о красоте которой был наслышан: Катрин де Верден было тогда всего лишь 14 лет. Желая затем избавиться от нее, он сделал ее аббатисой и отослал в Сен-Луи-де-Вернон, а сам возвратился к Клод де Бовилье. Но она тоже быстро получила отставку, когда появилась Габриэль д'Эстре.

Как бы там ни было, даже с учетом того, что дело происходило во времена грубые, аномалии поведения Генриха IV в сексуальной области шокировали многих людей, которые, не будучи ни проте-стантами-пуританами, ни католиками-ортодоксами, тем не менее считали, что король обязан знать меру во всех своих поступках.

К этим презирающим его людям следует добавить его политических и религиозных врагов. В свои 57 лет он страстно влюбился в 14-летнюю Шарлотту де Монморанси, невесту Франсуа де Бассомпьера. Он заставил жениха отказаться от помолвки, чтобы выдать его невесту замуж за принца де Конде, в котором он рассчитывал обрести покладистого мужа королевской пассии. Когда он дошел до того, что попытался совместить свою старческую страсть с военными приготовлениями к походу против Австрии вплоть до стремления разжечь войну во всей Европе, чтобы заполучить свою возлюбленную, которая бежала в Брюссель вместе со своим супругом, тогда лишь немногие придворные смогли принимать его всерьез. Ему хранил верность лишь простой народ, который по-прежнему называл его «наш Генрих», не ведая, что он готов спалить Европу, чтобы, помимо всего прочего, затащить к себе в постель 14-летнюю красотку.

А его приближенные давно изучили этого сластолюбца. Они знали, что, если в голове Беарнца возникло желание овладеть женским телом, ничто больше не существовало для него и ни его интересы, ни чувство долга не заставили бы его отказаться от своей страсти. Судите сами.

20 октября 1587 г. Генрих, тогда еще просто Наваррский, разбил в Кутра близ Либурна войска Лиги. Вместо того чтобы, по неписаным законам, закрепить успех, он отпустил свое войско на отдых, а сам устремился в Нерак, чтобы похвастаться перед своей любовницей Корисандой де Грамон, графиней де Гиш, урожденной Дианой д'Одуэн, «которую он безумно желал», трофеями и знаменами, захваченными у католиков. Возмущенный этим поступком, Сюлли заметит, что «все плоды, обещанные этой великой и значительной победой, разлетелись в прах…» (см.: *Сюлли.* Мемуары).

И действительно, легкомыслие Генриха Наваррского привело к тому, что его немецкие и швейцарские наемники через неделю были полностью разгромлены герцогом де Гизом в битве при Вимори близ Монтаржи.

Не прошло и месяца, как в ноябре 1587 г. новое поражение настигло его в Оно близ Шартра. На сей раз немецкие всадники и швейцарские копейщики разбрелись кто куда за пределы королевства.

Что же делал Генрих Наваррский в это тревожное время? Он в Нераке наслаждается ласками Корисанды де Грамон, обещая ей свадьбу и корону. Но, во всяком случае, когда он подстроил своей супруге Маргарите де Валуа, сестре Генриха III, «каверзу» (по его выражению), последняя, живущая также в Нераке, где у нее в постели ночевал весь двор, заподозрила неладное, и задуманное убийство так и осталось в проекте (см.: *Письмо Генриха Наваррского Корисанде де Грамон от 18 мая 1589 года*).

Всю свою жизнь он шел на поводу у своих любовниц, которым достаточно было не пустить его к себе в постель, чтобы добиться всего, что они желали. Так, в момент

подготовки к операции первостепенной важности по завоеванию Нормандии Генрих Наваррский оставил на произвол судьбы свою армию и удалился на месяц в Кэвр близ Суассона, влекомый неотразимыми прелестями красавицы Габриэли.

Затем, желая доставить ей удовольствие, он отказался от Нормандии, несмотря на настойчивые возражения своих военных советников, и приказал двигаться к Пикардии и осадить Нуайон. Когда этот осажденный город, понеся множество жертв, был взят, Генрих Наваррский по желанию все той же Габриэли назначил губернатором Нуайона ее отца Антуана д'Эстре, сын которого стал там епископом. Таким образом, красавице удалось пристроить все свое семейство.

Случаи подобного отказа от первейшего долга ради удовлетворения своих сексуальных позывов еще не раз бывали в жизни Генриха IV. Более того, иногда он внезапно покидал заседание Королевского совета, чтобы «расслабиться» в объятиях какой-нибудь быстро сговорчивой красотки. А Совет тем временем терпеливо ждал возвращения любвеобильного венценосца.

Жизнь Беарнца полна этих бесчисленных любовных историй, начиная от обычного изнасилования деревенской девушки, если эта простолюдинка вдруг оказывалась недостаточно понятливой (в Наварре в то время все еще существовало право первой брачной ночи, подкрепленное королевским указом в начале XVII в.), и кончая денежной сделкой, если речь шла о девушке из благородной семьи. Не было числа его незаконным детям, и (за редким исключением) он никогда не заботился о них.

Даже если какая-нибудь женщина, ставшая матерью его ребенка (когда-то опозоренная им и изгнанная из своей семьи из-за внебрачной беременности бедняжки), оказывалась затем в нужде,

Генрих Наваррский даже и слышать о ней ничего не хотел. Так, например, Эстер Имбер, дочь Жака Имбера, бальи из Они, в 1592 г. умерла в нищете, а он и не удосужился ее принять, выслушать, оказать хоть какую-то помощь своей бывшей возлюбленной и ее ребенку от него, то есть своему собственному потомку королевских кровей.

Поступая так, он нарушал традиции дворянства и королевских домов, согласно которым было не принято отказываться от своих побочных детей.

Во время торжественного въезда Габриэли д'Эстре в Париж там находилась Корисанда де Грамон. Однако король нанес ей столько оскорблений, что она предпочла вернуться в свой замок Ажетмо, близ По. А ведь прежде она часто оплачивала из своих средств содержание наемников Беарнца.

Ему было незнакомо понятие королевской чести. Любовницы бесстыдно изменяли ему, Габриэль д'Эстре, например, с герцогом де Бельгардом, а иногда с одним или двумя его простыми охранниками в течение одной ночи (см.: *Письмо Бончиани великому герцогу Тосканскому Фердинанду Медичи*).

Это нисколько не смущало его, возможно, даже разжигало его аппетит! Это предположение в определенной мере подтверждается, например, следующим эпизодом их интимной связи. Как-то раз Габриэль лежала в постели с Бельгардом (легко догадаться, чем они там были заняты), и тут их поспешно предупредили о приближении короля. Бельгард, голый, залез под высокую кровать, украшенную, как уже говорилось, колоннами и балдахином. Генрих IV вошел, поздоровался с лежащей на ложе красавицей, быстро разделся и лег подле нее. Насытившись ее любовью, он позвал Арфюру, наперсницу и первую камеристку герцогини де Бофор, и попросил ее принести сладостей. Потом, смакуя их, Генрих IV вдруг посмотрел Габриэли прямо в глаза, затем положил часть своего десерта на тарелку и протянул ее главному конюшему под кровать, сказав ему: «Ешьте! Никого нельзя обделять!»

И оставив их, пунцовых от стыда, Генрих IV удалился, хохоча во все горло.

Далеко не впервые он специально приходил таким образом на смену другим своим соперникам и при этом никогда не сердился на них. Можно предположить, что подобные ситуации напоминали ему прежние групповые изнасилования, в которых он участвовал со случайными приятелями, поймав какую-нибудь несчастную девушку, и которые, вероятно, действовали на него сексуально возбуждающе. Современное светское сводничество, практикуемое на развлекательных оргиях, помогает нам лучше понять эти странности, так как впоследствии король оставался столь же равнодушным, внезапно узнавая о неверности Генриетты д'Антрэг, нагло изменявшей ему с принцем де Жуанвилем из семейства Гизов. А между тем ради нее Генрих IV истратил огромные суммы, предназначенные на содержание своих солдат, воюющих с испанцами. Лишенные довольствия, эти полки подняли мятеж, и все это приводило в отчаяние преданного Сюлли, бессильного что-либо изменить. Из-за самодурства Беарнца Франция потеряла Кале, потом Амьен, и потребовалась шестимесячная осада для того, чтобы Амьен вновь стал французским.

Нужно признать, что Габриэль д'Эстре оказывала на короля в политике гораздо лучшее влияние, чем Генриетта д'Антрэг. По крайней мере именно она заставила короля издать 13 апреля 1598 г. Нантский эдикт[128]. Это послужило ей реабилитацией, оправдав пожалованный ей титул герцогини де Бофор. Но кем же она была раньше? Мы уже рассказывали, как Генрих Наваррский подарил аббатство де Манбюиссон сестре Габриэли, все незаконнорожденные дети которой были от разных отцов. Как видно, женщины этой семьи отличались своеобразием. Мать, послужив в молодости усладой своим многочисленным поклонникам, бросила затем своего супруга Антуана д'Эстре, губернатора Ла Фера, чтобы последовать в Овернь за молоденьким маркизом д'Аллегром. А в ту пору ей, этой ветреной супруге господина де ла Бурдезьера, являвшейся по очереди любовницей короля Франциска I, папы Климента VII и короля Карла V, исполнилось 46 лет и у нее уже были внуки. Но послушаем, что говорит Бассомпьер:

«16-летней девушкой Габриэль была продана своей матерью при посредничестве герцога д'Эпернона Генриху III за шесть тысяч экю. Монтини, которому было приказано вручить ей деньги, удержал из них две тысячи для себя. Габриэль быстро надоела королю. Тогда матушка продала ее богачу-финансисту Заме и кое-кому еще, затем — кардиналу де Гизу, прожившему с ней один год. Впоследствии Габриэль перешла к герцогу де Лонгвилю, потом к герцогу де Бельгарду и еще к нескольким аристократам, жившим неподалеку от Кэвра, к таким, например, как Брюней и Стеней. Наконец герцог де Бельгард представил ее Генриху IV» (см.: *Бассомпьер.* «Мемуары»).

Тут-то и началась ее трагическая судьба. Во всяком случае, пообещав в 1595 г. и красотке Габриэли жениться на ней и сделать их совместных детей наследниками короны, на деле он обманул ее, решив жениться на Марии Медичи. Стоит ли удивляться тому, что определенные враждебные силы стали тайно готовиться к убийству фаворитки, будучи не в силах ее отстранить. 8 апреля 1599 г., вернувшись из Фонтенбло, Габриэль поужинала и легла в постель со своим давним любовником, финансистом Заме, флорентийцем, ставленником семьи Медичи. Перед сном она почувствовала острые боли. 10 апреля, укрывшись в доме мадам де Сурди, она умерла в возрасте 26 лет. Генрих IV был буквально потрясен ее внезапной смертью. Но через шесть дней, 16 апреля 1599 г. ему поведали об одной юной красотке, кажется, еще девственнице, которая жила в Мальзербе со своими родителями. Ее звали Генриетта де Бальзак д'Антрэг. Дальнейшее нам известно. 30 апреля он сделал тщетную попытку проникнуть к ней в спальню. Мы уже описывали сводническое торги между родителями девушки и королем.

Из всего сказанного можно заключить, что флорентийский клан отравил Габриэль д'Эстре, а другой клан, тот, который Сюлли назвал «поставщиками курочек *ж* наперсниками разврата», подготовил ей замену. С кафедры собора св. Петра за происходящим следил папа Климент VIII. И вот он, не решавшийся в течение нескольких недель расторгнуть брак

Генриха Наваррского с Маргаритой де Валуа, 10 апреля 1599 г., вечером того самого дня, когда умерла королевская фаворитка, произнес страшные слова: «Бог позаботился об этом…» Эти слова стали понятны его близким, как только весть о ее смерти достигла Рима.

Шли годы, и постепенно близился конец этой жизни, которая могла, бы стать прекрасной, если бы не была полна всевозможных пороков. Тот, кто умеет читать между строк, поймет, что Генрих IV имел верных и бесценных подданных в лице Максимилиана де Бетюна, маркиза де Рони, которого король сделал герцогом де Сюлли, и Оливье де Серра, сеньора де Праделя ан Прованс. При поддержке Генриха IV оба эти министра быстро, уже к 1598 г., покончили с неслыханной нищетой, изнурявшей народ.

Тогда настало время великого заговора 1602 г., так называемого заговора Бирона.

Шарль де Гонто, барон де Бирон (1562 — 31 июля 1602), сначала числился у Генриха IV в бывших фаворитах и служил ему верой и правдой в Арке и Иври, при осаде Парижа и Руана. За это король сначала присвоил ему звание главного адмирала Франции (1592), потом — маршала Франции (1594), а затем в 1598 г. сделал его герцогом и пэром. Между тем герцог Савойский, завладевший маркизатом Салюс под прикрытием французских гражданских войск и обещавший вернуть его в соответствии с Вервенским мирным договором, впоследствии отказался это сделать и стал подстрекать маршала де Бирона поднять восстание.

Генрих IV пресек эти происки. Два корпуса французской армии вошли в Брессу и Савойю, разрушили укрепления и заставили герцога Савойского подписать Лионский договор, по которому герцог сохранял маркизат Салюс, уступая Франции Бюге, Брессу, земли Шекса и Вальроме (вследствие чего граница Франции устанавливалась по реке Роне), уплачивал 300 тыс. ливров в качестве контрибуции и лишался своей артиллерии вместе с боеприпасами.

Так и не научившись карать изменников, будь то женщины или мужчины, король ничего не стал предпринимать, чтобы обезвредить Бирона. А тот продолжал плести заговоры. Он был связан с

Филиппом III, королем Испании, и имел сообщника в лице Карла де Валуа, графа д'Овернь, сына Карла IX и Марии Туше и сводного брата Генриетты д'Антрэг. У них были совершенно ясные планы: сговор, заключенный этими двумя предателями с королем Испании и герцогом Савойским, предусматривал полное устранение королевской семьи, уничтожение юного дофина, будущего Людовика XIII, расчленение Франции с последующим присоединением ее земель к обоим заинтересованным государствам и учреждение выборной монархии, подчиненной Филиппу III.

Одновременно Бирон сформировал из отпущенных на отдых солдат воинские подразделения, обманным путем завлек гугенотов в свой лагерь и опрометчиво направил миланскому губернатору графу де Фуэнтесу письмо, в котором вызвался убить юного дофина Людовика. Новым королем Франции стал юный Генрих, незаконнорожденный сын Генриха IV и Генриетты д'Антрэг, родившийся в 1601 г. через несколько недель после младенца, ставшего затем Людовиком XIII. А мы с вами сейчас говорим, о событиях 1602 г.: в случае удачи заговора де Бирона и д'Оверня и полного исчезновения королевской семьи дальнейшее весьма легко предугадать. Вот как должны были бы развиваться события.

Генриетта д'Антрэг была любовницей принца де Жуанвиля, младшего отпрыска Лотарингского дома, ветви Гизов. Разумеется, ее назначили регентшей королевства, так как новому королю Генриху не исполнилось еще и года. А Жуанвиль, вероятно, смог бы на ней жениться. Тогда Лотарингский дом стал бы вести новую игру, и над будущим, а то и над жизнью незаконнорожденного королевского сына нависла бы серьезная угроза. И то, что не удалось сделать 45 заговорщикам, действовавшим по приказу Генриха III, наверняка могло бы свершиться теперь: Лотарингский род наконец-то стал бы обладателем короны Франции.

Заговор Бирона провалился. 15 июня 1602 г. один из агентов донес обо всем Сюлли. Узнав обо всем этом, Генрих IV принял меры по предупреждению гугенотского восстания и предотвращению вражеского вторжения с двух сторон: со стороны Пиренеев и со стороны Савойи. Затем он вызвал Бирона в Фонтенбло, не дав, однако, приказа об его аресте.

В течение нескольких дней король старался заставить его признаться, желая, вероятно, даровать ему взамен прощение. Это очередное проявление слабости Генриха IV было встречено Бироном упреками вперемешку с угрозами. Тогда, опасаясь все же за судьбу своей семьи и своей короны, король расстался с ним, бросив ему на прощание знаменитую фразу, которая недвусмысленно лишала его прежних титулов: «Прощайте, барон де Бирон…»

Он был арестован, как только вышел от короля, и вскоре предстал перед парламентом, обвиненный в государственной измене, за которую был приговорен к смертной казни. 31 июля 1602 г. во дворе Бастилии ему отрубили голову. Перед казнью он оказал палачу бешеное сопротивление. В конечном счете «палач нанес ему удар такой силы, что голова отлетела на середину двора», — сообщается в рукописи № 23 369 из фондов Национальной библиотеки.

Но вместе с Бироном был арестован и Карл де Валуа, граф д'Овернь. Франсуа д'Антрэг и его дочь Генриетта назывались как соучастники заговора. Вместо того чтобы поручить следователям, которые вели это дело, допросить их, Генрих IV ограничился самоличным допросом своей любовницы, которая без всякого труда доказала ему, что и она, и ее отец чисты, как стеклышко. Король, доведенный своей исступленной страстью почти до маразма, снял с Генриетты и ее отца все обвинения. Парламенту осталось лишь подчиниться его воле. А когда приговор суда был произнесен и Бирона казнили, Генрих IV, дабы не доводить до слез свою любовницу, простил ее сводного брата, графа д'Оверня.

Таким образом, семейство д'Антрэг не было повержено. Можно было начинать все сначала. К чему оно и приступило.

На следующий год, то есть весной 1603 г., всего лишь через восемь месяцев с того дня, когда Карлу де Валуа, графу д'Оверню было даровано столь неправдоподобное помилование, Генрих IV подписал разрешение на возвращение во Францию членов Общества Иисуса, один из которых стал даже постоянно находиться при дворе в качестве королевского духовника. А так как секретные правила ордена позволяли ему нарушать тайну исповеди, «ad majorem gloriam Dei» («к вящей славе Божией»), он доносил все, что слышал от короля, своим начальникам, а те — папе римскому.

Так начал создаваться новый заговор, повторявший в своих планах предыдущий. В феврале 1603 г. один из королевских секретарей по имени Лост, занимавшийся расшифровкой дипломатических депеш, был обвинен в передаче французских военных и политических секретов испанцам. Он пытался бежать и утонул в реке Марна. Или его утопили в ней: несчастные случаи бывали порой очень хорошо подготовлены.

Граф д'Овернь укрылся в своих владениях. Король безмолвствовал, огорченный всем происходящим.

Правосудие принялось за дело. Расследование, проведенное весьма суровыми методами, присущими той эпохе, выявило суть нового заговора. В чем она заключалась?

Генриетта д'Антрэг, став благодаря королевской милости маркизой де Вернейль, укрылась в Испании вместе со своими детьми: сыном Генрихом, ставшим герцогом де Вернейлем (который позже сделался епископом Меца), и дочерью Габриэлью Анжеликой, которая впоследствии вышла замуж за сына герцога д'Эпернона. Король Испании Филипп III обещал Генриетте содержание в 50 тыс. ливров и женитьбу ее сына на инфанте, то есть младшей дочери испанского короля, после чего нужно было дождаться смерти Генриха IV, которая, разумеется, как мы знаем, уже планировалась кое-кем и которую нужно было ускорить. Затем требовалось устранить юного дофина Людовика, которому тогда

исполнилось самое большее три или четыре года. И это было совсем не сложно: на свете такое множество детских болезней! И уж на этот раз ничто не помешает Генриетте д'Антрэг возвести на трон своего сына, незаконнорожденного ребенка короля, а самой стать регентшей, а может быть, добиться и большего, как явствует из планов предыдущего заговора.

Узнав обо всех этих подробностях, Генрих IV впал в очередной раз в подавленное состояние. Однако по-ребячески он сразу смекнул, что это, возможно, позволит ему изъять его прежнее неосторожное обязательство жениться, подписанное в 1599 г. «в лесу Мальзерб». Все письма короля Испании, найденные при обыске в замке семьи д'Антрэг и свидетельствовавшие о предательстве отца Генриетты, о предательстве графа д'Оверня и самой красотки, не имели для Генриха IV такой ценности, как то обязательство. А Антуан де Ломени обнаружил эту бумагу в маленьком флаконе, заключенном в бутылку, которая была замурована в стене. На тайник указал сам Франсуа д'Антрэг, пытавшийся выторговать таким образом себе помилование.

Изъяв этот документ, Генрих IV решил, что все в порядке. Но расследование шло своим чередом, и не мог же он оставить его, когда дело касалось явных намерений убить венценосца. Поэтому парламент постановил арестовать графа д'Оверня и держать Генриетту д'Антрэг под домашним арестом в ее особняке в предместье Сен-Жермен.

Чтобы не оставаться без женских ласк, король оплатил прелести очень хорошенькой девушки по имени Жаклин де Бюэй, купив ее за 30 тыс. экю, которые Сюлли был вынужден, ворча, ему выложить. Затем в награду за ее таланты Генрих IV сделал красавицу Жаклин графиней де Море. Но от прошлого никуда не денешься… И король продолжал мечтать о Генриетте д'Антрэг. У него усилился старческий маразм, парализуя его королевскую твердость и даже чувство долга по отношению к Французскому королевству.

Зимой 1604 г. суд приговорил к смерти Карла де Валуа, графа д'Оверня, и Франсуа де Бальзака д'Антрэга за измену родине и намерение убить короля. Суд предлагал заключить Генриетту де Бальзак д'Антрэг, маркизу де Вернейль в какой-нибудь монастырь со строгим режимом.

Чтобы быть прощенным за всю сумятицу, которую он внес, разрушив ее планы, Генрих IV потребовал полного оправдания Генриетты, пользуясь правом королевского помилования. Потом, желая осушить слезы в ее прекрасных глазах, он заменил смертную казнь ее отца и сводного брата пожизненным заключением.

И, дабы вновь обрести во всей полноте эту огромную любовь, в которой она его заверила, король через два месяца приказал освободить ее отца Франсуа д'Антрэга. В то же время, поскольку граф д'Овернь посмел обвинить на суде свою сестру, что шокировало

Генриха IV, король оставил его в Бастилии. Бедняга пробыл там 12 лет, до 1616 г., то есть до того момента, когда Мария Медичи, оставшаяся регентшей Франции до 1614 г., заставила 13-летнего Людовика XIII подписать приказ об освобождении своего кузена Карла де Валуа, графа д'Оверня.

И, несмотря на такую снисходительность, или именно благодаря ей, возникли новые заговоры с целью устранения Генриха IV.

Впрочем, по своим итогам его царствование заслуживало отнюдь не отрицательной оценки. Если бы Генрих IV умел обуздывать свои сексуальные страсти, каким он мог бы быть великим королем! Имея таких незаурядных министров, как Сюлли, Оливье де Серр, Ашилл де Арлей, он совершил много преобразований, чем снискал себе признательность простого народа:

— Ордонанс 1595 г., запрещавший кредиторам описывать движимое имущество и земледельческие орудия крестьян;

— Ордонанс 1598 г., предохранявший крестьян от незаконных поборов со стороны солдат, определявшихся к ним на постой;

— Королевский указ 1600 г. (автором этого указа был Оливье де Серр), содержавший многочисленные меры по преобразованию французского сельского хозяйства;

— Ордонанс 1600 г., разрешавший свободную продажу зерна, что давало крестьянам возможность восстанавливать старые и осваивать новые земли;

— изданные в 1600 г. Общие положения о развитии мануфактур Бартоломея де Лаффена, позволявшие королю увеличивать число фабрик, мануфактур, хрустальных заводов и т. д. и обеспечить таким образом занятость многочисленных безработных;

— назначение в 1600 г. Брабансона Энфрея Брадлея директором плотин и каналов способствовало развитию судоходных каналов и дорожно-ремонтных работ, а также строительству новых, обсаженных вязами, которые крестьяне будут называть дорогами Рони;

— предпринятая в 1604 г. колонизация (в союзе с индейскими племенами) Атлантического побережья от устья Гудзона до залива Фанди, от южного берега Ньюфаундленда до островов и побережья залива Св. Лаврентия, от канадского побережья этого залива до озера Онтарио;

— в 1608 г. Самюэль де Шамплейн основал город Квебек, заключил тесный союз с индейскими племенами гуронов и алгонки-нов, освоил Великие озера вплоть до Верхнего озера и основал колонию Монреаль. Так родилась французская Канада.

Все плоды этой мудрой политики были сведены на нет из-за невероятной глупости Марии Медичи и по милости тех ничтожеств, которыми она себя окружила в период своего регентства.

Во внутренней политике в 1607 г. благодаря усилиям короля произошло окончательное присоединение графства Беарн к Франции.

Но жизнь этого короля уже подходила к концу. Возникали все новые и новые заговоры с целью его убийства, причиной которых был «великий план» Генриха IV (его так назвал Сюлли).

Этот план состоял из двух частей. Первая была нацелена на усмирение Австрийского дома силой оружия, победа Франции обеспечивала бы создание нового европейского порядка. А вторая — на создание христианской Европы в виде широкой конфедерации 15 государств, включающей в себя:

— шесть наследственных монархий,

— шесть выборных монархий,

— три республики.

Момент был благоприятный: Филипп III Испанский только что приказал изгнать морисков[129] и потерял во время осады Остенда 70 тыс. человек, а Рудольф II, император «Священной Римской империи», будучи неспособным к политической деятельности, «витал в облаках» алхимии. Вскоре он был свергнут восставшими подданными во главе со своим братом Матвеем.

С 1609 г. Генрих IV с помощью договора объединил герцога Баварского, германских протестантских принцев, королей Швеции, Дании, Англии, а также Соединенных провинций[130]. Последние были представлены штатгальтером Морицем Нассауским.

В это время встал вопрос о наследовании герцогств Клевского и Юлихского, на которые претендовали Электор Бранденбургский и граф де Нобург. Император оттеснил обоих протестантов и сам завладел этими герцогствами. Германские князья, выступившие против него, обратились к Генриху IV за помощью. Нельзя было упустить такой удобный случай.

Сюлли собрал армию, насчитывавшую 110 тыс. пехотинцев, 12 тыс. лошадей и 100 пушек. Это была самая мощная за всю историю той эпохи армия. Чтобы принять над ней

командование, король должен был покинуть Париж 19 мая 1610 г. и выехать к войскам в Шампань.

Но 14 мая он был убит. Час его смерти настал, потому что накануне, 13 мая 1610 г., в соборе Сен-Дени он совершил ошибку (очередную слабость), допустив коронацию Марии Медичи, ставшей в результате этого королевой Франции.

Не стоит заблуждаться, считая, что Генрих IV действовал во имя осуществления своего «великого плана». Так как 29 апреля 1610 г. он дал знать эрцгерцогу Альбрехту, нидерландскому губернатору, что французские войска вскоре вступят на территорию Брабанта и встанут у стен Брюсселя с требованием о выдаче юной принцессы де Конде, урожденной Шарлотты де Монморанси.

Консервативно настроенные историки с более или менее выраженными монархическими взглядами утверждают, что в этой новой войне Генрих IV преследовал политические цели. Но все авторы, являвшиеся его современниками и жившие при дворе французского короля, неизменно подчеркивают, что король был буквально в ярости и не заботился ни о чем другом, кроме возвращения прелестной девочки силой оружия.

Что же касается Генриха II Бурбона, принца де Конде (который, как намекают летописи, был внебрачным сыном Генриха IV), то король хотел заставить его сменить супружеское ложе на соломенную подстилку в Бастилии. По свидетельству Беарнца, изъяснявшегося полунамеками, этот принц, видимо, действительно был его внебрачным сыном. Генрих IV не отказывался затащить даже своих невесток к себе в постель!

Что касается истинной причины этой войны, мы ограничимся тем, что процитируем следующих авторов: Николя де Нёфвиль, сеньор де Вильруа, государственный секретарь Генриха IV, в своих мемуарах пишет, например, что король однажды сказал Пекюису: «Пусть принцесса де Конде только вернется во Францию, и для решения Юлихского дела потребуется не более трех-четырех тысяч человек…»

Герцог де Сен-Симон в своих знаменитых мемуарах особо подчеркивает, что под предлогом решения проблемы наследования Клевского и Юлихского герцогств король Генрих IV «стремился прежде всего выступить против герцогини и похитить у нее красавицу, мысль о которой переполняла его любовью и яростью!». Герцогиня — это супруга упомянутого нидерландского губернатора, эрцгерцога, во дворце которой и остановились принц де Конде со своей молоденькой женой.

И вот, наконец, свидетельство Ришелье: «По всей видимости, покончив с разногласиями по Юлихскому делу и вырвав из рук иностранцев госпожу принцессу де Конде, он бы с ее помощью обуздал себя и остановился бы на достигнутом!»

Наконец, Вильгомблен еще более категоричен: «Есть мнение, что вся эта пышная подготовка к войне была прежде всего обусловлена, намечена и предпринята лишь с целью похитить силой это прелестное создание оттуда, где она укрывалась по совету своего мужа, и что, не будь этой любовной царапины, король в своем почтенном возрасте никогда бы не перешел границы своего королевства ради победы над своими соседями, и что он был решительно настроен начать именно с этого. И тем не менее, дабы не быть опозоренным, он прикрывал свои планы куда более благородными целями!»

Это означает следующее: Генрих IV, не осмеливаясь признать, что он затеял общеевропейскую войну с целью завладеть чужой молоденькой женой, 14-летней прелестницей, в то время как самому ему было 57 лет (к тому же ей он, возможно, фактически доводился свекром), официально заявил о своем намерении сокрушить мощь Австрийского дома. Но на деле у него давно не было этого намерения и он знал, что состояние его здоровья не позволит ему повторить свои военные подвиги — подвиги короля Наваррского прежних лет.

Он был, однако, целиком во власти своего маниакального стремления во что бы то ни стало завладеть Шарлоттой-Маргаритой де Монморанси, новоявленной принцессой де Конде.

Поразительно тем не менее другое: если принц де Конде категорически не желал принести королю в подарок свою юную супругу, то ей-то как раз с самого начала этой потрясающей авантюры страшно льстил интерес Беарнца к ее особе. Она уже мысленно видела себя королевой Франции.

Поэтому, когда король поручил маркизу де Кёвру, брату покойной Габриэли д'Эстре, похитить красавицу, она, по секрету предупрежденная об этом, заявила о своей готовности следовать за похитителями, посланными маркизом де Кёвром. К сожалению, Генрих IV, будучи неисправимым болтуном, не преминул похвастаться будущим успехом, подтрунивая над Марией Медичи. Ее гонец молниеносно примчался в Брюссель к принцессе Оранжской, у которой жила молодая чета Конде. Принц, бежавший в Кёльн, опасаясь быть убитым слугами Генриха IV, был предупрежден о готовившемся похищении и без труда пресек эту попытку.

С этого момента ход событий ускорился. Король в ярости от припадков ревности Марии Медичи несколько раз угрожал отправить ее «по ту сторону гор». Кроме того, узнав, что Шарлотта де Конде направила папе Павлу V, отсутствие нравственных принципов которого было широко известно, просьбу о расторжении своего брака, королева потребовала своей официальной коронации до начала военных действий. Тогда Генрих IV придумал, что официально заставит вернуться Шарлотту в качестве фрейлины Марии Медичи на церемонии в Сен-Дени. Королева с возмущением отказалась, спрашивая у короля, «за кого он ее принимает?». Генрих IV не стал настаивать.

Церемония коронации состоялась 13 мая 1610 г. Убийство короля произошло на следующий день. Существует несколько версий, объясняющих, куда направлялся монарх в тот день, когда произошло это убийство. По мнению Пьера де Л'Этуаля, как он пишет в своем «Регистре — Журнале Генриха IV», король решил съездить проведать заболевшего Сюлли в его Отель де л'Арсеналь. Рео в своих «Анекдотах» пишет, что король решил заняться сексуальным воспитанием Цезаря, герцога де Вандома, своего побочного сына от Габриэли д'Эстре, так как тот слишком мало интересовался женщинами. С этой целью он намеревался предложить ему отведать прелестей и талантов одной молодой певицы по имени Поле, которой он и сам уже наслаждался в течение нескольких недель.

Возможно, обе версии лишь дополняют одна другую. Вторая была покрыта тайной.

Подлинность лиц, реально участвовавших в тщательной подготовке убийства Генриха IV, подтверждается свидетельством Жаклин д'Эскоман, претерпевшей долгие и тяжкие мучения (она была брошена в тесный карцер, где пребывала без одежды среди собственных испражнений), что доказывает правдивость ее слов.

Звавшаяся в девичестве Жаклин де Вуайе, она родилась в маленькой деревушке Орфен в Иль-де-Франсе. Судьба не слишком баловала ее. Хромоножка, с немного нескладной фигурой, но с хорошеньким личиком, в юности она имела несчастье влюбиться в кадета французской гвардии по имени Исаак де Ла Варенн д'Эскоман. Французские гвардейцы вообще пользовались очень неважной репутацией, и среди многочисленных пороков, о которых не стоит долго рассуждать, было широко распространено сводничество.

Для Жаклин де Вуайе, которая стала в результате этого рокового брака Жаклин де Ла Варенн д'Эскоман и приобрела низший дворянский титул «дамуазель» (по происхождению она была простолюдинкой), медовый месяц обернулся адским месяцем… Железные кулаки ее супруга заставили бедняжку заниматься проституцией, чтобы молодожены могли обеспечить свое существование. Вскоре она забеременела, и, когда ребенок появился на свет, Исаак де Ла Варенн д'Эскоман бросил ее без всяких средств к существованию с ребенком на руках, отец которого был фактически неизвестен, принимая во внимание вынужденную профессию его матери.

Пристроив его к кормилице, она попыталась найти работу у какого-нибудь знатного сеньора благодаря имени, которое она носила, и на вполне законных основаниях. Какие-то сердобольные благодетели рекомендовали ее на службу к королеве Маргарите Наваррской, супруге Генриха IV, и можно было бы предположить, что «королева Марго», сама отличавшаяся скандальным образом жизни, сжалится над ней. Ничуть не бывало, ее выпроводили вон. В конце концов ей удалось устроиться в доме Мари, сестры Генриетты д'Антрэг (ставшей маркизой де Вернейль). Там она стала играть роль посредницы, устраивая тайные любовные свидания, передавая любовные послания, а также исполняя временами, когда это от нее требовалось, и иную роль, так как принимали ее на службу, будучи в курсе ее прежней профессии.

Так продолжалось некоторое время, потом Генриетта д'Антрэг попросила свою сестру уступить ей Жаклин для тех же целей. Скромность Жаклин д'Эскоман сыграла с ней злую шутку, и на свое несчастье она поступила в услужение к маркизе де Вернейль, где ее жизнь пошла по-новому.

Придя в дом к маркизе, она обнаружила, что он служил местом явки изменников Французского королевства со всего Парижа, где испанские и австрийские агенты Марии Медичи либо Генриетты д'Антрэг назначали встречи, чтобы успешнее мешать проведению политики Генриха IV.

Среди тайных агентов маркизы де Вернейль был Тома Робер, прево из Питивье, который таинственным образом умер, будучи отравленным в тюрьме, куда он был заключен после убийства короля, а также некий Седен, уже замешанный во втором заговоре графа д'Оверня и отца Генриетты д'Антрэг. Приговоренный к изгнанию в 1604 г., он тем не менее скрылся и преспокойно жил в Париже. Этот самый Седен был тайным секретарем маркизы, переправлявшим в Испанию детали нового заговора, детали, которые сообщали ему при посредничестве Жаклин д'Эскоман, еще не осознавшей своей роли, но по-прежнему хранившей молчание.

Время, однако, не щадило Генриетту д'Антрэг. Ей шел 27-й год, она была еще молода, но страшно растолстела, материнство ее не красило, и ожирение портило не только цвет лица, но и всю фигуру. Посему Генрих IV не проявлял больше по отношению к ней той покорности, которую так ценили в нем его тщеславные любовницы. И первой фавориткой короля сделалась Жаклин де Бюейль, ставшая графиней де Море.

Пришла зима 1608 г. В церкви Сен-Жан-де-ля-Грев монах-иезуит Гонтье читал проповедь с нападками на Генриха IV, и ни один из присутствовавших не мог усомниться в том, что, осыпая угрозами и оскорблениями протестантов, он на самом деле имел в виду короля, который якобы угрожал властвовавшему папе.

И вот рождественским утром 25 декабря 1608 г. в церковь вошел герцог д'Эпернон и набожно преклонил колени в ряду отдельно стоящих стульев. Затем, нисколько не боясь привлечь внимание людей, находившихся в этой церкви, вошла в свою очередь маркиза де Вернейль в сопровождении Жаклин д'Эскоман и опустилась на колени рядом с герцогом д'Эперноном. Перед ними устроилась д'Эскоман, чтобы лучше заслонить их от публики.

Но, находясь перед ними, она не могла пропустить мимо ушей их разговор, от которого у нее на голове волосы дыбом встали, так как речь шла не больше и не меньше, как об убийстве короля.

Через несколько дней Генриетта д'Антрэг уехала в Маркусси, оставив дома Жаклин д'Эскоман в качестве живого почтового ящика и на случай возникновения каких-либо поручений.

И вот в один прекрасный день в руки д'Эскоман попало одно из самых компрометирующих писем, предназначенных Седену для отправки в Испанию. Больше она не колебалась. Она решила спасти короля, раскрыв некоторым знатным сеньорам Французского

двора заговор, имевший целью убийство Генриха IV. Но кто мог взять на себя оглашение скандала?

Проявив находчивость, Жаклин д'Эскоман остановилась на женщине, пользовавшейся покровительством короля и, следовательно, считавшей преданность ему своим долгом. Этой женщиной была Мари Лежар де Гурией. Почитательница Монтеня, «Опыты» которого она прочла в 18-летнем возрасте и который назвал ее через четыре года, в 1588 г., своей приемной дочерью, она достигла к тому времени 42 лет.

Ознакомившись с содержанием украденного письма и выслушав пересказ д'Эскоман подслушанного ею разговора в церкви Сен-Жан-де-ля-Грев, мадемуазель де Гурней не стала колебаться. Она в свою очередь решила посвятить в эту тайну своего друга графа де Шомбера. Анри де Шомбер, граф де Нантейль, заместитель суперинтенданта финансов, ужинал в Арсенале с герцогом де Сюлли, когда паж осторожно вручил ему записку. Мадемуазель де Гурней просила срочно поговорить с ней «по весьма важному делу».

После ужина Шомбер отправился к мадемуазель де Гурней и, вернувшись от нее через полчаса, потрясенный, все рассказал Сюлли. И тут можно судить о малодушии того, кто был в то время самым титулованным лицом во Франции в связи с занимаемыми им должностями: суперинтендантом финансов, главным начальником артиллерии, главным дорожным смотрителем Франции, комендантом Бастилии и т. д. И вот в чем признается он в своих «Мемуарах»: «Новость была слишком важной, чтобы проигнорировать ее или умолчать о ней. С другой стороны, сообщить о ней Его Величеству означало бы нажить себе многих беспощадных врагов из числа тех, на кого падало обвинение. Мы решили, что Шомбер расскажет об этом королю со всевозможной осмотрительностью и что, если Его Величество потребует узнать имена заговорщиков, он укажет ему на двух вышеупомянутых женщин, которые будут более в состоянии просветить его» (Сюлли. *Мемуары).*

Мадемуазель де Гурней и граф де Шомбер проявили не меньшую, если не большую осмотрительность, когда они узнали о порочном прошлом Жаклин д'Эскоман.

Несмотря на это, король узнал, что его любовница организовала новый заговор, покушаясь как на судьбы Французского королевства, так и на его собственную жизнь.

Между тем Мари д'Антрэг, сестра Генриетты, собиралась выйти замуж за герцога де Гиза. Все шло хорошо, пока та же самая Генриетта не отбила жениха у своей сестры. Он, будучи старшим в роду Гизов, был, однако, нерешительным и ветреным любовником. Все было готово к бракосочетанию маркизы де Вернейль с лотарингцем. Брачный контракт был подписан, и королевские дворы Европы поставлены в известность. Но Генрих IV, уязвленный ревностью, воспылал вдруг прежней страстью к Генриетте д'Антрэг.

Он пришел в дикую ярость и одной своей весьма многозначительной фразой, которую классические историки сочли необходимым несколько изменить, употребив литературное слово вместо гораздо менее литературного, выразил то, что он мог думать о маркизе де Вернейль: «Пусть принцам оставят хотя бы ляжки девок! Принцев и без того уж достаточно обобрали…»

Нужно заметить, что Генрих IV, еще живя при дворе последних Валуа, мог заключить, что знаменитый «крылатый эскадрон» королевы Екатерины Медичи состоял из девушек истинно дворянского происхождения, которые, однако, сочетали в себе цинизм проституток с изощренностью тайных агентов (за что королева им и платила). Поэтому он познал, во всех смыслах этого слова, лишь отрицательные стороны женской половины двора, тогда как девушки и женщины, наделенные истинной добродетелью, оставались ему неизвестными. Отсюда и его реакция на события.

Таким образом, он заставил де Гиза расторгнуть заключенный им брачный контракт, а потом сослал его в Прованс. И сразу же вслед за этим он возжелал занять свое прежнее

место в постели маркизы де Вернейль. Там он открыл ей, что был осведомлен о новом заговоре, в котором, по слухам, была замешана и она сама.

Разумеется, было пущено в ход все, что оставалось от ее прежних прелестей, ее изощренность в любовных делах, прекрасное знание тайных эротических слабостей Беарнца, как и его способности к снисходительности во всем. В очередной раз король был побежден. А Генриетта д'Антрэг вышла чистой, как стеклышко, из этого неравного боя, в котором хитрость путем чувственного воздействия обеспечила себе победу над старческим безумием. Но это был сигнал тревоги. Кто же, спрашивала она себя, мог предать ее?

Тогда она вспомнила о Жаклин д'Эскоман. Лучшим способом проверить ее было обратиться за помощью к Шарлотте дю Тийе, фаворитке герцога д'Эпернона, исполнявшей все его поручения. Сделав вид, что Генриетта д'Антрэг поручала Жаклин д'Эскоман проверить дю Тийе, маркизе де Вернейль не составило труда заставить Жаклин д'Эскоман отправиться погостить к дю Тийе. И вот каждая из двух женщин принялась одурачивать другую. Однако в этой игре победила д'Эскоман. Ей удалось усыпить подозрения маркизы де Вернейль, оставшись связной между заговорщиками.

И они добились своего в пятницу 14 мая 1610 г. Совсем не исключено, что Равальяку был прекрасно известен заранее маршрут королевской кареты. Он находился у входа в Лувр, когда из этого здания вышел король. То, что он должен был сделать крюк, чтобы завезти своего побочного сына Цезаря де Вандома к уже упоминавшейся молоденькой певице по имени Поле, нисколько не смутило убийцу. Он просто пошел следом за каретой, мерно двигавшейся со скоростью шага запряженных в нее лошадей под эскортом, состоявшим лишь из нескольких всадников да нескольких выездных лакеев. Однако предоставим слово Пьеру де Л'Этуалю, который отмечает в своем «Регистре — Журнале Генриха IV» (далее: «Журнал Генриха IV»):

«В пятницу, 14 мая, в печальный и роковой для Франции день, в восемь часов утра король прослушал мессу в монастыре фелья-нов, по возвращении он удалился в свой кабинет вместе с герцогом де Вандомом, своим страстно любимым внебрачным сыном, который сообщил ему, что некто по имени Ла Бросс, астролог по профессии, поведал ему, что созвездие, под которым родился Его Величество, грозило ему в этот день большой опасностью: таким образом, он советовал ему поостеречься. На что король, смеясь, ответил де Вандому: „Ла Бросс — старый пройдоха, который зарится на мои деньги, а Вы — юный безумец, если верите ему. Наши дни сочтены Господом". После чего герцог де Вандом пошел предупредить королеву, которая стала умолять короля не покидать Лувра до конца дня. На это последовал тот же ответ. После ужина король прилег вздремнуть, но сон не шел к нему. Печальный, взволнованный и погруженный в мечты, он поднялся, ходил некоторое время по комнате и снова лег на кровать. Не сумев заснуть и на этот раз, он встал и спросил у гвардейского жандарма, который час. Жандарм ответил, что было четыре часа, и добавил: „Сир, я вижу, что Ваше Величество в грусти и задумчивости, лучше бы Ему пойти прогуляться, это могло бы Его развеять". „Хорошо, — промолвил король. — Что же, готовьте мою карету, поеду в Арсенал, повидаю герцога Сюлли, который занемог и принимает сегодня ванну".

Когда карета была готова, он вышел из Лувра в сопровождении герцога де Монбазона, герцога д'Эпернона, маршала Лавардена, Роклора, Ла Форса, Мирбо и первого конюшего Лианкура. В то же время он поручил де Витри, капитану своих гвардейцев, пойти во дворец и поспешить с приготовлениями выхода королевы, поэтому он оставил своих гвардейцев в Лувре, так что короля сопровождало лишь небольшое число всадников и несколько выездных лакеев. К сожалению, окна кареты были открыты с обеих сторон, так как погода была хорошая и король хотел по дороге видеть приготовления, происходившие в городе. Когда его карета выехала с улицы Сент-Оноре на улицу Ферронери, она оказалась зажата между двумя фурами: одной, груженной вином, и другой — сеном. Образовался затор, и карета вынуждена

была остановиться, так как улица была очень узкой из-за лавчонок, теснившихся у стены кладбища Сент-Инносан.

В создавшемся замешательстве большинство выездных лакеев перелезли через стену кладбища, чтобы быстрее добраться до конца улицы и там встретить королевскую карету. Возле кареты осталось лишь два лакея. Один из них прошел вперед, чтобы освободить проход. А другой наклонился поправить подвязку, когда появился этот негодяй, это исчадие ада по имени Франсуа Равальяк, уроженец Ангулема, который, пользуясь сутолокой, успел заметить, с какой стороны сидел король. Он вскочил на колесо кареты и вонзил свой обоюдоострый нож в короля, попав чуть выше сердца. Король вскрикнул: „Я ранен!" Но это не испугало негодяя, который нанес королю второй удар уже прямо в сердце, от которого он умер, испустив глубокий вздох. За вторым ударом последовал третий, настолько сильна была ненависть убийцы к своему королю, но этот удар лишь задел руку герцога де Монбазона.

Поразительно, что никто из сидящих в карете сеньоров не заметил нападения на короля, и если бы это исчадие ада бросило свой нож, никто бы не знал, кого хватать. Но он оставался на месте, как бы красуясь и гордясь своим самым великим из убийств. Одни сеньоры пытались оказать помощь королю, другие бросились на убийцу. Когда тот был схвачен и взят под стражу, они постарались успокоить народ, пришедший в большое смятение от мысли, что король умер. Но волнение ничуть не улеглось и когда один из сеньоров громко сказал, что король только ранен, и потребовал принести вина. Однако портьеры на окнах кареты опустили и поспешили в Лувр, чтобы, как заявили они, перевязать короля» (*Л'Этуаль.* «Журнал Генриха IV»).

Тревожное настроение короля имело свои подспудные причины. Несколько раз он намекал на них, вплоть до того, что заявил своим близким: «Ах, проклятая коронация… Ты послужишь причиной моей смерти…»

Ранее он делился своими опасениями умереть в Париже: «Я умру в этом городе, я останусь в нем навсегда, потому что они убьют меня». В другой раз он говорил: «Они возлагают свои последние надежды на мою смерть».

Генрих IV (который был далеко не глуп) под словом «они» имел в виду членов Общества Иисуса. Об этом он говорил в письме к Сюлли. Но он также знал, что за этими фанатиками — иезуитами, бывшими лигистами[131], испанскими агентами, куртизанами и куртизанками вроде представителей семейства д'Антрэг — стояло Папство, которое никогда не сможет простить ему Нантского эдикта. И что убийцей или убийцами его. станут непременно неизвестные лица, наивные фанатики, которых истинные преступники бросят на произвол судьбы.

В те времена не было ни газет, ни радио. Дни недели были известны лишь тем, кто имел календарь, и большие отрезки времени обозначались при помощи названий крупных христианских праздников: первое воскресенье после Богоявления, пятница после начала Поста, Страстной четверг и т. д. Все это были даты, о которых приходской священник напоминал своей пастве. И сам календарь был весьма неоднозначным понятием: год в разных концах Европы начинался в разное время, и потребовалось более двух веков, чтобы григорианский календарь повсеместно пришел на смену юлианскому.

Поэтому не следует удивляться тому, что известие об убийстве Генриха IV доходило до людей в течение длительного периода. В тех местах, где должны были развернуться первые военные действия, то есть к северо-востоку от Франции — в Артуа, Эно, Фландрии и Брабанте, тогдашних испанских владениях, — весть о смерти короля как об уже свершившемся событии провозглашалась с 1 мая, дня св. Филиппа и именин короля Испании. Это известие распространялось примерно в течение недели. 9 мая 1610 г. один солдат посоветовал своей знакомой протестантке уехать из Парижа, так как положение могло стать опасным для протестантов.

Вначале коронация Марии Медичи была назначена на 10 мая, но затем ее перенесли на 13 мая. Однако, начиная уже с 11 мая, в провинции, где считалось, что коронация уже состоялась, отдельные люди прямо возвещали о том, что король был убит ударами ножа. Это служит доказательством того, что кое-кому было известно, что Генриха IV должны были убить на следующий день после коронации.

Они заговорили об этом преждевременно, не ведая о перенесении даты коронации на 13 мая. Наконец, Тома Робер, прево из Питивье, состоявший на службе семьи д'Антрэг, имел неосторожность сообщить об убийстве короля в момент, когда оно только совершалось. Значит, он уже был в курсе дела и только слишком поспешно проявил свою осведомленность. Мы уже рассказывали, как он был задушен в тюрьме, где он сидел, арестованный по приказу парламента.

Однако вернемся на место преступления и сделаем несколько весьма ценных наблюдений, упущенных из виду официальными историками. Эти наблюдения помогут нам кое в чем разобраться.

Когда знакомишься с подробностями, сообщенными Пьером де Л'Этуалем, приходит в голову лишь мысль о том, что королю была подстроена ловушка, в которую он угодил не без помощи своего эскорта. Вернемся снова к тем событиям. Эскорт состоял из «небольшого числа всадников и нескольких выездных лакеев». Само это небольшое число исключало всеобщую рассеянность. Действительно, от каждого всадника эскортировавшего эскадрона можно было требовать тем более напряженного внимания в том случае, если он был в малочисленной группе своих товарищей. Здесь же все происходило наоборот. Вспомним следующее:

1) Когда карета повернула за угол улицы Сент-Оноре, чтобы выехать на улицу Ферронери, обнаружилось, что путь преграждали две фуры, одна — груженная вином, другая — сеном. Возможно, что это было дело случая, но часто бывает так, что случаем управляет человек. Итак, карета остановилась.

2) Пьер де Л'Этуаль далее сообщает, что большинство выездных лакеев перебрались на кладбище Инносан, тянувшееся вдоль улицы, чтобы быстрее добраться до конца улицы и там встретить королевскую карету. Простой вопрос: как начальник эскорта (не могло же там не быть начальника эскорта) допустил этот разброд и забвение долга?

3) Ничего не говорится о «небольшом числе всадников». Что сделали они? Прошли по кладбищу? Едва ли, учитывая почтение, которое внушало само это место: с трудом можно представить себе всадников, скачущих по могилам. Если они находились позади кареты, они должны были видеть приближавшегося убийцу. Сомнительно также, чтобы все они находились впереди запряженных в карету лошадей, так как глава государства всегда охраняется спереди, сзади и с боков.

4) В тот момент с боков карета охранялась лишь двумя выездными лакеями. Но как бы случайно один из них отошел от кареты, направляясь к возчикам фур, загромоздивших проход, а другой, отойдя в сторону, наклонился, чтобы подтянуть свою подвязку.

5) Равальяк, который шел вслед за каретой от самого Лувра, ни у кого не вызывая при этом ни малейшего удивления, продолжал свой путь, не будучи остановленным всадниками эскорта, следовавшего позади кареты (еще раз возникает вопрос, а был ли вообще эскорт?), вскочил на колесо этой кареты и нанес королю три удара.

6) И, продолжает Пьер де Л'Этуаль, ни один из сеньоров, находившихся в карете, не видел, как король подвергся нападению. Кто же эти сеньоры? Среди них — Рикетти из флорентийской семьи, которая в 1570 г. приобрела поместье Мирабо в Провансе. Эти люди приехали во Францию, пользуясь протекцией Екатерины Медичи, супруги Генриха II. Разумеется, они были преданы Марии Медичи, которая была родом из Флоренции, как и они сами. В этой карете находился также Антуан, барон де Роклор, кастелян короля. Он стал

маршалом Франции (спрашивается, с какой стати?) в 1614 г. (через четыре года после убийства короля) во время регентства Марии Медичи и «царствования» Кончини и его клики. В карете ехал и герцог де Монбазон, Эркюль де Роан. Там же Жак де Номпар де Комон, герцог де Ла Форс. Он был верным соратником «короля Наварры», но остался ли он таким же верным соратником «короля Франции»? Ведь впоследствии он вместе с Генрихом де Роаном участвовал в бунте недовольных, когда к власти пришел Людовик XIII. Возле короля тогда в карете находился и Жан де Бомануар, маркиз де Лаварден. Бывший лигист, в конце концов он продался Генриху IV за титулы маршала Франции и губернатора Мэна. Искренен ли переход в другой стан за такую плату? Не знаю… Наконец, там же тогда был и д'Эпернон. Все они составляли странный внутренний эскорт Генриха IV. И то, что ни один из них не только не удивился, видя, как Равальяк упорно следует за каретой или рядом с ней от самого Лувра, но еще и не заметил, как он вскочил на колесо кареты и нанес королю три удара. Все это лишь усиливает подозрение в их общем сговоре или по крайней мере в известном попустительстве некоторых из них, тех, кто специально смотрел в другую сторону. Как вскоре выяснится, д'Эпернон был главным убийцей.

7) Равальяк, нанеся королю удар, мог легко убежать, достаточно ему было бросить свой нож и скрыться из виду, бросившись через кладбище Инносан. Но этот полоумный, находившийся во власти внушенных ему идей, остался на месте, торжествуя, будучи уверенным, что на его стороне все королевство. Это не было предусмотрено, и знатные сеньоры должны были сами позаботиться о его аресте. Здесь встает один вопрос: где же всадники, эскортировавшие карету? И где же выездные лакеи?

Лишь после того, как их удалось вернуть назад, сеньоры, сопровождавшие Генриха IV, передали им убийцу, который был препровожден сначала в замок де Гонди, где состоялся его первый допрос. Кажется, от него не смогли добиться ничего, кроме его имени: Франсуа Равальяк.

Семья Гонди была также (как бы волею случая) флорентийского происхождения и обосновалась во Франции со времен Екатерины Медичи. И в день убийства короля в этом отеле находился глава семьи: Эммануэль де Гонди, командовавший галерами. Очевидно, что первое место заключения Равальяка было выбрано не наспех, и не даром его не доставили прямо в Консьержери[132], как это было принято.

Назавтра д'Эпернон привез его к себе домой на целый день, видимо, с целью убедить его хранить молчание. Перечитайте историю убийства герцога де Берри в нашей книге «Преступления и секреты государства». Методы применялись те же, только на месте д'Эпернона был Деказ, а на месте Равальяка — Лувель…

Между тем расследование шло более чем неторопливо. Отец д'Обиньи, священник церкви Сен-Северен, к которому часто приходил Равальяк, был допрошен весьма формально и очень быстро. Что же до остальных возможных свидетелей, то их просто проигнорировали. Сразу после смерти короля д'Эпернон совершил своего рода государственный переворот. Королева, коронованная накануне дня убийства, была сразу же объявлена регентшей королевства, а юный Людовик XIII был еще несовершеннолетним. Однако совершенно возмутительным является то, что в регентском совете заседали нунций Убалдини и посол Испании. Это убедительно доказывает, что убийство Генриха IV направлялось рукой иностранной державы, а также церкви.

Во время допроса Равальяк, впрочем, подчеркнул, что он нарочно ждал, когда Мария Медичи будет коронована и станет королевой Франции, чтобы затем убить короля. Хотя он сгорал от нетерпения совершить это, т. к., по его признанию, «его убедили в том, что французский народ ожидает этой смерти с таким же нетерпением».

По окончании этого краткого расследования Равальяк был очень быстро казнен. Должно быть, он понял всю тяжесть совершенного преступления и осознал свою вину лишь тогда,

когда 26 мая 1610 г., через 12 дней после убийства, его привезли на место казни и там на него обрушился гнев разъяренной толпы. А когда он осмелился попросить успокоительное снадобье, чтобы иметь мужество вынести предстоявшие муки, ответом ему был яростный вопль толпы, требовавшей его смерти.

Через несколько дней Жаклин д'Эскоман представила во дворец правосудия написанное по всей форме обвинение против герцога д'Эпернона и Генриетты д'Антрэг под названием «Истинный манифест по поводу смерти Генриха IV».

Жаклин сразу же оказалась в тюрьме, а затем она была отправлена в монастырь. 15 января 1611 г., выйдя из него, она направилась к королеве Маргарите, которая когда-то отказалась взять ее к себе в услужение. Добившись того, что ее согласились принять и выслушать, она рассказала все, что знала о д'Эперноне и Генриетте д'Антрэг, сообщила, что принимала Равальяка по рекомендации последней, когда та была в Маркусси, а также то, что временно жила у мадемуазель дю Тийе.

Маргарита де Валуа, бывшая супруга Генриха IV, не сохранила добрых воспоминаний о своем муже, который хотел подстроить ей, как он выражался, «каверзу» и не заботился об обуздании своих сексуальных бесчинств. Она попросила Жаклин д'Эскоман зайти к ней вновь на следующий день. А на следующий день, 17 января 1611 г., когда она стала повторять в подробностях свой рассказ, Мария Медичи, королева Франции, коронованная накануне убийства своего супруга, и регентша королевства, была поставлена в известность. За портьерой подслушивали верные ей люди: вездесущий д'Эпернон и Пьер Жаннен. Последний, бывший лигист и бывший советник герцога де Майенна, главы «Священной лиги», которого Мария Медичи назначила в 1616 г. суперинтендантом финансов, отнюдь не симпатизировал Жаклин д'Эскоман.

По его приказу она была арестована и препровождена в Консьержери. Это не только не утолило ее жажду справедливости, но и вдохновило на немедленное сочинение нового обвинения, гласившего, что по приказу маркизы де Венейль был отравлен Тома Робер, прево из Питивье, который находился в тюрьме, куда он был заключен после убийства короля. Выслуживаясь перед семейством д'Антрэг, он допустил неосторожность, сообщив об убийстве Генриха IV еще в тот момент, когда оно только совершалось! Обвиненный в связи с этим в сообщничестве, он мог заговорить под «пыткой». Генриетта д'Антрэг заставила его замолчать навсегда.

Было решено устроить очную ставку мадемуазель дю Тийе и Жаклин д'Эскоман. Очная ставка обернулась в пользу последней. Слуга дю Тийе подтвердил обвинение д'Эскоман в том, что его хозяйка «содержала Равальяка во время его пребывания в Париже». И дю Тийе была вынуждена признать сей факт. Эта важная подробность осталась бы неизвестной, если бы мы не обнаружили ее в переписке Фоскарини, посла Венеции, который сообщил ее сенату Светлейшей республики (т. е. Венеции. — *Прим. ред.).*

Поэтому Пьер де Л'Этуаль в своем «Журнале Генриха IV», говоря о Жаклин д'Эскоман, отмечал: «Она хорошо и разумно говорит, будучи решительной, твердой и постоянной, без всяких отклонений в своих ответах и обвинениях, подкрепленных очень вескими доказательствами, что очень удивляет судей».

Нужно сказать, что обвиняемая не шла напролом. Как следует из тех же писем венецианского посла в сенат, она утверждала, что «Равальяк очень часто наведывался к мадемуазель дю Тийе, фаворитке герцога, что маркиза де Вернейль играла важную роль в этом деле, так как надеялась, что оно перерастет в восстание в королевстве, что тогда на ней женится герцог де Гиз, что ее объявят регентшей, ее юного сына, герцога де Вернейля — королем, а герцога д'Эпернона — констаблем и что она располагает доказательствами этих истин».

В письме от 18 января 1611 г. Фоскарини заявлял: «Пока непонятно, почему так поступает вышеназванная мадемуазель: из-за своего безумия или из желания опорочить герцога д'Эпернона и всех остальных».

Чтобы пустить следствие по ложному следу, прокурор Ла Гель по приказу королевского двора обвинил д'Эскоман в «колдовстве, изготовлении фальшивых денег и прочих преступлениях». Разразился такой скандал, что Первый председатель суда Ашилл де Арлей приказал прокурору удалиться. Тогда главный адвокат Сервен потребовал ареста герцога д'Эпернона, но, видимо, его не поддержали, и судьи перенесли обсуждение этого требования на другой день под предлогом того, что «ввиду важности данного вопроса необходимы более зрелые размышления» (см.: *Письмо Фоскарини сенату Венеции*).

Узнав о требовании арестовать его, д'Эпернон пришел в ярость и пригрозил главному адвокату, что убьет его.

30 января 1611 г. Первый председатель Ашилл де Арлей вызвал к себе домой маркизу де Вернейль и допрашивал ее пять часов подряд. Узнав об этом, Мария Медичи послала спросить у де Арлея, что он думает о данном процессе. Ответ был весьма красноречив, хотя и очень таинствен: «Скажите королеве, — ответил де Арлей посыльному, — что Бог определил мне жить в этом веке для того, чтобы видеть и слышать странные вещи, которые, я думал, мне никогда в жизни не доведется увидеть или услышать»[133].

Дворянин-посыльный, желая понять его намерения, чтобы доложить о них королеве, лицемерно заметил ему, что нет никаких доказательств, подтверждающих обвинения, выдвинутые Жаклин д'Эскоман. В ответ на это Ашилл деАрлей, воздев руки к небу, возразил:

«Доказательства? Их даже слишком много!»

Такой оборот дела никак не мог успокоить д'Эпернона, который уже видел себя раздираемым на части четырьмя лошадьми после обычных и специальных пыток, после пыток раскаленными щипцами с различными сопутствующими приспособлениями. Изо дня в день он с бьющимся сердцем вопрошал Антуана Сегье, главного адвоката парижского парламента, о ходе расследования. Наконец, однажды он осмелился обратиться к самому Ашиллу де Арлею. Но, будучи ничтожным гордецом, явился к нему в сапогах при шпорах, со шпагой на боку и привел своей наглостью в негодование Первого председателя. Принят он был, соответственно, хуже некуда:

— Мне нечего вам сказать, я ваш судья…

— Но я имел дерзость прийти к вам, чтобы найти в вашем лице друга…

— У меня нет друзей. Я буду судить вас по справедливости, довольствуйтесь этим.

Д'Эпернон пошел жаловаться королеве, которая попросила Ашилла де Арлея не обходиться столь сурово с герцогом и пэром. Но шло время, и в следственном досье скапливались факты, настолько серьезные, что судьи решили впредь вести расследование, тайно договорившись поклясться на Евангелии в том, что они никому ничего не будут сообщать о ходе следствия. Но нет такой клятвы, которая не могла бы быть куплена за золото. Поэтому тайные агенты Светлейшей республики продолжали получать сведения, которые, к счастью, не затерялись. Так, в письме от 2 февраля 1611 г. венецианский посол Фоскарини информировал сенат о главном признании дю Тийе:

«Мадемуазель дю Тийе созналась в том, что она была знакома с убийцей короля, которому она неоднократно давала средства на жизнь. Этому моменту судьи придают большое значение. Парламент проявляет решимость продолжать расследование и добраться до самой сути совершенного злодейства. Но многие считают, что силы, направлявшие и уводившие в сторону следствие, по-прежнему не дремлют. Д'Эскоман рассуждает очень здраво, и никто больше не утверждает, что ею движет безумие».

Тогда парламент попытался включить ее в группу подозреваемых, учинив ей допрос о ее собственных отношениях с Равальяком. Вот что произошло, по ее показаниям, несколько дней спустя после Рождества 1608 г. и мессы в церкви Сен-Жан-де-ля-Грев:

«Через несколько дней маркиза де Вернейль направила ко мне в Париж Равальяка, прибывшего из Маркусси, где находилась и она сама. Он вручил мне письмо, в котором говорилось: „Госпожа д'Эскоман, посылаю к Вам этого человека в сопровождении Этьена, лакея моего отца. Рекомендую Вам его, позаботьтесь о нем". Я приняла Равальяка, не пытаясь выяснить, кто он, накормила его ужином и направила переночевать в город к некоему Ла Ривьеру, наперснику моей хозяйки. Однажды, когда Равальяк пришел обедать, я спросила у него, отчего маркиза питает к нему интерес. Он ответил, что причиной тому — его участие в делах герцога д'Эпернона. Успокоившись, я пошла за бумагами, намереваясь попросить его внести ясность в одно дело. Вернувшись, я увидела, что он исчез. Удивленная всеми этими странностями, я попыталась войти в доверие к сообщникам, чтобы побольше узнать».

К несчастью для Жаклин д'Эскоман, у нее не сохранилась эта записка от Генриетты д'Антрэг. Более того, она утверждала, что Равальяк в порыве угрызений совести или от страха сломал лезвие своего ножа, вонзив его между плитами, которыми был выложен пол в некой комнате. Ей указали на то, что в той комнате был паркет, а вовсе не выложенный плитами пол. Более того, вызывало сомнение, что Равальяк так запросто рассказывал о своих планах, к тому же за год до их осуществления. Ведь она утверждала, что дело происходило в 1609 г. Видимо, она добавляла кое-что от себя, чтобы ввести в заблуждение судей.

Из этих подробностей, оборачивавшихся против нее, члены парламента, допущенные ко двору, сумели извлечь выгоду. Те же из них, которые стремились лишь вершить правосудие, боялись поставить регентшу Марию Медичи, королеву Франции, в ситуацию, угрожавшую новой опустошительной гражданской войной. Поэтому 5 марта 1611 г. они вынесли возмутительное решение: дело откладывалось с учетом высокопоставленного положения обвиняемых, и обвинительница одна оставалась в тюрьме.

Пьер де Л'Этуаль в своем «Журнале Генриха IV» сказал об этом так: «Посягнув на великих мира сего во имя общего блага, схлопочешь лишь побои!»

Убедиться в этом пришлось и Ашиллу де Арлею, которого сменил на его посту де Верден, его коллега, происходивший из той же семьи, что и Катрин де Верден, которую Генрих, в то время еще Наваррский, бросился лишать девственности в ее Лонгжанском аббатстве, покуда его войска осаждали Париж, 17 лет назад. Поводом для смещения де Арлея послужило мнение, что он перестал справляться с обязанностями председателя парламента из-за своего преклонного возраста, плохого зрения и ослабления слуха (из письма нунция Убальдини от 29 марта 1611 г.).

Но он давно уже вызывал подозрения у происпанской и проватиканской группировок. В самом деле, когда-то он предал осуждению уже упомянутые творения иезуита Марианны, ратующие за цареубийство, а также не менее красноречивого иезуита Робера Беллар-мена, который в своей публикации «О суверенной власти папы» писал: «Когда церковь, отторгнув принца после тщетных отеческих укоров от причастия верующих, освобождает в случае необходимости его подданных от клятвы на верность и в конце концов низлагает упорствующего в своих заблуждениях суверена, тогда кто-то должен исполнить ее волю».

Яснее не скажешь. Этот апологет цареубийства был в 1930 г. Римом канонизирован и провозглашен «учителем церкви».

К великому сожалению, папа Пий XII не напомнил об этих принципах германскому духовенству, когда оно подписало конкордат с правительством Адольфа Гитлера, вменявший своим епископам в обязанность принесение клятвы верности нацистскому государству.

Когда Жан Шатель был приговорен к смерти и казнен, папа издал эдикт, резко порицавший этот приговор. А парламент под председательством Ашилла де Арлея приказал публично сжечь папский эдикт, как посягавший на всякое понятие правосудия и превозносящий убийство.

Можно вообразить себе ярость папы Сикста V, который уже подготовил другой заговор в Англии в 1587 г. с целью убийства королевы Елизаветы, ранее также отлученной от церкви его предшественником Пием V, бывшим великим инквизитором. Такая дерзость со стороны парламента и Ашилла де Арлея привела в ужас летописцев тех времен, вплоть до того, что ни один из них так и не решился описать сожжение папского указа. След этого события был обнаружен в архивах Ватикана лишь в наши дни, то есть три века спустя. Но вернемся к нашей истории.

Прошло четыре месяца. Жаклин д'Эскоман по-прежнему сидела в тюрьме. Надо было наконец вынести приговор и ей. По логике вещей и по юридическим законам того времени, ее должны были либо повесить за лжесвидетельство, либо оправдать. Но во втором случае ее обвинения остались бы в силе. А что было делать с великими мира сего, если против них выдвигались подобные обвинения?

Через некоторых своих ставленников в парламенте д'Эпернон решительно требовал смертного приговора для нее. Ему это не удалось, и девятью голосами против девяти Жаклин д'Эскоман была приговорена к пожизненному заключению. Для того чтобы поскорее ее умертвить, ее замуровали в нечто вроде узкой ниши в Консьержери, в которой было маленькое отверстие, достаточное для того, чтобы передавать ей хлеб и воду, но далеко не достаточное для того, чтобы выветривался запах испражнений. Она пробыла там вплоть до 1617 г., то есть в течение шести долгих лет, до того момента, когда Шарль д'Альбер де Люинь, выходец из тосканской семьи, носившей имя Томазо Альберти и в XV веке обосновавшейся в Венессинском графстве, стал первым министром Людовика XIII, который также сделал его герцогом и пэром в награду за его искусство соколиной охоты.

В тот год Шарль д'Альбер де Люинь приказал перевезти Жаклин д'Эскоман из Консьержери в монастырь Раскаявшихся девиц и поместить ее в новую одиночную и такую же узкую камеру, где она была замурована уже навеки. Ее заключение в женский монастырь еще надежнее исключало любое сношение с внешним миром. Там она и скончалась в невообразимой грязи, посреди своих испражнений и раздетая догола.

Нужно сказать, что де Люинь, выходец из мелкого дворянства, воспитанный при дворе, где он был пажом Генриха IV, затем «начальником Королевской соколиной охоты», стал пэром и герцогом, а потом коннетаблем, не имея никакого военного образования, а лишь благодаря дружбе с 14-летним королем Людовиком XIII, и в интересах этого придворного было вызывать недовольство знатных вельмож двора.

Он женился на Мари де Роан-Монбазон, ставшей впоследствии знаменитой под именем своего второго мужа, герцога де Шеврёз, участвуя во всех заговорах своего супруга, а также прославившись своими бесчисленными любовными подвигами.

Между прочим, Мари де Роан-Монбазон была дочерью Эркюля де Роана, герцога де Монбазона, сопровождавшего Генриха IV среди прочих придворных в карете в тот роковой день 14 мая 1610 г. И, допуская, что ее отец не был замешан в заговоре, он тем не менее был другом герцога д'Эпернона. Де Люинь, будучи любезным зятем, не пошел бы, разумеется, на освобождение Жаклин д'Эскоман. Напротив, он принял все необходимые меры для того, чтобы еще надежнее заставить ее замолчать.

Но, однако, 6 мая 1616 г., когда Мария Медичи подписывала в Лудене договор с Конде, восставшими принцами и Генеральными штатами, молодой Людовик XIII, два года назад достигший совершеннолетия, заявил и обещал следующее: «Будет проведено новое расследование причин смерти короля, моего отца…»

Но монархии устроены так, что короли сами являются пленниками в центре паутины под названием «двор». И крайне редко удается им иметь точные сведения о том, что происходит в самом низу, вдали от их славы.

Дворец правосудия, бывший Дворец короля, ставший Парламентским дворцом, был таинственным образом подожжен в 1618 г. Общественное мнение, не колеблясь ни минуты, заключило: пожар был устроен с целью уничтожения материалов процесса Равальяка и Жаклин д'Эскоман. И действительно, все документы исчезли. Альбер де Люинь, являвшийся тогда первым министром, был обвинен в поджоге с целью предания полному забвению обвинений Жаклин д'Эскоман. Как бы то ни было, по словам Филиппа Эрланже, бесполезно пытаться искать соответствующие исторические документы в архивах Вены, Брюсселя (перенесенных затем в Вену), Симанкаса (Испания), Турина, Гааги, так как ни одного документа по этому делу за период с конца апреля по 1 июля 1610 г. вообще не существует.

Лишь в «Большом хранилище» в Венеции и в тайных архивах Ватикана привилегированные историки смогли отыскать документы, дающие формальное описание закулисных действий различных политических и религиозных сил, которые, проявив упорство и не падая духом, сумели организовать убийство того, кто должен был войти в историю под вполне заслуженным прозвищем Похотливый Разбойник.

И, как уже говорилось, в понедельник 12 декабря 1622 г. в Лионском соборе в присутствии Марии Медичи, возвратившейся из своего изгнания в Блуа и вновь введенной в Государственный совет благодаря стараниям своего советника Армана дю Плесси де Ришелье, которого она сделала кардиналом, и в присутствии всего королевского двора Габриэль-Анжелика, незаконнорожденная дочь Генриха IV и Генриетты д'Антрэг, маркизы де Вернейль, обвенчалась с Бернаром де Ногаре, маркизом де Ла Валеттом, сыном герцога д'Эпернона.

Четыре года спустя, в 1626 г., она погибла от руки своего супруга. Этот факт подтверждается в мемуарах Франсуазы Ланглуа де Мотвиль, наперсницы Анны Австрийской.

Возможно, за эти четыре года Габриэль-Анжелике удалось узнать из случайно услышанного разговора или из секретных документов, хранившихся в семье ее свекра, правду о смерти короля, ее отца. Возможно, она не смолчала, прибегла к угрозам. Людовику XIII было в то время 24 года. Ришелье, который стал за два года до этого первым министром, первым делом отправился допросить Жаклин д'Эскоман в ее карцер в монастыре Раскаявшихся девиц. Он выведал тайну смерти Генриха IV. Это сослужило ему впоследствии хорошую службу: 11 ноября 1630 г., в день «Праздника Дураков», он сумел окончательно отделаться от Марии Медичи и ее высокопоставленных приспешников. Именно поэтому два года тому назад он лишил д'Эпернона-отца всех должностей и полномочий.

Тем не менее ему следовало проявлять осторожность, так как материалы досье исчезли во время пожара во дворце. И Ришелье этим ограничился.

Во всяком случае, вероятно, что яд, использованный Бернаром де Ногаре, маркизом де Ла Валеттом, чтобы заставить замолчать Габриэль-Анжелику, стал последней точкой в истории об убийстве Генриха IV.

И если бы не признания Анны Австрийской Франсуазе де Мотвиль, запомнившей и записавшей их, мы так и не узнали бы о том, как умерла незаконнорожденная дочь Генриха IV, потому что ее супруг избежал какого бы то ни было обвинения.

В 1638 г., в четвертый период так называемой 30-летней войны, Бернар де Ногаре сыграл весьма двусмысленную роль при осаде Фонтараби, проваленной им из зависти к Генриху Бурбону-Конде. Обвиненный в неудаче, он укрылся в Англии, был через год заочно приговорен к смерти и вынужден был дожидаться кончины Людовика XIII в 1643 г., чтобы возвратиться во Францию. Вернувшись, он добился кассации своего приговора благодаря Анне Австрийской, тогдашней регентше королевства, так как Людовику XIV было только пять

лет. Делавшая все возможное во имя достижения целей испанской политики на протяжении всей жизни и предававшая Францию точно так же, как до нее Мария Медичи и Мария-Антуанетта — после, она не могла желать д'Эпернонам ничего, кроме добра.

По-видимому, прежде чем заключать брачный контракт, королям Франции следовало бы поразмышлять над словами, которые некогда сказал Соломон в своих притчах: «Да хранят тебя твои мудрость и ум от женщины-иностранки…»

10. «Великий план» Генриха IV и розенкрейцеры

Будучи политическим трибуналом, Суд Справедливости будет следить за тем, чтобы нигде в мире ни один род не восставал против другого, и тогда мечи и копья будут перекованы на серпы и орала.

Ян Амос Коменский, или Комениус, как его называли розенкрейцеры

Генрих IV и розенкрейцеры

Розенкрейцерами называют мистиков христианско-иудейского толка, увлекающихся герметикой[134] и оккультизмом, и *просвещенных* в лучшем смысле слова. Они избрали своей эмблемой розу, расцветшую на кресте, что является символом возрождения и искупления. Собственно говоря, это не было тайное общество в обычном понимании — скорее, некое духовное братство, члены которого объединялись общими идеалами и вели свои исследования в определенной области знания. Великое движение розенкрейцеров зародилось в конце XIV в., достигло расцвета и заявило о себе остальному миру в

XVII в. и в дальнейшем трансформировалось в социально-политическую доктрину зарождавшегося масонства в XVIII в.

Основание ордена розенкрейцеров приписывают некоему Христиану Розенкрейцу, личности абсолютно мифической. Согласно легенде, он родился в 1378 г., приобщился на Востоке к арабской мудрости и затем создал тайное общество, ставившее своей задачей возрождение человека, падшего в результате первородного греха, а также воссоединение различных элементов реального бытия, рассеянных в природе и вселенской материи, именуемой также космосом. Движущая сила этого *вселенского возрождения* выводилась из принципов материальной алхимии, которые переносились на алхимию духовную.

Среди приверженцев этого оккультно-мистического учения числилось немало знаменитых людей того времени. Можно привести имена таких деятелей, как Декарт, Лейбниц, Роберт Флудд.

Повторим, что в действительности Христиана Розенкрейца никогда не существовало. Его имя есть не что иное, как искаженные слова на древнееврейском языке: «rosah korôz», означающие «глашатай тайны».

Историографы Генриха IV пишут иногда о его «великом плане», о котором уже говорилось в данной книге. В самом деле, упоминание о нем мы находим в работе Сюлли «Воспоминания о мудром и великодушном ведении дел государственных, домашних, политических и военных Генрихом Великим» (1632). Возникает вопрос, действительно ли Генрих IV задумал этот грандиозный план переустройства Европы? И если да, то кто вдохновил его на такой шаг? Неоднократно сообщалось о контактах короля с неким розенкрейцером, известным под различными именами: *Ирине Филалет* или *Ирине Агностус.* Это позволяет усомниться в реальном существовании такого человека. Действительно, первый псевдоним принадлежит англичанину по имени Томас де Ваган (см.: *Фулканелли.* Философские обители, с. 160). Он не мог быть вдохновителем Генриха IV уже хотя бы потому, что родился в 1612 г., то есть через два года после смерти этого короля.

Под вторым скрывался, очевидно, Фридрих Грик, немец по происхождению, родившийся в 1586 г. По мнению некоторых историков, именно он беседовал с Генрихом IV в 1606 г. Однако нам это кажется невозможным по той простой причине, что во время этой беседы

Иринб Агностусу было бы всего лишь 20 лет. А 20-летний розенкрейцер в роли советника монарха — это весьма сомнительно.

Таким образом, не существует документов, позволяющих точно установить личность таинственного советника короля. Однако сама встреча наверняка была, ибо семья Беарнца на протяжении двух поколений общалась с розенкрейцерами.

Возьмем, например, знаменитого алхимика Дени Захера, родившегося в 1510 г. Под этим псевдонимом скрывался некий дворянин из Гюйени, настоящее имя которого неизвестно. Король Наваррский Генрих II Бурбон, дед Генриха IV, страстно увлекался алхимией. Дени Захер в 1542 г. работал по его поручению в По, пытаясь своими средствами поправить финансовое положение Наварры. Справился ли он со своей задачей? Скорее всего, нет. *Но доподлинно известно, что Дени Захер принадлежал к розенкрейцерам* (он был задушен в 1556 г. в Кёльне своим молодым кузеном — любовником его жены).

Его влияние на Бурбонов прослеживается и после появления Жанны д'Альбре, матери Генриха IV, ибо Дени Захер упоминает ее в своих работах как одну из знатных особ, покровительствовавших алхимии и алхимикам.

Таким образом, вовсе не исключено, что, подобно своей матери, Генрих IV встречался в 1606 г. с одним из розенкрейцеров. И в дальнейшем мы убедимся, что существуют параллели между доктриной розенкрейцеров XVI–XVII вв., их политическими планами и теми событиями и процессами, которые происходили или зарождались в ту эпоху в Европе.

Но прежде всего ответим на вопрос: на каких исходных посылках строили свою концепцию и делали мистико-политические выводы эти таинственные розенкрейцеры? Скажем прямо: на поразительной комбинации некоторых отрывков Ветхого Завета и принципов алхимии, к которой добавились несколько пророчеств, полученных посредством магии. Заметим, что было бы неправомерно относиться к ним без всякого почтения, что мы и покажем в ходе исследования. То же самое касается и пророчества относительно поочередной смены римских пап, которое ошибочно приписывают св. Малахии. *Для тех, кто умеет его расшифровать,* оно чрезвычайно красноречиво. В действительности оно создано в кругах розенкрейцеров около 1590 г.

А теперь рассмотрим все это подробнее. Однако следует сразу сказать, что мы разделяем точку зрения, наиболее распространенную среди историков, согласно которой Генрих IV не стремился целиком выполнять план розенкрейцеров, *даже если он был знаком с ним в полном объеме.* Но невозможно отрицать, что он был с ним знаком! Существует удивительное высказывание, подтверждающее, что он был хотя бы частично посвящен в этот план. Когда Генрих объявил о своем несогласии на брак Генриетты д'Антрэг с герцогом Гизом, он, как уже упоминалось, воскликнул: «Пусть принцам оставят хотя бы ляжки девок! *Их уже и так лишили очень многого…»*

На что он намекал? Уж не на предусмотренное ли планом розенкрейцеров уничтожение в конечном итоге монархических режимов? В таком случае он был в курсе планов розенкрейцеров. Однако точного ответа на этот вопрос нет.

Провидческие аспекты «Великого плана»

Из достоверных источников известно, что многие масоны участвовали в работе Учредительного собрания, а затем и Конвента. Однако, если идеологическое течение, подготовившее Великую французскую революцию 1789 г., действительно стихийно зародилось в масонских ложах, несмотря на то что большинство его создателей принадлежало к аристократии, — было бы абсолютно неправомерным считать революцию как таковую делом рук масонского ордена.

Напротив, известно, что широко распространенные идеологические движения розенкрейцеров, возникшие в эпоху Возрождения и достигшие расцвета в XVII в., выдвинули план всемирного переворота, утверждая, что таким образом разлетится в пух и прах тройная

власть папы римского. Там же предусматривалось установление всемирной республики и единой мировой религии. Такой план неизбежно подразумевал ликвидацию наследственных монархий и различных противоборствующих религий.

Итак, встает вопрос: откуда взялись эти принципы и к чему сводилось их обоснование? Наверное, для этого было вполне достаточно тогдашней картины социального неравенства, которое подчеркивалось существованием крепостных крестьян, свободных крестьян, горожан, дворян, принцев и королей. Не забудем, что последние привилегии исчезли во Франции лишь в 1791 г., когда закон Ле Шапелье ликвидировал традицию, в соответствии с которой лишь сыновья цеховых мастеров могли получить этот статус в среде ремесленников. Если уже в ночь на 4 августа французские дворяне в обстановке всеобщего энтузиазма отказались от своих привилегий (что делает им честь), то третье сословие, буржуа, видимо, не спешили расставаться со своими привилегиями. Их пришлось к этому принудить.

В действительности розенкрейцеры заимствовали свои революционные идеи у древних *зилотов,* существовавших в начале нашей эры. Как и зилоты, розенкрейцеры вели атаку на Рим (понятие «Рим» они, однако, толковали по-своему).

Испытав на себе значительное влияние протестантизма и Реформации, розенкрейцеры до того момента, когда в их среде произошел раскол, последовавший за Вестфальским мирным договором 1648 г., черпали свои идеи из Библии, и прежде всего из Ветхого Завета. Каббалисты-розенкрейцеры поддерживали контакты с каббалистами-иудеями. А в иудаизме тех времен (вплоть до

XVIII в.) доктрина зилотов имела много сторонников. Принцип «лишь Бог — Царь» находил свое обоснование в словах пророка Самуила, обращенных к «сынам Израилевым», требовавшим «поставить царя над ними»:

«И пересказал Самуил все слова Господа народу, просящему у него царя, и сказал: вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и *сделает* всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его; и поставят *их* у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его; и дочерей ваших возьмет, чтобы составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы; и поля ваши, и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим; и от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть, и отдаст евнухам своим и слугам своим; и рабов ваших, и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет, и употребит на свои дела; от мелкого скота вашего возьмет десятую часть, и сами вы будете ему рабами; и восстенаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда» (см.: *Библия, Первая книга Царств,* VIII, 10–18).

Очевидно, сама жизнь в XVII в. убеждала в провидческой справедливости высказываний пророка Самуила. Что касается всемирной республики, ее предрек пророк Исайя:

«Ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима… и перекуют мечи свои на орала и копья свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» *(Библия, Книга пророка Исайи,* И, 3–4, с.682).

Он также предрек и возникновение всемирной религии:

«И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор, и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню» (там же).

В этом пророчестве мы видим возвращение к идее Единого Бога, то же возвращение к истокам, которое пытался осуществить на свою погибель *орден тамплиеров.* Именно этим объясняется знаменитое утверждение Жерара Энкосса, или Папюса: «Вместилище западного

Посвящения носило на протяжении истории три имени: гностики, тамплиеры и розенкрейцеры» (*Папюс. Письма к Седиру,* 1894).

В действительности абсолютно неправомерно утверждать, что христианство выросло из Ветхого Завета и является его логическим продолжением. Ибо следует признать, что в Ветхом Завете говорится совершенно противоположное:

«Видите ныне… что это Я, Я — и нет Бога, кроме Меня…»

(Второзаконие, XXXII, 39),

«Я, Я — Господь, и нет Спасителя, кроме Меня»

(Исайя, XLIII, 11),

«Прежде Меня не было Бога, и после Меня не будет»

(Исайя, XLIII, 10),

«Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого, и грехов твоих не помяну»

(Исайя, XLIII, 25).

Учитывая эти слова, было бы очень трудно поверить, что ветхозаветный Бог мог бы иметь *Сына,* обладающего не меньшей властью, да и еще одного равного партнера, скрывающегося под неопределенным именем *Святого Духа.* Кстати, у Лютера есть один отрывок, где он призывает читателя отказаться от евангельского Христа, дабы лучше приобщиться к Христу, как к *Слову Божьему.*

Таким образом, неудивительно, что после заключения Вестфальского мира в 1648 г. розенкрейцеры раскололись на два антагонистических течения. Первое имело природоведческую направленность и объединило розенкрейцеров-оккультистов; второе состояло из мистиков христианского толка, черпавших свои путеводные идеи исключительно из Евангелия.

Из всего вышесказанного становится очевидным, что христианство было принципиально новой религией, а вовсе не продолжением иудаизма. Невежественная публика постоянно совершает аналогичную ошибку, ставя знак равенства между *индуизмом* в его различных формах и *буддизмом,* который полностью отрицает религию индуизма, и Будда был не меньшим вероотступником в глазах индусов, чем Христос в глазах Синедриона[135].

Приняв во внимание все это, вы лучше поймете следующее рассуждение Ноде: «Они (розенкрейцеры) предназначены для восстановления каждой вещи *в лучшем виде,* покуда не настал конец света» (см.: *Ноде. Поучение Франции относительно истинной истории братьев розенкрейцеров,* Париж, 1623).

Наряду с анонимными пророчествами из таинственной Общины розенкрейцеров появляются в эту эпоху и другие, подписанные именами знаменитых Нострадамуса[136], Парацельса[137] и Иоахима Флорского[138].

Нострадамус в своем «Письме к Генриху Второму» (издание П.Риго, Лион, 1566) говорит следующее: «…и это продлится до 1792 г., когда будет предпринято обновление календаря».

И действительно, 22 сентября 1792 г., в день осеннего равноденствия, когда по традиции проходят масонские конвенты и возобновляется деятельность лож и капитулов, Конвент, избранный накануне, провозгласил во Франции республику и ввел так называемый республиканский календарь, который был упразднен Наполеоном I лишь в 1805 г. 1792 год стал с 22 сентября Первым *Годом Республики «Единой и Неделимой».*

Это новое летосчисление заменило христианскую эру, ведущую отсчет от так называемого Рождества Христова (на самом же деле, по мнению св. Иринея, он родился между 16 и 17 гг. до н. э.). Официально новая эра была к тому же узаконена лишь при Карле Великом, то есть в *IX веке.*

А до этого пользовались юлианским календарем, в котором отсчет велся от основания г. Рима.

Впрочем, сообщая то, что ему открылось в результате таинственных магических и астрологических опытов, Нострадамус лишь подтверждает пророчества других великих посвященных той эпохи.

В своей знаменитой работе *«Змей Книги Бытия»* Станислас де Гюэта пишет: «Сообщим по поводу этого девиза, призывающего к цареубийству, исторический анекдот, подтверждающий его древность. Депутат Грегуар представил Конвенту медаль, *отчеканенную в 1642 г.* На одной стороне изображена выходящая из облаков рука, срезающая мечом три лилии. И надпись: „Talem dabit ultio messem" („Вот жатва, какую несет отмщение"). На обороте другая рука мечет молнии в сломанные корону и скипетр. Надпись же гласит: „Flamma metuenda tyrannis" („От огня задрожат тираны"). Эту медаль можно увидеть в Национальной библиотеке, где она хранится».

Среди предсказаний относительно Великой французской революции следует прежде всего отметить 32 пророчества из «Предсказаний» Парацельса, а также несколько гравюр пророческого свойства, приписываемых аббату Иоахиму Флорскому. Я имею в виду книги аббата Иоахима, написанные на латыни. Первое издание их датируется 1589 г. (Венеция). Оно снабжено фронтисписом, титульным листом и 33 иллюстрациями, которые подчас поражают проникновением в будущее. Вторая книга выпущена также в Венеции в 1600 г. Она имеет фронтиспис и шесть гравюр.

Я также располагаю двумя изданиями «Предсказаний» Парацельса. Одно из них — редчайшее издание 1536 г. на латыни, с 32 гравюрами, еще более поразительными. Вот ее полное название: «Предсказания, составленные доктором Теофрастом Парацельсом» (и посвященные знаменитейшему и могущественнейшему принцу Фердинанду, королю Римскому и т. д. в 1536 г.). Другой экземпляр — прекрасное издание, снабженное параллельным французским текстом, ранее не издававшимся (перевод на французский выполнен Кристаллином, библиотекарем графа де Шароле). В ней есть также 32 весьма спорных примечания, относящихся к событиям правления Людовика XIV. Этот бесценный манускрипт датирован 1712 г. (т. е. он был опубликован за три года до смерти великого короля), формат ин-кварто, в старинном кожаном переплете. Лицевая сторона переплета украшена гербами принца Конде, а на задней — помещены изображения геральдических лилий и солнц с надписью «Король — Солнце, оплодотворяющий распустившиеся лилии» (мотив, весьма характерный для периода правления Людовика XIV).

Я привожу факсимильные изображения пророческих гравюр из книг Парацельса и Иоахима Флорского (см.: *Станислас де Гюэта.* Змей Книги Бытия, с. 308–309).

Article II

TROIS FLEURS DE LIS

Une fleur atteint toute la hauteur qu'il lui est donné d'atteindre. Celui qui favorise sa croissance maximum et lui permet de fleurir l'a fait périr aussi. Ainsi en sera-t-il de toi, car la Magie t'a orné de la fleur, afin d'annoncer ton ascension et aussi ta chute. Car bien avant que tu ne fusses, la Magie t'a connu et t'a en conséquence comparé à une fleur qui aujourd'hui est ravissante et qui demain est desséchée. Tu aurais pu te maintenir par la sagesse et la crainte de Dieu, mais tu les as négligées. Ta propre sagesse t'a séduit.

«Прогностик» Парацельса. Перевод на французский язык с латинского оригинала 1536 г. сделан Ж.Вебер-Маршаллом.

«Прогностик» Парацельса. Перевод на французский язык с латинского оригинала 1536 г. сделан Ж. Вебер-Маршаллом.

На одной из гравюр, воспроизведенных автором из книги «Предсказания Парацельса», мы видим три геральдические лилии, которые вот-вот будут срезаны. Она сопровождается осторожной надписью: «Тот, по чьей вине вышел из земли этот самый знаменитый цветок, сделает его в свое время и в своем месте увядшим и бесплодным. Так будет и с тобой, с тем, кто цветет сегодня лилией в полях! Завтра, как сказал Христос, тебя срежут и бросят в повозку… *Это означает, что тебе предстоит одиночество, разорение и изгнание.* В своем беспримерном и абсолютном унижении ты станешь посмешищем для будущих времен. Вооружившись осторожностью и страхом Божьим, ты могла бы обеспечить себе стабильность и процветание. Но тебя погубит твое собственное коварство. И вот тебе приходится уже покинуть родную почву».

Удивительные слова, не правда ли?

Иллюстрируя пророчества Иоахима Флорского, автор также приводит одну из 33 гравюр, помещенных в издании 1589 г:, известную под названием «Confusio et Error vitiabitur» или «Vaticinium XIX».

«На двух колоннах разной высоты помещены символы королевской власти. Из третьей колонны, которая ниже первых двух, тянется рука с косой и угрожает обеим властям.

Как не узнать в этом слепую безликую власть народа, угрожающую короне и тиаре»[139] *(указ. соч.).*

Не важно, к какому из пап конкретно мог отнести это пророчество тот или иной комментатор. Для меня этот и сам по себе красноречивый символ, снабженный к тому же надписью «„И повсюду будут царить лишь смута, заблуждение и растление", обозначает то положение вещей, которое достигло своего апогея в 1793–1794 гг., в разгар террора» *(Станислас де Гюэта.* Змей Книги Бытия, вклеенная иллюстрация, с. 308–309).

Но тогда встает вопрос: какая же доктрина, какой основополагающий принцип *посвящения в герметику,* какое убедительное доказательство могли подвигнуть посвященных столь крупного масштаба, как Парацельс, на размышления относительно политической революции, призванной смести французскую монархию и власть пап?

Все эти люди — философы, «посвященные», знающие тайны, — имели перед своими глазами скандальную картину общества той эпохи: абсолютная тирания, ложь, взяточничество, торговля должностями и т. д. То есть поводов для предвидения революции было вполне достаточно. Но имелось и еще одно практическое подтверждение правильности их пророчеств. Оно было найдено в процессе алхимических изысканий.

К этой теме мы теперь и обратимся.

Политические грани алхимии

Еще 50 лет назад в католические молитвенники включалась *«Молитва о том, чтобы каждый пребывал в своем нынешнем состоянии».* Известно, что цеховые корпорации запрещали своим членам менять профессию. Лишь сын мастера мог стать в свою очередь мастером. Поэтому, как уже говорилось, закон Ле Шапелье 1791 г. фактически ликвидировал положение вещей, которое бросало вызов личной свободе, препятствовало талантливым людям заниматься делом по их выбору, держало развитие техники в тисках отживших традиций и семейного деспотизма и препятствовало благотворному влиянию свободной конкуренции.

Однако в алхимических теориях, помимо всякого рода гностико-еретических традиций, содержался и сам принцип революционного развития. Действительно, когда *Сатурн* (свинец) превращается в *Солнце* (золото) — не является ли это *революционным преобразованием металла*? И тот, кто поддерживает идею о *единстве Материи,* согласен и с общим

происхождением человеческой души. Он, таким образом, должен отрицать «божественное происхождение», «божественное право», «голубую кровь» и все прочие атрибуты мании величия, присущие обществу до Великой французской революции.

Ибо таким образом фактически подразумевается возможность аналогичных трансформаций и для всех прочих воплощений *Сатурна* уже в человеческом обществе. То есть признается, что люди, «отмеченные» этой планетой — плебеи, крестьяне, горожане, — могут достичь знатного состояния и даже «королевского» достоинства, свойственного *Солнцу.* Так, уже в политическом смысле, *Свинец* превращается в *Золото,* то есть *исходно пролетарский металл становится металлом королевским и аристократическим.* Отсюда происходит и знаменитое выражение Луи-Клода де Сан-Мартина, «Безвестного философа»: «Каждый человек — король» (потенциальный, разумеется).

Если бы алхимия ограничивалась только изучением металлов, было бы абсолютно невозможно понять, зачем ее адепты путешествовали в XVII и XVIII вв. по всей Европе, доказывая истинность ее положений. Тем более что они при этом постоянно подвергали себя опасности попасть в руки какого-нибудь князька, излишне уверенного в безотказном действии пыток и который не преминул бы прибегнуть к таковым, чтобы заставить алхимика работать на этого господина.

И можно ли поверить, что такие люди, исколесившие на свой страх и риск весь континент, чтобы доказать своими опытами единство материи и возможность превращений металлов, не руководствовались при этом, помимо исключительно научного энтузиазма, и другими соображениями? Масса исторических примеров показывает, что они постоянно подвергались опасности со стороны монархов, которые, как правило, были алчны, т. к. постоянно испытывали финансовые затруднения. К тому же в большинстве случаев демонстрация алхимических опытов не обогащала эмиссаров ордена розенкрейцеров.

На самом деле алхимическая традиция являлась своего рода условным знаком для выражения магической философии, лежавшей в основе их политической доктрины. Демонстрации алхимических опытов, как подлинных, так и фальсифицированных, служили лишь естественным обоснованием, доказательством справедливости политической теории и способствовали ее пропаганде в среде интеллектуальной элиты той эпохи.

Для розенкрейцеров их просветительская миссия заключалась в том, чтобы окончательно и бесповоротно *экспериментальным путем* разрушить священную догму о неизменности состояний материи, природных категорий, о нерушимости пути, предначертанного их зарождением. Из этих постулатов церковь выводила и незыблемость социальных классов, как этого якобы пожелал Господь на заре творения. Подтверждением служит знаменитая «Молитва о том, чтобы каждый пребывал в своем нынешнем состоянии», о которой уже упоминалось. Розенкрейцеры пытались таким образом защитить эволюционную теорию как в естественных, так и в гуманитарных науках и окончательно развенчать церковь.

По мысли мистиков, недостаток *чего-либо* порождает неудовлетворенность, которая в свою очередь порождает недовольство, а оно вызывает желание покончить с недостатком, и все это вместе взятое превращается в настоящее восстание. Демонстрировавшимися опытами они стремились неопровержимо доказать, что идея революции является основополагающим принципом прогресса и развития в любой сфере.

А в традиционной триаде герметики: *астрология, магия, алхимия,* — запечатленной посредством эзотерических, то есть понятных только посвященным, символов на трех порталах французских храмов, можно найти три принципа Великой французской революции, они же — тройное приветствие масонов: *свобода, равенство, братство:*

а) с помощью *астрологии* посвященный освобождается от фатального предопределения судьбы. Просвещенный человек стоит двух непросвещенных: в этом состоит *свобода;*

б) в *алхимии* (поскольку свинец имеет такие же эволюционные возможности, как и золото) содержится мысль о том, что плебей может стать аристократом: это и есть *равенство;*

в) в *магии* подлинная трансцендентальная физика позволяет человеку войти в контакт с существами, которые вовсе не обязательно враждебны ему, и получить их помощь и поддержку, иными словами, именно то, в чем ему отказано церковью: в этом суть *братства.*

Таким образом, мы имеем дело с *идеями,* отражение которых мы находим в различных идеологических доктринах. Те, к кому оно было обращено, являлись слишком умными людьми, чтобы не понять вытекающих из него последствий.

Эти *идеи* опровергали всю совокупность старых принципов, лежавших в основе монархического режима.

«Смотри, — говорит Грийо де Живри, — смотри: на правом портале собора Парижской Богоматери[140] изображен епископ, возвышающийся на подиуме, а над этим изображением — устремленный ввысь вестник богов Меркурий. Это изображение *показывает источник священного огня.* А поскольку Капитул, согласно вековой традиции, держит эту дверь закрытой в течение всего года, тем самым сообщается, что здесь *лежит путь необыкновенный,* незнакомый толпе и предназначенный лишь для узкого круга избранников мудрости» (см.: *Грийо де Живри.* Великое дело).

Действительно, епископ попирает острым концом своего посоха извивающегося адского Дракона, «заключенного в кольца» и несущего в себе «священный огонь», согласно прекрасному выражению Грийо де Живри.

Естественно, в образе Дракона здесь изображен Люцифер, который, согласно теологическим воззрениям тех времен, является исходным принципом всякого восстания.

Таким образом, при посредстве легенды нам ясно объясняется эзотерическим способом истинное значение философического Меркурия.

Мы вправе предположить, что *влажный путь* в алхимии соответствовал, по мысли розенкрейцеров, социальной эволюции в рамках законности, непрерывному поступательному прогрессу, растянутому, однако, по времени и требующему очень больших усилий для своего осуществления. Напротив, *сухой путь* соответствовал радикальной революции и быстрым переменам. Заметим, кстати, что первый путь назывался еще *долгим путем,* а второй — *коротким путем.* Считалось, что первый путь требует больших затрат, в то время как второй путь называли еще *путем бедных,* т. к. он практически ничего не стоил[141].

Обратимся к концу царствования Генриха IV и подведем итоги.

Скажем прямо, результат не утешителен. Все преимущества, которые могла бы извлечь Франция из тех времен, когда мудрые министры, поддерживаемые и опекаемые энергичным королем, проводили полезные реформы, свелись на нет капризами того же короля, преждевременно впавшего в старческий маразм и занятого лишь сиюминутной любовной интригой.

Но история отнеслась к нему снисходительно, ибо уже давно историю пишут благонамеренные люди консервативного склада. Увы, приходится с сожалением признать, что нам представляют Генриха как великого монарха, хотя на самом деле это не так. И не менее печально констатировать, что Людовика XV — монарха куда более значительного во всех отношениях — изображают те же фальсификаторы истории как плохого правителя.

Однако из его писем и высказываний вырисовывается натура добрая и чувствительная. Вспомним, что он, по свидетельству Ла Вогийона, сказал дофину после битвы при Фонтенуа[142]:

«Сын мой, поймите, чего стоит победа… Кровь ваших врагов — это всегда человеческая кровь… Истинная победа — это избежать крови».

В своем секретном письме от 8 мая 1763 года Генрих IV пишет: «Король никогда не использует слово „ненависть" по отношению к своим подданным».

А в письме к маркизу д'Аржансону говорится следующее: «Оставим слова любви к миру, давайте стремиться к нему как к высшему благу, и да продлится он как можно дольше» (см.: *Мемуары маркиза д'Аржансона,* т. IV, с.264).

За примерами далеко ходить не надо. Людовик XV разрешил печатать *Энциклопедию*, спас Гельвеция, Каласа, Сирвена и других известных жертв католической церкви, спас рыцаря де Ла Барра от ужасной казни, сделал вместе со своим министром д'Арнувилем попытку создать справедливую систему налогообложения, возвел Вольтера в дворянское звание и присоединил к Франции Корсику[143]. Кое-кто считает, что он допустил лишь одну ошибку: изгнал иезуитов из Франции. И этого французские католики ему не могут до сих пор простить (как и предшествовавшие события[144]).

С Генрихом IV дело обстояло иначе. Во-первых, его удалось убить, тогда как покушение на Людовика XV сорвалось. И смерть Генриха не сопровождалась клеветнической кампанией — врагам достаточно было его устранить. И потом, сам Генрих разрешил иезуитам вернуться во Францию после того, как его лучшие соратники и парламент изгнали иезуитов из страны за пропаганду цареубийства. Все это позволило историкам сделать из Генриха образцового короля. А бедный Людовик XV был оклеветан[145]…

И это, наверное, оправдывает горькое суждение Поля Валери по поводу Истории, высказанное в книге «Взгляд на современный мир»:

«История оправдывает все, что угодно. Она абсолютно ничему не учит, ибо содержит в себе все, и в ней можно найти любые примеры. Она самый страшный продукт, который вырабатывает человеческий мозг!»

Признаем, что история в том виде, как ее нам изображали на протяжении многих лет, вполне заслуживает такого приговора. И пора наконец выкинуть на свалку эту умопомрачительную гору лжи, поставленную на службу более или менее гнусным интересам.

Эту идею прекрасно выразил английский писатель XVII в. Джонатан Свифт в своей работе *«Мысли».* «Честолюбие понуждает подчас занимать самые низменные должности, и, таким образом, честолюбец лезет наверх на четвереньках…»

ПРИЛОЖЕНИЯ

Досье Шнайдера

Переписка между Жераром Песмом и Эдуардом Шнайдером относительно документов, находящихся в архивах Ватикана и подтверждающих королевское происхождение *Жанны Девственницы*[146]

60, ул. Вано Литре 63-83
9 января 1959 г.
Милостивый государь!

После Вашего визита я все еще продолжаю болеть и думаю уехать на некоторое время из Парижа, чтобы отдохнуть должным образом.

Что касается *поездки в Рим, я собираюсь быть там будущим летом,* и, хотя я сейчас занят другой работой, *я не собираюсь выпускать из поля зрения проблему Жанны.*

Но, по-моему, план, который Вы задумали, не имеет никаких шансов на успех. *В Ватикане очень трудно иметь дело с людьми и решать вопросы,* это предприятие требует большой деликатности, дипломатической подготовки и знания их среды!

Если Вы будете как-нибудь в Париже, попытайтесь договориться со мной о встрече заранее, иначе Вы можете меня не застать. Я живу один и часто не бываю дома.

Примите мои заверения в самых теплых чувствах к Вам.

Э. Шнайдер

60, ул. Вано — 7е
12 января 1959 г.
Милостивый государь!

Я только что получил Ваше последнее письмо. Я не верю, что в Ватикане Вам поможет «Deus ex machina»[147] и Вы получите доступ к *секретным фондам* Ватиканской библиотеки. *Самую высокую персону, которая может оказать Вам эту милость, я знаю лично.* Для начала Вам скажут: *«Секретных фондов не существует». И если Вы даже будете настаивать, Вас ждет неудача. И если несколько лет назад мне посчастливилось неожиданно обнаружить документ, о котором Вы знаете, то это произошло лишь благодаря одному очень высокопоставленному лицу, ныне покойному. Его преемники ведут себя иначе.*

Что касается документа, о драматическом исчезновении которого я Вам рассказывал, то он был написан на старофранцузском языке (XVI в.), *это — записки «по памяти», но очень точные. Я не берусь утверждать категорически, но, по-моему, текст не имел ни обложки, ни заглавия, ни каких-либо примечаний.* Что касается *особенностей содержания текста, я их, естественно, не помню. Все интересные подробности этого документа я забыл, ведь я его обнаружил 25 лет назад (1935 г.).*

Не думайте, пожалуйста, что я умышленно не сообщаю Вам подробности. Все, что я Вам здесь пишу, — чистая правда.

Я с большой радостью получу книгу, о которой Вы мне сообщаете, и заранее Вас благодарю.

Примите, дорогой друг, заверения в искренних чувствах и извините за плохой почерк. Уже месяц я страдаю от воспаления десны, начавшегося после удаления зуба. На днях я собираюсь лечь в клинику и пройти необходимый курс лечения.

Эдуард Шнайдер 14 января 1959 г.

Милостивый государь!

Спешу ответить Вам, прежде чем уехать из Парижа. *Документы, к которым я получил доступ в Ватикане, — отнюдь не то, о чем Вы думаете. Это вовсе не сборник показаний, составленный церковной комиссией, образованной по королевскому распоряжению. В течение трех лет после руанского процесса папа вызвал в Рим всех главных судей Жанны. Они дали показания, тщательно запротоколированные секретариатом Святейшего престола. Вот в этих-то протоколах и скрываются «запретные сокровища», о которых высокопоставленные персоны утверждают, что их якобы не существует или что они с ними не знакомы. Перебирая массу других документов «в этом направлении», я натолкнулся на знаменитое свидетельство, которое Вас так заинтересовало и исчезновение которого меня глубоко огорчило. Но в этом свидетельстве нет ничего такого, о чем Вы упоминаете в своем последнем письме.*

Когда моя нынешняя работа (ее очень задерживает мое плохое самочувствие) будет закончена *и когда мой ум будет полностью свободен для изучения проблемы Жанны, одной из моих первых забот будет, поверьте, исследование этого вопроса вплотную!*

Поверьте, милостивый государь, я очень сожалею, что не могу сообщить Вам большего. Примите мои заверения в исключительной симпатии к Вам.

Эдуард Шнайдер

Я Вам исключительно благодарен за Вашу книгу «Ла Рош-Курбон». Она прекрасно издана. Как только меня отпустит жуткая зубная боль, я ее сразу же прочту.

60, ул. Вано, Париж — 7е
1 июня 1959 г.
Милостивый государь!

Нет, среди документов, находившихся в моих руках, показаний Лойе не было.

К тому же я сейчас себя очень плохо чувствую и полностью) погружен в другую работу, которая займет у меня минимум год. В связи с этим мне пришлось прервать все изыскания, связанные с Жанной. *Я к ним вернусь сразу же, как только освобожусь от нынешней работы.* Пока я могу лишь следить за крупицами серьезной информации, которые пробиваются сквозь горы исключительно конъюнктурных сообщений.

К тому же через три дня я уеду из Парижа в горы, т. к. я никак не могу оправиться от приступа, случившегося со мной пять месяцев назад.

Поеду ли я в Рим? Я буду там летом, но я наверняка не смогу заниматься проблемой Жанны.

Примите, милостивый государь, мои самые теплые пожелания. Успехов Вам в работе!

Э.Шнайдер

3 июня 1959 г.
Милостивый государь!

Я только что получил Ваше письмо. *Я надеюсь, что Ваша книга будет иметь успех, на который Вы рассчитываете.* Однако я ие могу сказать, сколько экземпляров моей книги продано. Для этого мне надо запросить профсоюз авторов, т. к. мои отношения с новым руководством издательства «Грассе» ухудшились.

Единственно, я уверен, что они продали очень мало. Моя книга не носила скандального характера, а это — непременное условие коммерческого успеха на сегодняшний день. К тому же они не сделали ей никакой рекламы, поскольку в момент выхода книги Грассе был очень болен (а ему она понравилась). И наконец, я нахожусь в знаменитом омерзительном «черном списке» писателей, которых газета «Либерасьон» называет «националистами»…

Признаюсь, я несколько обеспокоен тем, что Вы неоднократно ссылаетесь на документы, имеющие для меня исключительную важность, но которые, как Вы знаете, были утеряны. Однако никто не поверит в существование документа, который невозможно представить, даже если бедняга, видевший его, пользуется безупречной репутацией! Вы не представляете, сколько усилий я предпринял лично и через посредников, чтобы обнаружить у наследников маркизы де Феличи, владелицы дворца Занарделли в Риме, те документы, которые я доверил ей на сохранение, вернувшись в Париж пять лет назад. Сохранились все ящики, *кроме того, где были мои самые ценные вещи и документы. Здесь есть какая-то таинственная загадка, которую, к моему бесконечному сожалению, я уже отчаялся отгадать!*

Благодарю Вас за добрые пожелания. Завтра я уезжаю в горы, мне это необходимо.

Примите, милостивый государь, уверения в моих самых сердечных чувствах.

Эдуард Шнайдер

Когда выходит Ваша книга?

Рим, 27 ноября 1959 г.
Альберго дель Сенато
Милостивый государь!

Ваше письмо не сразу нашло меня среди моих путешествий, чем и объясняется задержка с ответом.

Я весьма сожалею, что не могу дать Вам удовлетворительный ответ. *Я абсолютно не понял, о каком судье из Руана Вы пишете. Естественно, я не могу сообщить Вам его имени.* Что касается книги Раймона де Ринье, признаюсь, что мне нужно ее перечитать. Я не очень хорошо помню мое впечатление, но мне кажется, что те достаточно общие рассуждения автора на тему, о которой Вы говорите, заслуживали бы действительно серьезного интереса.

Извините за столь неопределенный ответ. Но я сейчас весьма далек от всех документов, связанных с Жанной. Я занимаюсь совершенно другой темой и не могу ответить Вам более определенно.

Примите, милостивый государь, заверения в моих лучших чувствах. Успехов Вам в работе.

Э.Шнайдер

Письмо Жерара Песма Его Святейшеству папе Павлу VI

4 июня 1972 г.

Святейший отец!

Униженно простершись у ног Вашего Святейшества и умоляя об апостольском благословении, я направляю Вам это письмо с целью изложить чистосердечно и с полной искренностью серьезное разногласие, существовавшее между мною и скончавшимся недавно Его Преосвященством кардиналом Пессераном.

Дабы Вашему Святейшеству стали известны точные и истинные причины нашего спора, я позволил себе послать Вам экземпляр 5-го издания моей книги о Жанне д'Арк.

Если Ваше Святейшество окажет мне высочайшую милость и прочтет хотя бы предисловие к этому труду, Вы поймете, почему между нами возникли разногласия.

Стремясь окончательно прояснить спор, я приведу слово в слово беседу, состоявшуюся в 1958 г. между мною и моим коллегой, известным католическим писателем, почетным гражданином Ватикана Эдуардом Шнайдером. Я привожу все признания, которые он мне сделал.

Прочтя его книгу *«Жанна д'Арк и ее лилии, легенда и история»,* опубликованную в 1952 г., я встретился с ним, получив для этого рекомендацию другого историка — Жана Гримо, который меня заранее предупредил: «Он вам все скажет, но не оставит письменного свидетельства».

Эдуард Шнайдер принял меня исключительно любезно. Он говорил со мной в течение двух часов, проявляя при этом исключительную живость ума и феноменальную память.

Представившись, я сказал ему:

— Я прочел Вашу великолепную книгу о Жанне д'Арк. Вы пишете там о ее королевском происхождении, однако не представляете никаких доказательств. Поскольку Вы это утверждаете категорически, я могу предположить, что Вы имели в руках документы, служащие тому подтверждением. Можете ли Вы сказать, где Вы их обнаружили?

— Но… В Ватикане! — воскликнул он, воздев руки, как это делал Черчилль, выступая на многолюдных митингах. — В «*Книге Пуатье»…* Однажды, будучи в Ватиканской библиотеке вместе с монсеньором Тиссераном, тогдашним библиотекарем, я заметил шкаф, запертый на ключ, и сказал ему шутя: «Не здесь ли, Ваше Преосвященство, хранятся секретные фонды Ватикана?»

— Секретных фондов Ватикана не существует, — ответил он.

— А можно ли ознакомиться с документами, хранящимися в этом шкафу?

После некоторых колебаний кардинал Тиссеран кивнул и пошел в свой кабинет за ключом. Шкаф был открыт, и там я обнаружил знаменитую «Книгу Пуатье», пропажу которой столь горько оплакивали французские историки. В действительности это не книга, а

протоколы допросов Жанны Девственницы, проводившиеся в 1428 г. в Пуатье, и запись ее ответов на вопросы церковной комиссии, назначенной королем. Я убедился, что прелаты не верили в «голоса», которые якобы слышала Жанна, и не соглашались признать ее «посланницей Бога». Перед лицом такого упорства, которое раздражало короля, он вынужден был послать в Домреми двух монахов для проведения расследования на месте. *И именно в отчете этих монахов говорится, что все жители этой деревушки из 30 дворов подтвердили, что Жанна — дочь королевы Франции, урожденной Изабеллы Баварской, от ее любовника— герцога Луи Орлеанского, брата короля Карла VI.*

Я снял копию с этого документа, а также с части протоколов допросов. Несколько дней спустя кардинал Тиссеран, застав меня за работой, спросил, нашел ли я что-нибудь интересное. Я не решался ответить ему, опасаясь, что он будет недоволен. И действительно, какой разразился скандал! Нетрудно угадать дальнейшее: меня заставили дать клятву никогда не разглашать письменно мое замечательное открытие, ибо в этом случае *разрушилась бы мистическая легенда, созданная королевской семьей для сокрытия этого незаконного рождения, которое доказывало, что и дофин был тоже незаконным ребенком…*

— Вы приоткрыли завесу над государственной тайной.

— Так, значит, именно чтобы избежать разоблачения этой легенды, Вы, будучи глубоко верующим католиком и человеком слова, не решились опубликовать эти документы в своей книге?

— Да, конечно. Но еще и потому, что копии, которые я снял с *«Книги Пуатье»,* а также с главного документа — отчета двух монахов, — пропали. Я хранил все мои бумаги в моем доме в Риме. Решив вернуться в Париж после амнистии коллаборационистам (а я был верным другом маршала Петэна), я доверил четыре ящика, где наряду с другими документами находились и эти копии, своей старинной приятельнице де Феличе, жившей во дворце Занарделли. Однако, когда я послал этой весьма почтенной даме письмо из Парижа с просьбой прислать мне мои вещи, я узнал от ее племянников, что моя добрая приятельница незадолго до этого скончалась. Ее племянники написали, что они обнаружили *три моих ящика* и собираются их переслать. Три ящика? Таким образом, один пропал…

Я тотчас же отправился в Рим, где убедился, что племянники говорили правду. Мой самый ценный ящик исчез. Что же произошло? Я так никогда не смог этого узнать, несмотря на тщательное расследование.

— Так вот, милостивый государь, я, кажется, могу Вам это сказать…

— Вы?

— Да, пользуясь методом дедукции. Говорили ли Вы маркизе Феличе О копиях *«Книги Пуатье»,* хранящейся в этом ящике?

— Да, конечно. Она была очень надежным другом.

— Не сомневаюсь. Но перед смертью, во время последнего причастия, она, возможно, решила, что было бы грехом скрывать этот компрометирующий документ. Если она сообщила о нем исповеднику, тот наверняка поторопился изъять его и передать кому следует.

— Вы открываете мне глаза! Я должен был бы сам догадаться. И именно поэтому мои поиски оказались бесплодными! Тем более я знал, что после моей находки «Книги Пуатье» кардинал Тиссеран надежно упрятал все секретные фонды Ватиканской библиотеки, чтобы уже никто и никогда не смог обнаружить этого «разоблачительного документа».

Вот, Святейший Отец, полное и очень точное изложение Эдуарда Шнайдера.

Вопреки предположениям Гримо, он мне их неоднократно подтверждал в своих письмах. Некоторые его соображения я опубликовал в своей книге, и, как Вы можете убедиться, я привожу фотокопию его письма от 3 июня 1959 г. В 1960 г., сразу после выхода в свет моей книги, кардинал Тиссеран начал повсеместно и публично выступать против меня, утверждая,

что Шнайдер не мог обнаружить в Ватиканской библиотеке «Книги Пуатье», т. к. ее там якобы никогда не было, и вся история с потерянным ящиком является исключительно выдумкой, добавляя, что сочинил эту басню именно я…

Однако, видя, что его позиции не столь уж неприступны, кардинал пишет 2 октября 1961 г. Максу де Персену: *«У меня нет никаких оснований подвергать сомнению искренность покойного Эдуарда Шнайдера».* Это кажется тем более вероятным, что на с. 377 своей книги «Дело Жанны», вышедшей в 1968 г., г. Давид-Дарнак сообщает следующее: «К этому очевидному свидетельству существования *„Книги Пуатье*" в архивах Ватикана добавим еще одно, которое в ноябре 1966 г. мы неоднократно слышали от одного католического священника, прикованного к постели из-за паралича ног. Нас привел к нему его старый товарищ по семинарии. На вопрос, знал ли он лично Эдуарда Шнайдера, священник ответил, что был его близким другом и даже прятал Шнайдера в течение нескольких месяцев в своем доме.

На прямой вопрос: „Говорил ли он когда-нибудь Вам, отче, о своей находке „Книги Пуатье" в архивах Ватикана?" — был ответ: *„Конечно, он говорил об этом каждый день".* Этот прямой ответ сопровождался целым рядом подробностей относительно того, как Шнайдер познакомился с этим бесценным документом».

Добавлю, что в письме Его Святейшества Жана Банкаля, автора книги «Жанна д'Арк — принцесса королевской крови», от 24 декабря 1968 г. содержится еще одно тому подтверждение: «Полтора года назад у меня были долгие беседы с Давидом-Дарнаком, и он мне лично подтвердил то, что говорится в его второй книге по поводу свидетельства священника, который прятал у себя Эдуарда Шнайдера сразу после освобождения. Казалось, что этот священник был очень взволнован историей с „Книгой Пуатье", поскольку *Эдуард Шнайдер с утра до вечера только и говорил о своем открытии».*

Из этого следует, что, вопреки утверждениям кардинала Тиссерана, *«Книга Пуатье» действительно находится в архивах Ватикана.*

Государственные соображения, вынудившие Карла VII хранить тайну рождения Девы, на сегодняшний день не существуют, и у нас нет никаких оснований сохранять и далее в тайне этот документ, который к тому же ни в коей мере не ставит под сомнение святость Жанны.

Поэтому, Святейший Отец, я прошу, чтобы по примеру папы Пия IX, разрешившего в 1856 г. двум французским писателям снять копию с «Тайны осады Орлеана», находящейся в Ватиканской библиотеке, Ваше Святейшество приняло бы решение о поисках «Книги Пуатье» и позволило бы Исторической академии направить в Рим двух своих членов для снятия копии с нее.

Примите, Святейший Отец, уверения в моем глубочайшем к Вам уважении.

Жерар Песм, член Исторической академии

Папа Павел VI оставил письмо Жерара Песма без ответа. Вероятно (см. выше), «Книга Пуатье» никогда не существовала. Однако Эдуард Шнайдер утверждал, что он видел *другие документы,* подтверждающие королевское происхождение Девственницы. И этого должно быть достаточно честным историкам!

БИБЛИОГРАФИЯ

Во время моего выступления в передаче «Сегодня, мадам» 18 февраля 1980 г. по второй программе телевидения одна из читательниц, участвовавших в ней (которая утверждает, что не интересуется историей), упрекнула меня за то, что в моей книге «Преступления и секреты государства» помещена слишком обширная библиография. Она говорила, что читатель не имеет доступа ко всем источникам, на которые ссылается автор. Аргумент бесспорный. И поскольку библиография к прошлой книге была ввиду затрагиваемых вопросов не просто обширной, но, признаем это, огромной, я решил не делать этого на сей раз. В каждом случае,

когда приводится важный аргумент, я даю ссылку на книгу или рукопись, с которой читатель может ознакомиться сам.

Что касается большой главы о Жанне д'Арк, то литература по этому вопросу насчитывает более шести тысяч томов только на французском языке, что исключает возможность ее перечисления, даже если называть только серьезные труды. Поэтому мы ограничились лишь книгами, способными просветить читателя относительно истинной личности Девственницы. И это отнюдь не унижает ее. Скорее наоборот. Ибо Жанна полководец и принцесса королевской крови стоит не меньше, чем пастушка в сабо, над которой смеются все вокруг.

В хронологическом порядке опубликования далее следует список книг и их авторов, имевших смелость заниматься этой проблемой, несмотря на бурю негодования, которая на них обрушилась:

1667: *Heine et Bignow* Probleme hlstorique sur la Pucelle d'Orleans et Notes curlcuses.

1749: *D.Polluche*: Probleme historique sur la Pucelle d'Orleans.

1819: *Pierre Caze*: La verite sur Jeanne d'Arc, ou eclarissimens sur son origigne.

1889: *Lesigne*: La fin d'une legende: vie de Jeanne d'Arc.

1893: *Gaston Save*: Jeanne des Armoises, Pucelle d'Orleans.

1898: *Andree Francis*: La verite sur Jeanne d'Arc.

1914: *Grillot de Givry:* La survivance et le mariage de Jeanne d'Arc.

1930: *Abbi Ambroise Ledru*: Quelques erreures des historiens de Jeanne d'Arc.

1932: *Jean Jacoby*: Le secret de Jeanne d'Arc.

1937: *Jean Jacoby*: La noblesse et les armes de Jeanne d'Arc.

1942: *Jean Jacoby*: Seines de la vie de Jeanne d'Arc.

1952: *Jean Grimod*: Jeanne d'Arc a-t-elle ete brulee?

1952: *Edouard Schneider*. Jeanne d'Arc et ses Lya.

1957: *Jean de Saint-Jean* (*Bernard Jean d'Aulon*): Jeanne.

1960: *Girard Pesme*: Jehanne des Armoises, vraie Pucelle d'Orleans.

1960: *Girard Pesme*. Jehanne d'Arc n'a pas ete brulee.

1960: *Andre Guerin*: Operation bergere.

1962: *Jean Bosler (de l'Institut*): Jeanne d'Arc etait-elle la soeur de Charles VII?

1962: *Claude Pasteur*: Les deux Jeanne d'Arc.

1965: *Maurice David-Darnac*: Histoire veridique et merveilleuse de la Pucelle d'Orleans.

1968: *Maurice David-Darnac*: Le dossier de Jehanne.

1970: *Pierre de Sermoise*: Les missions secretes de Jeanne la Pucelle.

1971: *Jean Bancal*: Jeanne d'Arc, princesse royale.

1972: *Etienne Weill-Raynal*: Le double secret de Jeanne la Pucelle revele par des documents de I'epoque.

1978: *Alain Atten*: Jeanne-Claude des Armoises, de la Meuse au Rhin.

К этому следует добавить переписку Эдуарда Шнайдера и Жерара Песма, которую мы публикуем в Приложении, а также архивы семейства де Сермуаз, боковой ветви семьи дез Армуаз, находящиеся с мая 1979 г. в Национальной библиотеке (Отдел рукописей). Их перечень занимает 11 страниц каталога.

Примечания

1

Jesus ou le mortel secret des Templiers.

2

La vie secrete de Saint Paul.

3

Les lourds secrets du Golgotha.

4

Le vampirisme, de la legende au reel.

5

Cérémonles et rituels de la Maçonnerie symbolique.

6

Crimes et secrets d'État 1785–1830.

7

Цит. по: *R. Ambelain.* Drames et secrets de l'Histoire 1306–1643. P., 1981, p. 345.

8

Ж.Фавр — французский государственный деятель, один из организаторов подавления Парижской коммуны 1871 г. — *Прим. ред.*

9

Франциска — боевой топор франков. Служил официальной эмблемой правительства Виши. — *Прим. перев.*

10

Форс Франсэз де л'Интериор (ФФИ) — крупнейшая военная организация французского Сопротивления, руководимая французской компартией. — *Прим. перев.*

11

Орден св. Доминика — нищенствующий католический монашеский орден, основанный в 1215 г. испанским монахом Домиником. В 1232 г. папа римский передал в ведение этого ордена инквизицию. — *Прим. ред.*

12

Теософия — религиозно-мистическое учение о единении человеческой души с Богом и о возможности непосредственного общения с потусторонним миром. — *Прим. ред.*

13

Апокриф — в данном случае произведение, предполагаемое авторство которого не подтверждено и мало вероятно. — *Прим. ред.*

14

Игра слов: «кошон» (фамилия епископа, судившего Жанну) означает «свинья».

15

Ломбардских банкиров называли также кагорсинами по названию города Кагор, где был открыт их первый банк, который остался в известном смысле головным по отношению ко всем прочим. Здесь же находился основной финансовый центр ордена Храма (орден тамплиеров). Факт, достойный упоминания.

16

Госпитальеры (или иоанниты) — члены духовно-рыцарского ордена, основанного в Палестине крестоносцами в начале XII в. Его первоначальная резиденция — иерусалимский госпиталь св. Иоанна, затем — остров Мальта, а с 1834 г. — Рим. — *Прим. ред.*

17

Об этом проклятии рассказывается в последующих главах книги. — *Прим. ред.*

18

Бочка данаид — в греческой мифологии бездонный сосуд, который должны были вечно наполнять водой в Аиде, царстве мертвых душ, дочери Аргосского царя Даная в наказание за убийство своих мужей. — *Прим. ред.*

19

Симония — в средние века в Западной Европе продажа и покупка церковных должностей или духовного сана. — *Прим. ред.*

20

Салическое право (Lex Salica) — обычное право салических франков, введенное в VI в. и лишавшее женщин права наследовать землю и королевский престол. — *Прим. ред.*

21

Электоры — сановники, имевшие право избирать императора. — Прим. перев.

22

Об этом речь пойдет дальше. — *Прим. перев.*

23

Звездочкой отмечены не указанные автором даты смерти представителей названных династий. — *Прим. ред.*

24

Слово «пайен» означает «язычник». — *Прим. перев.*

25

«Трактат о новом воинстве». — *Прим. перев.*

26

Манихейство — религиозное учение легендарного перса Мани, возникшее в III в.н. э. В основе этой религии заложен дуализм, идея вечной борьбы добра и зла как равноправных изначальных принципов бытия. В I тысячелетии н. э. манихейство распространилось от Китая до Испании, подвергаясь гонениям со стороны христианства, ислама и других религий, а также влияя на средневековые дуалистические ереси. — *Прим. ред.*

27

Место паломничества во Франции. — *Прим. перев.* (На самом деле — в Испании, в Галисии. — *Прим. верстальщика).*

28

Следует также отметить, что выражение «Священная империя» встречается в ритуальных текстах, читаемых при посвящении в некоторые высшие степени масонов. Таким образом, они также не отказались от идеи единой Европы. Известно, что создание *Лиги Наций,* а также и *Организации Объединенных Наций* обязано в значительной степени деятельности масонов.

29

Содомия (зоофилия) — разновидность полового извращения, в частности половое влечение к животным. — *Прим. ред.*

30

Мандрагора — многолетняя трава, корни которой похожи на человеческую фигуру. В связи с этим мандрагоре приписывали с древних времен магическую силу. — Прим. перев.

31

Ряд судебных процессов 1670–1680 гг. об отравлениях, в которых оказались замешаны некоторые высокопоставленные лица, в том числе родственники короля. — *Прим. перев.*

32

Т.е. в Риме.

33

Речь идет о *золотом су,* а не о бронзовом. В ту эпоху золотой су равнялся 1/20 золотого римского ливра.

34

Облатка — у католиков круглый лист из пресного теста, образующий приношение, символ тела Христова, Св. Дары. — *Прим. ред.*

35

Надписи, нацарапанные острым предметом на камне, глине и т. п. — *Прим. перев.*

36

37

Библия. Деяния святых Апостолов (V, 37). — Здесь и далее ссылки на издание: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Юбилейное издание, посвященное тысячелетию Крещения Руси. Издание Московской Патриархии. М., 1988.

38

Ложесна — утроба матери. — *Прим. ред.*

39

Тантризм — одно из направлений в индуизме, отличающееся значительной долей мистицизма и магии. — *Прим. ред.*

40

Приходится признать, что соединение некоторых имен и названий наводит на мысль о вмешательстве *фатума,* рока, которое объяснить невозможно. Карл Красивый, которого отец Филипп IV Красивый сделал *графом де ла Марш,* был обесчещен в глазах общества в связи с *«делом Нельской башни».*

Один из сыновей графа Парижского, Тибо д'Орлеан, был возведен своим отцом в титул *графа де ла Марш.* Он открыл картинную галерею на *Нельской улице,* на том самом месте, где некогда находилась *Нельская башня,* и назвал ее *«Нельская галерея».*

Так вот, 26 апреля 1980 г. он был арестован по обвинению в соучастии в попытке вооруженного ограбления в г. Тарб 31 марта того же года, совершенной директором его галереи и одним рецидивистом. Так что же приносит несчастье, *имена* или *места?* Кстати, в словаре Литре говорится, что слова «галерея» и «галера» происходят от одного корня.

41

На его гербе был изображен «на золотом поле зеленый лев… увенчанный серебряной короной». Род *Пелисье* из Прованса отделился от Брикбеков в XI в.

42

А вовсе не *Мортимера.* Он происходит из нормандского рода, и его предок высадился в Англии вместе с Вильгельмом Завоевателем в 1066 г.

43

В настоящее время, благодаря блестящей работе супруги генерала Маета (см.: «Железная Маска: революционное решение». Издательство «ЧУ», Париж, 1974), известно, что отцом Людовика XIV был Франсуа Доже де Кавуа, капитан гвардии кардинала Ришелье, который действовал по приказу, чтобы освободить Анну Австрийскую от ужасной угрозы, и был убит 17 сентября 1641 г. в битве при Бапоме, в Артуа. Он был также отцом Юсташа Доже де Кавуа, прапорщика французской гвардии, лишенного дворянства за различные преступления и ставшего таинственной Железной Маской, как свидетельствует (см.:

Железная Маска. «Эдисьон де Прованс», Париж, 1965) Марсель Паньоль. В третьем томе мы представим совершенно новые документы по этому знаменитому делу, подвергшему опасности французскую монархию, о чем доселе не было известно.

44

По-видимому, перепутаны названия городов Нофль и Неаполь из-за нечеткого их написания гусиным пером, инструментом для письма тех времен («Неаполь» звучит по-французски как «Напль»).

45

Нам, кстати, известны имена кормилиц королей Капетингов. Кормилица Карла VI звалась дамуазель Жанна де ля Фурньер, кормилица Карла VII — дамуазель Жанна Шамуази, а кормилица Карла VIII — дамуазель Мишель Аллен, жена Жана Аллена, конюшего королевы Шарлотты, супруги Людовика XI. Каждой из них выплачивалась потом пожизненная пенсия, назначенная вскормленным ею королем. Заметим, что они получали также право носить титул «дамуазель» (от «domicella» — «маленькое поместье»), что соответствовало дворянскому званию, потомственному или пожалованному за заслуги.

46

Причисление Жанны д'Арк к лику святых по решению Римской курии, оглашенное 9 мая 1920 г. папой Бенедиктом XV, обошлось французскому правительству в кругленькую сумму — *30 млн. золотых франков,* — ушедшую на покрытие процедурных расходов.

47

Уже начиная с XI в. крепостных почти не оставалось ни в Нормандии, ни в Бретани.

48

Зал Крестовых походов в Версальском дворце представляет собой прекрасный пример фальсифицированной истории…

49

Домреми был леном сеньоров де Бурлемон, связанных с Орлеанским домом.

50

Выражение «бедная женщина» не исключает дворянского звания, хотя бы временно утраченного. Бедность мелкого дворянства — хорошо известный исторический факт. При Людовике XV была в связи с этим создана касса вспомоществования. Необходимость выплаты выкупов разорила множество семей в средние века. Семья Дю Геклена так и не смогла выплатить выкуп за него, и многие знатные господа были в связи с этим вынуждены провести долгие годы в плену.

51

Ее отец звался Н… Уден де Шандивер — то есть из Шандивера, сеньориального поместья, расположенного в бывшем Бургундском графстве, в четырех лье к югу от Доля. Фамилия Уден или Оден вызвала предположение об отдаленных викингских предках, которое породило гипотезу о норманнском происхождении семьи. На деле же этот патроним происходит от германского слова, означающего «владыка», «сеньор». Имя девушки происходит от святой Оды, жившей в VII в. Она была герцогиней Ангулемской, теткой святого Губерта. Вот почему в тогдашних текстах девушка называется Одинетта, а не Одетта. Отец был *конюшим,* который, стало быть, занимал определенную должность при дворе Карла VI. Плохой перевод со средневековой латыни породил легенду о барышнике. В то время ряд членов семейства принадлежал к дому королевы Изабо, и именно она-то и выбрала Одинетту де Шандивер для того, чтобы заботиться о Карле VI. Выдвигаются утверждения (как это делает, например, Франсуа маркиз де Сад в своей *«Тайной истории Изабо Баварской»)* о том, что королева поручила девице довести короля до смерти избытком любовных радостей, от коих он отдал бы богу душу без всякого затруднения, и научила ее «всяким способам

обращаться с ним так, чтобы он этим образом увеселялся так, чтобы он от этого опьянялся и приблизил свою кончину» (цит. соч.: 6-й допрос Буа-Бурдона, 6-я связка судебного следствия, лист 6).

52

Дворец Барбетт находился вблизи перекрестка, образованного улицами Вольных горожан и Старой Храмовой.

53

Мартен Ле Фран, секретарь папы римского Феликса V (иначе именуемого Амадеем VIII Савойским, родственником Девственницы и ее тюремщиком в пору ее пленения в Монроттье), затем папы Николая V, который вел дело по ее оправданию, сообщает нам в своей поэме «Защитник Дам», выпущенной в 1440 г., что Жанна Девственница была

Такой, что за гордого принца сошла бы,

А не за простую пастушку!

(*Процесс*, V, 48).

Приходится допустить, что Мартен Ле Фран, секретарь двух первосвященников, был в состоянии знать множество тайн, касающихся рождения Жанны, и что едва ли он говорил необдуманно. *Он ознакомился со всем делом Жанны.*

54

Королева всегда подписывалась Изабелла, и чрезвычайно редки официальные документы и акты, в которых она именуется Изабо. Такое имя, впрочем, всегда носило более или менее уничижительный характер.

55

17 января по григорианскому календарю. Иначе говоря, ребенку скоро должно было исполниться два месяца.

56

Опираясь на формулу «золотого круга», введенную Метоном, я сделал все необходимые расчеты, чтобы убедиться в этом.

57

Объективности и полноты ради мы обязаны сообщить об одной устной традиции, зафиксированной самыми надежными источниками: в одном замке в Гюйени, в 1936 г., некий морской офицер, убитый при Дюнкерке в мае 1940 г., якобы нашел много архивных средневековых документов, связанных с только что купленной им усадьбой и содержавших некое *командировочное удостоверение* 1407 г., в котором некто, кому оно предназначалось, находившийся в то время в Париже, был призван во дворец Барбетт для того, чтобы принять под свою ответственность младенца, какового надлежало в сопровождении 14 вооруженных людей отвезти в Домреми, в Барруа. Морской офицер, бывший студент Католического института, с трудом расшифровавший тогдашний почерк, потрясенный своим открытием, помчался в Париж и сообщил о нем Монсеньору Бодрийяру, ректору Института, который собрал специалистов, заверивших его в подлинности документа. Его не вернули офицеру, его владельцу. Как мы проверили, все это проходило в католических кругах строгого толка. За неимением других сведений *мы воздержимся от того, чтобы учитывать этот документ.* Мы упоминаем о нем для памяти, *из соображений скромности не упоминая никаких имен,* допуская, что его существование могло быть реальным.

58

Небесполезным представляется уточнить, что Персеваль де Буленвиллье был не только советником, камергером Карла VII и сенешалем Берри, но и связанным с Орлеанским домом через свой брак с дочерью Персеваля де Гурне, *государственного губернатора* вместо

герцога Карла Орлеанского, находившегося в плену в Лондоне. Все время этот Орлеанский дом…

59

Портного звали Жанно дю Симон. За слишком вольный жест Жанна наградила его звонкой пощечиной.

60

Разумеется, в те страшные времена часто случались семейные трагедии, в которых не проявлялось ничего, кроме стремления к выгоде. Но это ограничивалось осуждением на затворничество, взятием в плен, попытками сглазить, спровоцированными несчастными случаями. Никаких злодейских убийств; *в ходе этих преступлений никогда не проливалась кровь.* Во всех умах царил страх перед адом. К счастью, он еще усмирял дикие инстинкты. Библейские слова всегда вовремя звучали в сознании: «Каин, где Авель, брат твой?., голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли…» (Библия, *Бытие,* гл. 4). Иначе говоря, если бы Екатерине Валуа, правившей от имени малолетнего Генриха VI, понадобилось избавиться от своей сестры Жанны, она нашла бы не такие демонстративные способы, как костер.

61

Распространенной ошибкой является утверждение о том, что «старый герб Франции» (усеянный бесчисленными золотыми лилиями) был заменен гербом, «в котором на лазурном фоне три золотых цветка лилии: две вместе и одна отдельно», лишь при Людовике XI в знак почтения перед Святой Троицей. На некоторых документах этот новый герб появился уже при Карле VI.

62

Клинье де Бребан имел право носить эмблему герба Франции в своем личном гербе. Аббат Клод де Вилларе пишет, что он был великим адмиралом Франции и женился на графине де Блуа. Ее лен, разумеется, находился в подчинении герцогов Орлеанских. — См.: Каз. Истина о Жанне д'Арк, 1819, т. II, с. 52.

63

«Когда моя шкатулка пуста, король пополняет ее», — говаривала она.

64

Даже при Генрихе IV в королевской армии было только пять полков: старейший, «Пикардия» (откуда его прозвище: «первый из старейших»); «Шампань», «Наварра», «Французские гвардейцы», «Швейцарские гвардейцы», а также «Королевский дом», состоявший из рот различного типа, в которых дворяне служили без всякого вознаграждения, экипируясь за свой счет, откуда их наименование: *полукольчужники.* Вплоть до революции 1789 г. эти полки сохраняли свое название «старейших» («ветеранов»). Поэтому профессиональные солдаты гордились своей службой в них. Полк «Французских гвардейцев» обладал преимущественными правами над всеми остальными.

65

Во всяком случае, официально…

66

24 июня 1314 г. в Баннокбёрне, в Шотландии, и через год и три месяца после гибели Жака де Моле на костре, Роберт Брюс, король Шотландии, во главе 30-тысячной армии разбил войска английского короля Эдуарда II, втрое превосходившие ее по численности. Эдуард был зятем покойного Филиппа IV Красивого, будучи женатым на его дочери Изабелле, из-за которой возникло «дело Нельской башни». Одержав победу, вечером Роберт Брюс велел капеллану записать типично кельтскую мелодию, которую наигрывали при приближении к противнику волынщики его лучников с плоскогорий. Она стала *Маршем Роберта Брюса,* старейшим военным маршем в мире. 23 октября 1942 г. шотландские полки

маршала Монтгомери прошли под медленные, торжественные, навевающие множество воспоминаний звуки этого марша, прежде чем устремиться навстречу войскам фельдмаршала Роммеля, которым они нанесли сокрушительное поражение в Тунисе, в знаменитом сражении при Эль-Аламейне. Да и в наши дни под этот марш торжественно вступают в ложу высшие масонские чины всех толков, проходя под «стальным сводом» и «скрещенными молотами».

67

Жювеналь дез'Юрсен говорит, что *жезл,* означающий незаконнорожденность Дюнуа, был *серебряным.* Но так как *серебряная связка* уже нарушает герб Франции и выражает отношение к Орлеанскому дому и так как в геральдике металл не накладывается на металл, мы присоединяемся к тем, кто считает этот *жезл* багряным, дополнительно подчеркивающим незаконнорожденность.

68

Племянник Бернара Дю Геклена, потомок Брюмора де Лаваля, породненный с древними семействами Монморанси-Лаваль, Машкуль и Краон, сеньор де Блезон, Шемийе и Ля Мот-Ашар.

69

Знатная семья из Пуатье, ведет свое начало с XI в. Позднее породнилась с Роганами.

70

Отметим, что у Жанны был четко выраженный немецкий акцент, ибо в те времена французский язык еще не подчинялся указаниям областных университетов, выполнявших инструкции министра просвещения. Обычное, весьма небольшое по объему образование давалось в приходах, и учителя — как правило, священники — говорили на местном диалекте, наречии. Так, Жанна произносила *ш* вместо ж, а *т* вместо *д* («Тарк» вместо «д'Арк»). Не будем чрезмерно удивляться этому, ведь еще в XVIII в. в Версале вместо «руа» («король») произносили «руэ»: «Да здравствует король!» — «Vive le roué!» К тому же из рассмотрения краткой родословной следует, что у этой незаконнорожденной королевской дочери 25 % крови было итальянской, 25 — немецкой (от матери — Изабо Баварской) и 50 % — французской (от отца — Луи Орлеанского).

71

Итак, в течение нескольких минут Жанна Девственница являлась королевой Франции. Это тоже примечательно.

72

Согласно «Летописи монаха из Сен-Дени», «король отбыл через три дня после свадьбы, оставив королеву на попечение герцогини Орлеанской и графа д'Э, причем оба они были уже немолодыми» *(указ. соч.).* Нетрудно догадаться, что королеву такое положение дел совсем не устраивало.

73

Видам — наместник епископа. — *Прим. ред.*

74

Агнес Сорель, родившейся в 1422 г., было семь лет, когда в 1429 г. Жанна прибыла в Шинон… Мазарини значительно предвосхищает события.

75

Обычно слова «дядя» или «тетка на бретонский лад» применяются по отношению к двоюродным братьям и сестрам отца или матери. Точно так же «племянниками и племянницами на бретонский лад» называют сына или дочь двоюродного брата или сестры.

76

Вопрос в том, является ли Екатерина де Валуа дочерью Карла VI и Изабо или дочерью Луи Орлеанского и этой же королевы, ничего не меняет в той наследственности, которую ей было суждено передать своему сыну Генриху VI.

77

В *Евангелии от Марка* (V, 9) и в *Евангелии от Луки* (VIII, 30) бесы, вещающие устами бесноватого, заявляют о том, что имя им легион, то есть что их великое множество.

78

Друиды — жрецы у древних кельтов. — *Прим. ред.*

79

В Пуатье Жанна остановилась у Жана Рабато, главного адвоката, в его особняке. В церковную комиссию входили монсеньор Реньо, архиепископ Реймсский и ее председатель, епископ Пуатье, первый ректор Университета Жан Ломбар, каноник Лемарье, кармелит Сеген, бенедиктинец Пьер де Версай, аббат де Тальмон и несколько прелатов духовенства Пуатье. Хор похвал, прозвучавший на последнем заседании, был омрачен только враждебностью Ла Тремоя, бесконечная подлость и предательство которого покарались лишь в июне 1433 г., когда этого любимчика Карла VII похитили люди коннетабля де Ришмона, его покровителя, которого он предал. Ему пришлось выплатить крупный выкуп, чтобы выбраться из темницы и уйти в безвестность.

80

Мы в дальнейшем подвергнем рассмотрению документы, обнаруженные в Ватикане Эдуардом Шнайдером, ныне уже покойным. Они еще важнее, чем даже «Книга Пуатье».

81

Изучение возможных и невольных связей между Жанной и колдовством было предпринято несколько лет назад моим другом Франсуа Рибадо-Дюма. Мне неизвестны его выводы, так как я не читал его исследования. Но мой уважаемый коллега весьма неосторожно предложил его одному из французских крупных журналов, который *купил у него эту рукопись, которая пока не опубликована.* Важно отметить, что главный редактор журнала — тайный камергер Его Святейшества, кавалер нескольких папских орденов.

82

Точности ради напомним, что в походе на Реймс, где предстояла коронация, Жанна и Карл VII провели ночь в Шалон-сюр-Марн. *А уже с 1424 г. видамом этого города был Жан дез Армуаз.* Он оставался им до самой своей смерти в 1439/1440 г. После его смерти эту обязанность епископ Саарбрюкский, которому подчинялось видамство Шалон-сюр-Марн, возложил на его супругу, урожденную Изабеллу де Прон.

В средние века видам представлял епископа и его мирскую власть. В этой связи он командовал его армией. Едва ли будет ошибкой предполагать, что Робер дез Армуаз, *в прошлом — шталмейстер Карла Орлеанского* и родственник Жана, встретился с Жанной по этому поводу. Ведь вполне очевидно, что Девственница и Карл VII заночевали в доме Жана дез Армуаза в Шалоне, сделав остановку в этом городе. Он был старше Жанны на 20 лет. Неизвестно, присутствовал ли он на коронации в Реймсе в качестве вассала герцога Барского Ренэ Анжуйского. Они были не в слишком добрых отношениях. Но ведь Жанна, как уже говорилось, была свояченицей герцога. У этого побочного отпрыска, стало быть, было немало преимуществ в весьма различных областях.

83

Через Аделаис де Вермандуа, супругу Жофруа I, графа Анжуйского, и через их дочь Жиберж Анжуйскую, вышедшую замуж за Гийома II Тайфера графа Ангулемского (IX–X вв.).

84

Робер дез Армуаз овдовел после первого брака, в котором он был женат на Аликс де Манонвилль, и у него от нее был сын Филипп.

85

Минориты — одно из братств ордена францисканцев, первого монашеского нищенствующего ордена, основанного в Италии в 1207–1209 гг. проповедником и религиозным поэтом Франциском Ассизским. — *Прим. ред.*

86

Не забудем, конечно, что *штандарты* и *знамена* очень быстро заняли место *значков* римских легионов, предметов настоящего культа, с искупительными и прочими жертвоприношениями, воскурениями и т. д. Да и поныне знамя полка во всех государствах является священной реликвией. Новобранцам его выносят лишь тогда, когда они в состоянии воздавать ему почести. Оно стоит в кабинете полковника, командующего этим воинским подразделением. У знамени стоит почетный караул из ветеранов, получивших медали и т. д. Потерять знамя для полка — величайший позор. При неизбежной капитуляции его сжигают. В средние века суеверно полагали, что водрузить знамя при атаке на стены города было залогом победы, сеявшим смятение в душах осажденных. Тогда трубы подавали сигнал: «Город взят, город завоеван…», и он повторялся от подразделения к подразделению. Этими традициями и объясняется сверхъестественная сила, приписываемая штандарту Жанны, хоругви св. Дионисия, плащу св. Мартина и др.

87

Инкубы и суккубы — мифические злые духи, дьяволы. — *Прим. ред.*

88

См.: *Э. Литтре.* Словарь французского языка, 1863.

89

Сперва он женился на Анне де Лонэ, умершей в юности; затем — на Анне до Лавьё. от которой у него было двое сыновей: Жофруа и Жильбер. Их род продолжается до наших дней.

90

Мать Генриха VI, потерявшая в 1422 г. своего мужа — Генриха V, Екатерина де Валуа втайне вышла замуж за Оуэна Тюдора, которого убили по приказанию герцога Глостерского. Оуэн Тюдор, джентльмен из Уэльса, принадлежал к одной из ветвей этой династии. От брака с Оуэном у Екатерины де Валуа было трое сыновей, старший из которых, граф Ричмонд, стал отцом Генри Ричмонда, будущего Генриха VII.

91

Жорж Шателен (1415–1475), из дворянской семьи, был на службе у Филиппа Доброго, затем у его сына Карла Смелого. После 1435 г. жил во Франции. Прилагал все силы для того, чтобы сблизить Карла VII и Филиппа Доброго. В 1446 г. вернулся на службу к этому последнему. Выполнял с этого времени тайные дипломатические поручения. С 1456 г. как историограф герцогства Бургундского имел, как можно догадаться, доступ ко многим государственным тайнам. Ими порождены и приведенные стихи…

92

Френ-ан-Вуавр (департамент Мёза) находится в 18 км к северо-западу от Жольни, где и теперь еще возвышается замок сеньоров дез Армуаз.

93

Примерно в 1932 г. скульптор Максим Реаль дель Сарте, президент *Национальной федерации монархистов и уполномоченных «Аксьон франсэз»*, основал так называемую «Ассоциацию соратников Жанны д'Арк», подобие «тайного» общества, объединив в нем с помощью Леона Додэ, бывшего депутата от Парижа, ряд видных деятелей с тем, чтобы в

дальнейшем создать широкую всефранцузскую организацию. Они получили папку из белой кожи размером с бумажник; внутри находился значок монархистов: *лазурный щит с двумя мечами крестнакрест и с остриями, направленными вверх, над которыми изображена голубка, причем все это сделано из золота*. Председатель совета министров Эдуар Эррио был одним из членов ассоциации. Значит, сомнительно, чтобы «Аксьон франсэз» ничего не знала о браке Жанны и о том, что она осталась в живых…

94

Около 12 млн. старых франков, сумма по тому времени совершенно невероятная.

95

Не имеется ли в виду Эмон де Маси, продолжавший любить Жанну? Пьер де Монтон-Монротье якобы поручил ему управлять замком, а сам проживал при герцоге Савойском в Аннеси. Все это вполне возможно.

96

Ни дня «на хлебе и воде»! Как мы уже отмечали, выплачивалась определенная сумма на ее содержание, что предполагало иной режим питания.

97

«Явлена», а не «явилась»…

98

В наше время Сен-Приве — всего лишь квартал в коммуне Монтиньи-ле-Мец, в двух шагах от Меца.

99

См.: Библия, Книга Пророка Иезекииля, гл. 43. Перевод Леметра де Саси. (В русском синодальном издании 50-х гг. — «жертвенник». — *Прим. перев.*).

100

Герб Бланшфоров («на золотом фоне два багряных льва, повернувшихся в разные стороны») первоначально являлся гербом Шабаннов в XI в. В 1554 г. он вновь был использован Франсуа де Шабанном и его потомством с прибавлением имени для старших сыновей. Младшие сыновья сохраняли имя со следующим гербом Шабаннов: «на багряном фоне лев, украшенный горностаевым мехом, вставший на дыбы, высунувший язык, под золотым венцом») и с гордым девизом: «Никогда не уступать!»

101

Город Цюрих, притязавший на наследство графов Тоггенбургских и опиравшийся на помощь Австрии в борьбе против других членов конфедерации, в конце концов потерпел поражение.

102

Вопреки официальной легенде это прозвище принял не его сын Карл Смелый.

103

Это произошло благодаря второму браку его прадеда Эда V де Грансе с Беатрис де Бурбон, оставшейся вдовой после смерти своего мужа — Яна Слепого, короля Богемии, и являвшейся матерью герцога Венцеслава Люксембургского. 1 октября 1439 г. в возрасте 49 лет Родемак умер от чумы.

104

Отметим, что много позднее Пьер Сала приукрасил рассказ Гуффье де Буази, изобразив дело так, будто перед Карлом VII предстала мнимая Девственница, которая понесла за это заслуженную кару, равно как и те, кто был вместе с ней. Два автора — Анатоль Франс и Лефевр-Понталис — справедливо оспорили эту версию.

105

Приходится признать, что всякий раз, когда адвокат Морис Гарсон брался за какую-нибудь историческую проблему, единичными искажениями истины он не ограничивался…

106

У него в свое время состоялся долгий разговор с Жанной в Компьене. Он не мог не знать про их родство…

107

В пору составления этого гербовника графство Перигор принадлежало семейству де Блуа-Пантьевр, хотя Дюнуа, кроме своих многочисленных титулов, носил и титул графа де Перигора.

108

Апологетика — это часть богословия, цель которой — защита христианской религии от ее оппонентов. Конечно, историческая истина не играет в ней никакой роли…

109

Французский язык того времени скорее наталкивает на следующий перевод: «находилась там долгое время»; об этом см.: Словарь старофранцузского языка до середины XIV века (автор А.Ж.Гремас, Париж, издательство «Ларусс», 1970. — *Прим. перев).*

110

Годы ее жизни: 1390–1451.

111

Этими драгоценными подробностями мы обязаны архивисту Великого герцогства Люксембургского Алену Аттену, который провел свое исследование вплоть до Кёльна. См. его работу «Жанна-Клод дез Армуаз: от Мозеля до Рейна», 1978.

112

В то время ее брак делал это прозвище неправомерным…

113

Еще в 1436 г. был учрежден Высший суд при сенешале для борьбы с этими грабежами. Его дополнял реорганизованный королевский суд в виде особых судилищ, именовавшихся «судилищами великих дней» и заседавших в замке Пуатье.

114

Прямой потомок оруженосца Жанны.

115

Грамоты, пожалованные Карлом VII 31 июля 1429 г. «как милость нашей возлюбленной Жанне Девственнице и по ее ходатайству». Отметим необычное обращение, адресованное Жанне: «нашей возлюбленной».

116

В самом деле, как уже отмечалось, братья д’Арк были осыпаны почестями и получили высокие официальные назначения.

117

Дед Карла Орлеанского. Именно ему, как уже говорилось, Персеваль де Буленвиллье сообщил подробности «рождения» Жанны в Домреми.

118

Канун дня, когда праздновался св. Клавдий Тюремщик…

119

Напомним, что Дама дез Армуаз умерла в период между апрелем и июлем 1440 г., так как в *«Счетах Орлеанской крепости»* упоминание об этом датируется 20 августа.

120

О том, что Жанна была королевского происхождения, являясь дочерью Луи Орлеанского и королевы Изабо Баварской.

121

Имеется в виду потеря копии, сделанной Шнайдером (см.: в Приложениях: Письмо Жерара Песма Его Святейшеству Павлу VI.

122

Употреблен устаревший термин «araigne», обозначающий именно «паутину», а не «паучка».

123

В этой же книге я рассматриваю другие случаи подлога: на место сына Марии Стюарт был подложен сын графини де Мар, который впоследствии стал Яковом VI Шотландским и Яковом I Английским; нескольких неизвестных детей — на место юного Людовика XVII, заключенного в парижский Тампль; Луизы-Катрин Ламбрике, незаконнорожденной дочери Людовика XVIII, — на место Марии-Филиппины, незаконнорожденной дочери Людовика XVI, причем первая до этого подменила истинную королевскую дочь (по прозвищу Графиня Тьмы, данному ей в наши дни), которая безвестно окончила свои дни в Саксонии. В эпоху, когда не существовало ни фотографий, ни отпечатков пальцев, и тем более когда речь шла о младенцах, совершить подлог ребенка было делом нехитрым.

124

Кастелян суверена — это не тот, кто менял постельное белье и выносил ночные горшки. Этим занимались комнатные лакеи, тогда как кастелян лишь надзирал за исполнением всех работ в рамках своей компетенции.

125

Малерб писал: «Было безумием похваляться принадлежностью к старой аристократии, ибо чем старее она, тем она сомнительнее. Достаточно было одной лишь похотливой женщины, чтобы нарушить чистоту крови Карла Великого или Людовика Святого. И тот, кто считал себя потомком этих великих героических личностей, на самом деле, быть может, происходил от какого-нибудь кастеляна или скрипача…» (цит. по: *Ги Бретон.* Истории любви в истории Франции, II, 2). Слова «брыжи» и «ангелы» по-французски составляют вместе фамилию лакея — Рабаданж. — *Прим. перев.*

126

Филипп II самоуверенно мечтал утвердить «права» своей старшей дочери, внучки Генриха II, на французскую корону. Он не знал, что салическое право применялось во Франции уже в течение трех веков, а у короля Генриха II было три сына: Франциск II, Карл IX и Генрих III.

127

«Священная лига» — союз, заключенный в 1511 г. (под предлогом борьбы за единство католической церкви) между римским папой Юлием II, Испанией, Венецией, а затем и Англией для вооруженной борьбы против войск французских королей, захвативших часть Италии и удерживавших ее с 1494 г., т. е. с начала Итальянских войн (1494–1559 гг.). — *Прим. ред.*

128

Нантский эдикт завершил Религиозные войны во Франции (1562–1598) между католиками и гугенотами (кальвинистами, протестантами). Католицизм остался господствующей религией. — *Прим. ред.*

129

Мориски — мусульманское население, оставшееся на Пиренейском п-ве после падения Гранадского эмирата (1492) и насильственно обращенное в христианство. — *Прим. ред.*

130

Соединенные провинции — буржуазная республика семи нидерландских провинций, возникла в результате Нидерландской буржуазной революции XVI в. Существовала до 1795 г. — *Прим. ред.*

131

То есть членами упоминавшейся «Священной лиги». — Прим. ред.

132

Консьержери — тюрьма в Париже. — *Прим. ред.*

133

Возможно, Первый председатель намекал здесь на некоторые оправдания и мотивы эротического характера, объясняющие сексуальное рабство, в котором Генриетта д'Антрэг так долго смогла держать Генриха IV, вплоть до того, что он соглашался на все, даже на то, чтобы поставить свою жизнь под угрозу. Не будем этому удивляться. Принц де Конде, отец герцога Энгьенского, умерший по милости своей любовницы Софи Дейвс, бывшей лондонской проститутки, и с помощью ее любовника, признавался своим близким, что терпел иногда от этой дамы даже побои, так как не мог обходиться без особых услуг, которые она умела ему оказывать в области эротики, ему, девятому принцу династии Бурбонов — Конде.

134

Герметика — синоним алхимии и тайных наук (оккультизма), происходит от имени древнегреческого бога Гермеса, которому приписывается создание алхимии («герметического искусства», «герметической философии»). — *Прим. ред.*

135

Синедрион — в I в. до н. э. — I в. н. э., после установления римского господства, — верховный суд Иудеи, заседавший в Иерусалимском храме под председательством первосвященника и находившийся под контролем римского прокуратора. — *Прим. ред.*

136

Нострадамус (Мишель де Нотрдам) (1503–1566) — французский врач и астролог, лейб-медик короля Карла IX, автор знаменитых рифмованных предсказаний — «Столетий», впервые опубликованных в 1555 г. — *Прим. ред.*

137

Парацельс (настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм) — немецкий врач и естествоиспытатель (1493–1541). — *Прим. ред.*

138

Иоахим Флорский (Джоаккино да Фьоре) (1132–1202) — итальянский мыслитель, автор мистико-диалектической концепции всемирной истории. — *Прим. ред.*

139

Тиара — тройная корона папы римского. — *Прим. ред.*

140

Левый портал — портал *астрологии,* центральный портал — *магия,* а правый — *алхимия.* Они расположены в том порядке, в котором изучаются эти три универсальные науки. Именно поэтому в собор входят через левый портал — ворота *астрологии.*

141

Понятие *влажного пути* возникло на основе некоторых алхимических процессов, где основную роль играли *кислоты. Сухой путь* подразумевает привлечение некоего *огня,*

считавшегося активным элементом превращения. Следует напомнить, что в сексуальном смысле *женщина* олицетворяла влажное начало (кислоту), а *мужчина* — сухое начало (щелочь). Отсюда символическое изображение мужчины и женщины на некоторых алхимических гравюрах.

142

Это сражение произошло в 1745 г. и стало одним из кульминационных моментов войны за австрийское наследство. При Фонтенуа французская армия нанесла сокрушительное поражение объединенным англо-голландским войскам.

143

Людовик XV был принят в придворную масонскую ложу «Королевская палата». Церемония была короткой, но, очевидно, оставила глубокий след в душе короля, ведь он тоже «приобщился к Свету…».

144

Нам могут возразить, что король допустил казнь Дамьена, служившего у иезуитов в Париже. Напомним, однако, что приговор был вынесен согласно обычаю парижским парламентом, и он же определил меру наказания. Король не мог в этом случае применить права помилования, поскольку речь шла о покушении на цареубийство. В этом случае король был обязан защищать не только себя, но и будущих престолонаследников. Тем более что попытка цареубийства отягощалась святотатством, т. к. после коронации монарх становился помазанником Божьим. Все это имело очень большое значение в глазах современников… И наконец, первые слова Людовика XV, когда он пришел в себя после покушения, были: «Не делайте ему плохо». Напомним также, что в августе 1762 г., то есть через пять лет после покушения Дамьена, иезуиты подготовили в Артуа новый заговор (см.: Письмо Людовика XV от 31 августа 1762 г.).

145

Большая работа Поля дель Перуджия «Людовик XV» (Париж, издательство «Альбатрос», 1979) полностью реабилитирует этого великодушнейшего монарха.

146

Отрывки, приведенные курсивом, выделены в тексте писем самим Э.Шнайдером.

147

Дословно: «Бог из машины», т. е. имеется в виду «вмешательство высших сил». — *Прим. перев.*